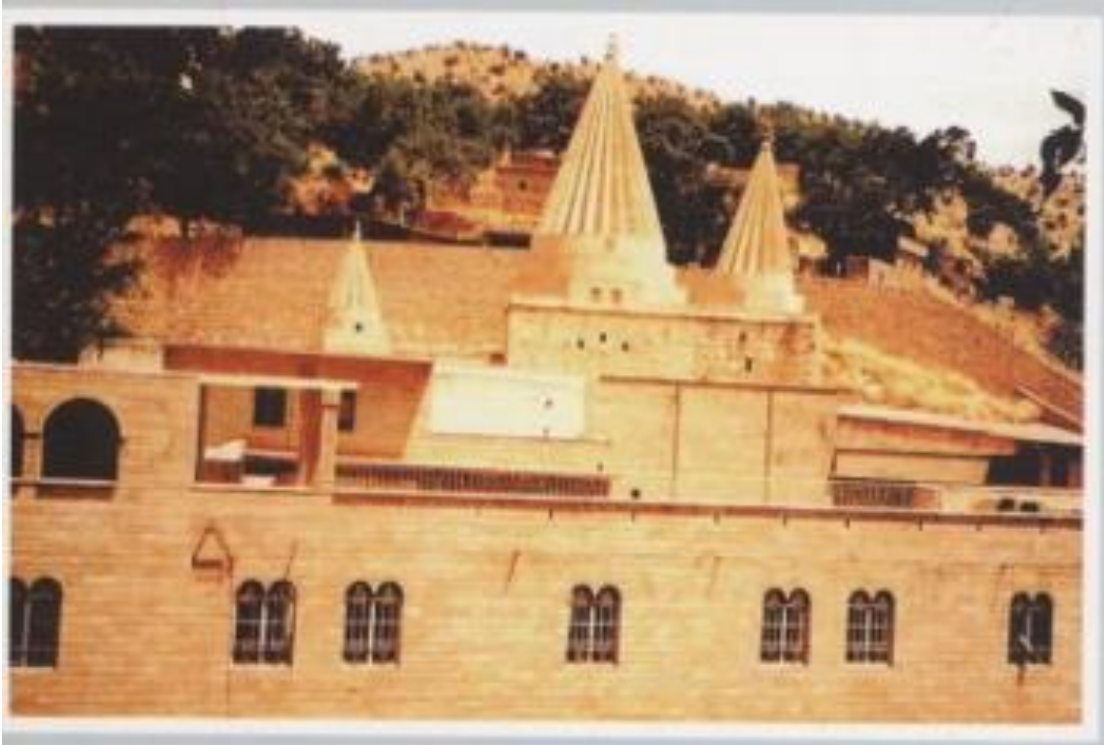

EMINE EVDAL. BAWERMENDIYEN KURDEN EZDI.

АМИНЕ АВДАЛ. *Культы и верования курдов-езидов (очерки)*

Weşanxaneya Akadêmîya Zanyarî ya Komara Ermenîstanê

Yêrêvan 2006

Ev pirtûk sala 2006an girêdayî 100 salîya bûyîna Emînê Evdal ra bi zimanê ermenî çap bûye. Ew bi alîkarî û piştgirîya ewledên êtnograf-kurdzanê kurd yê bi nav û deng Rozayê û Efan ronayî dîtîye

Книга переиздана к 100-летию юбилею **АМИНЕ АВДАЛА**
Курдский перевод Темуре Халила (Мурадова)
Русский перевод Афана Авдали

Շend gotin – Вступительное слово

Долгое время считалась, что рукопись книги «Культы и верования курдов-езидов (очерки)» известного курдского просветителя, литература, этнографа и педагога Амине Авдал была утеряна, вернее считалась таковой... И только благодаря усилиям академика Шахро Худоевича Мгои рукопись была найдена в архиве Института этнографии. Работа была написана на армянском и издана на армянском в издательстве «Знание» АН Армении к 100-летию А. Авдала в 2006 году. Затем работу перевели на русский (Афан Авдали), а Темура Халилова (Мурадова) перевел ее на курдский. Несколько глав электронной версии данной книги на русском были размещены на сайте www.ezid.ru.

С любезного предоставления Афана и Азы Авдали, за что им огромное спасибо, размещаем полную версию на русском языке его книги — «Культы и верования курдов-езидов (очерки)» на страницах нашего сайта.

Говоря о труде Амине Авдала, следует отметить, что к сожалению, у курдов до начала XIX века устное народное творчество по ряду причин не нашло своего широкого отражения в письменной традиции. Сегодня то, что мы имеем и в этом курдский народ в первую очередь должен быть благодарен курдоведам Советской школы в курдской среде в лице таких корифеев, как Аджие Джинди, Амине Авдал, Арабе Шамо, Канат Курдоев, Ордахане Джалил, Джалиле Джалил и многим другим. Именно благодаря этим талантливым сынам курдского народа, нам сегодня удастся восстановить опыленные сединой тысячелетий ненаписанные страницы курдской истории.

Замечательному и талантливому исследователю Амине Авдалу в своей работе удалось создать богатую палитру психологической картины культа и верований исповедующих езидизм курдов. Кроме этнографического и познавательного характера, данная работа еще ценна и тем, что в курдской среде исповедующие ислам, христианства, иудаизм и различные течения религиозных верований с приятным удивлением обнаружат, что культы и верования у курдов-езидов ни чем не отличаются от их собственных, за исключением езидского пантеона, а обычаи и суеверия у всех — общекурдские.

В наши дни в условиях различных спекуляций и манипуляций со стороны не дружественных сил, пытающихся разобщать курдское общество и тем самым помешать интеграционным процессам, ведущим к созданию независимого курдского государства, данная работа также послужит наглядным уроком своей актуальностью.

Амине Авдал в курдской среде является одним из тех ярчайших маяков, которым и следует ориентироваться. Примечательно, что в деревне Рйа Таза /бывший Кондахсаз/ есть школа имени А. Авдала. А. Авдал вместе с А. Джинди и Вазире Набир в 1944 г. составили курдский алфавит на основе кириллицы. Так им было поручено нашими благодетелями. По ходатайству курдской интеллигенции во главе А. Джинди и Бахчое Иско, к тогдашней ЦК КП Армении А. Авдал похоронен в Главном пантеоне Республики Армения.

Его имя уже золотыми буквами написана на светлых страницах истории курдского народа. Исторически сложилось так что, часть нашего народа злым роком разбросаны по всему миру, а наши оставленные на вех континентах могилы — молчаливый укор миру двойных стандартов. Но верить что, недалек тот день, когда на главном Пантеоне Курдистана хотя бы памятники ее величайших сыновей и дочерей, среди них и Амине Авдал, соберутся вместе со всего мира и найдут покой и умиротворения на исторической Родине после их протекающей на чужбине долгой и ностальгической жизни.

Лятиф Маммад

Emînê Evdal karmendekî kûltûra kurdan yê berbiçev bû. Ew nûnerekî wê nisleta ronakbîrên kurdan bû, yên ku di salên 20-30î da ew qewil û şertên li Ermenîstana Sovêtîyê ji bo gelên kêmjimar hatibûn sazîkirinê, bi aqîlanî bi kar anîn û keda mezin kirin di nava pêşdabirina kûltûra kurdan da. Kurdên ku ji zulm û xezeba Tirkîyê filitîbûn û berê xwe dabûne Ermenîstana Sovêtîyê û pîranîya wan kurdên êzdî bûn, li vir ne tenê erf û edetên xwe parastin, lê herwiha kûltûra xwe pêşda birin. Taybetmendîyeke wan deman ew bû, ku ronakbîrên kurd yên kêmjimar mecbûr bûn karên nivîskarîyê, kurdzanîyê, rojnamevanîyê û mamostatîyê bikin.

Di wan salan da Emînê Evdal li her deran xuya dibû: li ocaxa amadekirina kadroyên mîletîyê, ango zanîngeha mamostayan, di rêdaksyona rojnameya kurdî ya "Rya teze" da, di karê amadekirina pirtûkên kurdî yên dersan, berevîkirina zargotinê, xuliqandina têrmînên kurdî û rastnivîsandina zimanê kurdî da.

Lê karê wî yê bîngehîn êtnografîya gelê wî bû, xwesma pîrsên ku bi êtnografîya kurdên êzdî va girêdayî bûn. Gerekê bê destnîşankirinê, ku di navbera êtnografîya kurdên êzdî û kurdên ser dînen mayîn da taybetmendî û wekehevîbûn hene. Lê ew yek jî ber çevan e, ku îslamê tesîra xwe li ser erf-edet û bawermendîyên kurdên êzdî hîştîye. Bi vê yekê va girêdayî bal êzdîyan erf û edetên kurdan yên berî îslamê paqîj hatine parastinê û di hêla zanyarîyê da xwedî qîmetê bilind in.

Van salên dawî derheqa bawermendîyên kurdên êzdî da bi zimanên îngilîsî, almanî, erebî û zimanên din gelek berhemên hêja ronahî dîtine. Gelek giring e bidine kîvşê, ku kurd bi xwe bi pîrsên ayîna dîne kurdên ku musulmanî qebûl nekirine mijûl dibin. Gotina me him derheqa zanyarên kurdên êzdî, him jî kurdên musulman da ne. Û wî karî bi serketinê dikin. Berhemên zaneyên pîrsên bi ayîna dîne êzdîyan va girêdayî, wek Xelîl Cindî, Pîr Xidir û yên din ji zanyarên bi pîrsên dîn va mijûl dibin, nas in.

Îro Kurdîstana Başûr (Kurdîstana Îraqê), ku li ser rîya çêkirina dewleta xwe ye, guhdarîyeke mezin datîne li ser pîrsên êzdîyê. Eva îdî 15 salan zêdetir e, ku li bajarê Dihokê Navenda zanyarî-ronahîdarî ya bi navê "Bîngeha Laliş" kar dike, ku bi pîrsên ayîna dîne êzdîyan va mijûl dibe. Hukûmeta Kurdîstanê qewilên here baş saz kirine bona ew bîngeh bi kardarî bixebite. Weke 30 filîalên vê rêxistinê li cî û wargehên ku kurdên êzdî lê dimînin, hene. Li vir kovara "Laliş" ya zanyarî-kûltûrî çap dibe.

Hewaskarîya ber bi êzdîyê wisa mezin bûye, ku berhema kurdzanê mezin Emînê Evdal ya bi sernavê "Bawermendîyên kurdên êzdî" wê di nav zanyar û xwendevanan da bi dilalavî bê qebûlîkirinê.

Xebata rêdaktorîkirinê û amadekirina vê berhemê ji bo çapê ya serwêrê beşa Înstîtûta Arkêologîyê û Êtnografîyê ya Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê layîqî qîmetê herî bilind e.

Gotina akadêmîk Şekroyê Xudo

Амине Авдал является выдающимся деятелем курдской национальной культуры. Он представлял то поколение курдской интеллигенции, которое в 20-30-х годах в созданных в Советской Армении благоприятных условиях внесло огромный вклад в развитие курдской национальной культуры. Курды, особенно курды-езиды, спасшиеся от турецкого геноцида, нашли на территории Советской Армении благодатную почву не только для обеспечения своей безопасности, но и развития национальной культуры. Особенность деятельности в упомянутый период заключалась в том, что определенная группа молодых интеллигентов одновременно параллельно брала на себя обязанности и функции писателя, курдоведа, журналиста и педагога. Присутствие и участие А.Авдала обозначалось повсюду во вновь созданной кузнице по подготовке кадров - в курдском техникуме, в деле издания газеты "Рйа Таза", в области составления курдских учебников

для школ, собирательства фольклора, упорядочения курдской терминологии и правописания.

В центре его внимания, как курдоведа, находились основополагающие вопросы этнографии, в частности, этнография курдов-езидов. Надо заметить, что этнографическое описание курдов-езидов в контексте этнографии курдов в целом имеет свои специфические особенности. Известно, что исламский фактор, регулирующий почти все аспекты жизни верующих, оказал определенное влияние на уклад жизни курдов-мусульман. В этой связи исключительное научно-познавательное значение имеют сохранившиеся у курдов-езидов явления, характеризующие сущность курдов доисламского периода.

За последние годы вышло в свет множество работ на английском, немецком, арабском и других языках, посвященные вероисповеданию курдов-езидов. Важно отметить, что изучением религиозно-теологических вопросов верования части курдов, не принявших ислам, активно и плодотворно занимаются сами курды. Речь идет о специалистах как среди курдов-езидов, так и курдов-мусульман. Научной среде уже известны определяющие целостную характеристику езидизма работы знатоков основ этого вопроса Исмаила Джинди, Пир Хыдыра и других.

В Южном /Иракском/ Курдистане, переживающем период приобретения государственности, вопросам езидизма и езидства придается особое внимание и значение. Уже 15 лет как в г.Дохуке основан и успешно действует научно-просветительский центр "Бнгаха Лалеш", который занимается религиозно-культурными вопросами езидов. Курдское правительство создало необходимые условия для сохранения и развития деятельности в этом направлении. Эта организации имеет 30 филиалов в местах проживания курдов-езидов. Регулярно издается периодический журнал "Лалеш", освещающий основополагающие вопросы езидизма.

В условиях возникшего интереса к езидизму работа известного этнографа Амине Авдала "Культы и верования курдов-езидов" найдет положительный отклик у научной и читательской общественности.

Особую благодарность необходимо выразить зав. отделом Института этнографии АН Армении Обосяну Сурену за его добросовестную работу в деле подготовки данного труда к изданию в Армении на армянском языке.

Академик АН Армении Ш.Х.Мгои. 12.09.2006г.

*

Karmendê bi nav û deng yê kûltûra û ulmê kurdî

Zulma here mezin ji bo merivayê - şerê hemcihanê yê yekemîn, zirareke mezin gîhande gelê kurd jî, xwesma kurdên êzdî. Di wan salên hele-belê da gelek kurdên êzdî bi ermenîyan ra tevayî bi awayekî ji dest agirê şêr û wehîştîya tirkên mihacirî Ermenîstana Rohilatê bûn.

Xortekî 13 salî jî di nav wan da bû: ew Emînê Evdal bû. Ew sala 1919an bû.

Emînê Evdal di sala 1906an li gundê Emençayîrê, herêma Dîgorê, qezaya Qersê ji diya xwe bûye.

Emînê Evdal sala 1923an li paytextê Gurcistanê - Tbilîsîyê, fakûltêta palan ya bi zimanê ermenî da tê qebûlkinê. Li vira jî ew çavnasî edebîyetê dibe, ku di zarotîyê da xeyala wî bû û zargotina gelê wî di wî karî da gelek alî wî kir.

Piştî temamkirina fakûltêta palan, sala 1926an, E. Evdal diçe gundên kurdan yê navçeyên Aparanê û Talînê da dersdarî dike. Xortê gihîştî û serwext li vir ji nêzîk va bi jîyana gelê xwe ra dibe nas, zargotina gel wî zendegirtî dihêle, her tiştî dike bona şûndamayîn û nexwendîtî di nav gelê wî da bê hîlanînê. Zar û mezinên kurdan di dibistanên kurdî yê gundên kurdan û dayîreyên hîlanîna nexwendîtîyê da hînî xwendin û nivîsara kurdî dibin, ku heta testîqbûna qeydên

Sovêtiyê ew yek ji wan ra wek xewnan dihat. Emînê Evdal hema ev pêşketin di pirtûka xwe ya serpêhatîyan ya bi sernavê “Casim û Tosin” da bi awayekî bedewnivîsarê nitirandîye.

Ji destpêka salên 30î karkirina Emînê Evdal diha berhemdar û adan dibe. Ew di fakûltêta ûnivêrsîtêta Yêrêvanê ya dîrokê da dibe xwendkar. Bi xwendinê ra tevayî ew karê sêkrêtariya rojnameya “Rya teze” dike û heta sala 1964an bi nivîs û şêwrên xwe va alîkarîya rojnameya kurdî dike. Ew li wir dibe nivîskar û wergervan, zimanzan û pêdagog, êtnograf û zanyar.

Ji sala 1931ê heta dawîya sala 1950î ew di dayîreyên kurdan û ermenîyan da (Zanîngeha kurdî ya pêdagogîyê, beşa kurdî ya xwendinxaneya Ermenîstanê ya pêdagogîyê, kûrsên amadekirina mamostayên ziman û edebîyeta kurdî) bê navbirî karê dersdayîne dike û ji bo wî karî sala 1954an navê “Mamostayê emekdar yê Komara Ermenîstanê” didine wî.

Hema ji wî wextî jî ew dest bi karê pêdagogîya zanyarîyê û zimanzanîyê dike. Ew di salên 1932-1936an da bi Hecîyê Cindî ra tevayî pirtûkên dersên ziman û edebîyeta kurdî amade dike. Pirtûka dersan ya bona koma 4an, ku ewî amade kiribû, bi hinek serdazêdekirinan va di salên 1947, 1948, 1951 û 1954an da ronahî dibîne.

Sala 1936an pirtûka wî ya bi sernavê “Mêtođîka hînkirina herfnaskirinê”, lê sala 1937an “Mêtođîka zimanê kurdî” ronahî dibînin û eva dawî bi hinek guhartinan va sala 1953an da jî çap dibe. Bi Hecîyê Cindî ra tevayî ew sala 1936an programa zimanê kurdî bona dibistanên navîn, lê sala 1958an bona dersxaneyên 2-4an amade dike. Hela di sala 1933an da ew û Hecîyê Cindî “Ferhenga ermenî-kurdî”, lê sala 1936an “Ferhenga têrminologîyê” amade dike. Bi vî awayî dest bi hîmdanîna zimanzanîya kurdî dibe û ew kar Emînê Evdal dest pê dike. Sala 1952an pirtûka wî ya “Zimanê kurdî” (gramatîka û rastnivîsandin) çap dibe. Di paşdemê da jî ewî ew kar berdewam kirîye û lêgerîneke nû çap kirîye: “Rastnivîsandina zimanê kurdî û ferhenga rastnivîsînê”. Ewî herwiha rêdaktorî li çend pirtûkên kurdî yê dersan kirîye.

Di wan deman da Emînê Evdal bê westan karê nivîskarîyê û wergerê jî dike. Haya wî rind ji zargotina kurdan ya dewlemend hebû. Ewî gelek nimûnên zargotinê veçêkirine û gelek berhemên edebî nivîsîne. Di salên cuda-cuda da (di salên 1931, 1932, 1935, 1936, 1937, 1956) weke 60 berhemên wî yê edebî derketine, di nav wan da helbest, destan, serpêhatî û yê din û pîranîya wan di berevokên cuda da cî girtine. Ji nav wan yê berbiçev ev in: “Zembîlfiroş”, “Beko”, “Gulîzer”, “Memê û Zînê”, “Evdalê Zeynikê”, “Mehmûd beg û Mûsa”, “Şamê û Zozê”, “Zelîxe û Fetula”, ku hemû jî bi kurdî çap bûne. Ev berhem jî bi ermenî çap bûne: “Anûş garûn” (“Bahara xweş”), “Sîrêrg” (“Sîtirana evîndariyê”), “Garûn” (“Bahar”), “Elegez”, “Komîtas” û yê din. Gelek berhemên wî bi zimanên ermenî û rûsî hatine wergerandinê û ji aliyê xwendevanan da bi dilalavî hatine qebûlîkirinê.

Emînê Evdal bi çend nivîskarên kurd yê bi nav û deng ra ji navê komela nivîskarên kurd ya rex Yekîtiya nivîskarên Ermenîstanê tevî dehrojîyên edebîyet û hunermendîya Ermenîstanê li Moskvayê bûye (di salên 1939 û 1959an da) û li wir ewî destanînen kûltûra kurdan raberî milletên din kirîye. Berhemên wî yê bijare sala 1956an girêdayî wan dehrojîyan ra, bi zimanê rûsî di berevoka bi sernivîsa “Şayîrên kurdên Sovêtiyê” da çap bûne. Emînê Evdal bi H. Cindî, C.Celîl û yê mayîn ra tevayî edebîyeta kurdî bi wergerên berhemên ji rûsî û ermenî va daye dewlemendîkirinê. Ewî berhemên Hovhannês Tûmanyân “Gîkor”, “Se û pişik”, “Xwedî û xulam”, “Maro” wergerandine kurdî, gelek berhemên wî di antolojîya “Berhemên nivîskarên kurdên Sovêtiyê”, cildeya 4an da, herwiha di pirtûka dersan ya bona koma 4an da çap bûne.

Emînê Evdal di helbesta xwe ya “Ji bo Komîtas” da bi qelesa xwe ya adan va rewş û demê kompozîtorê mezin bi hostatî nitirandîye.

Di nîveka salên 1950î da destana Emînê Evdal ya bi sernavê “Gulîzer” ronahî dît. Li wir zanebûnên wî yê di hêla nivîskarîyê-efrandînê da geş xuya dibin. Li wir psîkologîya gelê kurd, deb û erf-edet, evîn û kul-derd, berxwedan û binketinên wê bi hostatî hatine nitirandin.

Têma efrandinên Emînê Evdal jîyana gelê wî, têkoşîna sinifiyê, evîndarî, tebîyet, rewşa jinê, erf-edet û bawermendîya millet, jîyana kurdan ya nû, jina kurd a azad, welatparêzî û întêrnasyonalîzm bû.

Keda Emînê Evdal pir e di karê bi ulmî-zanyarî şirovekirina kûltûra kurdan ya pirsedsalan, erf-edet û rabûn-rûniştina gel da.

Sala 1936an bi saya hereketê Emînê Evdal û Hecîyê Cindî yê bi salan berevoka pirbelge ya "Folkloro kurmanca" ronahî dibîne, ku tê da sertacên zargotin-folkloro me cî digirin.

Pişt ra Emînê Evdal sala 1944an aspîrantûrayê temam dike, dîsêrtasîya xwe dinivîse, dibe doktor û heta kutasîya emirê xwe (sala 1958an) di Akadêmîya Ermenîstanê ya Zanyarî da dibe kurdzan. Ewî weke deh xebatên ulmî nivîsîne. Ji wana yên berbiçev ev in: "Jina kurd di mala eşîrtîyê (patriarkalîyê) da" (Yêrêvan, 1948), "Heyfhildana xûnê di nav kurdan da û hilanîna paşmayînen wan di qewilên Sovêtîyê da" (Yêrêvan, 1952), "Deba kurdên Pişkavkazê" (Yêrêvan, 1957), "Pêwendîyên pismamîyê-qewimîyê di nav kurdan da" (Yêrêvan, 1965, kurmancî), "Kûltûra kurdên Ermenîstana Sovêtîyê" (Yêrêvan, 1960, bi rûsî) û yên din. Ewî dû xwe ra gelek berhemên çapnekirî hîştine, ji wana ya here giring "Bawermendîyên kurdên êzdî" ye, ku niha di destê we da ne.

Emînê Evdal ne tenê zaneyê êtnografîya û zargotina gelê xwe ye, lê ewî herwiha nimûnên ku ji ruh û sewdeyê milletê wî derketîye, bi ulmî şirove kirîye, qîmetê wan yê zanyarîyê dayê û rê û dirbên helkiririn-şimşatkirina wan nimûneyên di qewilên Sovêtîyê da anîye ber çevan.

Bingehê helbestên Emînê Evdal ji kanîya zargotina gelê wî dixulxulin û lema jî berhemên wî bi welathizîyê û biratîya gelan va perwedekirî ne. Ji berhemên wî dêmê Emînê Evdal yê nivîskarîyê, ulmdarîyê, pêdagogîyê, bajarvanîyê tê ber çevan.

Cîyê Emînê Evdal di karê pêşdabirina edebîyeta kurdan, pêdagogî û ulmê kurdî da pir bilind e. Emînê Evdal, Hecîyê Cindî, Erebê Şemo, Qanatê Kurdo û ewledên kurdan yên bi nav û deng bi berhemên xwe va zimanê kurdî yê edebî hel kirin û şimşat kirin.

Profêsor Dêrênîk Vardûmyan

Знаменитый деятель курдской советской культуры и науки

Постигшая человечество беда - Первая мировая война - принесла много горя и страданий и курдскому народу, особенно курдам-езидам.

В те трагические дни значительному числу курдов вместе с частью армянских беженцев с большим трудом удалось спастись от турецких погромов и ужасов войны и перебраться из Западной Армении в Закавказье. Поселились они в Восточной Армении, а часть курдов перебралась в Грузию и Азербайджан. Среди них был и познавший вместе со своим народом все горечи жизни 13-летний А. Авдал. Это было в 1919г.

Юный Амин вместе с другими курдскими и армянскими сиротами нашел убежище сначала в Карсе, затем в Александрополе /ныне Гюмри/ и Джалалоглы /ныне Степанаван/.

После установления Советской власти к участию в общественной жизни вовлекаются и курды, создаются все необходимые предпосылки для перехода к мирному и созидательному труду.

В 1923г. юный Амин вместе со многими как и он жаждущими знаний юношами поступает в Тбилисский армянский рабочий Факультет. Именно в годы учебы в рабфаке начинается оттачивание его литературного вкуса, который у него сформировался еще с детства в родной деревне Яманчаир Тегорского района Карского уезда /где он и родился в 1906г./ в объятиях своего живущего в горах народа, находясь под влиянием его кристально чистой словесности и прекрасных песен.

В период обучения в рабфаке, уже будучи комсомольцем, он проявляет себя как энергичный общественный деятель, принимает непосредственное участие в работе тбилисского курдского клуба и совместно с курдской и армянской молодёжью ведет активную агитационно-массовую работу среди простых курдских и армянских трудящихся.

Сразу же после окончания в 1926г. рабфака А. Авдал приступает к педагогической работе в селах Апаранского и Талинского районов. Уже образованный и зрелый, он в

сельской местности непосредственно соприкасается с самобытным укладом жизни своего народа, знакомится с неповторимым фольклором и одновременно вместе с другими образованными и прогрессивными единомышленниками ведет ожесточенную борьбу с вековым невежеством и отсталостью во имя ликвидации безграмотности и построения новой жизни. В открытых в курдских деревнях в школах на родном языке и пунктах по ликвидации неграмотности дети и взрослые в массовом порядке начинают приобщаться к письму и литературе, чего они до прихода Советской власти были лишены. И их первый лепет в письменном виде был выражен словами: "Ам жи маревен" /Мы... тоже... люди/. Именно этот признак пробуждения курдского народа А.Авдал художественно воспроизвел в своем первом рассказе "Джасим и Тосин" /1924г./.

В деревне А.Авдал принимает активное участие в проводимых с конца 1920-х годов местными партийными и советскими органами работах по вопросам окончательного приучения ведущих кочевой и полукочевой образ жизни и живущих родоплеменными отношениями курдов к оседлой жизни с привлечением их к земледелию через кооперации и первые колхозы в курдских селах.

Жизнь постепенно налаживалась и двигалась вперед гигантскими шагами, однако развитие курдской культуры согласно требованиям времени, соответственно, крайне нуждалось в национальных кадрах.

И вот в 1931г. мы видим А.Авдала в качестве студента исторического факультета ереванского государственного университета. В годы учебы он продолжает заниматься творчеством, одновременно занимает должность ответственного секретаря курдской газеты "Рйа Таза" /Новый путь/. В работах газеты он продолжает принимать участие и в последующие годы вплоть до своей смерти в 1964 г..

Начиная с 30-х годов творческая деятельность А.Авдала становится более плодотворной. С той поры и до конца жизни он проявляет себя в качестве писателя, переводчика, языковеда, этнографа, литературоведа и педагога, и все эти его знания и деятельность параллельно сопровождали друг друга до конца всей его жизни.

С 1931г. и до конца 1950г. он неотрывно занят педагогической работой в Ереванском курдском, а также армянском учебных заведениях /Курдский педагогический техникум, Курдское отделение армянского педучилища, Курсы по переподготовке курдских учителей и т.д./, за что ему в 1954г. присвоено было звание Заслуженного педагога Арм.ССР. С этого времени он включается в научно-педагогическую и лингвистическую работу. Составляет учебники курдского языка для разных классов: В 1932г. /в соавторстве с А.Джнди/, в 1933г., 1934г., 1935г., 1936г. /в соавторстве с А.Джнди/ и в 1937г.. Составленный им учебник для 4 класса с изменениями в улучшенном виде неоднократно переиздавался в 1947г., 1948г., 1951г. и 1954г..

В 1936г. издается его работа под названием "Методика изучения грамматики", а в 1937г. выходит в свет "Методика курдского языка", которая с изменениями и дополнениями переиздается и в 1953г. В 1936г. вместе с А.Джнди он составляет Программы курдского языка для средних школ, а в 1953г. – для 2-5классов. В 1933г. издается "Армяно-курдский словарь в соавторстве с А.Джнди, а в 1936г. "Терминологический словарь" /тоже в соавторстве с А.Джнди/. Таким образом постепенно начинают закладываться научные основы курдской грамматики, результатом которых является вышедшая в свет в 1952г. уже в авторстве А.Авдала работа "Курдский язык" /грамматика, правописание и развитие слова/. И в дальнейшем он не прекращал исследования в этом направлении, написав новую работу под названием "Правописание курдского языка и словарь правописания". Одновременно он редактировал ряд учебников и пособий, вышедших на курдском языке.

В течении этого периода времени в том же темпе продолжается его литературно-творческая и переводческая деятельность. Прекрасно зная многожанровый и богатый курдский фольклор, он литературно обработал ряд наилучших его образцов, написав на их основе самостоятельные произведения. В разное время /1931г., 1932г., 1935г., 1936г...

1955г./ и разными изданиями в свет вышло более 60 художественных произведений - стихи, поэмы, рассказы и др., которые в основном изданы отдельными сборниками. Особенное место своим художественным совершенством и идейной целеустремленностью занимают такие его произведения как "Замбилфрош", "Бако", "Гулизар", "Маме и Зине", "Авдале Зайнике", "Махмуд бек и Муса", "Шаме и Зазе", "Залиха и Фатула", "Чудесная весна", "Песня о любви", "Наши летчики-герои", "Алагяз", "Комитасу", "Весна", "В огне", "Наши корабли", "За честь и Родину" и т.д. Эти и другие его произведения переведены на армянский и русский языки, найдя теплый отклик у читателей. А.Авдал вместе с другими известными курдскими писателями принимал участие в торжествах в Москве по случаю "Дня армянской культуры и искусства /в 1939 и 1956г.г./, где на суд столичной общественности представлял достижения курдской советской культуры. Образцы его лучших произведений вошли в составленный им же в 1956г. сборник "Курдские советские поэты" на русском языке. А.Авдал одновременно обогатил курдскую советскую литературу своими переводами произведений русских и армянских писателей. Его перу принадлежат выполненные еще в ранний период переводы произведений О.Туманяна "Гикор", "Пес и кот", "Слуга и хозяин" и "Маро", а его переводы уже зрелого периода включены в 4-ом издании книги "Произведения курдских советских писателей" и в составленном им же "Учебнике курдского языка" для 4 класса, которые, в частности, бросаются в глаза своим мастерством слова.

В своем стихотворении, посвященном великому армянскому композитору Комитасу А.Авдал простыми, но исполненными нежностью словами сумел показать безграничную непосредственность народного искусства бессмертного Комитаса:

Песнь твоя, Комитас, бездонна и безгранична,
Чары звук ее не насыщают человека.
Исходит она из глубины души
И из сердца простого человека.
Песнь твоя, мастер, приносит с собою
Голос весны с тихой мольбою,
Приносит колосьев шепот нежный,
Да голоса старца и млада стенаний
Плачут небо и дождь в песне твоей,
Выходят реки из своих берегов,
Зовут людей поля издалека
И ласково шепчут везде их уста.

(Перевод дословный)

В середине 50-х годов выходит в свет его поэма. "Гулизар", которая является венцом литературного творчества А.Авдала. В ней обобщены вся психология курдского народа, его быт и обычаи, любовь и горе, борьба и поражения в жестоких условиях прошлого и неугаваемая вера в будущее.

Как уже было сказано, А.Авдалом главным образом написаны были стихи, поэмы и рассказы. Им написаны были также лирические и эпические произведения, в основе которых лежали темы о прошлом его народа, о его борьбе, любви, природе, о положении курдской женщины в обществе, об обычаях и традициях, о новой жизни, патриотизме и интернационализме.

И, наконец, только в условиях советских порядков у небольшой части многомиллионного курдского народа, живущего полноценной жизнью, появилась возможность иметь собственную интеллигенцию, взрастить национальных научных кадров, которые уже научно освещали древнейшую культуру своего народа и способствовали созданию новой культуры. Одним из них был А.Авдал. Он вместе с

другими курдскими писателями и учеными, такими как А.Джнди, А.Шамилов, К.Курдо, Д.Джалил, воссоздал и развил в новых условиях начатое с любовью дело великого армянского демократа-просветителя Хачатура Абовяна в направлении собирательства и исследования курдского фольклора и этнографии. В результате кропотливого труда А.Авдал в 1936г. издает сбор-ник "Курдский Фольклор" объемом в 35 авт, листов /в соавторстве с А.Джнди/. в который вошли жемчужины народного творчества. Затем, окончив аспирантуру и в 1944г, блестяще защитив диссертацию, А.Авдал, уже будучи кандидатом филологических наук, переходит на работу в систему Академии наук, где трудился до конца своей жизни. Он написал более 10 исследовательских работ, из которых наиболее актуальными являлись: "Курдская женщина в патриархальной семье"/1948г./, "Кровная месть среди курдов и устранение их пережитков в советских условиях" /Ереван. 1952г./, "Быт курдов Закавказья" /Ереван. 1957г./, "Родственные отношения среди курдов" /на курдском языке, Ереван, 1963г./, "Культура курдов Советской Армении" /на русском языке, 1960г./ и др. Он оставил также ряд нетипичных работ, из которых наиболее важной является "Культы и верования курдов-езидов", которая в настоящее время готовится к изданию.

А.Авдал, являясь прекрасным этнографом и знатоком курдского фольклора, изучил быт и психологию курдского народа, его культуру и научно показал ход его исторического развития и процессы коренного изменения их жизни в новых условиях.

Во всяком случае, как научным так и художественным произведениям А.Авдала свойственно одно: народность и тонкое ощущение нового. Нектар своих песен поэт Амине Авдал черпал из цветника фольклора, а ученый А.Авдал источником своих мыслей считал быт и обычаи своего народа. Его произведения патриотичны, пронизаны духом братства народов и интернационализма. Именно всем этим и выражена сущность личности А.Авдала - писателя, ученого, педагога и гражданина.

А.Авдал занимает почетное место в деле создания и развития курдской советской литературы, педагогики и науки. По образному определению поэта Н.Заряна, А.Авдал, А.Джнди, А.Шамилов, К.Курдо, Д.Джалил и другие известные сыновья курдского народа являлись первыми подснежниками курдской литературы, "подснежники, которые только-только начинают поднимать свои головы из под плотного льда безграмотности и отсталости". Первые курдские интеллигенты своими произведениями фактически создали, усовершенствовали и отшлифовали курдский литературный язык. Они первые языкотворцы и языковеды. Этим они создали необходимые условия для развития курдской советской науки и культуры. При этом они были первыми пишущими на родном языке писателями, учеными, педагогами и журналистами. Но самая: главная их заслуга заключается в том, что они подготовили молодые национальные кадры - продолжателей начатого ими дела.

Профессор Дереник Вардумян 20 октября 1976г. г.Ереван

*

Keda Emînê Evdal di karê pêşketina kûltûra kurdan, lêgerînên êtnografîya û zargotina gelê kurd, parzûnkirin-analîzkirina wan ya zanyarî da pir e. Ewî qinyat-matêrîyalên vê xebatê hela ji sala 1926an, li hemû cî û wargehên Komara Ermenîstanê yên kurd lê diman, herwiha li Laçînê (Azîrbêcanê) û Gurcistanê destpê kirîye berev kirîye.

Di arşîva Înstîtûta Arkêologîyê û Êtnografîyê ya Akadêmîya Zanyarî ya Komara Ermenîstanê da destnivîsa xebata Emînê Evdal ya bi sernivîsa "Bawermendîyên êzdîyan û berebere hilanîna paşmayînen wan di qewilên Sovêtîyê da" û derheqa wê xebatê da nivîseke rêzkirî ya bi sernavê "Berevok derheqa warên jîyana kurdên êzdî, destpêka cîwarbûna wan û bawermendîyên wan da" têne xweykirin-parastinê.

Emînê Evdal dinivîse: "Armanca me ew e, ku ser bingehê matêrîyalên êtnografîyê, pîranî yên deştê, em bikevine kûraya jîyana kurdan ya eşîrtîyê (patrîarkal), dîrok, jîyan, bawermendî û pîrsên bi ayîna dînê êzdîyan va girêdayî raxine ber çevên xwendevanan".

Gerekê bê destnîşankirinê, ku bi xudanê pirtûkê ra li hev hatîye bawermendî û erf û edetên mîletê xwe bi awayekî ulmî-zanyarî şîroveke. Herwiha kemala vê pirtûkê ya çavkanîzanîyê jî heye.

Ev berhem weke 50 sal berê hatîye nivîsar û lema jî li ser wê mora propoganda Sovêtîyê ya salên 30-40î heye.

Salên pey ra ji alîyê zanyarên kurd, ermenî û mîletên mayîn da lêkolînên teze hatine kirinê û di derheqa gelê kurd, herwiha di derheqa kurdên êzdî da gelek berhemên hêja derketine.

Serdestîyeke zanyarê bi nav û deng Emînê Evdal di wê yekê da ne, ku ewî karibûye kûltûra gelê xwe ya ruhanîyê - erf û edet û bawermendîyên wê - bi awayê zanyarî raxe ber çevan.

Emînê Evdal di vê berhema xwe da kurdan û êzdîyan wek mîletekî dibîne û îzbat dike, ku ew tenê bi dînê xwe va ji hev cuda dibin. Di vê berhemê da binavkirinên wek "kurd", "êzdî", "êzdîyên kurd", "kurdên êzdî" têne bikaranînê.

Emînê Evdal bi gelê xwe, bi mîrata wê ya kûltûrîyê ra amin maye û me jî hewil daye bi wê aminayê berhema wî wek ku nivîsîye bigihînine xwendevanan.

Rêdaktor - doktorê dîrokê S. G. Hobosyan

Амине Авдал внес огромный вклад в развитие курдской культуры и этнографии, а также изучения и научного исследования курдского фольклора.

Материалы данного труда он начал собирать еще с 1926г. в населенных курдами местах в Армении, Лачине /Азербайджан/ и Грузии.

В архиве института истории и этнографии Национальной Академии Наук Республики Армения хранится рукописная работа А.Авдала "Культы езидов и постепенное исчезновение их пережитков в советских условиях" и машинописный вариант этой же работы "Очерки о местах проживания курдов-езидов, их происхождении и культурах".

Амине Авдал пишет: "Наша цель на основании полевых этнографических материалов вникнуть в глубины курдской патриархальной жизни, показать историческое прошлое курдов-езидов, их образ жизни, религиозные пред-ставления и верования."

Следует отметить, что автору удалось ввести в научное лоно свою интересную работу, посвященную изучению культов и верований своего народа, которая имеет также важное источниковедческое значение.

Данный труд написан 50 лет назад и поэтому частично овеян духом советской идеологии 30-40-х годов.

В последующие годы курдскими, армянскими и учеными других стран были проведён ряд новых исследований, в результате чего на свет появились ряд новых работ, посвященных курдскому народу, в том числе и курдам-езидам.

Одним из значительных достоинств ученого заключается в том. что ему удалось достоверно зафиксировать и ввести в научную сферу вопросы культов и верований, которые составляют стержень духовной культуры его народа.

В своей работе А.Авдал ставит различие между курдами и курдами-езидами как этнического сообщества только по признакам религиозной принадлежности, справедливо считая их одним и тем же народом. В данной работе в качестве этнонима применяются названия "Курд", "езид", "курд-езид".

А.Авдал остался верен своему народу, его богатому культурному наследию. Мы же, руководствуясь этим умонастроением, попытались эту работу предложить читателю в неизменном виде.

Pêşgotin

Kurd, herwiha kurdên êzdî, ji gelên Asîya Pêş yên herî kevnare ne. Kurd niha li Îraqê, Tirkîyê, Îranê û Sûrîyê, beşeke biçûk jî li Ermenîstanê, Gurcistanê, Azirbêcanê, Asîya Navîn û Pakîstanê da dijîn.

Sala 1834an, wextê şerê di navbrea tirkan û ereban da, tirkan bona kurdên êzdî bikine bin hukumê xwe, bi destî zorê wana bikine musulman, dest bi xwesorîtiyan û zordestîyan kirin. Çend êl û eşîretên kurdan, wek Rojkî û Sîpikî, ji dest zordariyê warên xwe hiştin û ji Îraqê mihacirî herêma Eyntabê bûn.

Di salên 1877-78an da wextê şerê di navbera Rûsîyayê û Tirkîyê kurdên êzdî ji dest zordestiyên tirkan warê xwe hiştin û mihacirî Qersê, herêma Dîgorê û Vaspûrakanê bûn. Di dema şerê hemcihanê yê yekemîn da ew mihacirî Ermenîstana Rohilatê dibin û li navçeyên Talînê, Aparanê, Hoktêmbêryanê û Êçmîazînê bi cîh dibin, pareke wan jî berê xwe dide Gurcistanê, piraniya wan li bajarê Tbilîsîyê, û heta îro jî li wir dijîn.

Kurd bi heywanxwedîkirinê û xwelîbêcerkirinê va mijûl dibin. Kurdên êzdî, ku bi sedsalan bi ermenîyan û ereban ra jîne, di hêla malhebûnîyê, kûltûrîyê û jîyana rojane da gelek tişt ji hev hîn bûne. Xwesma kûltûra wan gelan ya ruhanî tesîreke mezin li ser wan kirîye. Kurdên êzdî gelek çarîyan wargehên ziyaretî yên ermenîyan û ereban, li wir qurbanan didin û ebabetîyê dîkin.

Kurdên êzdî û kurdên musulman bi kurdî dipeyîvin, eref û edetên wan yek in, pêşiyên wan Mîdîyayî ne, ku ermenî ji wan ra herwiha Mar jî dibêjin, navên wan eynî ne, kinc û bergên wan eynî ne, wergirtina wan wekehev e, lê dîne musulmanîyê di gelek waran da ew dûrî hev xistine.

Ji dîrokê eyan e, ku di sedsala 7an da li perçekî dinyayê dîne Mihemedîyê xulîqî û perveda, perçekî eşîret û miletan bi destî şûr bûne musulman. Piraniya kurdan bû musulman, perçekî biçûk jî - kurdên êzdî, ku li dor û berên zincîra çiyayê kurdan da dijîtin, ji êriş û zordestiyên ereban dûr man, mihemedî qebûl nekirin û heta îro jî ser dîne xwe yê pûtperestîyê mane. Ji ber ku karê wan yê hîmlî heywanxwedîkirin û xwelîbêcerkirin bû, ew di dem û dewrana derebegîyê (fêodalîyê) da dijîtin, di hêla hebandinê da ew ji dîne xwe derneketin. Niha piraniya kurdên êzdî yên Sûrîyê û Îraqê xwelîbêcerkir û heywanxwedîkir in, bi jîyana eşîrtîyê- qebîlîyê û pîsmatîyê-qewimîyê va dijîn.

Serokê kurdên êzdî yê dîni-ruhanî Mîrê wan e, ku li herêma Mûsilê, navçeya Şengalê dijî. Ew her sal qewalan dişîne cî û wargehên ku êzdî lê dimînin bona propogandakirina bîr û bawerîyên Şêxadî.

Di vê berhemê da emê hewil bidin bi nivîsên êtnografîyê, zargotinê bikevine nava kûraya jîyana kurdan ya derebegîyê û gorî wê jî emê ayîna dîne kurdên êzdî û bîr û bawerîyên wan yên dîni raxine ber çevan.

Armanca me ya sereke ew e, ku li ser hîmê îzbatîyên êtnografîyê bikevine nava kûraya jîyana kurdên di dema fêodalîyê û dîroka kurdên êzdî ya buhurî, cûrê jîyana wan, hebandin û bawermendîyên wan raberî we bikin.

Предисловие

Курды, в том числе и курды-езиды, являются одним из древнейших народов Передней Азии. В настоящее время курды компактно проживают на территориях Турции,

Ирака, Ирана и Сирии, а также меньшая часть в республиках Закавказья, Средней Азии и Пакистане.

В ходе турецко-арабских конфликтов в 1834г., используя исламский фанатизм, турки решили подчинить себе курдов-езидов, причинив им значительный моральный и материальный ущерб, в результате чего некоторые курдские племена, рожки и сипки, вынуждены были бежать из Ирака в Айнтабский район.

В годы русско-турецкой войны 1877-1878г.г., находясь под постоянным гнетом гонений и преследований со стороны турецких властей, курды-езиды перебрались в Тигорский район Карской области - в Синап и Ван, а в период первой мировой войны 1914-1918г.г. переселились в Восточную Армению, обосновавшись в Талинском, Апаранском, Октемберянском и Эчмиадзинском районах, а определенная часть - в Грузии, главным образом в г.Тбилиси.

На протяжении многих веков, как и в настоящее время, курды-езиды занимались скотоводством и земледелием. Веками они проживали в соседстве с арабами, турками, персами и армянами, оказавшись поневоле под влиянием как экономических, так и культурных и моральных ценностей этих народов. Большое влияние на них оказали духовно-культурные ценности. Это видно даже из того, что нередко курды-езиды совершают паломничество в святые места арабов и армян, в том числе посещают церкви и места их поклонения, совершая там культовые обряды и жертвоприношения.

Курды-езиды и курды-мусульмане один и тот же народ, говорят на одном и том же курдском языке, у них одни и те же обычаи, их предками считаются мидийцы., которые среди армян известны под названием МАРЫ, однако разные религии отдалили их друг от друга.

Из истории ислама известно, что в 7 веке мусульманская религия в некоторых частях света получила широкое распространение. Многие народы и племена огнем и мечом были обращены в мусульман. Большая часть курдов исламизировалась, а меньшая, курды-езиды, живущие в недоступных горных местностях Восточного Курдистана, остались в стороне от варварских нашествий арабов, - они не приняли ислам и по сей день остались последователями исконно курдского вероисповедания - езидизма. Курды-езиды, если смотреть с точки зрения их верований и поклонений, будучи скотоводами и земледельцами и ведя патриархально-архаический образ жизни, так и не вышли за рамки своих родоплеменных и клановых отношений. В настоящее время курды-езиды Сирии и Ирака в основном занимаются земледелием и скотоводством, живут племенным, кровным и родовым /бар¹и пзмам²/ укладом жизни.

Всеми езидами руководит МИР³/эмир/ - Верховное духовное лицо, которое проживает в Шангалском районе Мосульской области. Ежегодно он посылает в населенные курдами-езидами местности КАВАЛОВ⁴ для проповеди и распространения учений Шейха Ади среди курдов-езидов /обычно курды-езиды его имя произносят слитно: Шехади/.

Имеющиеся у нас под рукой письменные факты, этнографические и фольклорные материалы позволяют нам проникнуть в глубины курдской патриархальной жизни и через это раскрыть религиозные воззрения и верования курдов-езидов.

Наша цель на основании полевых этнографических материалов показать читателю особенности патриархального уклада жизни курдов-езидов, их историческое прошлое, а также религиозные взгляды и верования.

¹ Бар – род, родственно-кровная группа

² Пзмам – соплеменник, единокровник, родственник

³ Мир – букв. эмир, глава всех курдов-езидов

⁴ Кавал – духовное лицо, находящееся на низшей ступени духовной иерархии. Кавалы являются чтецами религиозных песен и гимнов, проповедниками

I. Bawermendîyên kurdên êzdî

1. Malûmatîyên dîrokî, êtnografî û zargotinî derheqa bawermendîyên êzdîyan da

Êzdîtî bi sedsalan ji alîyê desthilatdarîya Asîya Biçûk ya dînî da hatîye zêrandin û bédengkirinê.

Dînê êzdîtîyê di qalibê eşîrtîyê da karê xwe meşandîye û navê „dînê surî“, „dînê şeytan“ û yên din lê kirine, lê dîsa jî heta îro heyetîya xwe parastîye.

Ji demên buhurî, piranî li cî û warên çiyayî, ku rê û pêge li wan deran nediket, ew kurdên koçer û nîvkoçer ne tenê şahidê qewimandinên dîrokî bûne, lê herwiha tevî wan qewimandinan bûne, himberî zordest û zevtkaran şerê ji bo azadîyê û serxwebûnê kirine. Ew têkoşîn di sedsala 10-11an, dema kurdên Merwanî û sedsalên 10-12an da di dema kurdên Şedadîyan da bûye.

Derheqa dîroka pêşîyên vê binemala kurdan ya mezin da, ku pareveyî li ser gelek qebîl û beran dibe, lêkolîneke ciddî tune. Malûmatîyên heyî jî kêr û nivîşkan in, gelek nivîsên li ser kurdan serra-berra ne û bingegehên wan yên zanyarî tunene.

Piranîya malûmatîyên derheqa kurdan yên bi zimanên cuda-cuda nivîsî piranî yên êtnografî ne.

Gelek rêwî û mîsîonêran hewil dane emir û deba kurdên êzdî, bawermendîyên wan lêbikolin, lê ew ji wan ra tam li hev nehatîye, ji ber ku kurdên êzdî guneh dihesibînin, ku surên dînê xwe elamî kesên ne ji dînê xwe bikin. Sebebê vê yekê ew bûye, ku milletên li der û dorên êzdîyan bi dijminayî berbirî dînê wan bûne, ew bi nav kirine wek „peyhatîyên şeytan“, „pûtperest“ û h.w.d. D. Pagîrêv rast dibêje, gava dinivîse: „Heta niha jî bi tu kesî ra li hev nehatîye haj ji surên dînê êzdîyan hebin“.⁵

Derheqa dînê êzdîtîyê da ji berhemên zanyarî pirtir mîf û lêgênd (çîrokên jiberxwe derxistî) hene.

Gorî lêgêndeke wisa, êzdî bi xuliqîn û bawermendîyên xwe va ji gelên cihanê yên mayîn têne cudakirinê. Gorî lêgêndeke 72 kur û keçên Adem û Hewa bi hev ra dizewicin û „nesîyan“ (şûmîyan) dikin. Ji wana gelek „milet“ dertên. Hemû ewledên wana, xên ji yekî, ji Adem û Hewayê bi dûr dikevin, dê û bavên xwe yên bextreş bêxwedî dihêlin. Dê û bavên bedbext dimînin hêvîya ewledê xwe yê nivîşkan Şaydî Bincêr. Hewa îdî pîr bûbû, li Adem xweş nedihat, Adem dixwest bi jineke din ra bizewicîya. Xudayê Melekê Taûs bi rêberîya Ezrayîl horî-perîyekê dişîne bal wî. Dema Hewa wêya dibîne, bal wî şik pêşda tê.

-Adem li ku ye?- Ezrayîl jê dipirse.

-Li mal e,- Hewa bersîvê dide,- min kirasê wî şuştîye, tazî ye, ji mal dernayê, hinekî hêsa bin, ezê wî bişînime bal we.

Mêvan ber malê rûdinên, lê Hewa dikeve hundur û ji Adem dipirse:

-Adem, rast bêje, tu ji min hiz dikî? Eger ez bême bawerkirinê, ku tu ji min hiz nakî, îdî jîyana min badilhewa ye, ezê xwe bikujim.

-Guneh e, Hewa, tiştên wisa nebêje.

-Na, na, tu îdî ji min hiz nakî, emirê min pûç e.

Hewa dest pê dike digirî û hêsiran dibarîne. Adem şaş û metel mabû, nizanibû çawa ber dilê wê da bê.

-Hewa,- Adem dibêje,- bawer bike, ku ez ji te hiz dikim û tu sebeb tune ku ez ji te hiz nekim.

⁵ D.D.Parîrêv. Malûmatîyên Yekîtiya Gêografîyê ya Rûsiya Împêratorîyê ya beşa Kavkazê, cild 14, Tîflîs, sal 1901, rûpel 135.

-De, bi navê Xwedê sond bixwe!

-Ez sond dixum!

-Eger jineke din rastî te bê, li te xweş bê, tu min bernadî, ne?

-Qet tiştên wisa nabe... fikirên wisa ji serê xwe derxe.

-De bi navê Melekê Taûsê sond bixwe.

-Sond dixum.

-De, niha here der va, Ezrayîl gazî te dike.

Adem diçe der va û Ezrayîl bi horîyekê dibîne. Ew teze ser hisehisan dikeve ku qesta Hewayê çi ye, lê îdî dereng bû.

Ezrayîl jê ra dibêje, ku Xwedê ev horî jê ra şandîye, lê Adem dibêje, ku ewî bi navê Xwedê sond xwerîye, ku bi jineke din ra nezewice. Şewra xwe dikin û biryar digirin, ku wê horîye bidine kurê Adem - Şaydî Bincêr.

Û ji wî Şaydî Bincêrî û horîya ji esmanan hatî êzdî dixuliqin⁶.

Gorî lêgêndeke dinê Melekê Taûs êzdî xuliqandîye. Bi daxaza Melekê Taûs xortekî bi navê Êzdî bi horî-pêrîyeke buhuştê (cinetê) ra zewicîye û ji wana êzdî xuliqîne⁷.

Lêgêndeke din jî ya derheqa xuliqandina êzdîyan da me ji zarê (devê) aşiq Ahmê Çolo nivîsîye: „Ser milê qiralekî kubar du mar şîn dibin. Bona xwe ji van maran biparêze, şêx şewrê didine qiral, ku ew bi mejûyên merivan va bidine têrkinê. Qiral guh dide şêxan, bi a wî dike û her roj serê xortekî hildiqetîne û mejûyê wî dide maran. Celat gunehê xwe bi wan xortan tînin, dewsa xortan rojê pezekî serjê dikin û mejûyê wî didine maran. Xortên ji wê xezebê xilazbûyî direvine çiyayên Êzdistanê, û li wir ji zuretên wan êzdî dixuliqin, paşê ew xurt dibin û radibin himberî qiral şer dikin“⁸.

Lêgêndek jî bal farizan heye, ku li wira ji çiyaran ra Kurdistan dibêjin.

Di lêgênda pêşin da navê Êzdistanê tê bîranînê, lê lêgênda dinê da navê Kurdistanê tê bîranînê. Di herduyan da jî behsa xuliqandina kurdên êzdî tê qalkirinê. Li vir tiştê balkêş ew e, ku kurdên êzdî û gelê kurd di eynî demê da xuliqîne û herdu jî eynî millet in. Xênji wê, derheqa hêz û zoraya kurdan da tê gilîkirinê, ku ew çiyayî ne, xurt û mêrxas in.

Kurdên êzdî yên Îraqê ji demên buhurî, di zû da li herêma Şengalê, bakurê Mûsilê dijîn.

Ziyareta Şêxadî, mezelên xunedarên Êzdîyan li çiyayên Şengalê ne. Êzdî her sal diçine wira, qurbanan didin, cejinên êzdîyan pîroz dikin, dua û ebabetî li ser mezelên serekên dîne xwe dikin.

Êzdî bi zimanê kurdî, zaravê kurmancî dipeyîvin, ku tesîra farizî û erebî li ser gelek e. Kêm zanyar li ser dîroka êzdîyan sekinîne. Gorî dîrokzan M. Çamçyan, Vaysêrê alman û yên din kurd, êzdî jî di nav da, di sedsala 10an da xuliqîne. Lê gelek kes himberî vê yekê dertên, wek serekqumandar û rêwî Ksênofon, ku di pirtûka xwe ya bi sernavê „Anabazîs“ da dibêje, ku kurd hela sedsala 5an ya berî dewrana me, ango berî bûyîna Îsa Pêxember, hebûne û navê wan „Kardûx“ bûye.

Profêsor Markwart û akadêmîk H. Manandyan ser wê bawerîyê ne, ku ew kesên di pirtûka „Anabazîs“ da hatine bîranînê, pêşiyên kurdan in, lê bi bawerîya dîrokzan-salnivîsê ereb Masûd pêşiyên kurdan ewledên merivê bi navê Kurd e. Di salnivîsarîya ermenîyan da kurd bi „Miletê Marî“ („Mîdîyayî“) hatine binavkirinê û li ser vê bingehe tê texmînkirinê, ku ew pêşiyên kurdan bûne⁹.

Pirs pêşda tê, gelo kurdên êzdî, ku binecîyên Îraqê û Îranê bûne, Zerdeştî qebûl kirine, an na? Çend zanyar, bê îzbatîyên zanyarî, ser bingehe lêgêndan hatine ser wê bawerîyê, ku kurdên êzdî dîne Zerdeştîyê qebûl kirine.

⁶ Lazo (H.Xazaryan). Înstîtûta Edebîyetê ya Akadêmîya Ermenîstana Sovêtîyê ya Zanyarî, arşîva beşa zargotinê.

⁷ S.A.Yêxîyazarov, Qiseya êtno-hîqûqî ya kurd derheqa êzdîyên Herêma Êrîvanê da. Malûmatîyên Yekîtîya Gêografîyê ya Rûsîya Împêratorîyê ya beşa Kavkazê, cild 13, Tîflîs, sal 1891, rûpel 171.

⁸ Zargotinbêj Ahmê Çolo ji gundê Elegezê, navçeya Aparanê, komara Ermenîstanê gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1940î ji zarê (devê) wî girtîye.

⁹ H.Manandyan. Lêkolînên derheqa dîroka gelê ermenî da. Yêrêvan 1940, rûpel 140.

Nayê înkarkirinê, ku tesîra dînê Zerdeştîyê li ser kurdên êzdî heye, lê em nikarin tam bêjin, ku kurdên êzdî dînê Zerdeştîyê qebûl kirine.

Bawerîya Rojê (Tavê), ku bingeha dînê Zerdeştîyê ye, di nav gelek milletên Rojhilatê, herwiha di nav kurdên êzdî da jî belav bûye.

Wisa xuya ye, ku kurdên êzdî Xudayên farizan - Ahûra Mazda û Ehrîman qebûl nekirine, lê heyetîya ruhber-xudayên qencîyê û xirabîyê qebûl kirine. Di êtnografîya û zargotina kurdan da tu malûmatîyên derheqa hebandina Xudayan da rastî me nehatine, lê derheqa Melekê Taûs û Şêxadî da gelek malûmatî hene.

Ji ber ku kurdên êzdî van Xudayên farisan ne hebandine, lema jî em nikarin bêjin, ku ewana çûne ser dînê Zerdeştîyê. Ew fikira Y. Karsêv şaş e, ku kurdên êzdî pey dînê Zerdeştîyê çûne¹⁰.

Pirs pêşda tê: lê gelo kurdên êzdî çî hebandine.

Kurdên êzdî, xên ji qewimandinên tebîyetê û bûyerên li erş û ezmanan, herwiha Melekê Taûs hebandine, ku ji kûraya sedsalan tê. Di jîyana eşîrtîyê da Melekê Taûs wek melek hebandine, lê paşê wek Xudayê mezin hatîye hebandin.

Heta niha jî Xudayê kurdên êzdî Melekê Taûs e¹¹. Ziyareta Melekê Taûs niha jî di nav kurdên êzdî da wek cîyê buhurtî ye û emê derheqa vê yekê da paşê bi hûrgilî xeberdin.

Hinek kurdên êzdî pêşîyê xwe yê bi navê Êzdî jî Xudayê xwe dibînin. Xudayê Êzdî û Şêxadî li ber parastgeha Lalişê hatine çelkirinê. Ser dîwarên parastgehê nivîsên bi kurdî, bi tîpên erebî kolayî, wek „Melek Êzdî, bira duaya Xwedê li ser te be“, „Şêxadî, bira duaya Xwedê li ser te be“ heta niha jî hene¹².

Beşeke ereban û aşûrî jî goristana Şêxadî ji xwe ra ziyaret dihesibînin.

Ev îzbatî dide kivşê, ku Êzdî, herwiha Şêxadî jî, merivên rastî bûne, ku paşdemê da ew wek Xweda hatine qebûlkin. Gorî lêgêndeke kurdan Êzdî wek Xwedê tê hebandin. Qewileke êzdîyan da tê gotinê: „Êzdî Xwedê ye“¹³.

Di sitiraneke dînî da Êzdî wek alîkarê Xwedê ye, extîyarîyên wî hema bêje weke extîyarîyên Xwedê ye. Di sitiranê da tê gotin:

„Melekê Taûs Xwedê ye
Êzdî jê ra mal û hal e
Ew rûniştîye li erşa ye
Dike ev fermana ye“¹⁴.

Ango, kurdên êzdî pêşîyê xwe yê bi navê Êzdî wek Xwedê dibînin, hêza wî beramberî hêza Xwedê dikin.

Di bawermendîyên êzdîyatîyê da hebandina Şêxadî (Şêx Adî) cîkî berbiçev digire. Şêxadî merivekî dîrokî bûye, melek bûye, êzdî weke Xwedê jê hiz kirine, heta ew kirine Xwedê. Derheqa Şêxadî da malûmatîyên awa hene: ew ji malbeta Adîyan e, kurê Misafir e, di sedsala 12an da jîye, di 90 salîya xwe da li herêma Hekarîyê, devera Mûsilê çûye ser dilovanîya Xwedê.

Sêmyonov nivîsîye: „Di dema serkirdayetîya El-Muktadir Belyax da (sala 295 ya hicrê) nivîskarê kurd yê bi nav û deng Mensûr ul-Xelaç û şêxê sofî Ebdul Qadirê Geylanî jîne. Hema di wan deman da yekî bi navê Şêx Adî hate meydanê, ku xelkê ji der û dorên çiyayên Hekarîyê bû...“¹⁵

Gorî êzdîyan Şêxadî „ji erdan difire ezman“ û bi alîkarîya Melekê Taûs serokatî li cihanê dike. Bal êzdîyan Şêxadî Melekê ku bûye Xwedê ye. Ev yek bal musulmanan jî wisa ye, ku bi

¹⁰ Y.S.Karsêv, Malûmatî derheqa êzdîyên Tirkîyê da, Tîflîs, 1889, rûpel 8.

¹¹ Ziyareta Melekê Taûs niha li kumbeyta êzdîyan ya li gundê Bedrê, herêma Mûsilê da ne.

¹² A.A.Sêmyonov. Hebandina Şeytan bal kurdên êzdî yên Asîya Pêş, Taşkênt, 1927, rûpel 77.

¹³ Binhêre destnivîsên Lazo (Hakob Xazaryan), Înstîtûta edebîyetê ya Akadêmîya Ermenîstanê, arşîva folklorê.

¹⁴ Yê şîrove kir binecîyê gundê Elegezê, navçeya Aparanê Ademê Siltoyê 70 salî ye.

¹⁵ A..Sêmyonov. Hebandina Şeytan bal kurdên êzdî yên Asîya Pêş, Taşkênt, 1927, rûpel 79.

çevê Xwedê li Mihemed dinihêrin. Di dema derebegîya ereban da Mihemed dibe melek û hildifire ezmanan. Derheqa vê yekê da di zargotina kurdan da jî heye, ku Mihemed hilfîrîyaye ezmanan, çûye qatê heftan yê ezmîn, ango qatê herî dawî û li wir li rex Xwedê, ser kursîyê rûniştîye. Xwedê jê aciz nabe, lê hela di ser da jî bi dilekî şa wî qebûl dike.

Şêxadîyê êzdîyan sofî bûye, ewî jîyana dinya ronik hiz ne kirîye. Ew ji wê jîyanê direve, li çiyayên Şengalê bi cî dibe, li wira dijî û li wir parêstghek ava dike û ew heta niha jî tê binavkirinê wek „Mala Şêxadî“ û ziyareta êzdîyan ya sereke ye, wek ku Mek û Medîn bona musulmanan.

Derheqa xwendina Şêxadî da malûmatî tunene. Tê gotin, ku ew şagirtê kesekî bi navê Xaran bûye, lê ne eyan e ka bal wî çî û çiqas wext xwendîye. Tiştê ku bi me va eyan e ew e, ku ewî derheqa qanûnên dîne êzdîyan da kitêbeke bi herfên erebî nivîsîye. Ev kitêb, ku kurdên êzdî jê ra „Mişîr“ dibêjin, di ziyareta Şêxadî da tê parastinê.

Şêxadî nivîskar û belakirê bawermendîyên kurdên êzdî bûye. Gorî malûmatîyên J. Frank, êzdîyên Îraqê dema eyd û erefatan serê xwe dikine ber xwe, bê deng, pante dayî ber bi kitêba ziyaretî diçin, yek bi yek wê radimûsin û bi van gotinan va paşda diçin: „Ya Mişîr, bira rehma Melekê Taûs li ser me be, bila Êzdî, Şêxadî ardimîyê bidine me”¹⁶.

Perçekî ji wê pirtûkê bergirtî (kopîkirî) sala 1946an bal binecîyê gundê Gelto, navçeya Telînê Pîr Ahmed hebû. Rast e, îzin tune tiberkên dîni nîşanî hinek kesên dîn bikin, lê pîr qedirê min girt û nîşan da. Ew nivîsar hema bêje nedihate xwendinê, herf ancax xuya dikirin, tenê xetek hate xwendinê, ew jî ev bû: „Melekê Taûs Xwedê ye“.

Êzdîyên gundê Gelto ber „Mişîr“ temene dibûn (pante didan), ebabetî dikirin û qurban didan. Wana tenê di rojên „Rojîyên êzdî“ û „Rojîyên Xidirnebî“ da „Mişîr“ ji qutîyê derdixistin. Di wan rojên eydan da berî ku „Mişîr“ ji qutîyê derxin, mîyek serjê dikirin, qurban didan, paşê diketine malê û ew kitêb radimûsan.

Şêxadî derheqa erf û edetên êzdîyan, rabûn-rûniştin, dua-dirozgên wan da gelek temî û şêwr bi dû xwe ra hîştine. Gorî merivên ruhanîyê ew hemû di kitêba „Mişîr“ da hene.

Aha hinek ji wana:

1. Êzdî gerekê pey gotinên Melekê Taûs herin, wî bihebînin û ji bo xatirê wî salê carekê qurbanan bidin, bona ew dua li mirîdên xwe bike, daxazên wan bi cî bîne û gunehên wan efû bike.

2. Her sal herine warên ziyaretî û li wir ebûbetîyan bikin, qurbanan bidin bona dilê melekên wir bikin, melekên ku serekê wan Melekê Taûs e.

3. „Mişîr“ ji çevan dûr xweykin, li cîyekî veşêrin.

4. Wextê dewatan û herdem çev bernedine jinên xelqê

5. Ji bo êzdîyan qedexe ye bi miletên mayîn ra bizewicin û mêr bikin, eger bizewicin, an jî mêr bikin, ruhê wan wê here dojhê

6. Miletên mayîn hiz bikin, lê ber wana danexun, xwe ji wan kêmtir nebînin. „Êzdî,- Mîr Îsmayîl dibêje¹⁷, - gerekê qedirê miletên mayîn bizanibin, ji ber ku hemû jî dayîna Xwedê ne”¹⁸.

7. Taûs siyarkirin¹⁹ tenê piştî qurbandayînê dibe.

8. Di dinyayê da çî ku qencî ye, gerekê wêya bikin û derkevîne dijî xirabîyê.

9. Maka heywanan nekujin, heta ku çêjikên wan (berên wan) jê cihê nebûne, kê ku wana bikuje, ewê ber Melekê Taûs cabê bidin.

10. Di nav êzdîyan da mirîd nikarin bi merivên ruhanîyê (şêx û pîran ra) ra bizewicin û mêr bikin.

11. Êzdî gerekê derew sond nexwe.

¹⁶ J.Frank. Scheich Adi, der geosse Heilige der Jezides, Leipsig, 1911, rûpel 104.

¹⁷ Mîr Îsmayîl mîrê êzdîyan e.

¹⁸ S.Kanayans. Êzdî, kovara ”Taraz”, hejmar 4, Tîflîs, sal 1913, rûpel 69.

¹⁹ Taûs siyarkirin cejineke êzdîyan e. Heykelê teyredêya Taûs ya ji sifîrê, ku mîna taûs an jî kewê ye, li ser dar va dikin.

12. Destebirakîyê gerekê qewî xwedî bikin.

13. Destûra êzdîyan tune bi jineke kebîna biyanîyan jê kirîye ra bizewice.

14. Miletê êzdî nemirî ye, tu kes nikare ji dînê xwe derkeve.

15. Ruhê kesên Xwedênenas wê here dojhê.

16. Melekê Taûs nabexşîne derewçîyan, lema jî gerekê timê rastîyê bêjin.

17. Gerekê timê qedirê dê û bavan bigirin, ber wana temene bin, eger wisa nekin wê ber Melekê Taûs cabê bidin.

18. Jîyana li vê dinyayê tiştekî vala ye, gerekê herdem derheqa dinya walî da bifikirin û bona gunehên xwe efû bikin, gerekê timê qurbanan bidin.

19. Xirabî qencîyê tîne, qencî jî xirabî tîne, lema jî gerekê ne gelekî qenc û ne jî gelekî xirab bin, gerekê orte hilibijêrin.

Şêxadî gelek temî û şêwr jî nivîsîne, ku di kitêba “Mişîr” da hene. Lê ji ber ku “Mişîr” nayê xwendinê (ango, destûra xwendinê tune), lema jî piranîya şîret û şêwrên ku Şêxadî hîştine, hatine jibîrkirinê, lê tiştên giring ji zar (dev) derbazî nisletan bûne û heta niha jî kemala wan ya perwerdeyê pir e.

Bona van şêwr, şîret û qanûnên dîndarîyê-olî êzdîyan Şêxadî himberî Xwedê kirine.

Goristana Şêxadî niha jî ziyareta êzdîyan ya sereke ye.

Niha em binhêrin çika qewal Huseyn vê ziyaretê çawa şirovedike: “Ew ocax di gêlî da ne, bi daran va xemilîye, di herdu alîyan da zinarên bilind in, ku ji dûr va bi bedewîya xwe va merivan zendegirtî dihêlin. Bona merivên dîndar yên ji dûr hatî di nav wan zinaran da xan û warên jîyînê hatine çêkirinê. Dîwarên ocaxê bi kevirên zexm hatine çêkirinê. Pencên tavê ji pencereyên mînanî kulekan ra dikevîne hundur”²⁰

Her sal meha îlonê gelek dîndar berevî vira dibin. Li Lalişê ji dîndarên hatî ra cam dibêjin û ev heytehol heft rojan dikişîne. Êzdîyekî bi navê Nebî, ku sala 1909an çûye Lalişê, dibêje, ku dîndar bona gunehên xwe efû bikin, ebabetî li goristanên Şêxadî û Êzdî dikin û qurbanan didin. Ebabetîya mezelan bi şaynetîyeke resmî va tê derbazkirin, bi sitiran, qewil, reqas û lîstikan va. Di sitiranên dînî da pesinê Şêxadî û Êzdî tê dayînê û fikira wan sitiranan ya sereke ew e, ku ew wek Xwedê mezin in. Li jêr em yek ji qewilan tînin:

*“Şêxadî xudanê keremê
Dehar bûye li alemê, le Ecemê
Dehar bûye Batilfar
Lê cem bûne mêrdare
Qest kir heta Hekare²¹
Qest kir heta Lalişe
Ket guhê mire
Çiya Erefatê guşe-guşe”.*²²

Ji vî qewilî xuya dibe, ku Şêxadî bal êzdîyan beramberî Xwedê ye, wek ku em di wê sitiranê da dibînin, tebîyet jî hazir e guh bide wî, xêrhatina wî bike, Şêxadî bi dilalavî qebûl bike.

Li Lalişê piştî ebûbetîyan û qurbandayînan dengê sitiranê disekinî, paşê ji qewalan yekî perçekî qumaş digirte destê xwe, dikire nava ava Zimzimê, alîkî wî girê davîtê û di hewayê da dimilmiland û ew yek nîşana wê bû, ku heytehol xilaz bûye.

Dîndaran destên şêxan, pîran û qewalan radimûsan, ava Zimzimê û xwelîya ji der û dorên ziyaretê bi xwe ra dibirin û ji hev belav dibûn.

Gorî qiseya Nebî, piştî heytehola dînî, gava dîndar îdî ji ziyaretê bi dûr diketin, mîr û serekên ruhanîyê yên mayîn di ziyaretê da diman. Wê demê ji qulçekî ziyaretê feqîrên bi cilên sipî va derdiketin, ebabetîyên olî dikirin, lê jin û mîrên ruhanî distiran û direqîsîn. Paşê feqîran û

²⁰ Qewal Huseynê ji gundê Karvanserayê, navçeya Artîkê, komara Ermenîstanê sala 1928an ji xudanê vê berhemê ra gotîye.

²¹ Hekar gundekî kurdan e li Îraqê.

²² Xudanê pirtûkê sala 1950î li Tbilîsîyê ji zarê Şemîyê Heso nivîsiye.

koçekan di ziyaretê da reqasên eskerîyê û dewatê direqisîn û di nav wan da erf û edetên dînî û ruhanî dihatine xuyakirinê. Feqîrekî gava reqasa "Heyf" direqisî, xudêgiravî bona heyfa xwe jî dijmin hilde, bi şûrê xwe yê darîn va sê caran li erdê dixist û digot: "Min heyfa xwe hilanî" û paşê berê xwe dida heykelê Melekê Taûs, serê şûrê xwe li kevirê ziyaretê dixist, paşê datanî ser xalçeya li erdê raxistî û bi gavên gelek bawer û qeşeng va, kerr û lal jî ziyaretê derdiket. Gerekê bê destnîşankirinê, ku di ziyareta Şêxadî da xên jî heykelê Melekê Taûs, tu heykelekî din, tu wêneyek tune. ²³

Feqîrekî dinê kevezanê sêr di dêst da pêşda dihat, kevezan hildikişande jor, paşê berjêr dikir, digot: "Ya Melekê Taûs, ya Şêxadî û ya Êzdî" û kevezanê xwe li erdê dixist. Ev bûyer dide xuyakirin, ku bi hêz û zoraya kevezana bi sêr, bi komeka Melekê Taûs, Şêxadî û Êzdî erd diqelêşe, pareveyî ser du paran dibe, dijminên êzdîyan hildigire nav xwe, paşê ew erd dîsa tê girtinê. Piştî vê bûyerê feqîr kenê wî li ser dêv, dikeve erdê û çend deqeyan xwe mirî davêje.

Ev bûyerên bi sêr û reqasên dînî, ku heta niha jî li ziyareta Şêxadî têne derbazkirinê, bona wê yekê têne kirinê, ku Şêxadî û Êzdî wek Xwedê mezin bikin.

Qurbanên ku dîndaran didan, piranîya wan para mîr diket, yên din pîr û şêx, qewal û feqîr û koçek di nav hev da parevedikirin.

Gorî qiseya qewal Huseyn, heta salên 1950î li ziyareta Laliş heykelê Şêxadî jî hebûye, ku paşê, di salên 1850-1860an da wînda bûye. Derheqa wê yekê da kalikê wî - qewal Bedîr jê ra gotîye. Gorî wî xizmetkarên ziyaretê yên bi esilê xwe va aşûrî bi daxaza mîsionêrên îngilîs ew heykel dizîne û firotine wan. Windabûna heykelê Şêxadî di nav êzdîyan da bûye mîna şîneke giran. Niha, bi fikira Huseyn, ew heykel di mûzeya Brîtanîyayê da ne.

Wek ku di nav musulmanan da herdem navê Mihemed tê dayînê, wisa jî di nav êzdîyan da navê Şêxadî tê dayînê. Êzdî gotinên wî dubare dikin, mezinaya wî, aqilê ku Xwedê dayê didine kivşê.

Di nav dînê êzdîyan da Melekê Taûs Xwedê ye, lê Şêxadî û Êzdî wekîlên wî ne.

Исторические, этнографические и фольклорные данные о культах и верованиях курдов-езидов.

Существующие в Малой Азии порядки, а также основные религиозные институты - христианство и ислам – постоянно преследовали курдов-езидов и беспощадно их уничтожали.

Езидское вероисповедание по сути замкнуто в своей скорлупе родоплеменного общества, но несмотря на то, что многими оно называлось "религией тайной и сатанинской" и тому подобное, тем не менее сохранило свое существование и по сей день.

Проживающие в непроходимых горных местностях, курды вели в основном кочевой и полукочевой образ жизни. Они являлись не только свидетелями исторических событий, но и непосредственными их участниками, ведя героическую борьбу с захватчиками и притеснителями во имя свободы и независимости.

К этому стремились мирваны в 10-11 в.в., шадатия в 10-12 вв. и так далее.

Об историческом прошлом этих крупных племенных объединений, делящихся в свою очередь на мелкие племена и бары, каких-либо материалов и серьезных исследований нет. Имеющихся исследований мало и недостаточно. Существующие о курдах работы носят в себе мифологический характер и лишены научных оснований. Основная часть литературы о курдах главным образом написана на иностранных языках и написана в ключе этнографических исследований.

²³ Y.S.Karsêv. Nivîsên derheqa êzdîyên kurdan da, Tiflîs, 1889, rûpel 259.

Многие путешественники и миссионеры пытались изучить культуру, традиции и уклад жизни курдов-езидов, а также понять сущность их верований. Но им это удавалось сделать не в полной мере, поскольку езиды считали грехом посвящение чужих в тайны своей религии, так как окружающие их народы враждебно относились к их вероисповеданию, называя езидов "шайтанами", "язычниками", "детьми сатаны" и т.д. Прав Д.Д.Пагриев²⁴, который писал, что "еще никому не удалось глубоко и всесторонне изучить религиозные таинства курдов-езидов".

Тем не менее, попытаемся по этнографическим и фольклорным материалам пролить свет на глубины патриархальной жизни и религиозного верования курдов-езидов.

О религиозном веровании езидов существуют в большей степени мифологические предания и легенды, чем серьезные научные работы.

По одной из легенд езиды своим происхождением и верованиями отличаются от других народов мира. Согласно преданию "Эздиа" у Адама и Хаве /Евы/ было 72 сына и дочери, которые совершили "шалости", поженившись между собой. От них и произошли многочисленные "нации". Все дети, кроме одного сына, покинули родителей, Адама и Хаву, и разбрелись в разные стороны. Несчастные родители, оставшись одни, всю свою надежду возложили на своего сына-калеку Шайди Бынджери /Şeydî Bincêrî/.

К тому времени Хаве уже состарилась. Она перестала нравиться Адаму, который вознамерился жениться на другой. Малакетаус в сопровождении Азраила послал к нему райскую гурию. Увидев их, Хаве заподозрила неладное.

Азраил подошел к ней и спросил:

-Где Адам?

-Он дома, - ответила Хаве. - Я выстирала его рубашку, он сидит дома голый и никуда не выходит. Я сейчас пойду и пошлю его к вам. А вы пока отдохайте.

Гости сели на скамейку у дома, а Хаве вошла в дом и направилась к Адаму.

-Адам, скажи мне правду, ты еще любишь меня или нет? - спросила она. - Если я выясню, что ты меня уже не любишь, то мне незачем жить, я покончу собой.

-Хаве, грех говорить такое.

-Нет, я чувствую, что ты меня больше не любишь, и не хочу больше жить. Хаве заплакала, слезы потекли ручьем. Адам растерянно стоял и не знал как ее успокоить.

-Хаве, - сказал Адам, - будь уверена в моей любви, ничто и никто не помешает мне любить тебя.

-Тогда поклянись богом.

-Клянусь!

-Ты не оставишь меня даже если встретишь другую или если тебе предложат другую женщину?

-Никогда... о таких бессмысленных вещах не думай.

-Тогда поклянись именем Малактауса.

-Клянусь!

-А теперь выйди на улицу, к тебе пришел Азраил.

Адам вышел во двор, где увидел Азраила вместе с одной гурией ангельской красоты.

Только теперь он догадался с какой целью Хаве задавала ему эти хитроумные вопросы.

Азраил сообщил ему, что господь прислал эту гурию для него, однако Адам в ответ сказал, что он поклялся именем бога никогда не жениться на другой женщине. Тогда Азраил и Адам посоветовались и решили выдать гурию за сына Адама Шайди Бынджери. И именно от брака Шайди Бынджери и райской гурии произошли езиды²⁵.

²⁴ Д.Д.Пагриев, Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества, т.14. Тифлис, 1901г., с.135

²⁵ Лазо /А.Казарян/, архив фольклорного отдела института литературы Ам.ССР

Согласно другой легенде езидов создал Малакетаус. Некий по имени Эзди по велению Малакетауса взял в жены одну из райских гурий, потомками которых в дальнейшем и были зачаты езида²⁶.

Следующая легенда о происхождении езидов нами записана со слов народного песнопевца Ахме Чоло в 1940 году в селе Алагяз Апаранского района: "У одного горделивого и надменного царя на плечах выросли две змеи. Шейхи посоветовали царю кормить этих змей человеческими мозгами, чтобы они не укусили его и не убили. Вняв совету шейхов, царь приказал своим палачам ежедневно отрубать головы молодых людей и их мозгами кормить этих змей на его плечах. Но палачам стало жалко молодых людей и поэтому они каждый день резали по барану и на съедение змеям вместо человеческих мозгов приносили бараньи. Спасенные молодые люди убежали в горы Эздистана, где от их потомков и произошли езида, которые в дальнейшем окрепли и вступили в битву с царем-убийцей.

Подобная легенда о происхождении езидов существует и у персов, где эта горная страна называется Курдистаном.

И в том и в другом случае совершенно очевидно, что речь идет о происхождении езидов равно как и всего курдского народа в целом на одной и той же территории.

Курды-езиды Ирака с давних времен проживают в Снджарском районе севернее от Мосула. В горах Снджара находится святилище Шехади с гробницами пророка Шехади и патриарха Эзди. Паломники каждый год посещают святилище, совершая там обряд жертвоприношения и ритуальные действия, поклоняясь могильным плитам Шехади и Эзди.

Езида говорят на курдском языке на диалекте курманджи, который в силу определенных обстоятельств находился под сильным воздействием персидского и арабского языков. Мало кто из ученых занимался изучением их исторического прошлого. Армянский историк М.Чамчян, немец Вайцер и многие другие ученые утверждали, что курды, в том числе и курды-езиды, оформились как народ только в 10 веке. Вопреки этому мнению надо упомянуть и сведения из "Анабазиса" древнегреческого историка Ксенофонта, согласно которым курды существовали еще в 5 веке до нашей эры и назывались "Кордухами"

Профессор Маркварт и академик Г.Манандян упомянутых в "Анабазисе" МАРДОВ считают курдами, а по мнению жившего в 10 веке арабского летописца Масуда праотец курдов - КУРД- являлся сыном МАРДА. В древнеармянских летописях курды назывались "'Азгн марац", на основании чего предполагается, что они являлись праотцами курдов²⁷.

Относительно вероисповедания курдов-езидов часто возникал вопрос: Принимали ли курды-езиды зороастризм или нет, являясь древними жителями Ирака и Ирана? Многие ученые без научных фактов и только на основании легенд делают выводы, что езида принимали зороастризм и их основное вероисповедание - это зороастризм. Влияние зороастризма на езидов неоспоримо, однако утверждение, что они исповедовали зороастризм, является ошибочным. Поклонение солнцу - это стержень зороастризма и как важный элемент пантеизма еще с давних времен отмечался как у многих восточных народов, так и у езидов.

Езида не поклонялись персидским богам Ахурамазде и Ахриману и не считали их божествами, хотя и признавали существование добрых и злых духов. В курдских преданиях и фольклоре никаких сведений или упоминаний о почитании этих божеств нет, тогда как имеются многочисленные упоминания о Малакетаусе и Шехади. Следовательно, если езида не веровали в этих богов и не поклонялись им, то и нельзя утверждать, что они

²⁶ С.А,Егиазаров, Краткий этнограф. Юридический очерк езидов Эриванской губернии. Записки Кавказского отдела Императорского географического общества, кн.13. 1831г., с. 171.

²⁷ Г.Манандян, Исследовательский обзор истории армянского народа, Ереван. 1940г., стр.70 (на арм. яз.)

исповедовали зороастризм. Отсюда следует, что утверждение Ю.С.Карцева²⁸ о том, что езиды были приверженцами зороастризма, является безосновательным.

Езиды помимо поклонения природным предметам и явлениям почитали также Малакетауса²⁹ и корни этого поклонения надо искать в глубинах родоплеменного общества. В период родоплеменного общества Малакетаусу поклонялись в качестве тотема, а в дальнейшем после его распада поклонялись уже как идолу. И по сей день в основе верования езидов лежит поклонение Малакетаусу³⁰ и оно очень сильно поддерживается езидами Снджарского района Ирака.

Одним из элементов поклонения езидов является обожествленный ими их патриарх Эзди. Шехади и Эзди погребены у стен храма Шехади в Лалеше, которых езиды и по сей день глубоко почитают. На стенах храма до сих пор сохранились надписи: "Эзди, да будет на тебе благословение Бога" и "Шехади, да будет на тебе благословение Бога" / Эти надписи выполнены на курдском языке арабской вязью/.

Данный факт показывает, что Эзди и Шехади были реальными смертными людьми, а уже в дальнейшем обожествлены. В курдской мифологии Эзди как и Мухаммед у мусульман лицо обожествленное. В одном из езидских каулов³¹ сказано: "Эзди - Бог"³² /Ezdî xodêye/.

В другом религиозном кауле Эзди показан в качестве помощника бога, который имеет почти равные с ним права. В гимне говорится:

*Melektâûs xudêye,
Ezîd jêra mahûleye,
Ew rûnştya erşeye.
Dike ew fermanaye.*

*Малактаус – Бог,
Эзид ему помощник,
Восседает на небесах,
И отдаёт приказы.*

Таким образом, езиды своего патриарха Эзди наделяют божественными свойствами и функциями.

В религиозных верованиях езидов важное место занимает поклонение Шехади /Шейх Ади/. Шейх Ади /Шехади/ был исторической личностью, считался пророком, которого езиды также наделили божественными свойствами. О жизни Шейха Ади сохранились следующие сведения: Он из поколения племени Ади, сын Мусафира, жил в 12 веке. Умер в 90-летнем возрасте в Хакиярском районе Мосульской области. Был проповедником и реформатором езидского вероучения.

А.А.Семенов писал: "В период правления Аль Муктари Беляхи /Хиджра 295г./ жили курдский писатель Мансур уль Халач и суфий Шейх Абдул Кадири Гилани. И именно в тот период объявился некий человек по имени Шейх Ади, который пришел с гор Хаккияра".³³

По представлению езидов и существующему поверью Шехади вознесся на небо /jî erdê difire ezmin/ и оттуда с помощью Малакетауса правит миром. Для езидов Шехади

²⁸ Ю.С.Карцев. Заметки о турецких езидях, Тифлис, 1889, с. 8

²⁹ Малактаус /Малак Таус/ - букв. ангел-павлин, главный и первый созданный богом архангел, обладает большой силой и властью, обожествлен и возведен до уровня бога.

³⁰ Изображение Малакетауса сейчас хранится в езидском храме в с.Баадр Мосульской обл.

³¹ Каул – религиозный гимн, песнопение

³² См. рукописи Лазо ,Акопа Казаряна/ фольклорный архив института литературы Арм.ССР

³³ А.А.Семёнов, Поклонение сатане у переднеазиатских курдов-езидов, Ташкент, 1927г, с. 77.

святой пророк. Аналогичное явление мы наблюдаем и в исламе в отношении пророка Мухаммеда. В период арабского феодализма мусульманский пророк также был обожествлен и вознесен на небеса. Согласно фольклорным материалам и толкованиям Мухаммед после вознесения на небеса поднялся на самый последний верхний этаж и уселся в кресло рядом с богом. Бог не возмутился и не рассердился на него за его поступок, а принял его с любовью.

Шехади был приверженцем суфийских ценностей, отрицая мирскую жизнь. Уйдя от реальной жизни, он поднялся в Снджарские горы и поселился в храме, который в дальнейшем был назван его именем - Мала Шехади /Дом Шехади/. Этот храм Шехади для езидов является святым местом как и Мекка и Медина для мусульман.

Отдельных письменных сведений о просвещенности Шехади не имеется.

Существует мнение, что он был учеником некоего писаря Харана. Однако нет данных о том, сколько времени и чему он у него обучался. Только известно, что его перу принадлежат трактаты о религиозных законах езидов в его книге под названием "Мшир" /"Книга Откровений"/, которая в рукописном виде хранится в храме Шехади. По сведениям Д.Франка иракские езиды во время религиозных праздников /группами из 10-15 человек/ на коленях, безмолвно и с опущенными головами приползали к священной книге, целовали ее и уходили обратно со словами на устах: "0, Мшир, да будет милостив к нам Малакетаус и да помогут нам Эзди и Шехади"³⁴ /Ya, mşîr, bira rehma Melekêtaûs ser me be, bira Ezdî û Şêxadî erdmîyê bidin me/.

В 1946г. переписанный отрывок из этой книги хранился у Жителя с.Гялто Талинского района Армении - духовного лица, пира Ахмада. Несмотря на существующий запрет выставлять напоказ эту религиозную книгу, пир Ахмад тем не менее уважил мою просьбу. Из-за ветхости текст писания почти не прочитывался, буквы еле-еле проглядывались, с трудом удалось прочитать следующее выражение: "Малакетаус – бог" (Malaketaûs xudêye). Жители с. Гялто склоняли головы перед "Мширом", в ее честь совершали обряд жертвоприношения. "Мшир" извлекался из сундука только в дни праздников "Рожие Эзди" и "Рожие Хыдырнаби". Перед тем, как извлечь "Мшир" из сундука, резали жертвенных баранов, затем поочередно входили в дом и прикладывались к книге.

После своей смерти Шехади оставил множество заветов и наставлений относительно общественного устройства езидов, основав моральный кодекс, регулирующий отношения между людьми, и религиозные законы. По утверждению езидского духовенства, все это обобщено в "Мшире". Вот некоторые из них:

1. Езиды должны следовать Малак Таусу, почитать его и в его честь раз в год приносить в жертву животных, чтобы он одарил их своей милостью, исполнил все желания и отпустил грехи.

2. Каждый год надо посещать священные места, молиться и совершать обряд жертвоприношения, дабы умиловить духов, которыми правит Малак Таус.

3. Хранить "Мшир" в тайне.

4. Во время праздников, да и вообще, нельзя заглядываться на чужих жен.

5. Езидам запрещено вступать в брак с представителями иных наций, в случае такового их душа окажется в аду.

6. Надо уважать людей другой нации, но не сгибаться перед ними. "Езиды, - говорит Мир Исмаил, - должны уважать другие народы, потому что все люди существуют по божьей воле".

8. Тауса следует усаживать в седло только после совершения обряда жертвоприношения (выражение "усаживать Тауса в седло" означает водружение изображения птицы Тауса из меди в образе павлина или голубя на деревянную подставку, которое после этого в дни праздников и сбора подношений носят по езидским селениям).

³⁴ J.Frank, Scheich Adi, Der geosse Heilige der jezides, Leipzig, 1911, p. 104.

9. Надо следовать всему тому, что приносит добро. Со злом надо бороться.

10. Нельзя убивать животных-самок, вынашивающих потомство, чьи детеныши пока еще не выросли и не покинули их. Убийцам таких животных придется держать ответ перед Малакетаусом.

11. Женщинам и мужчинам разных каст езидского духовенства запрещается вступать в брак между собой. Представителям духовенства нельзя вступать в брак с мридами (мирянами).

12. Езид не должен делать лживое клятвопринижение.

13. Надо крепко сохранять дружбу и братство (*destebratî*).

14. Езиды не вправе брать в жены чужую нареченную.

15. Езидская нация вечна, и никто не имеет права покидать свой дом (здесь имеется в виду, что никто не вправе менять свою веру).

16. Душа неверующего попадет в ад.

17. Нельзя лгать, потому что Малак Таус не прощает лжецам.

18. Всегда надо уважать родителей и почитать их, иначе придется держать ответ перед Малак Таусом.

19. Жизнь в этом мире – путстота, надо всегда думать о загробной жизни и для облегчения грехов надо совершать обряды жертвоприношения.

20. Ровно как добро может обернуться злом, так и зло может обернуться добром. Поэтому нужно придерживаться середины.³⁵ Шехадид оставил и другие заветы и наставления, которые изложены в “Мшире”, но поскольку на чтение “Мшира” наложен запрет, большая часть, в том числе и реформированные им законы, преданы забвению, а их типичные образцы, имевшие в жизни более практичное применение и значение, передавались из уст в уста, сохранив свою силу среди верующих.

На основании этих наставлений, заветов и составленных религиозных законов езиды причислили своего пророка Шехадид к лику святых, превратив его в предмет поклонения.

И по сей день храм Шехадид в Лалеше для езидов считается главным святилищем. Вот как описывает этот храм кавал Хусейн: “Святилище расположено в ущелье с остроконечными и похожими на зверей скалами и скрыто деревьями, производя на людей таинственно-загадочное впечатление. Между этими скалами для прибывающих издалека паломников построены хижины. Стены храма покрыты толстым слоем влажной замшелой плесени. Сквозь маленькие, похожие на дымоход отверстия проникают лучи света³⁶”.

Каждый год в сентябре к святилищу стекаются паломники (как мусульмане в Мекку). В Лалеше это паломничество называется «Джами» и оно продолжается в течение трех дней. Один из езидов по имени Наби, побывавший в 1909г. в Лалеше в дни паломничества, рассказал, что все паломники во имя отпущения грехов поклонялись могилам Шехадид и Эзида, принося в жертву животных. Эти ритуальные обряды происходят в торжественной обстановке и сопровождаются исполнением религиозных гимнов, танцами и играми. Кавалы играют на даф и шебабе (бубен и флейта). В песнопениях воздается хвала Шехадид и патриарху Эзиду с упоминанием их божественных качеств. Вот один из таких каулов (гимнов):

*Sêxadî xudanê k' eremê
Dîyar bûye li elamê, li ecema,
Dîyar bûye Batlfarê
Li ceme bûn mêrdara,
Xwest kir here h'ekkiyerê,
Xwest kir here lalişê,
Ber guhê mîra ket li tebîyetê,
Li çyaê E' refatê bû gûşe-gûşe.*

³⁵ Ст. Канаянц “Тараз”, Тифлис, 1913г. №4, стр. 69

³⁶ Со слов кавала Хусейна записал автор в 1928г. в селе Карвансара Артурского района.

*Шехади – властитель добра,
Явился он миру и персам,
Появился он Батлафаре,
И апостолы собрались вокруг него.
Возжелал – пришел в Хакяр³⁷,
Возжелал – пришел в Лалеш.
Донеслась весть до ушей миров,
Отдавшись эхом в горах Арафата.³⁸*

Из этого каула видно, что Шехади езидами отнесен к святым, потому что как следует из гимна, вся природа готова услышать о его пришествии, вещая об этом эхом и следя за каждым его движением.

“В Лалеше, – продолжает Наби, – после завершения обряда жертвоприношения прекращается музыка, затем один из кавалов берет лоскуток ткани, замачивает его в роднике Зимзим, привязывает к концу палки и начинает ею размахивать. Это означает конец обряда. Далее паломники поочередно целуют правую руку шейхов, пиров и кавалов, набирают в посуду воду из родника Зимзим, и, взяв по горсточке земли возле храма, начинают расходиться”.

По словам Наби, после завершения исполнения ритуальных обрядов паломники удаляются от святилища, а мир (эмир) и другие духовные лица остаются в храме. В это время из одного из углов святилища появляются факиры³⁹, облаченные в белое одеяние, которые приступают к исполнению магических действий, а мужчины и женщины (из числа духовенства) начинают петь и танцевать. Затем внутри храма в присутствии зрителей факиры и кочаки⁴⁰ исполняют воинственные и свадебные танцы, в которых отмечаются следы обычаев глубокой древности и магических ритуалов. Так, при исполнении в храме танца “Хайф” (означает “месть”), один из факиров якобы с целью отмщения врагу деревянным кинжалом трижды ударяет по земле и произносит: “Я отомстил”(min heufa xwe hilanî), после чего поворачивается лицом к статуе Малакетауса, берет один из трех лежащих в храме маленьких камней, проводит по клинку, затем кладет его на устланный в храме ковер и, степенно шагая, с какой-то таинственностью на лице, безмолвно выходит из храма. Интересно, что в храме Шехади, кроме статуи Малакетауса, никаких других скульптур или изображений не имеется. Потом вперед выходит другой факир с магическим жезлом (посохом) в руке, который, поднимая и опуская его, произносит “О, Шехади! О, Эзид! О, Малакетаус!” (Ya Şêxadi! Ya Ezdî! Ya Melekêtaûs!) и ударяет им о землю.

Этим ритуальным действием объясняется, будто силой магического жезла (посоха) и с помощью Малакетауса, Шехади и Эзида земля раскалывается, проглатывая врагов езидов, и вновь смыкается. После этого факир с улыбкой на лице падает навзничь и в течение нескольких минут притворяется мертвым.

Совершаемые и по сей день ритуально-магические обрядовые действия и танцы в храме Шехади сопровождаются молитвенными песнопениями и прославлением Шехади и Эзди.

Большая часть подарков, преподнесенных паломниками храму, причитается Миру, а остальную часть делят между шейхами, пирами, факирами и кочаками.⁴¹

³⁷ Хакяр – населенная курдами местность в Турции.

³⁸ Со слов сказителя Шамиа Хасо записал автор в г.Тбилиси в 1950г.

³⁹ Факир – букв. бедняк. Представитель низшего духовенства.

⁴⁰ Кочак – прорицатель, отшельник.

⁴¹ Ю.С.Карцев, Заметки о турецких езидах. Тифлис. 1889г., с.259

По словам кавала Хусейна в 1850г. в храме в Лалеше находилась статуя Шехади, которая примерно в 1850-60гг. бесследно исчезла. Об этом ему рассказывал его дед кавал Бадыр. С его слов находящиеся в обслуживании храма ассирийцы по требованию английских миссионеров украли эту статую и продали им. Похищение статуи Шехади ввергло езидов в траур. По утверждению кавала Хусейна, в настоящее время это статуя хранится в Британском музее.

То, что Шехади не был вымышленным мифическим лицом, а существовал, как реальный человек и уже потом был признан святым и пророком, является неоспоримым фактом.

Как имя Мухаммеда постоянно звучит на устах мусульман, так и имя Шехади не сходит с уст езидов, которые повторяют его слова и основы его учения, отмечая при этом особенности его сверхъестественной силы.

В езидизме Малакетаус является главным богом, а Шехади и Эзди вторичными божествами.

2. Hebandina ruh (Ruhparêzî)

Ruhê nemir û emirê li wê dîne

Bal êzdîyan ruh mîna mûyekî ye tiştêkî nebînayî ye, ku dikare ji canê merivan derkeve û carek din bikeve canê wan. Gorî dîndaran, ew yek di xewnê da jî dibe, dema ruh ji canê merivan derdikeve, li cihanê digere û carek din vedigere cîyê xwe yê berê, ango canê merivan. Kurdên êzdî ser wê bawerîyê ne, ku di canê merivan da tenê ruhek heye.

Gorî bawerîyên kurdên êzdî alan ew dengê wan ruhan in, ku xwe di nav keviran da, zinaran da, darsitanan da û çîyan da veşartine. Gorî wana ruh emir dide merivan, heywanan, teyredeyan, hêşinayê û bi serê xwe ye, tu eleqê wî bi canê merivan va tune ye, ew him di wextê xewê, him jî piştî mirinê ji canê merivan dertê. Gorî êzdîyan wextê mirinê Ezrayîlê ruhîstîn ruh ji can derdixê.

Gorî şêxên êzdîyan piştî ku ruhê merivan ji can dertê, dikare derbazî nava canê terewilan, nava hêşinayê be û Ezrayîl biryar dide ka ew ruh wê here buhuştê, an dojehê.

Ew yek, ku ruh bi destî Ezrayîl ji canê merivan dertê û hildiqoşe ezmanan, di qewilên êzdîyan da jî hene. Di wan da tê gotinê:

*„Rojek ji rojan e
Mûsa⁴² kurê Amrîan e
Axir Ezrayîl lê bû mêvan e:
-Were ji min bixweze, te çî xizmet e
Min te kişandîye hêrat e.
Ezrayîl go:
-Ezê ruhê te bikişînim“⁴³.*

Ev bawerî bal êzdîyan wisa xurt bû, ku wexta nexweşê ber mirinê ruhê xwe dida, ber wî tu kesî deng nedikir, ku ruh bi destî Ezrayîl bi awayekî hêsa ji qelbê nexweş derkeve.

Tenê pey mirinê ra hazir bi dengê bilind û bi qareqar dikirin hewar û gazî, digirîyan, ji ber ku gorî êzdîyan Ezrayîl îdî ruhê wî ji canê wî derxistibû, biribû.

Gava piştî mirinê çevên merivê rehmêtlêbûyî vekirî diman, êzdîyan bawer dikir, ku ruhê wî hela ji dinyayê têr nebûye.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku di dema çelkirinê jî ruh ser demekê dîsa dikeve canê rehmetî, paşê ji meytê wî dertê û hildifire ezmanan. Ruh dema ji devê mêriv dertê, dora meytê xwe

⁴² Mûsa milyaketekî êzdîyan e.

⁴³ Gotîye Qeremanê Ozman, ji gundê Mîrekê, navçeya Aparanê, xudanê vê kitêbê sala 1948an ji zarê wî nivîsîye.

digere⁴⁴. Piştî çelkirinê ra, gava mirî serê xwe bilind dike, dixweze bi hewariyan ra vegere mal, teze pê dihesê, ku yê mirî ew bi xwe ye, û wî çaxî Ezrayîl careke din ruhê wî qewz dike û hildifirîne ezmanan an jî dibe dinya tarî.

Ruh tenê bi destî Ezrayîl dikare bê vegeer ji canê merivan derkeve. Ezrayîl ejdahakî wisan e, ku meriv jê ditirse, neynikê tilîyên wî dirêj û tûj, çevên wî beloqî, piştî wî zirav, bejina wî bilind e. Gorî merivên sere gava ew ser serê merivê ber mirinê disekine, evê te li wî dinihêre û destxweda ji zar û ziman dikeve, bi xwe va diçe, dixeriqe.

Gorî êzdîyan sawa Ezrayîl li ser wan merîyan pir e, yê ku gunehkarî kirine. Di qewileke êzdîyan da bi zarê kesê mirî tê gotinê:

*„Yek ser min ra sekiniye
Çeva weke tas in
Neynika weke das in
Deste risas in
Xwezîya min wî ruhî
Bê sûcî, bê binûs e”⁴⁵.*

Gorî êzdîyan Ezrayîl melekê ruhîstîn e. Alîkarên wî jî hene: Cibrahîl, Ezrafîl û Mikaîl, ku bi fermana Ezrayîl ruh dibine dinya tarî, an jî dibine ezmanan.

Melekê ruhîstîn yê vî awayî bal yûnanan jî heye, ku Hadês alîkarekî melekê ruhîstîn e⁴⁶.

Derheqa Melekê ruhîstîn da bawerîke wisa di nav bawermendîyên ermenîyan da jî heye⁴⁷.

Bi vî awayî, gorî Xwedênasên êzdîyan meriv, heywan û hemû ruhber xwedî ruh in, ku ser demekê di canê wan da dijîn, lê piştî mirinê jê dûr dikevin, diçine **dinya dinê**, bona heta-hetê bijîn.

Di bawermendîyên kurdan û gelek milletên dinyayê da fikira ku ruh namire, wisa tê şirovekirinê, ku ew qedereke wisa ye, ku meriv nikare jê derbaz be, qebûl neke. Ewana wisa jî li ser wê bawerîyê bûn, ku piştî mirina merivan, ne her tişt winda dibe, ango ew tam namire. Ango, ruhê wî rehmanî ye, lê canê wî gorî kurdan tiştêkî bê qîmet e. Eva fikreke derheqa fêmkirina cihanê da ne, ango derheqa „dinya ronik“ da ne, ku bi sedsalan, heta îro jî berdewam e.

Gorî êzdîyan piştî ku ruh ji qelbê xwe dertê, bona wî jîyaneke nû destpê dibe.

Gorî êzdîyan ruhê merivan, ku navê wî xwedêgiravî di listeya Xwedê da nivîsar e, bi rêberîya Ezrayîl û bi alîkarîya komekdarên wî hildifire ezmanan, an jî dikeve binê erdê.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku ruhê kesê rehetlêbûyî tenê di bin erdê da dikare rehetîya xwe bibîne, lema jî meytê mirî çel dikan. Dema meyt teslîmî xwelîyê dikan, gerekê hemû qeyde û qanûnên dînî bêne parastinê, bona yê mirî di **dinya dinê** da ji haziran razî be.

Derheqa rehetîya can û ruh da di nava bawermendîyên ermenîyan da jî hene. Ermenî pir caran li ser kevirê mezal dinivîsandin: „Li vir rehetîya te ye“ û bi wê yekê va didan xuyakirin, ku li vir can an jî ruhê wî kesî rehet dibe.

Gorî êzdîyan, ruhên ku li buhuştê an jî li dogehê ne, diçine seredana hevdu, derheqa bextewarî an jî bextreşîya xwe da xeber didin. Ewana jî rojê û tarîyê dibînin, haya wan ji evînê û xirabîyê heye, zanin têrbûn û birçîbûn, serma û germ, qûmistan û warên şînkayî, behr û erd û tiştên din çî ne, ango ew her tişt zanin û texmîn dikan, çî ku merivên zêndî. Dogeh wek hebisan e. Wek ku di „dinya ronik“ da meriv ji girtîyên xwe ra xurek û vexwerin dibin, wisa jî di „dinya tarî“ da (li ezmanan, an jî di binê erdê) ruh alî wan kesan dikan, ku li dogehê dizêrin. Ewana para xwe distînin, eger qewim û pismamên wan li vê dinyayê **nanê mirîyan** derdixin, nan û xwerin di nav kesîb û feqîran da bela dikan.

⁴⁴ Ji zarê binecîyê Elegezê Ahmê Çolo hatîye girtin.

⁴⁵ Gotîye Qeremanê Ozman.

⁴⁶ M.Bartîkian. Ruhperest Hêllada an jî Hêllên dîk, Atênk, 1936, rûpel 187.

⁴⁷ Yê.Lalayan. Varanda, kovara êtnografîyê, Tîflîs, 1897, rûpel 179.

Fikira dinya tarî û wargehê jîyana mirîyan gelekî baş di hikyata kurdan ya „Gulperî“ da hatîye nitirandinê. Mêrxasê hikyatê Mîrze Mehmûd guh nade şîretê yekî sêrbaz, bona Gulperîya hizkîrî ji ecêbeke giran xilaz bike, gerekê li ser xoyeke sipî rûništa, bi şaşîti li ser ya reş rûdinê. Xoy wî dibe ber perê ezmanan, qatê heftan, ango dibe binê erdê, dinya tarî. Mîrze Mehmûd bi hêz û qewata batinî ya **teyrê sîmir** ji dinya tarî derdikeve dinya ronik.

Derheqa ruh û dinya piştî mirinê da em bal yûnanan (huruman), romîyan, ermenîyan, ereban, almanan û gelek milletên mayîn dibînin. „Ruhê merivê di şêr da şehîdbûyî, gorî yûnanan, romîyan û almanan, horî melek datînine ser hespê mirazan û dibine nava dinya ruhberan“⁴⁸.

Xwesma musulman gelekî bawerîya xwe bi dinya pey mirinê ra tînin û gorî wan dinya li ser erdê „lîstik û henek e“⁴⁹.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku ruhê kesê mirî dikare neçe ezmanan, lê di gorê da, di binê erdê da be, paşê ew ruh derdikeve, dikeve nava heywanan, bengzê wan wardigire, dibe **Reşê şevê** û li ser erdê dijî.

Gorî êzdîyên navsere gerekê şev rex mezelan ra derbaz nebin, ji ber ku ruh li wan deran rehet dibin, ewana dikarin hişyar bibin, hêrsa xwe rakin, zirarê bidine haziran an jî bi qelbê heywanan ji mezêl derkevin û merivan bitirsînin û paşê veqerine warê xwe.

Bawerîyeke wisa bal eşîreteke Amêrika Bakur jî heye⁵⁰.

Derheqa wê yekê da, ku erd û mezêl dibine warê ruhê merivan û ruh ji mezêl dertê, dibe heywan û di nav me da digere bal kurd û ermenîyên Dêrsimê jî heye. „Merivê mirî piştî mirinê careke din tê dinyayê, vê carê wek heywan, ango di şikilê heywanan va, ew dikarin bi şikilê teyredeyan, minminîkan, mêşan û mûrîyan jî bin. Ango, ruh ji heywanekî derbazî heywanekî din dibe û heta hetayê dijî û ji wî mûyek jî kê mabe, ji ber ku ewê ber dada mezin bisekine bona bersivê bide seba karên qenc û xirab kirî“⁵¹.

Derheqa jîyana piştî mirinê da ew bawerîyên êzdîyên navçeyên Aparanê û Talînê (komara Ermenîstanê) gelekî balkêş in, ku bi edetê çelkirina por û neynûkan va girêdayîne. Jinên pîr porên xwe kur dikirin û neynûkên xwe jê dikirin, di nav axê da çel dikirin, an jî davîtine nava mezelan, an jî dikirine nava kaxezan û di kol û çalên dîwaran da vedişartin, bona piştî mirinê ruh di rojên oxirmên giran da rastî dijwarîyan neyên.

Ji van edetan zelal xuya dibe, ku gorî êzdîyan li wê dinyayê jî dad û dadgeh hene.

Li Dêrsimê „Gelek caran kurd bi rojan didine ser rê bona ji nexweşekî bizanibin ka cîyê wan li dinya piştî mirinê da li ku ye“⁵².

Bal hinek ermenîyên Ermenîstana rojava jî bawerîyên wisa hene, ku „ruh ji mezêl dertê, dikeve qîlxê bizinan an jî segan, di nav me da digere, dibêjin, ku ruh dibe av jî û kesek nikare jê derbaz be“⁵³.

Aşûrîyên gundê Arznîyê navçeya Kotaykê komara Ermenîstanê jî ser vê bawerîyê bûn⁵⁴.

Êzdî dema meyt teslîmî xwelîyê dikin, gerekê hemû gotinên merivên ruhanîyê pêk bînin. Piştî çelkirinê, dema ji mezêl vedigerin, nanê tevirkolan (kesên ku mezêl kolane) belav dikin, boy ruhê kesê mirî gotinên xweşbextîyê dibêjin, ser kesê rehmêtlêbûyî qewilan dixûnin. Jinên hezinî ser rûyên xwe xûn dikin û porên xwe dibirin, mêr li serê xwe dixin, piştî çelkirinê ser mezêl sê rojan agir dadidin û h.w.d.

Bi bawerîya êzdîyan ev yek bona xweşbextîya kesên mirî tê kirinê.

⁴⁸ J.fon Negelein, Das Pferd im Seelenglauben und Tofenkult, "Zeltsehe des Verleins für Volkskunde", cild 2, 1901, rûpel 406.

⁴⁹ Quran, Varna, 1909, rûpel 107.

⁵⁰ Îstorîya rêlîgî, Moskva, 1909, rûpel 6.

⁵¹ Andranîk. Têrsîm, Tîflîs, 1901, rûpel 168.

⁵² Andranîk. Têrsîm, Tîflîs, 1901, rûpel 169.

⁵³ Byûrakn, 1899, rûpel 16.

⁵⁴ Arşîva Mûzêya Ermenîstanê ya dewletê.

Gorî êzdîyan eger qewim û pismamên kesê mirî van edetên dînî pêk neynin, ruhê kesê mirî wê ji heqê wan bê der, ewê ji alîyê wî da herdem bêne zêrandinê, lê ruh wê ji mezel derketa û li her deran bigerîya.

Ew fikira, ku ruh ji mezel dertê û li her deran digere, an jî ew ruh bengzê heywanan wardigire, ne tenê di nav kurdan da heye, lê di nav bawermendîyên gelek miletan da jî heye.

Heyfhildana xûnê, ango ku heyfa xûnê bi xûnê tê hildanê, ku bi sedsalan di nav kurdan da heye, dide xuyakirin, ku xûna kesê mirî, an jî ruhê wî bi qewateke batinî dikare zirarê bide kesê ku bi destî wî hatîye kuştin. Kesê ku kuştîye bona ji wê yekê xilaz bibe, gerekê haj ji qewat û hêza kesê kuştî hebe, gunehê xwe qebûl bike û bi wê yekê va dawî li zêrandina ruhê kesê kuştî bîne.

Ser bingehe van bawerîyan, ne tenê heyfhildana xûnê, lê herwiha gelek edetên dînî di nav gel da kûr rûniştîye, cîyê xwe mehkem girtîye û di nav merîyan da tiştê herî bi qîmet û sereke ruh bûye û tu kesî jî ev yek înkâr nekirîye. Gorî van bawerîyan, ne tenê bal kurdan, lê bal gelek miletên cihanê yên mayîn, li wê dinyayê ruhê kesê kuştî wê tu cara rehet nesequine, heta heyfa wî bi xûnê neyê şûstinê, an jî kesê ku ew bêbextî kirîye, gunehê xwe nede situyê xwe û baxşandinê nexweze.

Êzdîyên navçeya Aparanê dema xûndayînê kesê ku yê mirî kuştîye, dibirin bal mezelê kesê kuştî, ew sê an heft caran dor mezel fitil dida û bawer dikirin, ku gunehên mirî derbazî kesê ku mirî kuştîye dibin. Bi wê yekê va dihate hesabandinê, ku heyf hate hildanê.

Derheqa van bawermendîyan da gelek nivîsên êtnografî û berhemên zargotinê hene.

Di hikyata „Mîrze Mehmûd“ da, ku tê da hêza mar ya batinî heye, em dibînin, ku hêza wî ya ruhê wî ye, ya ku gorî kurdan nemirî ye û li wê dinyayê cîyê wî li cîkî bilind e.

Derheqa jîyana piştî mirinê da di nav edetên çelkirina mirîyan da jî tê texmînkirinê. Piştî ku mirî çel dikin, sê rojan ser mezelê wî kuçik dadidan. Kama ku mirî ser şûstibûn, weldigerandin, derdaneke ji sifir datanîn ser û sê rojan pey hev agir dadidan. Carna av direşandine ser kam. Wê rojê bona feqîr û kesîban nan û xurek bela dikirin. Bi bawerîya êzdîyan ev erefat bona wê yekê dikirin, ku li wê dinyayê kesê mirî kêmasîya nan, avê û ronayê nebîne. Hilbet, ev bawerî bi bawerîya avê û agir va jî tê girêdanê, ku emê li jêrê behsa wan bikin.

Bi vî awayî pirsra pevgirêdana ruhê kesê mirî û merivên wî tê danînê, çimkî êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku li wê dinyayê ruh hewcedarê wan tiştan in, çî ku meriv li vê dinyayê, lema jî merivên saxmayî gerekê alîkarîya ruhê merivên mirî bikin, ango nan û xurek û pere bidine merivên belengaz û bi bawerîya êzdîyan ji wan dayînan beşek jî wê bigihîje kesê mirî. Pêwendîyên merivên sax û ruhê mirîyan bi pevgirêdanên xûnî-pismamtîyê va bi hevdu va girêdayîne.

Ji vê yekê dîyar dibe, ku ev bawerîya ku di nav êzdîyan da heye, wana mecbûr dike, ku bi her awayî mal û halê xwe zêde bikin, da ku bikaribin daxazên mirîyan jî bi cîh bînin, bona ew li wê dinyayê kêmasîya tu tiştî nebînin. Gava êzdîyê destteng û kesîb ji cînarê xwe nanê bona ruhê mirî dixwest, digot: ”Bira ev nan li wê dinê bibe xêra ruhê mirî, bira ber wextê keve”.

Gorî êzdîyan ruhê hemû qewim û pismamên mirî, ew di mezel da bin, di dogehê an jî di buhuştê da bin, ewana bi hev ra ne, wek ku qewim û pismamên sax li vê dinyayê bi hev ra nin.

Hema ji bo vê yekê jî mezelên êzdîyan li her deran bi serî xwe ne, ango li wir kesên ji miletên din nayêne çelkirin û ew mezel îro em dikarin li gundê Cercerîsê navçeya Aparanê, li gundê Gelto navçeya Talînê û gundên êzdîyan yên mayîn da bibînin. Bi vê yekê va ew ser wê bawerîyê bûn, ku di van mezelan da ruhê wan wê paqij bimîne, ji ber ku dûrî ruhê wan endamên eşîretên din e, yên ku gunehkarî kirine.

Ji ber ku bi bawerîya êzdîyan ruhê hemû merivên wan di goristanekê da nin, ewana salê carekê, di meha nîsanê da (temamîya eşîretê di rojekê da) di eynî sehetê da nanê mirîyan dibine ser mezel, di nav belengazan da bela dikin, bona çevê ruhê mirîyan **li rê nemîne**.

Di gundên kurdan yên navçeya Aparanê da gava meytê mirî dibirine goristanê, pêşberî çardarê heft nan datanîn û piştî çelkirinê, hema li goristanê di nav kesên belengazan da bela dikirin. Ev edetê êzdîyan dide xuyakirin, ku ruhê kesê mirî gerekê ji roja pêşin da xwedî nan be.

Derheqa emirê li wê dinê da bal îngolîyan jî hebûye û gorî wana: "Ruhê kesê mirî li wê dinyayê wisa dijî, wek ku meriv li rûbarê dinyayê, ango ser dinya ronik, ew jî hewcê xwerinê, şabûnê, hizkirinê ye"⁵⁵.

Fikira ruhê nemir û lazimaya guhdayîna li ser kesên mirî li bal gelên xevsûran û pşavan da jî heye. M. Kovalêvskî derheqa bawerîyên pşavan da dinivîse: "Malbetên pşavan yên dîndar ocaxeke yekgirtî ne û tiştê herî giring bona wan ew e, ku qedirê mirîyên xwe bigirin. Ewana fikira jîyana xwe di nav pêwendîyên bi merivên xwe yên mirî ra dibînin"⁵⁶.

Edetê ku xizmetî ruhê mirîyan bikin, ne tenê bal kurdan, lê herwiha bal gelek miletan bûye deynekî ziyaretî, bawermendîyeke dînî.

Êzdîyên Şengalê heta îro jî çek û rihalên kesên mirî pê ra çel dikin. Ev yek herwiha nîşana wê yekê ye, ku kesên mirî xwedî mal û milkên xwe ne û gerekê bi kêmanî pareke hebûna wan bi wan ra here gorê.

Ev bawerîyên ku piştî mirinê jîyan heye, merivên berî dewrana me gîhandibû wê derecê, ku wana hewil dida ku kesê mirî bê jîna xwe nemîne.

Di gelek welatên dinyayê da piştî lêkolînên arkêologîyê diyar bûye, ku gelek mêr û jin bi hev ra hatine çelkirinê.

Di edetên ayîna dînê êzdîyan da wextê çelkirinê kotel cîkî sereke digire⁵⁷. Wextê çelkirinê hespê bi kinc û çekên mirî va xemilandî dibirine goristanê û eva yeka nîşana wê yekê bû, ku bi bawerîya êzdîyan li wê dinyayê jî hesp dikare lazimî xwedîyê wê bê, dikare bibe dost û hevalê wî, wek ku li dinya ronik. Sebeb ev bûye, ku êzdîyan wextê çelkirina mirî hespê wî dibirin goristanê. Kotel tenê di dema mirina mêran da tê gerandinê.

Derheqa van yekan da di zargotina kurdan da gelek îzbatî û nimûnên balkêş hene. Ji bo nimûne: "Bira ruhê min bi te ra here mezel", "Bira meytê min bişewite, lê ruhê min bigihîje te".

Mêrxasa hikyata "Şemê" Şemê meriva xwe - Besê, ku dixweze ser mezelê mêrê xwe xwe bişewitîne, aza dike.

Bal êzdîyan edetên mayîn jî hene, ku gorî wan li wê dinê emir berdewam e. Ew di wan edetan da jî xuya dibe, ku jîna bî an jî jinên pismamên kesên mirî porê xwe jê dikirin û bi mêrê xwe an jî pismamê xwe ra çel dikirin. Hela di ser da jî wek nîşana aminayê û hizkirinê ser çevên xwe pencerû dikirin, li serê xwe dixistin, şîna giran dikirin.

Духопоклонство

Бессмертие души и Загробная жизнь

По представлениям курдов-езидов душа являет собой некое волосатое существо способное в любое время покинуть человеческое тело и опять вернуться в него. По поверьям верующих езидов этот процесс происходит также в момент сновидений, то есть душа покидает тело человека, летает над миром и опять возвращается в свое пристанище. В основном именно такое представление имеют верующие о душе. Езиды верят, что у тела всего одна душа, которая похожа на него самого, что отдающееся в природе эхо это ни что иное как переместившиеся в камни, скалы, деревья и горы голоса душ или духов. По их мнению, душа, дарующая человеку, животным и растениям жизнь и наделяющая предметы движением, сама по себе самостоятельна и не зависит от тела, она покидает человеческое тело во время сна или смерти. По толкованию езидских шейхов, покинувшая человеческое тело душа способна переселиться в тела животных, в растения и разные

⁵⁵ M.Canaşvîlî. Bawerîyên kartvêlan. Berevoka bona şirovekirina cî û warên eşîretên Kavkazê da, çapa 17, Tîflîs, 1893, rûpel 156.

⁵⁶ M.Kovalêvskî. Erf û edetên li Kavkazê, Moskva, 1890, rûpel 74.

⁵⁷ Kotel dezgehek e, ku dema meytê mirî dibirine goristanê, kinc û çekên kesê mirî datanîn ser zînê hespa wî. Çekên wî bi wî ra çel dikirin.

предметы и направляется в рай или ад по усмотрению Азраила. По представлениям езидов, в случае смерти человека его душу забирает и уносит на небеса ангел смерти Азраил. Такая мысль отслеживается в одном из каулов езидов:

*Roja Rojana
Mûsa kurê Amîrana,
Axî Azraîl lê bû mêvanê:
- Were ji mn bixweze, te çi xizmete
Min te kişandîye herata.
Azraîl go:
- Eze ruh'ê te bikşînim.*

*Как-то, в один из дней,
Явился к сыну Амирана Мусе⁵⁸
Ужасный Азраил.
И спросил его Муса:
"Тебя я страшусь.
Скажи, что тебе надо?"⁵⁹
Ответил Азраил:
"Я пришел за твоей душой".*

Это анимистическое представление настолько глубоко засело в умах езидов, что собравшиеся у ложа умирающего люди не смели издавать ни единого звука и безмолвствовали, дабы душа умирающего руками Азраила легко "покинула свой Короб" /имеется в виду "тело"/ (Qalibê xwe). И лишь после наступления смерти начинались вопли оплакивания, так как по езидским поверьям это означало, что Азраил уже забрал и унес душу. Если глаза усопшего оставались открытыми, то люди считали, что его душа не насладились этой жизнью полностью и она тоскует по ней. Езиды думали, что во время похорон душа усопшего временно возвращается в свое пристанище /в тело/, но потом опять покидает его и навсегда возносится на небеса.

"Душа, - говорит житель с. Алагяз Апаранского района Ахме Чоло, - выбравшись наружу через рот усопшего, начинает кружиться в воздухе вокруг своего тела. Он только тогда осознает, что умершим является он сам когда пытается после погребения поднять голову и вместе со скорбящими родственниками возвратиться домой. Именно в это самое время Азраил вновь забирает его душу и уносит либо на небеса, либо в темное царство (Dinya tarî) Езиды считают, что только руками Азраила душа может покинуть тело. По представлению езидов, Азраил имеет внушающий ужас вид; он довольно высокого роста с тонкой талией. У него огромные глаза, а на руках длинные серповидные ногти. По рассказам стариков, в момент агонии он подходит к умирающему и становится у его изголовья. Умирающий, увидев Азраила, от страха тотчас теряет дар речи и испускает дух.

По езидским поверьям, появление Азраила гораздо страшней для тех умирающих, кто в жизни совершал грехи. В одном из каулов об этом сказано устами умирающего:

*Yek ser mîra seknîye,
Çeva weke t'asin,
Neynika weke desin,
Desta risasin,
Xwezila min wî ruh'î,*

⁵⁸ Муса - один из езидских пророков.

⁵⁹ Записано со слов жителя с. Мирак Апаранского района Караме Озман в 1948г.

Vê sucî, bê binûsa.

*Кто-то стоит надо мной,
Глаза большие как блюдо,
Ногти большие как серп,
Руками шевелит беспрестанно,
Завидую и рад я той душе,
Кто не совершал в жизни греха.*

Как уже сказано, выше Азраил у езидов считается ангелом смерти. У него есть помощники: Джабраил, Асрафил и Микаил, которые по велению Азраила забирают душу умершего и уносят ее либо на небеса, либо в темное царство (Dinya tarî)

Похожих помощников ангела смерти мы видим и в древнегреческой мифологии, где помощником главного ангела являлся Хадес.⁶⁰

В армянских верованиях также присутствует такое представление об ангелах смерти.⁶¹

Таким образом по представлениям верующих езидов люди, животные и другие существа имеют душу, которая временно живёт в их телах, а после их смерти переселяется в иной мир для продолжения существования уже в загробной жизни.

В верованиях курдов-езидов понятие о бессмертии души считалось неодолимой судьбой и фатальной неизбежностью.

Например, они думали, что человек после смерти полностью не исчезает, что душа его бессмертна (rehmanî), а тело, которому курды предавали второстепенное значение, являет собой нечто несущественное и тленное. Это есть понятие о загробной жизни, и оно на протяжении многих веков овладевало эмоциональной сферой жизни курдов-езидов. По представлениям езидов после того как душа покидала свой Короб (qalib), для нее начиналась новая жизнь уже в загробном мире. Душа человека числится в списке Ходы /бога/, которую в сопровождении Азраила его помощники доставляют на небеса или в темное царство, где для неё и начинается соответствующая загробная жизнь.

Езиды считают, что душа может приобрести покой только в земле, и поэтому тело покойного обязательно надо предавать земле. Во время похорон необходимо было правильно и неукоснительно соблюдать все ритуалы, чтобы души усопших в другом мире (dinya dinê) остались довольны своими живыми родственниками.

Такое же представление о пребывании тела или души в покое наблюдается и в верованиях армян, которые на надгробных плитах обычно писали "Аст ангчи", указывая тем самым на место, где покоится душа или тело.

Езиды полагают, что души умерших, оказавшиеся чьи-то в раю, а чьи-то в аду, в потустороннем мире встречаются друг с другом, общаются между собой, одни рассказывают о своей счастливой жизни в загробном мире, другие жалуются по поводу своих несчастий. Они тоже в той жизни видят свет и мрак, им введома любовь и ненависть, знают что такое сытость и голод, холод и тепло, бывают в пустынях и оазисах с пышной растительностью, видят море и познают засуху и т.д., то есть ощущают все то, что могут познать и чувствовать живые люди. Ад считается темницей. Как в светлой жизни люди носят еду и питье /передачи/ в тюрьмы для находящихся в заключении своих родных и близких, так и пребывающие в темном царстве /на небе или под землей/ души, которые в аду обречены на вечные муки, получают свою долю еды и питья от повелителя ада, но и то только при условии, если его родные и близкие на этом свете раздавали "Нане мрйа"⁶² (Nanê mirya), Мысль о том, что темное царство служит пристанищем для душ и некоторых

⁶⁰ М.Бартикян, Языческая Эллада или эллинские идолы, Атенк, 1936г.,с.187 (на арм. яз.)

⁶¹ Е.Лалаян, Варанда, этнографический вестник, Тифлис. 1897г., стр.179 (на арм. яз.)

⁶² Нане мрйа - угощение в память усопшего. Раздается соседям, больным, беднякам и нищим.

божеств ярко отражена в курдской сказке "Гулпари". Герой этой сказки Мирзамахмуд неправильно следует наказу некой колдуньи, по совету которой для спасения своей возлюбленной он должен был сесть на белого архара, но по ошибке уселся на черного, унесшего его вниз под седьмой слой земли (bin heft tebekê erdê), то есть в темное царство. И только благодаря птице паве (teyê sîmî) ему удалось выбраться из темного царства в светлый мир.

Понятие о душе и загробной жизни существовало также, у древних греков, римлян, армян, арабов, германцев и многих других народов. Греки, римляне и германцы верили, что души воинов, погибших в сражениях, ангелы на быстроногих конях уносили в царство душ.⁶³ Представление о загробной жизни особенно развито среди мусульман, которые считают мирскую жизнь "игрой и шуткой"⁶⁴.

Езиды считали, что душа умершего может и не улететь на небеса, она может жить также в самой могиле, а по ночам она может покинуть свое пристанище, переселяться в тела животных и принимать их обличие, превращаться в Раше шаве /букв, означает чернота ночи, в данном случае означает ночное страшилище/ и бродить по земле повсюду.

Со слов стариков–езидов ночью нельзя ходить мимо кладбищ, дабы не нарушать покой отдыхающих в могилах душ, иначе они могут проснуться, и разозлившись, выбраться из могил в облике животных, свергнув людей в ужас.

Мнение о том, что пристанищем для душ может быть могила в земле, что души способны выбираться из-под земли и принимать облик животных, существовало у курдов и армян Дерсима. Дерсимцы полагали, что "человек после своей смерти вновь возрождается, появляясь на свет в облики бессловесных животных, пресмыкающихся, птиц, бабочек, мух и разных других насекомых. Перейдя из одного вида в другой, душа продолжает жить до последнего судного дня в неизменном состоянии, не теряя даже ни единого волоска, потому что в судный день он должен держать ответ и отчитаться о своих добрых и плохих делах, совершенных при жизни".⁶⁵

Касаясь вопроса о загробной жизни с точки зрения езидов, представляет большой интерес обычай езидов Апаранского и Талинского районов по закапыванию в землю постриженных ногтей и волос. Старухи езидских сел упомянутых районов после стрижки ногтей и волос закапывают их в землю или кладут в могилы, а иногда заворачивают в бумагу и засовывают сверток в щели между камнями в стене, чтобы душа умершего родственника в судный день не сталкивалась с трудностями. Из этих обычаев усматривается, что по представлению езидов и в загробной жизни тоже существуют суд и судилище.

"Дерсимские курды-езиды довольно часто проделывали многодневный путь, дабы успеть прийти к умирающему больному, чтобы узнать от него о своем будущем месте в загробном мире".⁶⁶

Существуют данные и о представлениях западных армян о душе, которые верили, что "душа, выбравшись из могилы уже в облике козы или собаки, бродит повсюду, но никогда не посмеет переступить через протекающую мимо воду или прочерченную перед ним черту".⁶⁷

Подобный взгляд бытует и среди одних из племен аборигенов Северной Америки. Такие же поверья были и у ассирийцев Арзни Котайкского района Армении.⁶⁸

Во время похорон езиды по указке своего духовенства исполняли все необходимые обряды и предписания, как например: после похорон должны были раздавать "Нане

⁶³ J. Fon Negelen, Das Pferd im Seelnglauben und Tofenkult, - <Zeltsehe des Verleins Fur Volkskude> b, 2, 1901, p. 406

⁶⁴ Коран. Варна. 1909г. стр.11

⁶⁵ Андраник. Дерсим. Тифлис. 1901г., стр. 168 (на арм. яз.)

⁶⁶ Бюракан, 1899г. 16:

⁶⁷ Андраник, Дерсим, Тифлис. 1901г. стр. 168 (на арм. яз.)

⁶⁸ Архив республиканского исторического музея.

тавкол"⁶⁹, совершать добрые дела во имя спасения души покойного, читать каулы. Находящиеся в трауре женщины в качестве жертвы рвали на себе волосы и оцарапывали лица, мужчины били руками себе по голове. Затем в течении трех дней на могиле погребенного жгли костер. По мнению езидов, все это делалось ради блага душ усопших.

В случае неисполнения всех этих обрядов душа покойного будет постоянно преследовать своих ПЗМАМОВ /близких людей/ и подвергать их опасностям, потому, что покинув тело, она, как уже было сказано выше, будет скитаться и присутствовать везде.

Представление о том, что души выбираются из могил и бродяжничают, существует не только у курдов-езидов, такое религиозное поверье широко распространено и у многих других народов.

Обычай мести "кровь за кровь", существовавший среди курдов на протяжении многих веков, объясняет и то поверье, будто кровь или душа убитого обладает такой сверхъестественной магической силой, что может навредить убийце даже на расстоянии. Чтобы уберечься от такой опасности, последний должен был взять на себя грехи и силу погубленной им души. Только так он мог освободиться от преследований со стороны души покойного.

На основании анимистических взглядов, идущих параллельно с понятием о загробной жизни, не только обычай кровной мести, но и другие обычаи курдов освящены религиозными верованиями, поскольку люди основным стержнем жизни считали душу, перед которой никто не должен был провиниться.

Такие взгляды существуют не только у курдов, но и у других народов. Как уже отмечено было выше, курды считали, что душа убитого никогда не успокоится в загробном мире, пока не свершится месть за его кровь, или пока убийца не примет на себя все его грехи.

Относительно этих поверий существует множество этнографических материалов и фольклорных произведений.

Езиды Апаранского района при исполнении ритуала ХУНДАИН /откуп за кровь/ приводили убийцу к могиле убитого им человека и трижды водили его вокруг могилы. Они верили, что с исполнением этого обряда все грехи убитого перейдут к убийце, и вопрос о кровной мести будет считаться осуществленным.

В сказке "Мирзамахмуд" главным образом говорится о сверхъестественной силе змеи, однако в ней мы сталкиваемся также с потусторонним миром душ, которые, по мнению курдов, бессмертны и в другом мире продолжают жить своей жизнью

Представления о загробной жизни встречаются и в похоронных обычаях езидов. К примеру, спустя три дня после погребения умершего на его могиле разжигали костер. Молотильную доску, на которой производилось омовение тела покойника, переворачивали, на нее клали кусок меди и сверху ставили лампаду. Лампада беспрестанно горела три дня. Иногда упомянутую доску поливали водой. В эти дни беднякам раздавали еду и хлеб. По мнению езидов, все эти обряды исполнялись с той целью, чтобы в загробной жизни душа умершего ни в чем не нуждалась, чтобы у нее были вода, еда, хлеб и свет. Конечно же, эти поверья имеют отношение также к культуре воды и огня, о чем мы поговорим ниже.

Езиды считают, что души всех пзмамов /близких людей/, будь они в могиле, в раю или аду, сосредоточены в одном месте и действуют сообща, как и живые пзмамы на этом свете. Именно этим и объясняется, что езиды имели свои отдельные родовые кладбища. Обособленные группы таких кладбищ сегодня можно увидеть в селах Джарджарис Апаранского района, Гялто Талинского района и в других селениях Армении, населенных курдами-езидами. Они полагали, что души пзмамов данного рода и племени, похороненных на отдельных родовых кладбищах, останутся чистыми и незапятнанными,

⁶⁹ «Нане тавкол» - угощение, которое раздается могильщикам, беднякам.

если будут находиться в стороне от кладбища тех родов и племен, которыми некогда еще при жизни были совершены неприглядные поступки и недобрые дела.

И поскольку по езидским представлениям души их соплеменников сосредоточены на одном и том же родовом кладбище, поэтому езиды обычно всем племенем в один и тот же день и час в апреле месяце посещают могилы своих родственников, принося с собой на кладбище угощения в честь умерших (*nanê mrya*), дабы ни одна из душ не скучала и не томилась в ожидании своих родных (*Çev nemîne Li rê*).

В селах Апаранского района во время похоронного шествия впереди чардара⁷⁰ с телом покойного несли семь хлебов (*heft nan*), которые после погребения раздавали беднякам и нищим.

Этот обычай указывает на то, что душа умершего с самого первого дня своей смерти должна была иметь свой кусок хлеба, еду и питье.

Такой обычай услужения душе усопшего, превратившийся в святую обязанность и предмет религиозного верования, отмечается не только у курдов.

Подобное представление о загробной жизни существовало также у ингилойцев, согласно поверьям которых "душа умершего в загробном мире продолжает жить как и обычный человек в этой жизни, она также нуждается в еде, одежде и веселье."⁷¹ Поверье о загробной жизни и обычай обеспечения душ умерших всем необходимым весьма характерны для хевсуров и пшавов. О семейных поверьях пшавов М.Ковалевский пишет: "Пшавская семья, как религиозное сообщество, представляет собой особый очаг. Связь между живыми и усопшими осуществляется необходимостью помнить и угощать их".⁷²

В основе подобных представлений лежат также общественные понятия о предметных и иных средствах существования. Так, езиды считали, что загробная жизнь аналогична их земной. Исходя из этого, езиды Снджара и по сей день вместе с умершим хоронят его оружие и другие принадлежащие ему предметы. Этот обычай отражает также и понятие о собственности, а именно: умерший должен был унести с собой хотя бы маленькую часть своей собственности, чтобы не остаться беспомощным в загробном мире.

Представления о загробной жизни склонили первобытных людей к такой крайности, что вместе с умершим хоронили и его жену, чтобы она была неразлучна с ним и на том свете. И свидетельством этого ритуала являются совместные захоронения мужчин и женщин, обнаруженные при археологических раскопках во многих странах мира.

В похоронных ритуалах курдов-езидов распространен обряд КОТАЛ.⁷³ Во время похоронного шествия на кладбище впереди процессии под уздечку вели коня, увешанного оружием и одеждой усопшего. У езидов этот обычай означал, что конь и на том свете пригодится своему хозяину, что в загробном мире он будет таким же неразлучным и преданным другом души усопшего, каким был и на этом свете. А значит, нельзя душу хозяина лишать его любимого скакуна, который в течении всей его жизни служил ему верой и правдой. В этом и заключается мотив того, что у езидов считалось обязательным атрибутом участие коня в похоронной процессии.

Ритуал КОТАЛ осуществлялся только во время похорон умершего мужчины.

В курдской словесности сохранились ряд ярких выражений, указывающие на существование таких явлений. Например: "*Bira ruhê min bi tera here mezel*" (Пусть моя душа вместе с тобой отправится в могилу) или "*Bira meytê min bişewite, le ruhê min bighîje te*" (Пусть сгорит мое тело, лишь бы моя душа присоединилась к тебе).

⁷⁰ Чардар - букв. означ. четыре палки. Носилки из 4 палок, на которых тело покойника несли на кладбище.

⁷¹ М.Джанашвили. Картвелские поверья. Сборник матер. для описания мест и племен Кавказа, вып.17, Тифлис, 1893г., с.156

⁷² М.Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Москва, 1890. с.74

⁷³ Во время похоронного шествия впереди вели коня с привязанными к седлу оружием и одеждой усопшего. Оружие хоронили вместе с умершим

Существовали и другие обычаи, связанные с представлениями о загробной жизни. К примеру, женщина, ставшая вдовой, и остальные женщины рода, считающиеся пзмамами усопшего, стригли себе волосы и погребали вместе с телом покойного. Кроме того, в качестве символического принесения себя в жертву, наносили себе телесные повреждения - до крови царапали себе лица, обеими руками били себя по голове и т.д.

3. Hebandina pêşîyan (Bawermendîyên hindava pêşîyan da)

Edetekî êzdîyan yê dînî ew bû jî, ku ew bawer dikirin, ku ruhê mirîyên teze diçe digihîje ruhê pêşîyên wan yên berî çendik çend dehsalan mirî.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku piştî mirinê ruhê wan bi awayekî nebînayî bi ruhê serekeşîr, pêşîyên wan, ango bi ruhê kal û bavên wan va eyan dibe û ruhê wan bi hev ra dikevîne nava pêwendîyan.

Endamên eşîra êzdîyan ya bi navê Bendûrî ser wê bawerîyê bûn, ku ruhê pêşîyên wana di nav gulan da hatine veşartinê, lema jî pêlêkirina ser gulê an jî nifirlêkirin dihate hesabandinê wek tişteki gûneh.

Bawerîyên bi vî awayî li bal gelek gelên cihanê yên mayîn da jî hebûne, wek bal almanan⁷⁴.

Bawerîyên ha di nav zargotina kurdan da jî hene. Di hikyata "Şemê û Nemo" da mêrê Şemo - Nemo dimire. Ezrayîl ruhê wî dibe buhuştê, Şamê bi tenê dimîne, ji emir bêzar dibe û dixweze bimire. Lê elê ruhistîn ruhê wê nastîne. Şamê ser mezelê mêrê xwe agir dadide, xwe davêje nava êgir û xwe dişewitîne, bona ruhê wê here bigihîje ruhê mêrê wê û ruhê pêşîyên wê.

Bal êzdîyan qedirgirtina bîranîna kal û bavên û serekeşîran di dereceya yekê da ne, xwesma bal wan kesan, ku di saxîyê da bona qewim û eşîreta xwe karekî berbiçev kirine.

Gorî lêgêndeke kurdan, Êzdîyê pêşîyê êzdîyan ji bo gişkan hêza here sereke ye, yê ku dikare di nav rojekê da qira gelek eskeran bîne, gund û bajaran wêran bike, paşê li hespê xwe yê boz siyar be û bifire ezmanan. Êzdî, ku jê ra "Sultan Êzîd" jî tê gotin, di mîtologîya êzdîyan da beramberî Xwedê tê kirinê, ango weke Xwedê mezin e. Gorî bawerîyên kurdan Êzdî pêşî li ser dinyayê serokatî kirîye, lê paşê, wek ku Zevs bal yûnanan, hilfîrîyaye ezmanan û serokatî li cihanê kirîye.

Di nav gelek qewilên êzdîyan da Êzdîyê xunedar wek pêşîyê wan tê dîtin û beramberî Xwedê ye. Bawerîke wa em bal ermenîyan jî dibînin. Pêşîyê ermenîyan - Hayk, di mîtologîya ermenîyan da wek bavê Xwedêyan tê hesabandin, lê nebîyê Hayk - Tork Angêx Xwedêyê hêz û zorê bû. Bi bawerîya ermenîyan bal bavê xwedêyan û nebîyê wî zoraya hinkûfî Xwedê hebûye, ji ber wê jî ew wek Xwedê hatine hebandinê.

Di nav mîtologîya kurdan da Êzdîyê pêşîyê kurdan jî wek Xwedê tê hebandinê û gorî bawerîya êzdîyan ruhê wî û hemû êzdîyan li wê dinê bi hev ra nin. Bona ev yek her berdewam be, êzdî seba xatirê wî sê rojan rojî digirtin û ev yek heta îro jî wisa ye. Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku ewana mecbûr in bîranîna ruhê pêşîyên xwe herdem biparêzin û qedirê wan bilind bigirin. Ew bîranîn di wê yekê da jî xuya dibe, ku êzdî pêşîyên xwe ra dibêjin *kal û bavên me*, wek ku di nav ermenîyan da dibêjin *naxînêr*, bal rûsan dibêjin *predkî*, bal yûnanan dibêjin *manes*.

Gorî şirovekirinên şêxên êzdîyan ruhê pêşîyan mîna ruhê saxan hewcê guhdarîyê, qedirgirtinê ye, wek ku di dema saxîyê da. Li ser bingehe vê yekê êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku gerekê daxazên ruhên mirîyan pêk bînin, bona ew ser pismamên xwe hêrs nebin, ji wana nexeyîdin, dilê wan bi hev nemîne, bona yên saxmayî mirîyan ji her qeza û belayê biparêzin, wisa bikin, ku ew di meydana şêr da bi ser kevin, wextê heyfildanê serketî bin û h.w.d.

⁷⁴ Mannhardt. Der Baumkults der germanen und ihre Nachbarstamme, Leipzig, 1875, p., 7.

Di pîrsa bawermendîyên hindava pêşîyan da di nav êzdîyan da bawermendîya ocaxê⁷⁵ cîkî sereke digire. Bawermendîya ocaxê bal kurdên êzdî xurt e. Ocax bêy pêşîyan û pêşî bê ocaxê nayê texmînkirin. Gava êzdî navê ocaxê didin, gerekê navê xwedîyê ocaxê, ango pêşîyê wê bidin. Gava êzdî bi dilxwezî berbirî êzdîyekî dinê dibe, dibêje: "Bira ocaxa dê û bavên te şên be".

Êzdî bi gora pêşîyên xwe, bi ocaxa bav û kalên xwe sond dixun. Wextê sondxwerinê gerekê navê kal û bavê xwe bidana û ew bi bîr banîyana. Sond bi vî awayî bû: "Bi serê kal û bavan, bi ocaxa wan kim".

Bawermendîyên hindava kal û bavan û ocaxê da di dînê êzdîyan da cîkî sereke digire.

Bal kurdan ocaxa pêşîyan, ku gelek endamên malbetê jê cihê bûne, gerekê timê bişuxulîya, ango dûyê ocaxê gerekê herdem bikişîya û warê ocaxê cîkî wek ziyaret dihate hesibandin.

Hemû neferên malbetê gerekê derc bikirana, ku ew ji nisletên wê ocaxê ne, ew wek neferên malekê ne, ew gerekê herwiha bizanibûna, ku ew ocax bi destê pêşîyên wan hatîye çêkirin. Agirê ocaxê gerekê timê geş bûya, eger agirê ocaxa êzdîyan ditemirî, ew dihate wê maneyê, ku malbet ber qezayê û belayê ye, dikare ziyar bigihîje neferên malbetê, dêwêr û hebûna wan.

Bal kurdan gelek nifir û dua hene, ku di nav da ev fikir bi awayekî zelal xuya dibe. Êzdî gava nifir li yekî dikin, dibêjin: "Ocaxa te xirab be", an jî "Ocaxa kal û bavê te xirab be", "Mala te xirab be". Dema dua dikin, dibêjin: „Xwedê ocaxa te şên bike“, „Bira destê Melekê Taûs timê li ser ocaxa te be“.

Di gotebêja rojane da jî qedirgirtina ocaxê xuya dibe. Ji bo nimûne, yek ji wan: "Xulamê ocaxa kal û bavê te me", "Ocaxa kal û bavê te timê şên bimîne" û h.w.d.

Piştî ku maleke teze dihate çêkirin, ji tendûr an sobeya mala berê ji destê xwedîyê malê agir hildidan, dibirin mala teze û li wir bi wî agirî tendûra xwe vêdixistin. Gorî êzdîyan di mala teze da hema bi wî agirî va jî dest bi jîyana nû dibû.

Edetekî wa di bawermendîyên rûsan da jî heye. Di herêma Saratovê da gava derbazî mala teze dibûn, ber mala kevin disekinîn û gazî ruh dikirin, digotinê. "Ruhê malê, were em herin, were bi me ra bijî"⁷⁶.

Gorî êzdîyan, ocaxa pêşîyan ewqas ziyaretî bû, ku bi bawerîya wan bi hêza batinî dîwarên ocaxê dikaribûn fire bûna, teng bûna û h.w.d. Ev fikir di hikyata kurdî ya "Kî bi qewat e" da bi awayekî zelal xuya dibe.

Bi fikira qedirgirtina mezinê malê, gava behs dihate ser bûka malê, digotin: "Bûka me ji ocaxa kal û bavên çê ye". Gava dê û bav dua li ewledên xwe dikirin, digotin: "Dua kal û bavan li we be".

Bi vî awayî, ocax bal êzdîyan bûbû wek tiştêkî ziyaretî, ku tê da xwedîyê malbetê û ruh cîyê sereke digirtin. Di bawermendîya êzdîyan da di ocaxê da mezinê malê yê pêşin parastvanê malbetê dihate hesibandin û ew bi hêz û quweta xwe bi ocaxa xwe ra di nav pêwendîyan da bû.

Karê parastina ocaxa êzdîyan dikete ser milê malxwêyê malê, yê ku ji zureta wî kesî bû, ku bingeha ocaxê danîye. Bal kurdan ocax û bingehvanê ocaxê femdarîyên wisan in, ku ji hev nayêne cudakirin-qetandinê.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ

⁷⁵ Ocax bi tirkî tê maneya kuçik, cîyê ku agir lê tê vexistin. Paşê ew fikira mal, malbet, binemal wargirtîye.

⁷⁶ A.N.Mînx. Erf û edetên gelêriyê, bawerî û ebabetîyên gundîyên devera Saratovê, Moskva, 1886, rûpel 86.

Поклонение предкам непосредственно связано с анимистическими взглядами курдов-езидов. Они считали, что после смерти их души невидимым образом общаются с предками, родоначальниками и праотцами. Такое понимание вещей мы видим в курдском фольклоре. В сказке "Шамо и Наме" муж Шаме - Намо - умирает. Азраил переселяет его душу в рай. Шаме остается одна, ей становится тягостно жить и ей хочется умереть, но Азраил отказывается забирать ее душу. Тогда она на могиле мужа разводит костер, бросается в огонь и сгорает. Тем самым она хотела воссоединиться с душами мужа и предков.

Культ предков у езидов на первый план выдвигал поклонение праотцам и родоначальникам, но только тем, кто пользовался авторитетом и уважением среди соплеменников и других племен и родов. Порой их даже обожествляли.

В курдской мифологии патриарх Эзди, праотец езидов, усматривается как собирательный образ, обладающий могучей силой, способный за день сокрушать войска, уничтожать города и села, а затем, оседлав коня, взмыть в небо. В мифологии Эзди сильно возвеличен, согласно которой он сначала царствовал на земле, но потом, как и Зевс у древних греков, поднялся на небеса и оттуда уже стал править и землей и небом.

В многочисленных курдских каулах патриарх Эзди показан как обожествленный предок езидов. Похожее поклонение предкам отмечается и у армян. По мифологии праотец армян Айк считается богом-отцом, а его внук Торк Ангех - богом войны. Праотцу и его внуку присвоены божественные свойства и поэтому они возведены в ранг богов.

В мифологии курдов-езидов праотцу Эзди приписаны такие же божественные свойства. Считается, что души всех езидов в загробной жизни обязательно должны быть неразрывно связаны с его душой. Поэтому в дни праздника в честь своего праотца Эзди езиды в знак самопожертвования держат трехдневный пост. Пережитки этого обычая можно увидеть и в настоящее время. Езиды считают, что они обязаны помнить своих предков и беззаветно почитать их, своего патриарха и представителей умершего старшего поколения, а также их души называют КАЛ У БАВ /отцы и деды/. Армяне своих предков называют НАХНИНЕР, русские - ПРЕДКАМИ, а римляне - МАНЕС.

По толкованию езидских шейхов души предков в загробном мире нуждаются в тех же материальных и духовных ценностях, что и живые люди на этом свете. На основании такого понимания езиды считали необходимым удовлетворять все потребности душ своих предков, чтобы они не сердились на своих пзмамов, а при необходимости защитили соплеменников от бед, обеспечили им успех на поле в сражениях, помогли в осуществлении кровной мести и т.д.

Если подходить к рассмотрению этого вопроса с материалистической точки зрения, то следует исходить из того, что культ предков как у езидов, так и у многих других народов, сохранился благодаря почитанию их реальных образов.

Вызывает интерес и культ ОДЖАХА⁷⁷ у езидов, который неразрывно связан с культом предков. Курды-езиды не могут себе представить оджах без предков и наоборот, предков без оджаха. Если в разговоре упоминался чей-либо оджах, то обязательно называлось также имя его хозяина - родоначальника данной семьи. Обращаясь друг к другу, езиды говорят: "Пусть процветает оджах ваших отцов и дедов" (Bîra şên be oсаха kal û bavêd te). Почитание предков и оджаха в религиозных верованиях езидов занимает важное место.

Езиды обычно приносят клятву с упоминанием могил предков и имени основателя оджаха праотцов. Например, произносилось: "Клянусь отцами и дедами и их оджахом" (Serê kal û bava oсаха wankim).

Дом езидов, в очаге которого постоянно поддерживался огонь, считался родовым гнездом, очагом (оджахом) праотцев. Многие члены родовой общины в дальнейшем отделялись от главного оджаха и создавали свои семьи, но вместе с тем все члены рода

⁷⁷ Оджах - букв. печь, очаг. Имеет также значение дома, семьи, рода и очага.

должны были осознавать, что все они являются потомками данного оджаха, основанного руками родоначальника. Огонь в печи или очаге надо было поддерживать постоянно. Если вдруг огонь угасал, то считали, что данная семья или род вместе со своим оджахом, членами семьи и домашним скотом стоят на краю гибели.

У езидов имеется множество как проклятий, так и благословений, в которых ярким образом отражены эти мысли. Проклиная кого-то, езиды произносят: "Да разрушится твой оджах" (Осаха te xirabbe) или "Да разрушится оджах твоих отцов и дедов" (Осаха kalbava te xirabbe).

В случае благословления говорят: "Да поможет бог процветанию твоего оджаха" (Xudê oсаха te şênke) или "Да пребудет длань Малакетауса над твоим оджахом" (Bira destê Melekêtaûs timê ser oсаха tebe). Существуют и другие высказывания, которыми возвеличивается значимость оджаха. Например, при уважительном обращении одного езиды к другому, говорят: "Да буду слугой оджаха твоих отцов и дедов" (Xulamê oсаха kalbavê teme) или "Пусть всегда процветает оджах твоих отцов и дедов" (Осаха kalbavê te time şên be) и т.д.

После постройки нового дома и переезда в него первым делом разжигается тандур.⁷⁸ Обычно из тандура старого дома берется тлеющий уголек, который принимается из рук старейшины и переносится в новый дом для разжигания тандура. Именно с момента принятия уголька из рук старейшины /малхое мале/ начиналась жизнь новой семьи.

Похожее явление отмечалось и в поверьях русских. В Саратовской области при вселении в новый дом становились лицом к старому дому и обращались к домашнему духу /домовому/ со словами: "Эй, дух дома, пойдем жить к нам."⁷⁹

Езидами оджах был освящен до такой степени, что они уверены были в его сверхъестественной силе, способной раздвигать и смыкать его стены (здесь имеются в виду стены дома). Эта мысль ярко выражена в сказке «Кто могущественней».

Выказывая уважение предкам своей невестки, старейшины обычно говорили: "Наша невестка из неплохого оджаха" (Bûka me jî oсаха kal û bava xirab nîne) Родители, благословляя своих детей, произносили: "Да пребудут с вами молитвы ваших отцов и дедов" (Duayê kal u bava ser we be).

Итак, оджах езидами был возведен в ранг некоего священного мавзолея, с которым неразрывно связано почитание предков или домашнего духа. По представлению езидов, их праотец, став святым для них, превращался в некую силу, оказывающую покровительство всему роду или семье.

У езидов обязанность по обеспечению сохранности и целостности оджаха возлагалась на МАЛХОЕ МАЛЕ (Главу семьи), который считался потомком родоначальника данной семьи. Поэтому в патриархальной курдской семье понятия оджах и предки равно как предки и оджах неотделимы.

4. Hebandina ruh (Bawermendîyên hindava ruh da)

Gorî êzdîyên Xwedênas di dinyayê da ruhên qenc û xirab hene, ku li her deran in, him li ezmanan in, him li ser erdê ne, him jî di bin erdê da ne.

Fikira qencîyê û xirabîyê di bingeha dînê Zerdeştîyê da jî heye. Bi bawerîya gelan ew herdu hêzên batînî bi hev ra di nav dijîhevbinê da nin.

⁷⁸ Тандур - вырытая в земле и обмазанная глиной печь, где пекут хлеб-лаваш

⁷⁹ А.Н.Минх. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии, М.1886г. с.83

Bi bawerîya êzdîyan ew her tiştê ku karê tîne, ew tiştên qenc in, lê ew her tiştê ku zirarê tîne, ew tiştên xirab in.

Gorî hinek zanyaran, fikira heyetîya qencîyê û xirabîyê, ku heta îro jî heye, ne bi destî dînê Zerdestîyê an jî dînê Xaçparêzîyê derbazî nava êzdîyan bûye, lê ew berî dewrana me xuliqîye.

Di nava mîtologîya kurdan da ruh bi qeretûyê merivan, heywanan, milyaketan dîyar dibe, carna jî ew ne xuya ye, lê tevî jîyana merivan dibe.

Bal hindên Amêrikayê jî bawerîyên wî awayî hene. Gorî F. Êngêls: „Hind bi wehîştîyên xwe va miletekî dîndar e. Mîtologîya wana heta niha jî bi çevê rexnekirinê nehatîye lêniherandinê. Ewana bawerîyên xwe yên dînî, di nav wan da ruh jî, bi qeretûyê merivan va şirovedikin, lê dereca hovîtiyê ya here jor, ku ew bi xwe li ser rûniştibûn, rê nedida wan, ku rastîyê fêm bikin“⁸⁰.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku ruhên neqenc xirabîyê ji merivayê ra tînin, zirarê didine endamên malbetan, lê ruhên qenc merivan ji ruhên neqenc diparêzin. Ji ber wê jî gerekê xwe li ruhên qenc bigirin, xwerina para wan bidine merivên destteng û belengaz, eger wisa nekin, ruhên qenc wê hêrsa xwe rakin, wê îdî himberî ruhên neqenc şer nekin an jî wê xwe bidine alîkî.

Berê neferên mala kurdan, ji biçûkan bigire heta mezinan, jin û mêr, temamiya kar û barên xwe wisa teşkil dikirin, ku dilê ruhên qenc li xwe nehêlin. Bona dilê ruhên qenc bikin, hêrsa wan ranekin, êzdîyan gelek caran qurban didan, hinekan jî diçû bal şêx û melleyan bona ewana ji wan ra nivîstê çê bikin, ku ruhên neqenc zirarê nedine wan.

Xên ji ruhê pêşîyê malbetê, ku dikaribû bi xwe jî bûbûya ruh û neferên mala xwe biparasta, bal êzdîyan herwiha horî û melekên malbetê hebûn, ku xwedî li ruhê her neferekî malbetê derdiketin, mal û hebûna wan diparastin. Ew horî û melek ev kes bûn: Milyaketê malê, Dewleta malê, Gavanê Zerzan, ku dewarên malê diparast, Memê Şivan, ku parastvanê pêz bû û h.w.d. û bona qedirgirtina wan di demeke salê da, piranî di Beranberdanê û zayîna pêz da êzdîyan pezekî ku ji berê da duruf kiribûn û herwiha dewar jî qurban didan û rojekê jî rojî digirtin.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku di sitêra malê da ruh heye, ango ruh di sitêr da dijî, ku ew ruh carna, piranî di dema qezayan da, bi şevan dangan derdixe, bi ruhên qenc yên mayîn ra dipeyîve, şerê ruhên neqenc dike û nahêle ku ew bikevine malê. Ew ruh di dema êrîşa dizan û qaçaxan neferên malê hişyar dike, lê heta wî çaxî ew dikeve qilxê gornepişkan û himberî dijmin û neyaran disekine, bona ew ji wî bitirsin, nekevîne malê, heta neferên malê hazirîya xwe ya berxwedanê nebînin.

Gorî êzdîyan, ruhên gerok jî hene. Ewana timê qencîya merivan dixwezin, himberî ruhên li malan, diha xurt û bi hêztir in, bi wan ra zoraya Xwedê heye, ew ne tenê alîkarîya êzdîyan dikin, lê herwiha alîkarîya hemû merivayê dikin. Navê ruhekî wisa Îbrahîm Xelîl e, ku gorî dîndaran sifira malê ji destdirêjayên ruhên neqenc diparêze. Lema jî êzdî piştî nanxwerinê dua li sifira nên dikin, dibêjin: „Bira dua Îbrahîm Xelîl li vê sifirê be“.

Bawermendîya di hindava ruhên qenc da bal gelek miletan heye. Ermenîyên Vaspûrakanê ser wê bawerîyê bûn, ku ruhên malan di nav bedena maran, horî melekên an jî bi qilxê merivan di qulên dîwaran, bin ban, zêzemînan da dijîn û carna tînin serdana neferên malê. Neferên malê qedirê wana gelekî digirtin û bawer bûn, ku xweşbextîya mala wan bi wan va girêdayî ye.

Bal miletê os jî ruhên malparastinê hene, ku bi qilxên kuran, keçan, berxên sîs (sipî), bizinan û heywanên mayîn va dijîn. Os ser wê bawerîyê bûn, ku tenê milyaket û zarên sava dikarin ruhên malan bibînin, ew jî tenê şeva sala teze⁸¹.

Di nav bawermendîyên êzdîyan da ruhbera bi navê Xatûna Ferxan eyan e, ku alîkarê ji dayîkbûyîne ye û bona çev li zarokên tezebûyî nekevin, dê û zar çil rojan bi tenê dihîştin, ango tu kes nikaribû berî 40 rojan zarê bibîne.

Êzdî bawer dikirin, ku xên ji ruhên qenc, di nav tebîyetê da ruhên neqenc jî hene, ku tenê zirarê didin, dijminên hemû merivan in, herwiha dijminên zarên tezebûyî ne jî.

⁸⁰ F.Êngêls. Mal, arzîtiya şexsî û xuliqandina dewletê; Yêrêvan, 1948, rûpel 121.

⁸¹ M.Kovalêvskîy, berevoka kurt, rûpel 85.

Dayka êzdî ya zara tezebûyî 40 rojan ji mal dernediket bona ruhên neqenc zirarê nedine wê û zarê.

Ev edet heta niha jî hema bêje wek berê tê parastinê.

Aşûrîyan bona zarên xwe yê tezebûyî ji ruhên neqenc biparastana, bi şûran dora zarê cixîzên xaçkî dikişandin û paşê şûr û Încîl datanîn ber serê zara sava.

Gurcên Kaxêtê bona zarên xwe yê tezebûyî ji ruhên neqenc biparêzin, kêr an jî perçeyên hesinî datanîn ber serê zarê⁸², lê milletê xevsûr zara tezebûyî 40 rojan ji mal dernedixist û ew nîşanî tu kesî ne dikirin⁸³.

Gorî êzdîyên Xwedênas eger Xatûna Ferxan ji bal zara tezebûyî here, neyar wê dil û cegerê zarê derxistana û birevîyana.

Berê êzdîyan 40 rojan serê zara tezebûyî ne dişûştin, ji ber ku ser wê bawerîyê bûn, ku di nava avê da ruhên neqenc hene, ku ew dikarin zirarê bidine zarê, lê piştî 40 rojan ew ruh hêza xwe hindava dê û zarê da winda dikirin. Tenê pey 40 rojan ra serê zarê dişûştin, 40 kevçî av li serê wê dikirin û heft caran gotina xwe dubare dikirin:

”Çil çû ji xwe ra
Zar ma ji me ra”.

Gorî vî edetî, ku di nav gelek miletan da heye, nexweşî û mirina zarê bi ruhên neqenc va girêdayî ye, lê saxlemî û kêfxweşîya zarê jî bi ruhê qenc va girêdayî ye.

Êzdî bona ruhên neqenc ji zarê dûr bixin, li defê dixistin, dikirine qareqar, dengên ne gorî merivan derdixistin. Eger zaro bi xwe va biçûya (bixeriqîya), hesp dibirine bal wê, hesp mecbûr dikirin ku bike hîre-hîr, bona ruhên neqenc ji wî dengî bitirsîn û ji wan deran herin.

Dema zar an jî merivekî nexweş bixeriqîya, di nav hewê da gulle agir dikirin, dora cî û nivînên wan perçên hesin datanîn, gustîl dikirine destên wan, bona ew bi xwe va neçin. Eger jin bixeriqîya, şûr datanîn nava destê wê yê rastê, bizinek serjê dikirin û kezeba wê ji kulekê davîtine derva, ku ruhên neqenc bi wê yekê va bêne xapandin⁸⁴.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku ew elk û ruhên neqenc yê din di nav zinaran, qûmistanan, keviran, şikeftan û di warên tarî da dijîtin, lê ruhên qenc li daristanan, baxçeyan û mêrgên gulvedayî da dijîtin.

Bal êzdîyan ev bawerîyên ruhanîyê gihîştibûne wê derecê, ku ew ser wê fikirê bûn, ku ruh dikarin li deştan, gelîyan, qulçên tarî da bikevine nava zikê merîyan û meriv jî vê yekê dikarin bibin kesên bêhûde, çevbirçî, zikreş. Gorî êzdîyan ruhê ku di nav zikê kesê birçî da dima, bi wî ra xwerina wî dixwer, para wî jê distend, lema jî meriv jî çapê zêde dixwer, lê têr nedibû. Êzdî derheqa kesê ku zêde dixwe ra dibêjin: ”Tu dibêjî qey cin pê ra dixun”.

Gorî bawermendîyan ruhên wisa jî hene, ku zarokan dixapînin, wana didizin, lê nakujin, çend rojan bi wan ra dilîzin, direqisin, şa dibin, paşê wana verêyî malê dikin. Zarên ku rê winda kiribûn, ji wan ra *cinebrî* dihate gotin.

Di nav edetên kurdan yê dewatan da jî bûyerên wisa hene, ku bona wê ne, ku ruhên neqenc zirarê nedine bûk û zavê. Gava cîyê bûk û zavê datînin, ango şeva pêşin, û zava nikare karê xwe bike, dibêjin ”Cina lêxistîye”, an jî ”Hatîye girêdan”.

Bona şeva pêşin bûk û zavê ji ruhên neqenc dûr xweykin, li ser derîyê ku bûk û zava gerekê şeva pêşin bi hev ra derbaz bikin, du pîrên perçeyên hesin di dêst da didane sekinandinê, yê ku gerekê ewqas wext li wir bimana, heta bûk û zava karê xwe xilaz bikirana.

⁸² G.F.Çûrsîn, Erf û edetên gelê kaxêtî; Nivîsên beşa Kavkazê ya Hevaltiya erdnîgarîyê ya Împêratorîya Rûsîyayê, cild 25, Tîflîs, 1907, rûpel 49.

⁸³ D.Raddê. Xevsûrîstan û xevsûr. Nivîsên beşa Kavkazê ya Hevaltiya erdnîgarîyê ya Împêratorîya Rûsîyayê, Tîflîs, 1880, rûpel 74.

⁸⁴ Êzdî ji van ruhên ku zirarê didine zaran, *elk* dibêjin. Bi ermenî jî dibêjin *alk*. Bi bawerîya wan bejina elkê bilind e, piştî wî zirav e, serê wî biçûk e, tilîyên destan û pêçiyên lingan dirêj in, can û bedena wî bi pirç e.

Hema ji bo wê armancê bazinê ku çev lê nekeve dikirine destê bûkê, bona ruhên neqenc nikaribin xirabîyê bikin.

Bal êzdîyan zarneanîn (bêberî; jinên ku bi wan ra zaro nedibûn) jî bi xirabîyên ruhên neqenc va dihate şirovekirinê. Jinên kurdan bona bê ber nemînin, ser demekê bi zava ra cîguhastî mala bavê xwe dibûn, an jî mêrê ku ji mêranîyê ketibû, bona xwe ji ruhên neqenc xilaz bike, mala xwe xirab dikir û li cîkî din maleke teze çê dikir.

Bi bawerîya êzdîyan ruhekî din yê neqenc jî hebû, yê ku him bi roj, him jî êvaran hewil dida merivan bixeniqîne. Ji wî ruhî ra *Kabûs* digotin.

Ew ruh di nav bawerîyên ermenîyên Bûlanixê da jî heye⁸⁵.

Eger meriv ji hal dikeve, nikare xwe bibe-bîne, êzdî wê yekê bi Kabûs va girê didin, yê ku bi şev ser sîngê merivan rûdinê û wî dixeniqîne. Bona ji Kabûs rizgar bibin, merivê ji hal ketî gerekê navê Melekê Taûs bida.

Bal êzdîyan ruhê neqenc yê bi navê Sbat⁸⁶ jî heye, ku bi sermayê û surê ra girêdayî ye. Bi bawerîya êzdîyan Sibat bi çêjikên xwe va di meha sibatê da gund bi gund digere û li her deran sur û sermayê, nexweşîyê û mirinê bela dike.

Êzdî bona Sibatê ji gund derxin, berê xwe didane Melekê Taûs û digotin: "Ya Melekê Taûs, tu me ji vê Sibatê xilaz bikî". Gorî êzdîyan, gava Sibat ji gund dûr diket, bager û tofan, sur û serma nedîman, dest bi baharê dibû, qalçîçek ji bin axê serê xwe bilind dikirin, him meriv, him jî pez û dewar şa dibûn.

Bal êzdîyan dêwên ejdaha jî ruhên neqenc bûn, ku bal gelek miletan jî wisa ye, yên ku ne gelekî bi aqil in, hela di ser da jî xişîm û nezan in, lê quwet û bi hêz in, dikarin kevirên terikî gulol bikin û kewkî dereke dûr bikin. Di nav hikyatên gelêrîyê da ewana qira ordîyê tînin, bi lingekî dikarin gund û bajaran wêran bikin, dinyayê bihejînin. Di hikyatan da wextê şerkirinê ew hey ji hev dûr dikevin, hey têne bal hev, heta şerê hev jî dikin. Dêw gelek kubar in û pesinê xwe didin û bi bawerîya êzdîyan ji ber wê jî zû têne xapandinê û zora wan dibin. Ewana jî mîna ruhên neqenc yên din di şikeftan, di qulên dîwaran, gelîyan û cîyên mayîn da dimînin. Gorî êzdîyan hespên wana kihêl in û beza wan xurt e.

Di nav bawermendîyên êzdîyan da gelek cûrên dêwan hene, ku dijminaya merivan dikin, dû keçên ciwan diçin û wana dişuhurînin. Ew keçik çî ku bixwezin, dêw ji wan ra tînin, wek xişîr, kinc, xwerin û h.w.d. Ji ber ku dêw di qîlxê merivan da nin û dikarin bi jinan ra bizewicin, lema jî mêr şerê wan dikin, carna jî ew şer digihîje mêrkuştinê jî. Gorî hikyatan mêrên genc dikevîne warên dêwan, wana dikujiin û keça hizkirî ji dest wan derdixin.

Gorî mîtologîya almanan ew dêw mîna heywanên cûre-cûre bûn, ew him bi merivan ra, him jî bi Xwedê ra şer dikirin⁸⁷.

Ji ber ku dêw mînanî horî perîyan bi merivan ra dizewicin, lema jî xeysetê wan mîna yê merivan e, ewana di jîyana rojane da wek merivan emel dikin. Ev yek bi awayekî geş di zargotina kurdan ya pirjanr da xuya dibe.

Dêw hewil didin bibine xwedî û xudanên dinyayê. Gava meriv ber dilê wan da tîn, ew dilrehm dibin û bi her awayî hewil didin alî destebirakên xwe bikin.

Di nava mîtologîya kurdan da hêza van dêwan weke hêza erş û ezman xurt e, wek hêza Xwedê ye.

Bawerîyên awa yên hindava dêwan da bal lîtvani û latîşên berê da jî hebû. Ewana salê carekê bona dilê dêwan bikirin, gelek qurban didan⁸⁸.

Di bawermendîyên êzdîyan da em dêwekî din dibînin; bi bejineke tîtalî dirêj, bejineke şitaf û zirav lê, ku jê ra *Reşê şevêdibêjin*. Evana tenê bi şevan ji warên xwe - ji bin keviran, zinaran, çîyan, şikeftan dertên. Bedena wan bi temamî reş e, bona wê yekê jî ji wan ra *Reşên şevê*

⁸⁵ Bênsê, Herêma Bûlanix an jî Hark, Tiflîs, 1900, rûpel 10.

⁸⁶ Kurd ji meha 2an ra *sibat* dibêjin.

⁸⁷ Germanische Myphologie von Elard Hugo Meyer, Berlin, 1891, rûpel 9.

⁸⁸ V.Vündt. Mîf û dîn, S-Pêtêrsbûrg, 1905, rûpel 406.

dibêjin. Ewana wisa bilind in, ku serê wan xuya nabe. Kesê ku Reşê şevê didît, gerekê ber pante bida û jê hîvî bikira, ku zirarê nede wî.

Gorî dîndarên êzdîyan, evana piştî ku şev demeke dirêj digerin, diwestin û diçin warê xwe, xwe diqincilînine ser hev û radizên.

Bi fikira êzdîyan ruhên herî kirêt û pîs ruhên bi navê Zibên in, ku mîna sîklopên yûnanan in. Gorî êzdîyan jora enîya wan da çevêkî mezin heye û wek ku şêx û pîr dibêjin, ewana di dojhê da wan merivan dikutin û dizêrînin, yên ku di dinya ronik da bi xwedî, serekeşîr, axa û begên xwe ra, ji mala hadîyan ra (kesên ruhanî) ne amin bûne, xayîntî ji wan ra kirine. Eger hêrsa wan rakin, ew dikarin li merivan xin, wana şerpeze bikin.

Gorî kurdên êzdî ruh dikare ji canê merivan derkeve, tewqên xwe jê bibire û bi serî xwe be. Piştî ku ruh bi destî Ezrayîl ji canê merivan derdikeve, dikare li her deran bigere, paşê bikeve nava hêşinayê û nava canê heywanan, dikare di malên merivên xwe da, di darsitanan da, di nav lodan da, çem û golan da bijî. Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku ew kesên ku di saxîyê da kîsî xelkê dewlemend bûne, çikûz û xêrnexwaz bûne, ew di qîlxê heywanan va dîyar dibin û merivan ditirsînin. Ji van ruhberan ra *Gornepişîk* dibêjin. Gorî dîndaran Gornepişîk carna bi qeretûyê rûvîyê reş va xuya dibe, yê ku li ser rîya rûdinê û merivan ditirsîne, banz dide ser piştî hespan, xwe bi situyê merivan va dialîne, paç dike, dikute, ji ser piştî hespê peya dibe, dîsa baz dide ser piştî hespê û h.w.d. Merivê ku dikeve wî halî, xwe winda dike, di cîyê xwe da dibe risas, vî alî û wî alî dinihêre, fêma dike ku ketîye telika Gornepişîkê. Gornepişîk carna wek qeretûyan jî dîyar dibin.

Ruhberên vî awayî di bawermendîyên dînî yên almanan û gelek milletên cihanê yên mayîn da jî hene. Gorî binecîyên Avstralîyê yên kevnare, ruhê merivên neqenc dikevîne destê ruhberên neqenc. Gorî binecîyên girava Karîbê ruhên neqenc dikevîne nava behrê, qeyîk an jî gemîyên merivan weldigerînin û zirarê didine wan⁸⁹.

Gorî gotina binecîyê gundê Gelto navçeya Talînê, komara Ermenîstanê Eyîb, gava ruhê neqenc li ser keçekê bengî dibe û ew keç ji xortekî dinê hiz dike, ew ruhê neqenc ji kumreşîyê derbeke zexm li xort dixê, xort bi cinan dikeve, dibe yekî cinaketî.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku ruh, dêw û horî perî li her deran digerin, diçine ezmanan û li wir perwaz didin, ku ew nayêne xuyanê, lê carna tenê kûçîk dikarin wana bibînin.

Ruhên neqenc dikarin bikevîne nava merivan û bibîne sebebê nexweşîyan.

Di dînen gelek milletên Rohilatê da ew bawerî heye, ku şaman piştî mirinê dibîne ruhên neqenc û zirarê didine merivan.

Gorî êzdîyan, meriv nikare bawerîya xwe bi kesê xwedî ruhê xirab bîne. Gorî Xwedênasan, meriv gerekê bi ruhên qenc va himberî nepakan ber xwe bide û bona ruhên qenc hêja ye meriv qurbanan bide û dua bike. Êzdî bawer dikin, ku ruhên qenc hertim hazir in alîkarîya merivan bikin, wana ji bedbextîyê û tengasîyê xilaz bikin. Derheqa ruhên qenc da bi awayekî berfireh di zargotina kurdan da hatîye gotinê, di wê da gelek nimûnên berbiçev hene. Di zargotinê da qencî timê jî himberî xirabîyê bi ser dikeve, lê di hikyatan da ruhên qenc şîretan li merivan dikin, bona di jîyanê da şaşîyan nekin.

Mêrxasê hikyata „Cinet“ Mîrmih warekî wisa digere, li ku mirin tune û li ku ava avilheyatê heye, ku kê jê vexwe, namire. Ew cîkî wisa dibîne, li wir sê xûşk diman û ewana Mîrmih ji xwe ra dikine bira. Rojekê hersê xûşk hazirîya xwe didîtin derkevin bigerin, temîyê didine birayê xwe, ku hilnekişê ser darê sor yê di bexçê wan da. Mîrmih temîya xûşkan bendî tişteki nahesibîne, hildikişê ser darê û xwe dêşîne, birîndar dibe.

Ev ruh, ku kurd ji wan ra horî-perî dibêjin, carna jî bi merivên rast ra xûşktîyê an jî biratîyê dikin.

Gorî kurdan ruhên qenc jî mîna ruhên neqenc di nav tebîyetê da gelek hene. Horî-perî ji qîsmê jin in, qenc û berbîhêr in, alî merivan dikin. Pîranîya vana rex çeman û kanîyan, di daristanan û çîyan, şikeftan û deştan da dijîn. Wisa xuya ye, ku ev bûyer bi darên ku têne hebandinê va têne girêdanê û emê derheqa vê yekê da li jêrê xebêrdin. Ewana dema bixwezînin

⁸⁹ V.Î.Ravdonîkos, Dîroka civaka berî dewrana me, cild 2, Lênîngrad, 1947, rûpel 113.

dikarin bifirine ezmanan, hertim distirên û direqisin, horî-perî di qilxên merivan va dertêne pêş me, dikarin bi merivan ra mêr bikin.

Ruhên neqenc yên behran jî hene, ku behrê serûbinî hev dikin, pêlên wê yên ejdaha li hev dikevin û tirs û xof dikine dilê her kesî. Lê horî-perî merivan ji wan qeza û belayan xilaz dikin, di wî karî da ew herdem himberî neqencan bi ser dikevin.

Bi bawerîya kurdên êzdî horî-perî merivan ji bagerê jî xilaz dikin, rêwîyên ku riya xwe şaş kirine, rê li ber dixin, ku bigihîjine malên xwe. Horî-perîyên daristanan li koka daran û ser çiqilên wan dijîn, sur-serma û ba û baran tesîra xwe li wan nahêle. Horî-perî şayê, bextewarîyê, zorayê, milahîmbûnê ji merivan ra tînin. Mêrxasên gelek hikyatên kurdan wek wana qenc û berbihêr in.

Di nav bawermendîyên êzdîyan da ruhê bi navê *Milyaketê qenc* nîşana qencîyê û paqijayê ye.

Merivên berî dewrana me, ku haya wan ji perçên bedena wan tunebû, organên jinan û mêran yên ku emir didine nisiletan, wek tiberk hebandine. Lema jî him di dema hemlebûnê da, him jî di wextê zarobûnê da erefatên dîni dikirin. Bona ji wan ra zar bibin, wana pez qurban didan, berê xwe didane Melekê qencîyê bona jina bê ber zaran bîne.

Bal êzdîyan qedirgirtina Melekê qencîyê bê erf û edetên dîni, bêy qurbanan nedihate derbazkirinê, çimkî zarbûyîn bi wî va girêdayî bû.

Bal gelek milletên dinyayê Melekê qencîyê heye, yê ku merivan û pez û dewaran ji çevên neqenc diparêze.

Gelek jinên kurdan xişirên avzêrkirî û zîvkildayî li situyên xwe va dikirin, ku nîşana qedirgirtina Melekê qencîyê bû û navê wan xişiran *tazbend* bû. Heta salên 30î yên sedsala 19an pîrên kurdan tazbend-himayîlên wisa di situyê xwe va darda dikirin.

Edetê sunetê jî bi Melekê qencîyê va tê girêdanê. Wextê sunetkirina kur û xortên kurdan şêx an jî melle hewara xwe li Melekê qencîyê dadixistin, digotin: „Milyaketê qenc, bereketê bide“, „Milyaketê qenc, bira quweta vî kurî zêde be“.

Piştî sunetkirinê bona dilê ruhên nedîyar bikin, pez û dewar qurban didan û goştê xav di nav belengaz û feqîran da bela dikirin.

Ev edetê ku bi sunetkirinê ra girêdayî pez û dewar serjê dikirin û qurban didan, di nav binecîyên Kîkûyê yên Afrîka Başûr jî heye. Li wir mîna kurdan xortan di emirê 10-12 salîyê da sunet dikin. Binecîyên Kîkûyê bona dilxweşkirina ruhên nedîyar wextê sunetê ji destê kalekî perçekî goştê wî bîzinî didane her kurekî ku wê ew sunet bikirana, bona hêz û quweta wan zêde bûbûya û di karê xwe da serketî bûna. Paşê berê xwe didane wî ruhê qencîyê, ji ber ku serketin, mêrxasî, bext û bextewarî di destê wî da bû⁹⁰.

Bawermendîyên hindava ruhên qenc û neqenc hinkûfi hemû milletên Pişkavkazê ne. Di mîtologîya ermenîyan da *aralêzjî* ruhên qenc bûn, yên ku di meydana şêr da mêrxasên şehîdketî sax dikirin⁹¹.

Bawermendîyeke wisa bal kurdan jî hebûye, ku ji aralêzan ra digotin *Milyaketên ku pif dikin*. Wana jî mîna aralêzan merivên mirî sax dikirin, tenê ferq di wê yekê da bû, ku gorî mîtologîya ermenîyan wana bi alastinê va sax dikirin, lê kurd bi pifdanê va.

Îzbatîyên van gotinên me ew in, ku di hikyatên kurdan da Milyaketên ku pif dikin jî rastî me tînin.

Mêrxasê hikyata „Baso“, ku Baso bi xwe ye, şerê wan kesên ejdaha dikir, ku çev berdabûne dilketîya wî. Baso 12 kes ji wana dikuje, lê bi xwe jî şehîd dikeve. Bi duakirina keçika hizkirî - Bedîlê, ruh di devê Baso da deng dide û ew sax dibe.

Bawerîke wisa, ku ruh merivan sax dike, di mîtologîya gurcan da jî heye⁹².

Kurdên êzdî bona xwe ji mixenetîyên ruhên neqenc xilaz bikin, her firsend bi kar dianîn. Li cîyên ziyaretî û di ocaxên şêxan da qurban didan û eyd û erefatên dîni derbaz dikirin. Ocaxeke wisa, ku navê wê ocaxa Cin Teyar e, di gundê Mîrekê, navçeya Aragasê, komara Ermenîstanê da

⁹⁰ K.P.Frederic. La circonrision au Kikuyu,- Brotish East African Review,- 1911, rûpel 620.

⁹¹ Yêznîk Koxbasî. Yêrs axandos, Yêrêvan, 1914, rûpel 69-70.

⁹² Gr.Xapansyan. Bawermendîya Ara Gexesik, Yêrêvan, 1946, rûpel 34.

ne. Di mala Cin Teyar da *şiva qudretê* hebû. Merîyê di sêrî (di hiş da) da nexweş dihate wê malê (ango, dihate ber malê), yek ji şêxên malê bi wê şivê lê dixist, bona cin ji nav wî derxe û kesê nexweş „qenc“ bike. Şêx şiv hildida destê xwe, li nexweşê tazîkirî dixist, wî mecbûr dikir, ku navê wî cinî bide, ku ketîye canê wî û wî dizêrine. Yê nexweş nizanibû navê wî cinî çi ye, wî çaxî şêx ewqas wext lê dixist, heta ew bi xwe va diçû (dixerîqî). Şêx tûka xwe li eniya nexweş dixist, kincên wî lê dikir, têlekî ji rîs dikir girê û bi kincên nexweş va girê dida. Ev emelê dawî yê qudretî, bi fikira me, bi pêz va girêdaye. Hirîya pêz heta niha jî bal kurdan tiştêkî ziyaretî tê hesibandin.

Qewim û pismamên merivê nexweş, xên ji wê yekê ku pezek qurban didan, dewarek an jî mîyek wek hedîya didane mala Cin Teyar. Heta êzdîyê herî destteng jî mecbûr bû pez an dewareke xwe bida wê ocaxê.

Ocaxa Cin Teyar, ku xwedîyê wê Şêx Ereb bû, bona hemû êzdîyên Pişkavkazê bûbû cîyê ziyaretê yê sereke.

Bi bawerîya kurdan ruhên nenas bi qîlxên mêvanên nenas jî dîyar dibûn, ji ber wê jî wana ji mêvanan ra *mêvanê Xwedê* digotin.

Bal gelek miletan, herwiha bal kurdan jî, di qedirgirtina mêvanan da fikira aborî jî hebû. Bona kurdan gava di zivistana sur û seqem da mêvanek dihat, wana alîkarîya hev dikir û hinek pirsên aborî jî dihatine safîkirinê. Ew jî tiştêkî hêsa nîbû, ji ber ku gundên kurdan ji hev dûr bûn, rêyên orta gundan da bi berfê va dihatine girtin, çûyîn û hatin gelek zehmet dibû.

Bal milletê nênes, ku di tûndrayên Rûsîyayê da di şertên gelek sar û serma da dijîn, mêvanhizî di jîyana wan da cîkî berbiçev digire. „Sîstema me wisa kirîye, ku bal hemû miletan mêvanhizî ser dereceya bilind e. Mêvanhizî bal merivên berî dewrana me jî hebûye, lê ew bona alîkarîya hevdu bikin bûye, ku tu kes ziyane nekeve“⁹³.

Gorî edetê kurdan malxwêya malê ji bo mêvanan xwerin û vexwerineke taybetî çê dikir. Bal kurdan qedirê mêvanan gelekî bilind e, carna ew fikir jî tê bikaranînê, ku ew ji alîyê Xwedê da hatine şandin û bi gotina wan ew mêvan hatine bona bizanibin ka bereketa malê çiqas e, ew çiqasî qedirê namûsê û dostanîyê digirin. Gorî êzdîyan Ezrayîl carna wek mêvan li wan diqeside û şev ruhê nexweş distîne û mina dibe (betavedibe, winda dibe).

Di nav berhemên zargotina kurdan ya dewlemend da îzbatî hene, ku mêvan ji alîyê malxwêyê malê û neferan va çawa tê qebûlîkirinê, çi dixwe, vedixwe, çawa heta êvara dereng bi neferan ra qise dike, paşê dikeve nava cîyan radizê, lê şev dereng winda dibe, wek ku di hikyata „Silo“ da, ku mîrxasê wê ruh e û ew ruh diçe mêvanîya mala merivekî dewlemend, mala Bedirê Emo. 3000 pezên Bedir hebûne, lê ew alî merivên xwe yên destteng û merivên feqîr nake. Ev yek bi Melekê Taûs xweş nayê, lema jî ew ruh dike qîlxê merivan û dişîne wê malê, bona wî bicêribîne, ka ew yekî çawan e.

Культ духов

Согласно представлениям курдов-езидов существуют добрые и злые духи, которые шныряют повсюду вокруг, летают в небе, а многие из них обитают под землей.

Понятие зла и добра является краеугольным камнем дуалистического мировоззрения и стержнем зороастризма.

По мнению езидов все приносящее пользу считается результатом добра, а все вредоносное - это результат зла.

⁹³ K.V.Ostravîyanov, nivîsên derheqa aborîya berî kapîtalîzmê da., Yêrêvan, 1946, rûpel 24.

Поверье о существовании добра и зла овладевает умами и по сей день, и оно приобщилось к езидам не через зороастризм или христианскую религию, как полагают некоторые ученые, а возникло еще со времен первобытного общества.

В курдской мифологии духи появляются в облике людей и животных, а порой и в виде приведений. Они присутствуют в жизни людей на протяжении всей их жизни.

Езиды думают, что злые духи всегда причиняют людям зло, стараются навредить им и приносят смерть членам их семей. А добрые духи, наоборот, всячески оберегают их, защищают от злых духов и их козней. Поэтому они считают, что надо поклоняться добрым духам, а причитающуюся им долю еды отдавать беднякам и обездоленным людям, иначе добрые духи могут разозлиться и прекратить борьбу со злыми духами, или вовсе уйти в сторону. В прежние времена все члены курдской семьи от мала до велика старались выстраивать линию своего поведения и каждодневные дела в таком порядке, чтобы не сердить добрых духов и не лишиться их покровительства. Дабы не разозлить добрых духов и заручиться их благосклонностью, езиды, обычно, совершали обряд жертвоприношения в их честь, а некоторые прибегали к НИФШТУ⁹⁴ чтобы отвести от себя вредоносные намерения злых духов.

Помимо духов предков и оджаха-хранителей семейного очага-у каждой отдельно взятой езидской семьи или же рода были также свои отдельные святые духи, под опеку которых езиды всецело вверяли членов всей семьи, дом, скот и все остальное имущество. Таковыми, например, считались МИЛИАКАТЕ МАЛЕ (добрый домашний дух), ГАВАНЕ ЗАРЗАН (покровитель крупного рогатого скота), МАМЕ ШВАН (покровитель мелкого рогатого скота) и т.д. Чтобы заручиться их благосклонностью и умиловить их, езиды в определенные периоды времени, главным образом в дни БАРАНБАРДАНА⁹⁵ (Beranberdan) и овечьего окота приносили в жертву заранее выбранного для этой цели жертвенного барана или другое животное. При этом они одновременно держали однодневный пост.

Езиды думали, что СТЕР⁹⁶ в доме - это обитель домашнего духа, который в основном в ночное время в случае какого-нибудь происшествия подает голос, разговаривает с другими добрыми духами и борется со злыми духами, препятствуя их проникновению в дом. А если в дом забрались воры или разбойники, то он начинает подавать голос и будить членов семьи, но до того как они проснутся и возьмутся за оружие, он принимает облик чудовища и начинает пугать злодеев, чтобы они не переступили порог дома.

Похожее поклонение добрым духам мы видим также у многих других народов. Васпураканские армяне верили, что домашние духи обычно имеют облик змея, гурий или ремесленника, которые живут в стенах дома, на чердаках, в подвалах и время от времени появляются перед членами их семьи. Все члены семьи относились к ним с большим уважением и верили, что благополучие их семьи зависит от воли духов.

В верованиях осетин тоже присутствуют духи, считающиеся охранителями их домов, которые появляются в образе юношей, девушек, белых ягнят, козлят и других животных. Осетины считают, что духов способны видеть только волшебники и маленькие дети, причем только в новогоднюю ночь, потому что дети никаких представлений о духах не имеют⁹⁷.

По представлениям езидов существуют также добрые духи-бродяги, которые всегда доброжелательно настроены к людям. Они, в сравнении с домашними духами, обладают гораздо большей силой, наделены божественными свойствами. Они созданы помогать не

⁹⁴ Нифшт - заклинания в виде записок или завязывание узелков.

⁹⁵ БАРАНБАРДАН - процесс впускания, обычно в октябре месяце, баранов в загон к овцам для спаривания.

⁹⁶ СТЕР - так называется сложенные в нише комнаты постельные принадлежности. Для езидов стер считается священным местом.

⁹⁷ М.Ковалевский, УК, соч.. с.85

только езидам, но и другим народам. Одним из них является дух по имени Ибрагим Халил. По убеждению верующих, он призван оберегать от происков злых духов СУФРУ⁹⁸ их дома. Поэтому по окончании трапезы езиды благодарят за угощение и произносят благословляющие слова: "Да пребудет милость Ибрагим Халила с этой суфрой" (Bira rehma Ibrahîm Xalîl Li ve sîrêra be).

В верованиях езидов присутствует помогающая беременным женщинам при родах Хатуна Фархан⁹⁹, а также другие добрые духи, которые в течении 40 дней после рождения ребенка не покидают дом с целью уберечь младенца и роженицу от духов зла. Езиды верят, что наряду с добрыми духами повсюду витают и злые духи, являющиеся врагами всех людей, в том числе роженицы и ее ребенка.

Чтобы уберечься от коварных намерений злых духов роженица и ее ребенок целых сорок дней не выходили из дома.

Ассирийцы, чтобы отвести злых духов от роженицы, кинжалом чертили линии в виде креста и прятали под ее подушку кинжал и евангелие.

С той же целью грузины Кахетии клали под подушку роженицы нож или кусок железа¹⁰⁰, а у хевсуров роженица в течение 40 дней не должна была выходить из хижины¹⁰¹.

Верующие курды-езиды утверждают, что в случае отсутствия Хатуны Фархан рядом с роженицей злые духи, воспользовавшись моментом, могут вырвать сердце и легкие у неё и младенца. В прежние времена езиды не купали ребенка сорок дней, объясняя это тем, что в воде водятся духи зла, которые могут причинить ребенку вред, а через сорок дней у этих духов сила исчезает. Ребёнка в первый раз купали по прошествии сорока дней, во время купания на голову ребенка сорок раз ложкой лили воду и приговаривали:

*Çila Çû xwera.
Zaro ma mera.*

*Сороковой ушёл сам (восвояси),
А ребенок остался нам.*

Эти предрассудки зачастую приводили к тому, что дети из-за отсутствия элементарных норм гигиены страдали тяжёлыми заболеваниями.

Это чисто бытовое явление приобрело мистическую окраску, болезнь и смерть ребенка, равно как и его выздоровление, езиды связывали с действиями злых и добрых духов. Соблюдение роженицами этого обычая «сорока дней» частично сохранился и до наших дней в некоторых религиозных семьях курдов-езидов.

Чтобы отвести злых духов от роженицы езиды прибегали к шумовым действиям: стучали, били в барабаны, издавали разные крики и т.д. К примеру, совершались также следующие действия:

1. Если роженица или кто-то из больных терял сознание, то производился выстрел из ружья.

2. К роженице, потерявшей сознание, подводили лошадь и заставляли ее ржать. Это должно было напугать злых духов и отогнать их от роженицы.

3. Вокруг постели роженицы раскладывали железные предметы и на пальцы рук надевали кольца, думая что это не позволит ей потерять сознание.

⁹⁸ Суфра - букв, скатерть. Имеет также значение накрытого угощениями стола и благосостояние семьи

⁹⁹ Хатуна Фархан - покровительница беременных женщин и младенцев.

¹⁰⁰ Г.Ф.Чурсин, народные обычаи и верования кахетинцев, Записки Кавказ, отделения Импер. географ, общества, кн.25. Тифлис, 1907, с.49.

¹⁰¹ Д.Радде, Хевсурия и хевсуры, Записки Кавк. отд. Императорского русского географ, общества, Тифлис. 1880. с.74

4. В правую руку роженицы вкладывали кинжал.

5. Забивали козу и ее печенку выбрасывали наружу через дымоходное отверстие в потолке (kulek) . Езиды верили, что тем самым они обманывают злых духов, которые схватив козью печенку, сразу же убегут прочь от роженицы, думая, что им попалась ее печень.

По представлениям езидов злой дух высокого роста с тонкой талией и маленькой головой, пальцы рук и ног длинные, а тело покрыто шерстью.

Езиды были уверены, что обителю нечистых сил и прочих злых духов являются ущелья, пустыни, камни, скалы, пропасти и темные углы, а добрые духи живут в лесах, садах и цветущих долинах.

Анимистические взгляды езидов привели их к той мысли, что духи водятся везде - в поле, ущельях, в горах или темных углах, что они могут проникнуть в человеческое тело через его живот и превратить его в жадное, ненасытное и бесовское существо. По их представлениям, поселившийся в животе ненасытного человека дух постоянно ест и пьет вместе с ним, отбирая у того часть еды, и именно по этой причине ненасытный человек всегда ест много. Об обжорах езиды говорят: "Глядя на него можно подумать, что вместе с ним едят и духи (Tu dibêjî cin pera duxun).

По поверьям езидов существуют также духи-обманщики, которые похищают детей. Заблудившегося ребенка называют ДЖИНАБЕРИ (похищенный духом). Но "похищенных" детей духи не губят, они несколько дней держат их у себя, играют с ними, танцуют, веселятся и в конце концов приводят их домой.

В свадебных обычаях езидов существуют обрядовые действия, которые, якобы, направлены против злых духов и их козней, способных сделать молодоженов несчастными, лишив их семейной жизни и радости. Эти обрядовые действия выражались в следующем: если вдруг жених в брачную ночь утрачивал мужскую силу, езиды говорили, что "его настиг удар злых духов" (cin lexistin), или "его повязали"(hatîye grêdan), и чтобы избавиться от злонамерений духов, в первую брачную ночь перед входом в хийат¹⁰² (xîyet) ставили двух старух с железными предметами в руках. Они должны были находиться там до окончания брачного таинства.

С той же целью на руки молодой невестки надевали браслеты.

Бесплодие тоже езиды объясняли происками злых духов. Дабы не остаться бесплодной, курдянка вместе с молодым мужем на некоторое время переезжала к своим родителям. В случае бесплодности мужа он ради спасения себя от злых духов сносил свой дом и строил другой, но уже на другом месте.

По мнению езидов существует также жестокий злой дух Кабус, который в любое время как днем так и ночью мог душировать людей. Похожий дух известен и в верованиях буланыхских армян.¹⁰³ Неподвижность человека езиды приписывают проделкам Кабуса, который, якобы, ночью приходит к человеку, садиться ему на грудь и начинает душировать. Чтобы спастись от Кабуса надо было про себя произнести имя Малакетауса.

У езидов злым духом считается и СИБАТ (Sibet) - дух стужи и пурги (сибато́м курды называют февраль месяц). По езидским поверьям, Сибат со своими детенышами в феврале месяце с яростью кружит над селениями, неся с собой стужу и вьюгу, а вместе с ними и болезни со смертью. Чтобы изгнать Сибата из своих селений, езиды обращались к Малакетаусу с просьбой: "О, Малакетаус, избавь и спаси меня от Сибата" (Ya Melekêtaûs tu min ji sibetê xilazke). Езиды утверждают, что с уходом Сибата стужа и пурга отступают, появляются признаки пробуждения природы и прихода весны, из-под снега выползают первые подснежники, радуя людей и животных.

Злыми духами езиды считают и дэвов, которые в верованиях других народов присутствуют в качестве демонов. У езидов они выглядят как неповоротливые и глупые великаны, обладающие могучей физической силой, благодаря чему они могут поднять

¹⁰² Хийат - огороженная пологом комната, где происходит таинство брачной ночи.

¹⁰³ Бенсе, Буланых или провинция Харк. этнограф. вестник.г.3. Тифлис. 1900. СТР. 10 (перевод с арм. яз.)

огромные валуны и швырнуть их очень далеко. В народных сказаниях они изображены как монстры, истребляющие целое войско и все живое, под ногами которых дрожит земля. По представлениям езидов, дэвы очень хвастливы, и именно по этой причине они нередко попадают на уловки и в конечном итоге погибают. Они тоже, как и другие духи, обитают в ущельях, пещерах, расщелинах скал и т.д. Езиды утверждают, что у коней дэвов огненные гривы и они за час могут преодолеть не одну тысячу верст.

В верованиях курдов-езидов мы сталкиваемся с разными дэвами. Есть и такие, которые несмотря на свой отрицательный образ в умах людей, иногда притворяются добродетельными и ангелоподобными существами, выискивают среди людей красивых девушек и похищают их, чтобы жениться на них. При этом дэвы выполняют все капризы девушек, дарят им красивые наряды, дорогие украшения, угощают разными яствами, одаривают разными другими благами. Езиды считают, что если дэвы могут жениться на женщинах появляясь в человеческом облике, следовательно молодые герои могут реально вступить с ними в схватку. Согласно сказкам, юноши проникали в логово дэвов, убивали их и освобождали своих девушек из неволи.

Согласно немецкой мифологии, эти дэвы походили также на разных животных, которые сражались с людьми и богами.¹⁰⁴

Езиды считают, что если дэвы могут жениться на человеке, значит они обладают всеми человеческими качествами и в повседневной жизни совершают те же поступки, что и люди. Это ярко отражено в многожанровом курдском фольклоре.

Вся деятельность дэвов направлена на завладение миром, но если их умиловить, то они добреют и могут стать человеку дастабраком (побратимом), оказывая ему всяческую помощь.

В курдской мифологии подобные дэвы отнесены к небесным силам и обожествлены.

По свидетельству В.Вундта, таким обожествленным дэвам поклонялись древние литовцы и латыши, которые для задабривания дэвов раз в год совершали обряд жертвоприношения.¹⁰⁵

В верованиях езидов можно встретить и другие виды дэвов. имеющие удлиненные формы тела и тонкие спины, которых называют РАШЕ ШАВЕ (Чернота ночи). Эти дэвы из своих убежищ - скал, гор и пещер - выходят только ночью. Их тело черного цвета, и именно поэтому их называют Раше шаве. Ростом они так высоки, что увидеть их головы невозможно. Человек, встретившийся с Раше шаве непременно должен был поклониться ему до земли и попросить его не причинять ему вреда. Дэвы Раше шаве после долгих ночных скитаний сильно устают, забираются к себе в пещеру, сворачиваются в клубок и засыпают.

Наиболее злыми и жестокими духами считаются ЗБЕНИ, которые внешне похожи на древнегреческих циклопов. У них всего один глаз, который расположен чуть выше лба. По утверждениям шейхов и пиров¹⁰⁶, Збени созданы и призваны избивать и терзать всех тех, кто на этом свете проявил непокорность, непослушание и непочитание в своих отношениях со своими хозяевами, вождями племени, ага и беками (князьями) и духовенством. Если их разозлить, то они могут одним ударом лишить человека рассудка и превратить его в безумца. Предводители езидов и непосредственные защитники их интересов - представители духовенства,- поучали простой люд и проповедовали, что они по воле Малаке Тауса со смиренной покорностью обязаны исполнять все требования своих хозяев, иначе после смерти уже в загробной жизни их души будут обречены на вечные муки и побои со стороны Збени.

По представлениям езидов, душа иногда превращается в дух и наоборот. Они считают, что душа, покинув тело, может порвать с ним всякие отношения и превратиться

¹⁰⁴ Germanische Mythologie von Elarv Hugo Meyer. Berlin. 1891. p.

¹⁰⁵ В.Вундт. Миф и религия. С-Петербург. 1905. с.406

¹⁰⁶ Шейхи и пиры - духовенство езидов. Делятся: на касты шейхов и пиров.

в самостоятельное существо. Душа человека, покинувшая тело с помощью Азраила, может находиться везде, переселиться в тела животных, в растения, в жилище своих единокровных соплеменников, в леса, в стога сена, в воды рек и озер. Езиды думали, что души грешников, жадных, жестоких и богатых людей, живущих на этом свете в свое удовольствие за счет других, превращаются в пугающий людей дух, который появляется в облике зверя. Подобных видоизмененных духов называют ГОРНАПШИК¹⁰⁷.

По утверждениям верующих езидов горнапшики обычно появляются посреди дороги в облике черных лис и начинают пугать путников. Если же путник едет верхом на коне, то они запрыгивают коню на круп, обвиваются вокруг шеи всадника, начинают бить и целовать его, сбрасывают с седла, опять поднимают и усаживают в седло и так далее. Застигнутому врасплох человеку становится не по себе, он начинает паниковать и терять чувство реальности, но вместе с тем осознает, что стал жертвой горнапшика. А порой горнапшики появляются в виде призраков.

Житель с.Гялто Талинского района, ныне покойный Айби уверял, что если злой дух влюблялся в девушку, у которой был возлюбленный, то он из ревности и с целью завладения девушкой мог неожиданно ударить юношу и превратить его в ДЖЕНАКАТИ¹⁰⁸ (Cinaketî).

Езиды считают, что духи шныряют повсюду, что они летают в небе и невидимы, но их иногда могут видеть только дети и собаки. Злые духи могут вселиться в человеческое тело и стать причиной его болезни. У курдов-езидов ответа на вопрос о том, каким образом духи могут проникнуть в человеческое тело, если он еще жив и в нем еще теплится его душа, нет. По их мнению душе жестокого человека, превратившегося в дух, ничем невозможно угодить, с ними можно бороться только с помощью добрых духов. Езиды твердо верят, что добрые духи всегда готовы помогать людям, избавлять их от бед и опасностей.

Такое представление о добрых духах ярко отражено в материалах курдской словесности, где добрые духи в отличие от злых выглядят победителями и поучают людей не совершать плохих поступков.

Герой сказки "Дерево" Мирмых, отправляясь на поиски страны бессмертия и живой воды, встречается там с некими тремя сестрами-духами и становится им дастабраком (названным братом). Как-то сестры отправляются на прогулку и предупреждают дастабрака не взбираться на красное дерево, но Мирмых не послушался их, вскарабкался на дерево и получил травму.

Такие духи, которых езиды называют ГУРИ-ПЕРИ (horî-rêrî) порой становятся названными сестрами (xûşktî dîkin) героев. По словам езидов, все гури-пери относятся к женскому полу, они добры и всегда помогают людям. Большая их часть обитает в родниках, морях, лесах, горах, полях и пещерах, они днем и ночью кружат в семи слоях неба, танцуют и поют. В курдском фольклоре гури-пери выступают в человеческом облике, даже бывает так, что они выходят замуж за реального человека.

В отличии от морских злых духов, поднимающих шторм, гури-пери спасают потерпевших кораблекрушение мореплавателей. Они ведут ожесточенную борьбу с вызывающими шторм и бурю духами, чтобы уберечь корабли и людей от гибели.

Езиды утверждают, что гури-пери часто спасают людей и в зимний период во время пурги, выручая сбившихся с пути путников. Их они выводят на дорогу и сопровождают до самого дома. Лесные гури-пери обитают в дуплах и на ветвях деревьев, холод и ветер им нипочем. По всей вероятности, это явление связано с культом животворного дерева, о чем будет сказано ниже.

¹⁰⁷ Горнапшик - Этот образ у езидов ассоциируется с обликом шакала. Они считают, что шакалы разгребают могилы и пожирают трупы.

¹⁰⁸ Дженакати - букв. сумасшедший, припадочный, лишенный рассудка.

Гури-пери, в отличие от злых духов, которых трудно умиловать, приносят людям счастье, радость и спокойствие, а также придают им силы жить и трудиться. Подобное содержание царит во многих курдских сказках.

Среди абсолютно всех езидов Фаллоса считается добрым, его называют МИЛИАКАТЕ КАНДЖ (Milyaketê qene)¹⁰⁹ Культ фаллоса очень древний, исходит из общих анимистических взглядов и касается сферы половых органов человека

Первобытные люди, не имея никаких представлений об анатомическом строении своего тела, тем не менее придавали мужским и женским половым органам священное значение. В этой связи в период беременности женщины и во время родов исполнялись различные магические действия и ритуалы. Еще до наступления беременности езиды приносили в жертву барана и взывали к Милиакате кандж подарить женщине ребенка.

Фаллос у многих народов мира считался оберегом от сглаза и происков злых духов.

Культ Фаллоса езиды не представляли себе без совершения магических действий, религиозных обрядов и жертвоприношений, так как считали, что от этого зависит деторождение.

Многие курдянки-езидки любили носить на груди фаллосоподобные украшения из позолоченного серебра, которые назывались БАЗБАНД. Похожие украшения курдские старухи носили до 30-х годов 19 века.

Культ Фаллоса соприкасается непосредственно с обрядом обрезания. При обрезании священнослужители обращались к Милиакате кандж со словами: "Милиакате кандж, одари плодовитостью" (Milyaketê qene, bereketê bide) или "Милиакате кандж, да прибавиться юноше сила"(Milyaketê qene, bira zêdebe qewata vî kurî)

Обряд жертвоприношения по случаю обрезания с целью умиловать духов встречается также у аборигенов Кикуйю в Восточной Африке, которые, как и курды, обрезание делают мальчикам, достигшим 10-12 лет. Чтобы задобрить духов аборигены Кикуйю совершали два вида ритуала. Во-первых, они приносили в жертву козла, после чего каждый из готовящихся к обрезанию мальчиков получал из рук своих родителей по кусочку жертвенного мяса как залог придачи ему необходимой силы и надежды на обеспеченную жизнь. Во-вторых, они обращались с ритуальной молитвой к всемогущему духу, без помощи которого невозможно добиться успеха, славы, мужества и победы, и от которого зависело, будут ли они иметь детей, быков и овец. А кого же еще как не НГА¹¹⁰ надо было просить об этом, являющегося источником всех благ и плодовитости!?

Существование культа добрых и злых духов являлось характерным признаком в верованиях народов Закавказья. В армянской мифологии добрыми духами считались АРАЛЕЗЫ¹¹¹, которые могли оживлять павших на полях сражения героев.

Культ подобных духов существовал и среди езидов, их они называли МИЛИАКАТЕ ПИФДЕКЕН (Milyaketê pifdikin)¹¹², которые в отличии от армянских аралезов не зализывали погибшим раны, а вдвухали в них воздух через рот.

Соответствующие мысли о существовании оживляющих людей духов встречаются в курдских сказках. Так, в курдской сказке "Басо" ее герой по имени Басо вступает в схватку с похитившими его возлюбленную дэвами. Убив двенадцать из них, он и сам погибает. Милиакате пифдекен внемлет мольбам его возлюбленной Бадил, дует Басо в рот и оживляет его. Образ похожих духов, которые оживляют людей, встречается и в грузинской мифологии.

¹⁰⁹ Милиакате кандж - букв, ангел (дух) добра

¹¹⁰ К.Р.Frederic, La cirkonrision au Kicuyu, British East, Review - 1911, p.620

¹¹¹ Аралезы - языческие божества в образе собаки. В мифологии армян они оживляют убитых в бою героев зализыванием ран.

¹¹² Милиакате пифдекен -букв. "дующий дух", оживляет павших героев, вдыхая в них жизнь - дует им в рот.

Езиды, одержимые такими анимистическими взглядами, чтобы уберечься от козней злых духов прибегали к различным средствам: посещали святые места с молитвами на устах, по разным поводам обращались к святым оджахам, совершая там обряд жертвоприношения и иные ритуалы.

Одним из таких святых оджахов с названием "МАЛА ДЖИНТАЙАРА" /ДОМ ДЖИНТАЙАРА/ находится в деревне Большой Мирак Апаранского района.

В Мала джинтайара хранилась "волшебная розга" /Шива Кудрате/ (şiva qudratê), которой один их шейхов хлестал приведенного туда душевнобольного человека для изгнания беса из его тела и "излечения". В исполнении шейха этот так называемый ритуал выглядел следующим образом: Шейх беспрестанно хлестал розгой по оголенному туловищу больного, требуя от него назвать имя злого духа, который вселился в него, терзает и мучает его. Естественно больной никого назвать не мог за отсутствием такового. Избиение продолжалось до потери больным сознания. Одновременно, пока продолжался ритуал изгнания беса, во дворе резали жертвенного барана. По окончании этих действий шейх своей слюной протирал больному лоб, надевал на него одежду, наматывал клубочек из шерстяных ниток и привязывал к одежде больного. По нашему мнению, последнее магическое действие пересекается с культом тотемного животного - овцы, поскольку овцы и овечья шерсть и по сей день для езидов священны.

Кроме принесенного в жертву барана родные больного отдельно дарили оджаху Мала Джинтайара бычков и овец. Даже самый неимущий езид обязан был подарить этому оджаху своего последнего животного.

Шейх упомянутого оджаха, используя имя священного для езидов Джинтайара, получал в виде подношения целые стада овец.

Оджах Мала Джинтайара, родоначальником и главным лицом которого считался шейх Араб, являлся основным священным местом паломничества курдов-езидов Закавказья.

Согласно езидским поверьям, добрые духи могут появиться и в облике незнакомых гостей. Гость у езидов считается МЕВАНЕ ХОДЕ /божий посланник/. Чествование гостя и гостеприимство в жизни курдов-езидов и многих других народов одновременно отражали степень экономического положения конкретной семьи. Например, хозяйка знатного рода в знак проявления большого уважения к гостю готовила еду и питье для него отдельно. В появлении гостя езиды видели некую таинственную миссию, его принимали с уважением, как посланника бога. По представлениям езидов, гость присылается к ним богом с намерением проверить степень их благосостояния и гостеприимства.

Езиды утверждают, что и ангел смерти Азраил тоже иногда появляется в облике гостя, который потом ночью забирает душу больного и исчезает.

В курдском многожанровом фольклоре имеются соответствующие материалы, в которых показано, как остановившегося у езидов гостя потчуют разными яствами и напитками, допоздна ведут с ним душевную беседу, а когда все ложатся спать, то гость внезапно бесследно исчезает.

В сказке "Ало" героем повествования является дух, который приходит в гости к одному из богачей по имени Бадира Амо. Этот богач владеет 3000 голов овец, однако никому из обратившихся к нему за помощью соплеменников он ничем не помогает. Малакетаусу его поведение не нравится, и он посылает к Бадиру в гости одного из духов в человеческом облике, чтобы тот испытал его.

Гость во время беседы спрашивает Бадира, помогает ли он чем-нибудь своим соплеменникам или нет, но в ответ слышит следующее:

-Нет, бог создал богатых богатыми, а бедных бедными. А если это так, то с какой стати богатые должны помогать бедным!?

Посреди ночи гость Бадира исчезает. Спустя три дня после этого начался падеж овец Бадира. И только тогда члены семьи Бадира догадались, что в гостях у них был дух.

Гостеприимство в суровых горных условиях имело огромное моральное и материальное значение для курдов. Посредством гостеприимства они оказывали друг другу моральную и материальную помощь, и без такового жителям отрезанных друг от друга горными труднодоступными местностями и большими расстояниями селений, было бы чрезвычайно трудно перемещаться из одного места в другое.

В жизни ненцев, проживающих в условиях холодной тундры, гостеприимство играло большую роль.

"Одним из пережитков равнодолевого распределения является широко распространенный среди всех народов обычай гостеприимства. Этот обычай представлял собой один из видов взаимопомощи у первобытных людей и определенного уравнивания их в деле обеспечения потребительскими предметами"¹¹³.

5. Hebandina hêşinayê

Bal êzdîyan edetên mayîn jî hene, ku gorî wan li wê dinê emir berdewam e. Ew di wan edetan da jî xuya dibe, ku jîna bî an jî jinên pismamên kesên mirî porê xwe jê dikirin û bi mêrê xwe an jî pismamê xwe ra çel dikirin. Hela di ser da jî wek nîşana aminayê û hizkirinê ser çevên xwe pencerû dikirin, li serê xwe dixistin, şîna giran dikirin.

Di bawermendîyên kurdên êzdî da hebandina hêşinayê (şînkayê) û heywanan cîkî berbiçev digire.

Di jîyana merivan ya aborî da xwesma dar xwedî kemaleke (rol) mezin bûne. Meriv ji daran fêkî û ardû (şewat) distînin, ji daran hacet, dezgeh, xanî, ziyaret, qesir û qonax, koçk û sera û tiştên din çê dikin. Ango, dar bona merivan mecala jîyanê bû û bêy wê jîyan nedihate texmînkirin.

Çend berên (ber ji qebîlan biçûktir in.- T.X.) kurdên êzdî bi navên hêşinayê û heywanan va hatine binavkirinê, wek Gabelekî, Mendikî, Pîvazî, Maravî an jî Baravî û yên din. Ev yek bal gelek miletên dinyayê heye. Di nav paşnavên rûsan da gelek navên wisa hene, wek Volkov, Solovyov, Orlov, Mêdvêdêv, Livov, Vasîlkov, Ryabînîn û yên din. Di nav ermenîyan da jî ev nav hene: Yêznak, Yêznîk, Inzak, Koryûn, Varaz, Aslan, Arsvîk, Şûşan, Saxîk, Rêhan, Vardîtêr, Manûşak û yên din.

Çend qebîlên hindên Amêrikayê navên Gur, Hirç, Teyr, Karxezal, Qubeqaz û yên din li xwe dikirin¹¹⁴.

Ji ber ku ji heywanan kar (menfeet) heye, merivan hinek ji wan heywanan jî hebandine.

Di nav hemû miletan da ji hêşinayê ji hemûyan pirtir dar hatine hebandin. Di nav kurdan da ji hemûyan bêtir dara bîyê hatîye hebandin. Kurdan ew hesab kirine wek sîmvola hebûnê, bereketê, ekindarîyê, xilazbûna ji nexweşîyan, qeda û belayan. Ruhê, ku bi fikira kurdan di darê da bi cîh bûye, jê ra digotin *Melekşah*.

Ruhekî ha di mîtologîya gurcan da heye û gurgên xevsûr jê ra Gêorgî dibêjin. Berî nanxwerinê xevsûr berê xwe didane wî ruhî û dibêjin: „Ser vê sifira nan, bi van kas û mûman bira Xwedê te di qada bilind da xweyke, ey Gêorgî, horîyê dara gûzê“¹¹⁵.

A ji van nimûneyan xuya dibe, ku rola hêşinayê, anga gul û gîhan di jîyana merivayê da çiqasî mezin e.

¹¹³ К.В.Островитянов. Очерки об экономике докапиталистической формации, Ер., 1946г., стр. 24 (перевод с арм. яз.)

¹¹⁴ F.Êngêls. Mal, arzîtîya şexsî û xuliqandina cihanê, Yêrêvan, 1948, rûpel 113.

¹¹⁵ V.V.Bardavêlîdzê, Lêkolînên bawermendîyên sosîologîyê yên xevsûran, cild 2, Tbilîsî, 1932, rûpel 70.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku di wan dar û hêşinayan da ruhên qenc veşartîne, yên ku ruh û bîn didine dinya hêşinayê û terewilan, kontrolîyê li pêşketina wan dikin. Ew ruh bi destî wan daran ber didine merivan, daxazên wan pêk tînin, lema jî kurd ji wan daran ra dibêjin *Dara mirazan*.

Bal êzdîyan şayînetîyên bi daran va girêdayî hebûn, ku her sal di baharê da dihatine derbazkirinê. Kurdan di dema şayînetîyan da xwerin û heywanên ku ji bo qurbanê serjê kiribûn, hildidan û diçûne bal dara ku dihebandin, li wir qurban didan û gorî erf û edetan roja xwe derbaz dikirin. Ji van şayînetîyan ra digotin *Bindarûk*.

Yek ji wan daran li başûrê gundê Qaltaxçiyê da, li navçeya Spîtakê, komara Ermenîstanê, rex çiyê da ne. Ew çiya û dar li vir wek ziyaret têne hebandin. Kurdê ku diçû Bindarûkê, piştî ku qurban dida, paşê dua li darê dikir û digot: "Melekşahê, tu bigihînî mirazê min".

Keçên bengîbûyî berê xwe didane darê û jê rica dikirin:

*"Darê, dara mirazan
Darê, dara nexweşan
Melekşahê bikir
Tu mirazê min biki"*.

Pişt ra ji kanîya ber darê av vedixwerin, hinek xwelî davîtine devê xwe û bona bigihîjine mirazê xwe, rica ji Melekşah dikirin. Wisa xuya ye, ku ev heytehol di dema berî dewrana me da jî hebûye, dema bi hebandina daran ra tevayî, hebandina avê û xwelîyê jî hebûye.

Ji berê berê da kurdan perçeyên qumaşan bi çiqilên darên ziyaretî va dikirin û bi fikira me ev edet jî cûrekî qurbandayîne bûye. Dema êzdî diçine Bindarûkê, ji kincên xwe perçeyek dibirin û bi çiqilên daran va dikin. Ev yek ji bo wê yekê dihate kirinê, ku dilê ruhên daran bikirin, xên ji ku dewar û teyrede wek qurban didan, kinc jî dîyarî Melekşah dikirin, bona ku jina zarokan nayne, zarok banîyana, merivê feqîr dewlemend bûya, merivê nexweş qenc bûya, kesên bengî bi mirazên xwe şa bûna û h.w.d.

Di nav gelê ermenîyan da jî ew fikira ku bi dara mirazan va girêdaye û wê bi berdayîna jinan va tê girêdanê, gelek belavbûyî bûye. Ew bi çend cûreyan va heta îro jî maye. Li gelek cîyan daristan, kanî, darên taybet hebûne, ku hatine hebandin. Xwesma darên mirazan yên dewatan eyan e, ku jê ra *Dara zavê*¹¹⁶ dibêjin.

Êzdîyên navçeya Elegezê di dema dewatan da çiqilê darê bi fêkîyan va dixemilandin, dareke taybet dixistine navê. Dema bûka teze ji şemîkê lingên xwe davîte malê, hevalên zavê ew dar ser serê bûk û zavê da dadiweşandin û digotin: "Zava û bûk bira mîna vê darê bi ber bin", mala zavê tijî zar bin". Wek em dibînin, dara mirazan ku di şayînetîya dewatê da ser serê bûk û zavê da dadiweşînin, sîmvola berdayîne, bextewarîyê, şenayê û malavayîyê ye.

Hebandina dara mirazan bal kurdên Farizistanê jî hebûye. Ewana jî gelek perçeyên cilan bi darê va darda dikin, merivên dîndar ber wê darê çok vedidin û sond dixun, dua dikin bona mirazên wan bê sêrî¹¹⁷.

Keç û xortên kurdan, herwiha kesên nûzewicî jî, dema diçûne Bindarûkê, bi xemxurî berbirî darên ziyaretî dibûn, ew av didan, tîmar dikirin, heta berên wê darê nedixwerin. Ev yek me tîne ser wê bawerîyê, ku di nav kurdan da jî ew dar wek tiberk hatîye hesibandin.

Hebandina daran di nav ermenîyan da jî bi fireyî belavbûyî ye, xwesma darên bi navên *dodo* û *sos*¹¹⁸.

Êzdî piştî ku li Bindarûkê qurban didan û gorî erf û edetan heytehol dikirin, paşê govend digirtin, sitiranên derheqa Bindarûkê da digotin. Li jêr em çarxeteke ji wê kilamê tînin. Li wir jina ku zarokan nayne, hîvî ji Melekşahê darê dike, ku zarok jê ra bibin:

¹¹⁶ A.Mnasakanyan. Derheqa kevirên ziyaretî û şerên maran yê bi navê "Vişap". Nvîsarnameya Akadêmîya Zanyarî ya Komara Ermenîstanê, 1952, rûpel 76.

¹¹⁷ A.A.Arakêlyan. Kurd li Farizistanê, Tîflîs, 1904, rûpel 21.

¹¹⁸ X.Alişan. Hîn havatk kam hetanosakan kronk hayos (bi ermenî), Vênêfîk, 1910, rûpel 77-78.

*”Melekşah tu dizanî
Kunde didim ber te, tu dizanî
Ewledekî bide min, tu idzanî
Melekşah tu dizanî”.*

Ev edetê ku boy xatirê ruhên daran qurbanan didin û heyteholan derbaz dikan, bal miletê Gallan jî heye¹¹⁹.

Em vî edetî bal gelek miletên cihanê dibînin. Miletê Pişav, ku li Gurcistanê dijîn, şikênandina daran, xwesma li daristanan tiştêkî guneh dihesibandin¹²⁰.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku Melekşah di koka *darên mirazan* da diman. Ji ber wê jî qedexe bû wan daran bibirin, çiqilên wan bişkênin, belgên wan dawêşinin û berên wan bixun. Bi dilrehmî û dilovanî li wan daran dinihêrin.

Dewrêşê mêrxasê hikyata kurdan ya ”Dewrêş” ditirse ji nav daristanê ra here, ji ber ku bi fikira wî ruhên ku di nav daran da dijîn, dikarin li wî xin.

Fikreke wa derheqa dara mirazan da bal ermenîyên Varandayê heye û li wir dara bi navê *Têkêon* tê hebandinê¹²¹.

Bedirê mêrxasê hikyata ”Destegul” dixweze bi tîra xwe li wan kêvrûşkan xe, ku ranêzikayî wê darê dikirin. Dar diinte û dest pê dika bi wî xortî ra dipeyîve.

Gorî êzdîyan, gava çiqilên wan daran dibirin, ew dengên taybetî derdixin, tu dibêjî qey bare-bar û ofe-ofa wan e û hemû ruhberên der û doran ew deng dibihên. Ew tê wê maneyê ku ew dar gazinê xwe dika.

Li Gurcistanê, gorî miletê Gûrî, ruhên nexweşiyên bi navê ”ûjmûr” di kokên daran, li delavan da dijîn û ew dikarin her deman ziyanê bidine merivan¹²².

Di bawermendîyên şvêysaran (Swîsra) û litvanîyan da jî hebandina van daran an jî daristanan heye. Şikênandina çiqilên wan daran, yên ku nêzikî malan û gundan bûn, gunehkarî dihate hesibandin¹²³.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku hemû şînkayên ku tene hebandinê timê jî mora xwe ya qenc li ser merivan dihêlin û bona ew dar timê hebin û herdem qencîyê bikin, bêne hewara merivan, ji bo wan qurban didan û hayteholên cûre-cûre derbaz dikirin. Êzdî wan darên bi kokên qalim va digotin *xnebîran* û ew wek ziyaret dihebandin.

Gorî bawermendîyên kurdan ruhê bi navê *Mîrê mêşan* serokatî li ruhên di nav wan daran û şînkayê da dikir, wek Xwedê wî dihebandin, wek ku bal slavonan Xwedêyê daristanan - Koralan dihebandin.

Bineciyên Kîkûyê ku li Afrîka Rohilatê dijîn, darên mirazan ji bo xatirê Xwedêyê daristanan - Mogaman dihebandin¹²⁴.

Weke 5 kîlomêtran dûrî gundê kurdan - Tirkmaşênê ye, ku di herêma Qaqizmanê da ne, dareke sêvan ya dorpêçayî (sûrkirî, sengerkirî) hebû. Berên wê darê gelek gir û şîrin bûn, gundîyên hemû gundên der û dorê ew dar dihebandin, lê berên wê ne dixwerin, ji ber ku dihesibandin, ku ew *Mîrê* dara ye.

Wek em dibînin, bi femdarîya gel dar li vir ne tenê aletê bawermendîyê ye, lê ew herwiha nûnerê hemû daran e û hêza wê ya serkarîkirinê û hukumdarîyê heye.

Gorî fikira qewal Huseyn, êzdîyên gundê Beadrê li navçeya Şengalê, herêma Mûsilê di nav şovên baxçe û zevîyan da çiqilên daran dinikandin û bawer dikirin, ku ewê nehêlin ku zirar bigihîje ekin¹²⁵.

¹¹⁹ C.Frêzêr. Zolotaya vetv, cild 1, Moskva, 1931, rûpel 142.

¹²⁰ M.Kovalêvskî, berevoka kurt, rûpel 105.

¹²¹ Y.Lalayan. Varanda, AZ, Tîflîs, 1897, rûpel 200.

¹²² T.Mamaladzê. Narodnîê obiçai i povêriya gûrîysêv,- Sbornîk matêriyalov dlya opîsanîya mêstnostêy î plêmen Kavkaza,- çapa 17, Tîflîs, 1893, rûpel 101.

¹²³ C.Frêzêr, berevoka kurt, rûpel 133.

¹²⁴ R.F.Budeau, La circoncision au Kikuyu, Vienne, 1911, rûpel 520.

¹²⁵ Xudanê vê pirtûkê ev fikir sala 1927an li gundê Karvanserayê, navçeya Artîkê, komara Ermenîstanê nivîsiye.

Hebandina darên mirazan bi awayekî zelal di nav pirtûka "Adem û Hewa" da hatîye nitirandin. Ew weke berhemeke mîtologî derbazî nava kurdan jî bûye û li her deran belav bûye. Em bê şikberî dikarin bêjin, ku ev yek ji cînanan - ermenîyan, farisan an jî aşûrîyan derbazî nava kurdan bûye.

Di nav êzdîyan da mîtologîya derheqa Adem û Hewayê da bi vî awayî tê şirovekirinê: di destpêkê da Adem û Hewa gelek dijwarî û tengasîyan dibînin, lê dil didine ber hev, hêvîya xwe datînin ser zorayî û dilrehmîya Melekê Taûs, lê Melekê Taûs jî hewil dide wana bike nava jîyana rasteqîn, li wan diqeside û alî wan dike, temîyê dide wan, ku ji dareke buhuştê berên wê nexun. Bi gotina gotîyan, yek ji ruhên neqenc xwe dike di qilxê mar da, tê bal Adem û Hewayê, wana dixapîne, berê dareke qedexekirî wan dide xwerinê û gava Melekê Taûs di derheqa wê yekê da pê dihese, hêrsa xwe radike û wana ji buhuştê radiqetîne.

Wek em dibînin, ferqa di navbera şaxa (varyanta) kurdî ya derheqa Adem û Hewayê ji ya huruman (yûnanan) da pir biçûk e. Di şaxa kurdî da hebandina darê heye. Gorî şaxa kurdî Adem û Hewa, ku bi destî marê şeytan hatine xapandinê, ji buhuştê têne derxistin û dikevîne ser çiqilekî darê. Ew çiqil dişkê, dar diengire. Dar berê xwe dide Melekê Taûs, jê ra dibêje, ku çiqil şikestin, ka ez çi bikim?

"Ez gerekê wisa bikim, ku di cihanê miletek di heyra te da be,- Melekê Taûs dibêje,- gerekê qedirê te bilind bê girtin û gerekê tu bêyî hebandin".

Ev dîroka mîtologî ya derheqa Adem û Hewayê da di Quranê da jî cîyê xwe girtîye û li wir tê gotinê: "Hey tu, Ademo, tu û jina xwe li buhuştê bijîn, hûn herdu dikarin her tiştî bixun, çi ku dilê we dixweze, lê xwe nêzîkî wê darê nekin, eger na wê nifir li we bê kirinê"¹²⁶.

Hebandina daran bal gelên Awropayê jî heye. Li Almanîya û Fransîyayê di sedsalên navîn da cejineke bi navê "Gulana ekindar" an jî "Dara ekindar" hebû. Wextê gîhadirûn û nandirûnê çiqilekî daran an jî tam darek bi similan dixemilandin, dianîn gund. Ew çiqilê xemilandî di orta gund da dinikandin, dora wî direqisîn û kilam digotin¹²⁷.

Kurdan ji hêşinayên ku têne çandinê, rihan hebandîne. Ew hêşinayîke wisan e, ku tam û bîna xwerinê xweş dike. Yên terr di mehên havînê da bi kar tînin, lê zivistanan rihana hişkkirî bi kar tînin.

Êzdî gelek caran rihan datanîn ber serê nexweşekî, ne ji bo bîna wê ya xweş, lê ji bo wê yekê, ku ruhên neqenc ji nexweş dûr bixin. Hema bona wê armancê rihan davîtine nava ava golî û bi wê avê serê nexweş dişûştin. Ew jî bona wê yekê bû, ku ruhên neqenc ji wî dûr bixin.

Genim jî dihate hebandinê. Êzdî hebên gênim, ku diketine erdê, berev dikirin û datanîn ser dîwêr, an jî dikirine berîka xwe bona ruhê hebê nên yê bi navê *Pîrê nan* gazinan neke.

Культ растений

В верованиях курдов-езидов важное место занимает культ тотемных растений и животных.

В жизни людей и их хозяйственной деятельности особенное место занимали деревья. Они давали человеку плоды и топливо, из дерева изготавливали мебель, орудия труда, всякую домашнюю утварь, строили дома, святилища, храмы и т.д. Таким образом, дерево для человека являлось одним из основных необходимых средств его деятельности. То же самое можно отнести и к другим растениям.

Понимая смысл об их полезности, но не самой сути, люди фетишизировали отдельные их виды, и, выделив их в отдельную группу, превратили в предмет поклонения.

¹²⁶ Quran, Varna, 1909, rûpel 137.

¹²⁷ C.Frêzêr, berevoka biçûk, cild 1, rûpel 142.

Некоторые курдские племена и роды нарекли себя названиями растений и животных: Габала, Мандыка, Пиваза, Маравиа или Баравиа и т.д.

Подобное наблюдается и у других народов. К примеру, у русских существуют пришедшие еще из тотемного периода такие фамилии, как Волков, Соловьев, Орлов, Медведев, Львов, Васильков, Рябинин, Ромашкин и пр. Среди армян широко распространены собственные имена Езнак, Езник, Корюн, Вараз, Арцвин, Шушан, Цахик, Реган, Манушак и т. д.

Некоторые американские индейцы в качестве имен носили названия волка, медведя, оленя, совы, сокола и другие имена¹²⁸.

Почти все народы, больше всего из растительного мира, почитали дерево, считая его животворящим.

Среди езидов распространено было поклонение ДАРА БИЕ /ели/. Они считали ель символом богатства, плодородия, удачи и избавления от неприятностей и болезней. Дух ели назывался МАЛАКШАХ.

Похожие представления о духах деревьев существовали также в верованиях хевсурских грузин, называющие их Георгием.

Перед трапезой хевсуры произносили молитву: "О, Георгий, ангел дуба, да возвеличит тебя Господь за этим накрытым столом с чашами вина и зажженными свечами!"¹²⁹

В основе всего этого лежит понимание значения растительного мира в жизни людей.

Все это в период родоплеменного общества являлось тотемом. Езиды думали, что в чреве деревьев и растений прячутся духи, которые даруют животному и растительному миру жизнь, наделяя их душой, одновременно следя за их развитием. Эти духи через деревья одаривают людей благами жизни, исполняют их заветные мечты и желания, за что езиды прозвали такие деревья ДАРЕ МРАЗА /букв. "Дерево мечты и желаний"/.

У курдов-езидов есть посвященный дереву праздник, который отмечается ежегодно весной. В этот день люди приходят к почитаемому дереву с заранее приготовленными угощениями и жертвенными животными, совершая там обряд жертвоприношения в честь дерева и другие ритуалы. Весь процесс данного обряда называется БНДАРУК. Один из таких почитаемых деревьев Бндарука растет на склоне горы Галтахчи южнее от одноименного села в Апаранском районе Армении. Сама гора и дерево считаются священными. Каждый езид, пришедший на праздник Бндарука, после исполнения обряда жертвоприношения, обращался с просьбой к духу ДАРЕ МРАЗА со словами: "О, Малакшах, исполни мою мечту и приведи меня к ней".

Влюбленные девушки, обращаясь к дереву, просили:

*Darê, dara mraza,
Darê, dara nexweşa,
Melekşah bikûr
Tu miraza min bike.*

*О, дерево, древо желаний,
О, дерево, древо больных,
О, добрый Малакшах,
Исполни мою мечту.*

После этого они выпивали воду из источника возле дерева, брали щепотку земли и клали себе в рот, продолжая молиться и просить Малакшаха.

¹²⁸ Ф.Энгельс. Возникновение семьи, частной собственности и государства, Ер., 1948г., стр. 113.

¹²⁹ В.В. Бардавелидзе. Социологическое изучение хевсурских верований, т.2, Тбилиси, 1932, с.70

Возможно, этот обряд является пережитком существовавшего в период первобытного общества культа воды и земли, который пересекается с культом животворного дерева.

Существовавший у курдов в прежние времена обычай привязывания лоскутков ткани от своей одежды к веткам священного дерева, по нашему мнению, также являлся одной из форм жертвоприношения. Во время празднования Бндарука большинство езидских паломников отрывали от своей одежды лоскутки ткани и привязывали к веткам дерева. Этот обычай имел символическое значение того, что заручиться благосклонностью духов можно не только принесением в жертву животных, но и дарением Малакшаху одежды, что бесплодная женщина наконец забеременеет и родит ребенка, что бедняк разбогатеет, что больной пойдет на поправку, а влюбленные сердца соединятся и найдут свое счастье.

Среди армян тоже имело широкое распространение понятие о животворящем дереве. Оно в разных Формах продолжало существовать до последнего времени и по смыслу привязывалось к понятию плодovitости. Существовали отдельные леса, рощи и деревья, которые считались священными. Особенно достойны внимания так называемые деревья с названиями "дерево зятя", "чабрец" и др., которые дарили молодоженам¹³⁰.

Езиды Талинского района Армении во время свадебного торжества срезают с дерева ветку, украшают ее фруктовыми плодами прикрепляя в середине маленькую фаллосоподобную палочку. В момент, когда невесту вводят в дом жениха, друзья последнего у крыльца начинают потряхивать ветку над головами новобрачных, осыпая их фруктовыми плодами и приговаривая: "Да будут жених и невеста плодovitыми как это дерево и да наполнится их дом детишками" (*Zava û bûk bira mîna vê darê bi bar bin, mala zavê tijî zargo bin*) / В данном случае потряхивание ветки дерева над молодоженами символизирует пожелания благополучия, плодovitости и счастья. В этом обычае отмечаются и элементы культа фаллоса.

Культ поклонения дереву был распространен и среди всех курдов Персии, где путники привязывали к веткам деревьев разные лоскутки ткани. Каждый курд, дающий клятву или просящий исполнения его желаний, опускался на колени перед деревом, произносил молитву и завязывал узелки в надежде, что все его обещания и мечты сбудутся¹³¹.

Во время празднования Бндарука курдская молодежь, в том числе и молодожены, придя к священным деревьям, старались не причинять им вреда. Даже употребление в пищу плодов с этих деревьев считалось грехом. Это явление позволяет полагать, что у курдов на почитаемое ими дерево накладывалось табу, как пережиток культа тотемного периода. Во время празднования Бндарука езиды после жертвоприношения и исполнения других ритуалов приступали к круговым танцам «гованд». Вот один куплет из такой песни, в которой бесплодная женщина просит духа дерева Малакшаха подарить ей ребенка:

*Meleksah, tu dizani
Kunde didim bal te, tu dizani,
Ewledeki bide min, tu dizani,
Malaksah, tu dizani.*

*Малакшах, тебе только ведомо,
Кланяюсь и молю тебя,
Подари мне дитя, Малакшах,*

¹³⁰ А.Е.Мнацакян. О мифологиях про каменные памятники "Дракон" и драконоборство. Вестник АН Арм.ССР, 1952г., 5, стр.76 (на арм. яз.)

¹³¹ А.А.Аракелян. Курды Персии, Тифлис, 1904, с.21

Это только тебе ведомо.

Исполнение ритуалов и совершение жертвоприношений в честь священного дерева имели место у галлов¹³² и многих других народов. Например, в Грузии пшавы рубку дров, особенно в лесу считали грехом¹³³.

Поклонение деревьям было широко распространено и среди армян, особенно был развит культ дерева с названием додон или сос¹³⁴. У армян Варанды предметом поклонения являлось дерево с названием текеон¹³⁵.

Езиды верили, что Малакшах живет и скрывается от глаз в дуплах и разных частях священного дерева. Поэтому запрещалось рубить эти деревья, ломать ветки, трясти их и есть плоды. К ним относились бережно и с трепетом.

В курдской сказке "Давреш" ее герой по имени Давреш испугался продолжить свой путь через лес, думая, что обитающие в дуплах деревьев разные духи могут навредить ему.

В другой сказке "Дастагул" юноша Бадыр хотел запустить стрелу в подбежавшего к дереву зайца, но дерево вдруг застонало и стало говорить с ним.

По езидским поверьям при обрезке веток деревьев издают странные похожие на стон звуки. Обитающие вокруг существа слышат эти стоны, и это означает, что дерево жалуется.

Согласно верованиям гурийцев Грузии, духи болезней "Ужмури" обитают под ветками упавших деревьев, в дуплах, кустарниках и других влажных местах.¹³⁶

Культ священных деревьев и лесов существовал также у швейцарцев и литовцев. Считалось преступлением ломать ветки деревьев, растущих возле дома и вокруг деревни¹³⁷.

Езиды считали, что весь окружающий их растительный мир священен, что растения оказывают благотворное влияние на людей и, чтобы растения не утратили к людям свою благосклонность и продолжали помогать им, люди должны приносить в жертву в их честь домашних животных и исполнять соответствующие обряды. Толстоствольные священные деревья езиды называли ХНАБИРАН, их они причисляли к женскому полу и обращались с ними очень осторожно и бережно.

Согласно верованиям курдов-езидов, духами деревьев и растений правит МИРЕ МЕША /Эмир лесов/, который, как и славянский бог лесов Корала, обожествлен.

Аборигены Кикуйи в Восточной Африке поклоняются одному из священных деревьев в честь бога леса Могамона¹³⁸.

Примерно в пяти километрах от села Туркмашен в провинции Кахзвани в Западной Армении росла обнесенная оградой яблоня. Яблоки на ней были крупные, сочные и сладкие. Жители близлежащих деревень почитали ее, никто не срывал и не ел яблоки с этого дерева, так как считали эту яблоню Мире дара (эмиром деревьев). Как видим, люди воспринимали это дерево не только в качестве предмета поклонения, но и видели в нем представителя всех деревьев, некую правящую и царствующую силу.

По словам кавала Хусейна, езиды села Бадр Снджарского района Мосульской области /Ирак/ в одну из борозд вспаханного поля втыкали ветки деревьев в надежде, что

¹³² Дж. Фрээр. Золотая ветвь, т.1. Москва, 1931г., с.142

¹³³ М. Ковалевский. ук. соч., с.105

¹³⁴ Г. Алишан. Древнее верование или языческая религия армян, Венедик, 1910г. стр. 77-78 (перевод с арм. яз.)

¹³⁵ Е. Лалаян. ЭВ. г.Б., Тифлис, 1897г., стр.200 (на арм. яз.)

¹³⁶ Т.Мамаладзе. Народные обычаи и поверья гурийцев. Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа,- вып.17. Тифлис. 1893г.. с.101

¹³⁷ Дж. Фрезер, ук. соч., т. 1 с. 133

¹³⁸ R.F.Budean, La circoncision an Kikuyu, Vienne, 1911, p.520.

этот ритуал приведет к богатому урожаю (автор записал со слов кавала Хусейна в 1927 г. в с. Карвансара Арктикского р-на).

Культ священных деревьев отражен и в легенде "Адам и Хаве" /Адам и Ева/. Эта легенда безо всякого сомнения пришла к курдам от живущих с ними по соседству народов - армян, персов или ассирийцев и передавалась из уст в уста.

Легенда об Адаме и Хаве в курдском изложении гласит следующим образом: В первоначальный период своей жизни Адам и Хаве были лишены многого, но они терпеливо успокаивали друг друга и всю свою надежду связывали с Малакетаусом, надеясь на его милосердие, который в свою очередь всячески старался приобщить их к реальной жизни. Малакетаус постоянно навещал их и поддерживал, но вместе с тем заклинал и предупреждал, чтобы они ни в коем случае не трогали какое-то дерево и не ели его плоды, которое росло в раю. Согласно легенде, к Адаму и Хаве в облике змеи явился один из злых духов и путем обмана заставил их съесть запретный плод. Малакетаус, узнав об этом, пришел в ярость и изгнал их из рая.

Как видим курдский вариант легенды мало чем отличается от еврейского, но в курдском варианте усматриваются признаки культа дерева. Это видно из того, что когда обманутых змеем-сатаной Адама и Хаве Малакетаус вышвырнул из рая через стену, они, пролетев поверх стены, упали уже на другой стороне на ветви какого-то дерева, которые с треском стали ломаться, и дерево стало издавать стон. Дерево обратилось к Малакетаусу с жалобой, мол, ветви его поломались, и как теперь ему быть, на что Малакетаус сказал: "Я превращу тебя в предмет уважения и почитания для целого народа, ты будешь возвеличен и тебе будут поклоняться".

Мифологическая история Адама и Евы отражена и в Коране, где сказано: "И ты, о Адам, живи с женой своей, и вкушайте вдвоем все, что хотите, но не приближайтесь к этому дереву, иначе станете нечестивцами"¹³⁹.

Культ деревьев существовал и среди европейских народов. В средневековой Германии и Франции отмечались так называемые праздники "Урожайность мая" или "Дерево урожая". Во время покоса на последнюю телегу грузили украшенную колосьями пшеницы ветку или целое деревце, которые привозили в селение и втыкали в землю в центре деревни. После этого начинали петь и плясать, устраивая хоровод вокруг нее. Из числа семян у езидов базилик /реган/ считался священным растением. Это одно из лучших растений, придающий пище пряный вкус и аромат. Летом его использовали в свежем виде, а на зиму - сушили. Езиды зачастую подкладывали базилик под подушку больного, но не ради аромата, а чтобы изгнать злых духов. Для исцеления больного они готовили отвар из базилика и купали в нем больного.

Предметом поклонения являлось также зерно. Рассыпанное на земле зерно езиды собирали и клали себе либо в карман, либо на высокую стену, чтобы не рассердить дух ФРИКЕ НАН /Хлебный колосок/.

6. Hebandina heywanên beyanî û yên malê

Di gelek berhemên kurdî yên (miletzanîyê) êtnografîyê û zargotinê (folklorê) da ji heywanan navên gê, sê, pêz, bizinê, pişikê, hespê, gur, ji teyredeyan (teyr û tû, balinde) navên taûs, kewê, qubeqazê, dûmeqeskê, qulingê, ji heywanên bejî mar û beqê û yên din derbaz dibin. Di dema berî dewrana me da hinek eşîret navên heywanan li xwe kirine.

¹³⁹ Коран. Варна, 1909. стр.137

Ji nav heywanên malê di nav bawermendîyên êzdîyan da ga cîkî berbiçev digire, ew wek heywanê tiberk tê hebandin. Hebandina gê bi xwelîbêcerkirinê va tê şirovekirinê, ew bi hebandina royê va jî tê girêdanê. Di nava bawermendîyên êzdîyan da ga hêzek e, ku dijî ruhên neqenc şer dike.

Tiştêkî balkêş e, ku di edetên êzdîyan yên kevin da jî hebandina gê cîkî sereke digire. Ser banê şemîka mala kurdan wek nîşana ekindariyê qoçên (siturûyên) gê darda dikirin, derheqa gê da timê gotinên qenc digotin.

Bal gelek miletan, herwiha bal ermenîyan jî, gayên kotanê yên ax şov dikirin dihebandin, ew wek mêrxasên şerkir û serketî didîtin¹⁴⁰.

Di sitirana kurdî ya „Kotan“ da tê gotinê:

*”Kotan rake, rake, rake
Mişk û maran pê ra war bike”.*

Wextê şovkirinê sitiran digotin û bi dengêkî bilind hewara xwe li Melekê Taûs dadixistin û ruhên neqenc ji wan deran dûr dixistin.

Di sitiraneke din da tê gotinê:

*”Serê kotanê dar e
Binê kotanê dar e
Melekê Taûs, tu xweykî
Gîsinê kotanê û maçkal e”¹⁴¹.*

Di vê sitiranê da di dema xebatê navê Melekê Taûs tê dayînê, ku ew alî kotanê, gîsinê û ga bike. Di sitiranê da kotan ne tenê aletê şovkirinê ye, lê ew herwiha aletek e, ku şerê ruhên neqenc dike, wana hûrxweş dike, tune dike. Gorî êzdîyan, di dema şovkirinê da ruhên neqenc diketine ber diranên kotanê, ji êşê dengên batîni derdixistin û paşê ruhê xwe didan û bêdeng dibûn. Ji ber ku ga ew kotan dajotin, kurdan di nav gê da hêzeke mezin didîtin û ew hêz ji wan ra dibû pal û pişt.

Di sitiranên kotanajoyan da ga him hêzeke wisan e, ku ruhên neqenc ji xwe dûr dixê, him jî sîmvola ekindariyê ye.

Mêrxasê hikyata „Şerîf“ piştî ku rêwîtiyeke dirêj diqedîne, pismamekî ji qebîla xwe dibîne, qafê gê jê derdixê“, ku pismamê wî yê xwînî ye“.

Di sitiraneke da derheqa şerê di navbera gîsinê kotanê û ruhên neqenc da tê gotinê:

*„Serê kotanê rê ye
Binê kotanê rê ye
Piştî Melekê Taûs
Kotan şer dike pêşîya
Cinan, belayê û qedayê”¹⁴².*

Dema li cîyên ziyaretî gayek wek qurban serjê dikin, ji xûna wî niqitkek li enîya jinên ku zarokan naynin dixin, bona ew pê bimînin (ango, hemle bin). Dema xûna ga bi wî awayî bi kar tînin, kurd dua dikin, ku şênayî û bextewarî bikeve mala wan. Ev yek di dîne Zerdeştîyê da jî heye. Li wir Xwedayê Mîtra gelek cîyan li rex ga ye. Di bawermendîyên kurdan da dewsa Mîtra Melekê Taûs e.

¹⁴⁰ A.Mnasakanyan. Di berhema jorgotî da tê bîranînê.

¹⁴¹ Got binecîyê gundê Karvanserayê, navçeya Elegezê Nesîbê Çeto. Xudanê vê berhemê sala 1952an ev gotin ji zarê wî nivîsîye.

¹⁴² Got binecîyê gundê Elegezê Ahmê Çolo. Xudanê vê berhemê sala 1940î ji zarê wî ji ber girtîye.

Êzdîyên Îraqê û Ermenîstanê boxe û mozîkên bi nîşanên taybet va wek hediya didane ocaxan û ziyaretgehan.

Hebandina gayan bal hurum (yûnanî) û hromîyên (rom) berê jî hebûye.

Ango, ga di bawermendîyên gelek miletan da, di nav wan da di nav êzdîyan da jî, hatîye hebandinê. Derheqa vê yekê da gelek berhemên êtnografî, zargotinî û kevinezanîyê hene. Qibtîyên kevin bawer dikirin, ku ruhên wana dikarin di nav canên gayan, pezan, deban û yên din da bin, lê hind û binecîyên bakurê Afrîkayê ser wê bawerîyê bûn, ku piştî mirinê ruhên wan cîguhastî nava fîlan dibin¹⁴³.

Di demên buhurî da kurdan jîyaneke koçerîyê û nîvkoçerîyê derbaz kirine, pez û dewar xwedî kirine, lema jî tu şikberî tê da tune, ku wana gerekê ew heywan bihebandana, ewana gerekê di dîne wan da cî bigirtana.

Rêçên (îz) hebandina pêz û bizinan heta îro jî bal kurdên Ermenîstanê heye, wek nimûne di goristana gundê Camûşvana Biçûk li navçeya Aparanê, komara Ermenîstanê da. Li wir kevirên gorê yên bi dêmên beranan û hespan hene.

Kurdên navçeya Aparanê hirîya pêz tiştêkî ziyaretî dihesibînin. Ewana gava li erdê baqek hirî dibînin, destxweda hildidin, dikine paşila xwe, dibine mala xwe, dikine nava derzekî dîwaran.

Kurdên êzdî payîza dereng bona lihevzêdekirina pêz, di dema Beranberdanê da beran berdidane nava pêz. Piştên wan beranan bi rengên sor, kesk va den (boyax) dikirin.

Roja pêşin ya Beranberdanê heyteholên cûre-cûre dihatine derbazkirinê, wek nimûne, bona dilê Memê Şivan bikirin, hirîya berên tevî hirîya pêz dikirin, zarok ser wê hirîyê dilîstin, qilopanî didan, distiran, direqîsîn û hîvî ji Memê Şivan dikirin, ku wê salê diha zef berxan bide û tiştên din dixwestin. Ew sitiran û reqas yên taybetî bûn, ku tenê di rojên Beranberdanê da distiran û direqîsîn.

Yek ji sitiranên di dima Beranberdanê da:

„Beranberdan, can Beranberdan

Bereket be, Beranberdan

Bira hazir be Memê Şivan

Pezên me xweyke ji qeda û belan”¹⁴⁴

Qîmetê vê helbestê di wê yekê da ne, ku li wir ruhê piştgira pêz - Memê Şivan tê bibîranînê. Bawerîyên bi vî awayî yên derheqa pêz da di berhemên gelêrî yên mayîn da jî hene.

Di nav kurdên êzdî da ji heywanên malê hebandina sê jî gelek balkêş e.

Gorî bawermendîyên kurdan se ji binemala heywanên çûr (kej) e û ew binemal di hindava merivan da ne amin e, lê se dilsax û amin e, ew malê û heywên ji weşşîyan û dizan diparêze, ew alîkarekî baş e bona nêçîrvanan, lema jî merivan se xwedî kirine, lê heywanên din yên ji wê binemalê ji xwe dûr xistine. Ne tenê bal kurdan, lê bal gelek miletên cihanê derheqa aminaya se û kûçikan da gelek lêgênd û çîrok hene. Bal êzdîyan derheqa aminaya kûçikan hindava merivan da bawerîyeke wa heye: “Serekê êzdîyan Siltan Êzîd dema li çiyayên Şengalê himberî eskerên ereban şer dikir, şev nîvê şevê, gava eskerên wî yên ji hal ketî razayî bûne, eskerên ereban bi dizî êrîş dikin. Kûçîkê Siltan Êzîd yê amin Boxir ji dûr va eskerên ereb texmîn dike, xwe bi xwedîyê xwe ra digihîne û ji nişkêva ziman dikeve devê wî, derheqa êrîşa dijmin da wî agahdar dike. Êzdî seyê xwe dide fêmkirinê, ku neewte, ekerên xwe hişyar dike, ku xwe di nav keviran da veşêrin û hazirîya şer bibînin. Wî çaxî Boxir diçe bal Êsibê serekqumandarê ordîya ereban, wî perçe-perçe dike. Ordîya ereban xwe şaş dike, nizane wê bê serekê xwe çî bike. Êzdî bi fermana Siltan Êzîd dest pê dikin ereban didine ber tîran, nîvê esker tê qirê, lê yên dinê xwe li riya revê digirin”¹⁴⁵.

¹⁴³ W.Wunelt, Miph und Religion, Leipzig, 1905, rûpel 111.

¹⁴⁴ Qesta gotina qeda-bela ruhên neqenc in. Gorî êzdîyan piştovanê pêz Memê Şivan dikare wana ji belayê xilaz bike.

¹⁴⁵ Got binecîyê gundê Elegezê, navçeya Aparanê Ahmê Çolo.

Mêrxasê hikyata kurdî “Nêçîrvan”, ku nêçîrvan bûye, wextê bi kûçikê xwe yê amin ra diçe nêçîrê, rastî du şêran tê. Nêçîrvan ji tirsaradibe serê darê. Şêr êrîşî ser kûçikê dikin, wek dibêjin, perçê mezin guhê wî dihêlin. Nêçîrvan kûçikê xwe yê amin di wê rewşê da dibîne, peyayî jêrê dibe, xwe dîkujê¹⁴⁶.

Bawerîyên ha bal ermenîyan jî heye. Bal ermenîyên Ganzakê derheqa kûçikan da meseleyeke ha heye: ”Pêşî gur bi merivan ra dijîtin, lê kûçik di daristanan da dijîtin. Rojekê jî rojan kûçikên nexweş hatin bal guran, ji wana hîvî kirin, ku destûrê bidine wan çendekê bal merivan bijîn, heta bi ser xwe va tîn, ango qenc dibin, lê gur jî gerekê biçûna li daristanan bijîtana. Gur gunehên xwe bi kûçikên nexweş anîn, cîyê xwe dane wan. Cûrê jîyana merivan gelek li kûçikan xweş hat û îdî nexwistin veqerine daristanan”¹⁴⁷.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku gava kûçik diewtin, ew tê wê maneyê, ku ji ezmanan horî an jî ruhên qenc tîn û ji ber ku kûçik dihatine hesibandîne wek ruhberên bikir (paqij), dikaribûn bidîtana ku ruhên qenc û neqenc çawa ji erşê ezmîn dadikevine ser erdê. Bi bawerîya êzdîyan seyên hemis (reş.-T.X.) ruhên neqenc dizêrandin, ku eger seyê hemis carekê biewta, tirs li ruhên neqenc digirt û ew direvîyan. Bi bawerîya êzdîyan se nêzîkbûna Ezrayîl texmîn dike, pêşî dike zûkînî, paşê dikeve halekî melûliyê û bêdeng dibe.

Êzdî kuştina kûçikan tiştêkî guneh dibînin. Bi gotina gotîyan, êzdîyekî kûçikê xwe kuştîye û kûçikê wî gelek caran hatîye xewna wî û her caran jî kirîye zûkînî, ku nîşana gazindarîyê ye. Kûçikê kuştî gelek caran bi qilxê merivan dîyar dibe, tê bal xwedîyê xwe û nîfiran lê dike.

Di bawermendîyên êzdîyan da hebandina kûçikan bi bawerîyên ruhên kesê rehmetlêbûyî va tê girêdanê. Gorî êzdîyan, se wek parastvanê xwedîyê xwe yê amin, herwiha parastvanê eşîra xwedîyê xwe ye jî.

Bi vî awayî, ser bingehê van fikiran em têne ser wê bîr û bawerîyê, ku se di dewrana jîyana eşîrtîyê-derebegîyê da wek bal gelek miletan, bal kurdan jî wek heywanekî momin hatîye hesibandin.

Ji heywanên malê hesp jî hatîye hebandin û ew hebandin jî ji demên buhurî tê.

Di civaka berî dewrana me da hesp di jîyana merivan da roleke mezin lîstîye. Eşîretan bêy hespan nikaribûn aborîya xwe bi rê va bibirana. Rola hespan xwesma di jîyana kurdên koçer da pir bû. Wana kon û navmala xwe bi hespan cîguhastî zozanan dikirin. Hesp di karê heyfildanê, şerê di navbera eşîretan da û di dema nêçîrê da ji bo kurdan heywanê herî bi amin û bi nirx bû.

Derheqa hebandina vî heywanî da di gelek berhemên zargotinî (folklorî) û mîletzanî (êtnografî) da, di destan, hikyat, sitiranan da hene.

Em ne bi wê fikira X. Samvêlyan ra nin, ku “girêdaneke hespan ya taybetî bi jîyana çîna hukumdar ra heye. Wek ku ew kesana di jîyana xwe da kar nakin, her wisa jî hesp di hikyatan da karekî nakin”¹⁴⁸.

Di zargotina kurdan ya pirjanr da hesp xwedî hêzeke gelekî xurt in, ji hemû heywanan bezatir in, ew dikarin ji binê behran derkevin, wek teyredayan di ezman da perwaz bidin, mêrxasên hikyatan ji halê teng xilaz bikin. Hesp bi mêrxasên xwe ra bi zimanê merivan xeber didin, ew rê li ber siyarîyên xwe dikin, ku çawa ji halê giran derkevin. Em li gelek cîyan rastî hespan tîn, wek di nav şerê di navbera eşîretan da, di dema lecbazîyê û li her deran mêrxasên hikyatan bi alîkarîya hespan mêrxasî û mêranîya xwe dîyar dikin û bi ser dikevin.

Hespê Memê Alan yê bi navê Bor bi gotin gotîyan hespekî sade bûye, lê di rê da hêzeke batinî werdigire û di rojên oxirmên giran da tê hewara xweyê xwe. Dema Memê Alan li Cizîra Botan¹⁴⁹ li dilketîya xwe digere, berê xwe dide jineke sêrbaz, ku li beravê hirî dişûşt, ji wê pirsyara evîndara xwe dike. Ew jina sêrbaz jê ra dibêje, ku dilketîya Memê ew bi xwe ye. Hespê Memê bona xwedîyê xwe ji belayê xilaz bike, zimanê merivan werdigire û bi Memê ra dipeyîve:

¹⁴⁶ Got binecîyê gundê Emençayîrê ji herêma Qersê Ûsibê Çolo, ku niha li bajarê Tbilîsîyê dimîne. Sal 1947.

¹⁴⁷ Y.Lalayan, AZ, Tîflîs, 1900, rûpel 343.

¹⁴⁸ X.Samvêlyan. Hîn Hayastanî kûltûran (bi ermenî), cild 1, Yêrêvan 1931, rûpel 194.

¹⁴⁹ Warê kurdan li Tirkîyê

*“Memê tu lawikê dîn î
Ya tu dibêjî, ne ew Zîn e
Ew xûşka Bekirê Ewan e
Tu cara kar ji wê nîne“*

Di berhemên folklorîk da hesp carna wek heywanên behrî an jî ezmanî pêşda tîne û xwedî hêzeke batinî ne. Ewana ji behran dertên, wek di destana kurdî ya ”Cibrî” da hespê şînboz, an jî kurkîk Celalîyê di destana ermenîyan ya bi navê ”Sasûnsî Davît” da û ew alîkarîya mêrxasên gelêrîyê dikin.

Gotina ”Şînboz” kurdî ye, ji gotinên şîn û sipî çê bûye. Gava kurd dibêjin şînboz, qesta wan hespên ku rengê şîn lê dikeve ye. Gelek millet di berhemên zargotinî da rengê behrê dane hespan. Di berhemên kurdî yê zargotinî da hespê reş jî derbaz dibe.

Merivên berî dewrana me ser wê bawerîyê bûne, ku hesp xwedîyê hêzeke ezmanî ye, ew wek heywanekî ziyaretî hatîye hesabandin.

Kurd herdem jî derheqa hespan da bi pesin û dilgermî xeber dane, ew wek sîmvol mirazan (hespê mirazan) binavkirine, ser wê bawerîyê bûne, ku hesp xilazkirîyê ruhan e.

Êzdî bi hespan va ewqas girêdayî bûne, ewqas ji wana hiz kirine, ku ser gorên merivên xwe heykelên hespan danîne. Ji vê yekê wisa xuya dibe, ku kesê rehmetlêbûyî siyarîkî hêle bûye, ku ruhê wî merivî li wê dinyayê bi ruhê hespê ra eyan bûye.

Di mîtologîya kurdî da hesp bi ruhan û Xwedêyan va tê girêdanê. Yek ji Xwedayên di dema pûtperestîyê da Xidir Nebî ye, ku hespekî wî yê şînboz hebûye. Gorî lêgêndan, hespên beza dikaribûn di erşê ezmîn da bifirîyana, di berhemên zargotinî da hespên bi perr û bask jî hene, yê ku mêrxasan ji dinya tarî derdixine dinya ronik.

Культы домашних и диких животных

В многочисленных курдских этнографических и фольклорных материалах сохранились пережитки культуры тотемных животных: вола, быка, козла, собаки, кошки, лошади, волка; из пернатых - павлина, голубя, ласточки, скворца, аиста, журавля; из пресмыкающихся - змеи, лягушки и т.д. В период первобытного общества многие племена и роды нарекали себя названиями животных. И в наше время многие курдские племена носят названия разных животных, что свидетельствует о пережитках прошлого.

В верованиях езидов из домашних животных особое место как тотем рода занимает вол - священное животное и рабочая сила.

Культ вола главным образом связан с земледелием, частично касаясь также культа солнца. В курдских верованиях вол изображен в виде силы, которая борется со злом.

Заслуживают внимания и существующие у езидов определенные традиции, напоминающие о пережитках культа тотемных животных, связанных с культом вола. Курды-езиды над входом в свое жилище прикрепляли бычьи рога как символ плодovitости. О волах и быках всегда говорили с почтением.

Многие народы, в том числе и курды-езиды, вола, таскающего плуг и переворачивающий пласты земли, называли сражающимся воином.

В курдском напеве пахаря "Котан" говорится:

*Kotan rake, rake, rake,
Mişk û mera pera wer bike.*

*Паши соха, землю поднимай.
Гони из нор мышей и змей.*

Сам процесс пахоты и сева езидами рассматривался и как средство борьбы с духами зла. Пахарь громко пел, обращаясь к Малакетаусу:

*Serê kotanê dare,
Binê kotanê dare,
Melektaûs tu xweyke,
Gîsnê kotanê u megkerê.*

*Верх сохи деревянный,
Низ сохи деревянный
Малакетаус, спаси и сохрани
Лемех сохи и пахаря.¹⁵⁰*

В напевах пахаря вол символизирует плодородие и силу, избавляющую от злых духов.

В следующем отрывке из той же песни пахаря речь идет о битве лемеха сохи со злыми духами:

*Serê kotanê rêye,
Bine kotanê rêye,
Piştî Meleketaûs
Kotan şer dike peşya
Cina, belaye dide.*

*У сохи спереди - дорога,
Сзади у сохи - дорога,
С помощью Малакетауса
Бьется соха с духами
И прогоняет их.¹⁵¹*

В песнях-молитвах пахаря упоминается имя Малакетауса, который оказывает помощь пахарю, сохе и волам. Соха в напеве пахаря считается не только орудием земледелия, но и средством совместной борьбы вместе с волами со злыми духами, которая уничтожает и стирает их с лица земли. И поскольку вол являлся тягловой силой и шел впереди сохи, езиды видели в нем некую силу плодородия, оказывающую покровительство земледелию.

Во время принесения вола в жертву в святых местах его кровью бесплодной женщине обмазывали лоб, чтобы она забеременела. При использовании в ритуалах воловьей крови езиды произносили молитву в надежде получить в текущем году хороший урожай. Подобное явление встречается и в зороастризме, где бог Митра появляется на арене совместно с волком. В верованиях езидов Митру заменяет Малакетаус.

Култ священного вола существовал также у древних греков и римлян.

Таким образом в верованиях многих народов, в том числе и курдов-езидов, вол, как тотем, являлся предметом почитания. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические, фольклорные и археологические материалы. По представлению первобытных людей тотемы считались воплощением духа предков.

¹⁵⁰ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского района Ахме Чоло записал автор в 1940г.

¹⁵¹ Со слов жителя с.Карвансара Артикского района Насибе Чато записал автор в 1952г.

Древние копты верили, что их души могут воплотиться в быке, крокодиле, овце и других животных. Индейцы и аборигены Северной Африки полагали, что после смерти их души переселяются в тело слонов¹⁵².

В прошлом курды в основном вели кочевой и полукочевой образ жизни, их главной хозяйственной деятельностью являлось скотоводство, и поэтому не вызывает сомнения то, что они фетишизировали этих животных, которые в их верованиях стали тотемом. Бычков и козлят с необычными отметинами езиды Ирака и Армении в качестве дара преподносили священным оджахам.

Из домашних животных курды-езиды больше всего содержали овец и коз. Не вызывает сомнения, что они фетишизировали этих животных, и в их верованиях овцы и козы также являются тотемами.

Следы культа овцы /барана/ и козы можно обнаружить и в наше время в местах компактного проживания курдов в Армении. Например, на кладбище в селе Малый Джамышлу на многих могилах установлены надгробия в виде барана. Есть надгробия и в виде лошади.

Курды-езиды Апаранского района Армении овечью шерсть называют БЫСК /клок шерсти/ и считали ее священной. Обычно если кто-то находил валявшийся на земле клок шерсти, то тут же поднимал, прятал под рубашкой или уносил домой и засовывал в щель между камнями стены дома.

Поздней осенью в период БАРАНБАРДАНА в загон к овцам запускались бараны, на спины которых заранее краской наносились разноцветные отметины.

В первый день баранбардана исполнялось множество ритуалов; чтобы заручиться благосклонностью Маме Швана брали клок бараньей шерсти и перемешивали с овечьей, дети начинали кувыркаться на земле, петь и весело плясать, прося покровителя овец Маме Швана увеличить в этом году приплод и т. д. Обрядовые песни и танцы в честь баранбардана несли в себе некий религиозный оттенок. В честь баранбардана пели:

*Beran berdan, can beran berdan,
Bereket be beran berdan,
Vira hazir be Memê Şvan
Pezê me xweyke ji qede - bela.*

*Баранбардан, гей баранбардан,
Да будет плодовитым баранбардан,
Да поможет нам Маме Шван
Уберечь овец наших от бед и напастей.*

В песнях в честь баранбардана исключительное значение имело упоминание имени духа Маме Швана - покровителя овец и мелкого рогатого скота. Признаки типичного поверья встречаются и в других народных произведениях на тему об овцах.

Заслуживает внимания также культ собаки среди езидов.

По верованиям курдов-езидов собака относится к так называемой шакаловидной породе животных, но в отличие от шакала она предана человеку, его дому, охраняет его скот от диких зверей и воров, является неутомимым помощником охотника. За эти качества люди взяли собаку к себе, ухаживали за ней, а шакала прогнали или уничтожили. Так гласит легенда. Не только курдами, но и многими другими народами сложено немало легенд о дружбе и преданности между человеком и собакой.

О преданности собаки человеку у езидов существует следующая легенда:

"Некогда праотец езидов Эзди в горах Снджара со своим войском вел сражение с арабскими захватчиками. Ночью, когда уставшие воины заснули, арабы решили тайно

¹⁵² W.Wunelt. Miph und Religion. Leipzig, 1905, p. 111.

пробраться в лагерь езидов и напасть на них. Преданный Эзид пес по кличке Бохр заметил крадущееся войско арабов. Он бросился к своему хозяину и на человеческом языке предупредил его о приближении врага. Эзид велел собаке вести себя тихо и не лаять, а сам стал будить своих воинов. В то же время Бохр тихо подполз к арабскому военачальнику Усубу, набросился на него и стал рвать его в клочья. Среди арабского войска поднялась паника. И тогда Эзид бросил клич своим воинам: "Бейте их!" Тучи езидских стрел полетели в сторону арабов, поражая их одного за другим. В результате половина арабского войска погибла, а другая обратилась в бегство.¹⁵³

В другой курдской сказке "Охотник" ее герой вместе со своим верным псом отправляется на охоту. Вдруг появляются два льва. Охотник в панике от страха убегает и вскарабкивается на скалу с названием Карадаг и сверху видит, как львы набрасываются на его пса и рвут его на части. Охотник, увидев какая участь постигла его верного пса, не смог вынести все это и сам бросился со скалы, покончив собой.¹⁵⁴

Похожие легенды о дружбе человека и собаки существуют и у армян. Среди армян Гандзака распространена следующая легенда о собаке: "Изначально у людей жили волки, а собаки обитали в лесах. Как-то заболевшие собаки пришли к волкам и попросили разрешить им временно пожить вместе с людьми до их выздоровления, и чтобы они, волки, на это время вместо собак перебрались в лес. Волки пожалели собак и уступили им свое место. Прошло определенное время, собакам понравилась их жизнь среди людей, и они отказались возвращаться в лес"¹⁵⁵.

По мнению езидов лай собаки означал, что с небес спускаются ангелы или духи, так как считали, что собаки душой чисты и святы (bukurin), и поэтому они способны видеть спускающихся с небес добрых и злых духов. По представлениям езидов, черная собака может преследовать и прогонять злых духов. Стоит черной собаке залаять как злые духи в ужасе убегают. А когда к дому умирающего приближается ангел смерти Азраил, собака этого дома сначала начинает жалобно скулить, затем вовсе замолкает и впадает в глубокую тоску.

Убийство собаки у езидов считается большим грехом. Согласно одной легенде, некий эзид убил собаку, которая потом постоянно снилась ему. Время от времени она появлялась в человеческом облике и осыпала его проклятиями.

В верованиях езидов культ собаки связан также с почитанием душ умерших, что опять таки вытекает из их анимистических взглядов. Как уже сказано, собака, являясь преданным человеку животным, в езидском религиозном понимании воспринимается как бы покровителем рода и племени.

На основании упомянутых материалов можно предполагать, что собака в период родоплеменного общества являлась тотемом - праотцом, и в то же время как курдами, так и другими народами была признана священным животным.

Заслуживает внимания и культ лошади в верованиях езидов, пережитки которого восходят корнями к тотемному периоду. Во времена первобытного общества лошадь в жизни людей играла важную роль. Без лошади роды и племена не смогли бы наладить свою хозяйственную деятельность. В жизни и быту курдов, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, лошадь занимала особое место. На лошадях курды перевозили с места на место свои шатры и домашний скраб. Конь был неотъемлемой частью человека во время охоты, при осуществлении кровной мести и на войне. Следы бывшего культа этого животного встречаются в материалах этнографических исследований и в фольклоре - в эпических поэмах, сказках, народных песнях и т.д.

Нельзя соглашаться с мнением Х.Самвеляна о том, будто "... лошадь всегда сопричастна к жизни героев только правящего и господствующего класса. Как сами эти

¹⁵³ Рассказал житель с.Алагяз Апаранского района Ахме Чоло

¹⁵⁴ Записано со слов бывшего жителя с. Яманчаир Карского уезда /Турция/ Усубе Басо в г.Тбилиси в 1947г.

¹⁵⁵ Е.Лалаян, ЭЖ, г.З. Тифлис, 1900г., стр.343 (перевод с арм. яз.)

лица, которые в своей жизни никогда не занимались трудом, так и лошадь в народном восприятии и понимании наделялась теми же характеристикам, что и их хозяева то есть не имеющая отношение к труду".¹⁵⁶

Как в период родоплеменного общества, так и в дальнейшем при формировании последующих общественных устройств, лошадь всеми членами данного общества использовалась всегда.

В материалах курдской словесности лошади изображены как животные, обладающие сверхъестественной силой, они рождены неукротимыми, умеют летать по небу и часто выручают попавших в беду народных героев. Порой лошади разговаривают с героями на человеческом языке и подсказывают им пути выхода из трудного положения, в котором оказался герой. Они активные участники во всех сферах деятельности курдов - в труде, в сражениях, междоусобных конфликтах, играх и соревнованиях /джрид/. Благодаря лошади народные герои могли проявить героизм и сверхъестественные качества.

В курдской эпической поэме "Маме и Зине" конь героя поэмы Маме Алана по кличке Бор с виду был простым конем, но в пути он вдруг обретает сверхъестественные качества и выручает своего хозяина Маме Алана из трудных ситуаций. Герой поэмы Маме Алан, отправляясь в Джизире Ботан¹⁵⁷ на поиски красавицы Зине, которую он увидел во сне и влюбился, у родника встретил одну лживую, и коварную женщину, которая мыла там шерсть. Ее тоже звали Зине. Когда Маме стал расспрашивать ее о своей Зине и спросил, где ее можно найти, лживая и коварная Зине заявила ему, что она и есть та самая Зине, которую он ищет. Чтобы спасти своего хозяина от чар хитрой колдуньи, конь Маме Алана вдруг на человеческом языке взывает к своему всаднику и говорит:

*Meté, tu lawikî dînî,
Ya tu dibêy ne ew Zîne,
Ew xuşka Bekirê Ewanîye,
Tu cara kar ji wê nîne.*¹⁵⁸

*Маме, ты разума лишился,
Это не та Зине, про которую молвишь,
Эта Зине - сестра Бакре Ауани,
Ничего хорошего от нее не жди.*

Кони в материалах народной словесности иногда изображены в облике имеющих сверхъестественное происхождение морских или небесных животных. Имея, скажем, морское происхождение, они подобно коню по кличке Шинбоз в курдской поэме "Джибри" или Куркик Джалали в армянском эпосе "Сасунди Давид" выходят из морских пучин и спешат на помощь народным героям.

Слово Шинбоз - это курдское словосочетание, состоит из слов Шин - синий, и Боз - беловатый. Курды, называя коней в значении "шинбоз", предполагают коней масти большей частью с синевато - сероватым оттенком. Из фольклорных материалов видно, что многие народы при описании масти коня придавали ему окрас цвета моря с употреблением эпитета "синий", которым как бы в качестве прозвища и нарекался скакун. В курдской словесности в качестве масти коня употребляется также форма РАШ /черный, вороной/.

¹⁵⁶ Х.Самвелян. Культура Древней Армении, т.1, Ереван, 1931г. .стр.194 (перевод с арм.)

¹⁵⁷ Джизире Ботан - местность в Курдистане (на арм. яз.)

¹⁵⁸ Бакре Ауани - отрицательный герой в поэме "Маме и Зине", интриган, лжец и негодяй

Первобытные люди наделяли лошадей и остальных животных сверхъестественными свойствами. Лошадь тоже считалась тотемным священным животным. О лошадях курды всегда говорили с благоговением и гордостью, воспринимая их как символ мечты и удачи (*hespê mraza*) и спасителей душ (*hesp xilazirkê ruhane*).

Курды-езиды так были привязаны к лошадям, любили и обласкивали их, что даже на могилах умерших устанавливали надгробия с изображением коня. И по этому признаку можно было определить, что умерший в свое время был всадником и его душа в загробном мире будет неразлучна с душой его коня.

В курдской мифологии конь связан с душами, духами и богами. Одним из языческих божеств езидов является Хыдыр Наби, конь которого тоже по кличке Шинбоз считался священным. Согласно легендам горячие скакуны наделены способностью летать в небесах, они имеют крылья и зачастую спасают героев повествования, вынося их из темного царства в светлый мир

7. Hebandina maran

Kurdan mar hesab kirine heywanekî rehm û qenc, di hikyatan da mar carna ji hev dipelişe, ji nav wê keçikên wek horî perîyan bedew derdikevin.

Gorî bawermendîyên êzdîyan ewana dibine ruhên qenc û him li der va, him jî di malê da alîkarîya merivan dikin.

Bi bawerîya êzdîyan herdem nîne, ku mar rehm in. Carna marên bê rehm jî rastî me tên, ku di nav wan da ruhên neqenc hene, ewana dikarin li merivan xin, zirarê bidine heywanan û teyredeyan.

Fariz û kurd ji wan ra *mar* dibêjin. Di gundê kurdan - Karvanserayê, li navçeya Artîkê (Ermenîstanê) di demekê eşîra kurdan ya Miroyan dima û wisa xuya ye, ku ew ji navê mar e.

Wextekê êzdîyên gundê Balûl li navçeya Talînê (Ermenîstanê) mar xwedî dikirin û miqatîlê dikirin. Ji wan maran ra digotin "dewleta malê". Ew nedizêrandin, nifir li wan ne dikirin û kuştina wan tiştekî guneh dihesibandin.

Di berhemên gelêrî da carna ji ziya (marê herî mezin) ra jî mar dibêjin.

Di hikyata kurdî "Şamil" da marê ziya xwe li hemû vexwendîyên dewatê va dialîne û şert datîne ber wan, ku eger ewana keça padişa jê ra neynin, ewê wana bixeniqîne. Ew tenê wî çaxî bela xwe ji wana vedike, gava keça padişa jê ra tînin.

Gorî kurdan di dema birûskvedanê mar hildifirine ezmanan û li wir dibine ziya.

Hebandina maran bal gelek miletan heye. Bal ermenîyan jî mar carna dibe ziya. Gorî M.Abêxyan "di bawermenîdyên ermenîyan da marên firtoneyê cîkî berbiçev digirin û ji wan ra "ziya" dibêjin. Bi rastî jî, carna mar wisa mezin in, ku ji wan ra ziya tê gotinê"¹⁵⁹.

Êzdîyan zîya weke mar qebûl dikirin, bawer bûn, ku qîlên wan hene, ew bêbext in û dikarin zirarê bidine merivan û heywanan. Gorî bawermendîyan, ew dikarin hildifirine ezmanan û bibine sebebê firtoneyan, ew dikarin bi dêla xwe va bajar û gundan wêran bikin, merivan û heywanan bikujin.

Di hikyatên kurdî da mêrxasên gelêrî himberî zîyan şerekî giran dikin, da ku horîyên wan, sêvên wan yên cinetê, kasên avê, xişîrên giranbuha û tiştên din li xwe vegefinin.

Di hikyatan da behsa bobelîskan jî tê kirinê, ku bi bawerîya êzdîyan hildifirine ezmanan.

Gorî mîtologîyayê zîya ji ser erdê fitilan dide xwe, hildifire ezmanan û carna wek ruhê neqenc bi qîlxê birûskê an jî bagerê xuya dibe. Bi bawerîya êzdîyan ewana bi zîpîk û teyrokê ra dadikevine ser erdê.

Wisa xuya ye ku bi bawerîya êzdîyan pêwendîyên zîya bi ruhê neqenc yê birûskê va heye, ku jê ra *ebabirûsk* tê gotin. Ji ber wê jî êzdî zîya û ebûbirûsk wek birayên hev dibînin.

¹⁵⁹ M.Abeghian. Der Armenishe Volksglaube, Leipzig, 1899, rûpel 78.

Di mîtologîya kurdan da zîya dijmina merivan yê qaneqanê ye. Daxaza wan ew e, ku meriv li rûbarê dinyayê nemînin, lema jî ew bajar û gundan wêran dikin, merivan dikine nava halekî giran.

Kurdan dema didît, ku zîyayê fizildûmanê xuya dibe, destxweda perçeyên ji hesin davîtine ber şêmikên xwe, bona ruhên neqenc û zîya ji wan dûr bikevin. Êzdî bona zîya ji mala xwe derxistana, hewara xwe li ruhên qenc û Melekê Taûs dadixistin û digotin: "Ya Melekê Taûs, tu me ji zîya xweykî".

Bi bawerîya êzdîyan ruhên qenc gerekê bi fermana Melekê Taûs wan zîyayan bigirtana, bibirana ezmanan, li wir bixeniqandana û merivan ji ruhên neqenc xilaz bikirana, ku bi qilxê maran li wan diqesidin.

Gorî mîtologîya kurdan, zîya gava hildifirî ezmanan, bi ruhên qenc ra dikete nava qal û cengê, lê nikaribû zora wan bibira, ji ber ku nifir li ruhên neqenc hatibû kirinê. Eger zîya gelek bêbextîyan û xayîntîyan dike, Melekê Taûs ji qirika wî digire û wî dixeniqîne¹⁶⁰.

Kurdên êzdî bawer dikirin, ku mar tenê di dema bagerê û fizildûmanê ji erdê hildifire erşê ezmanan. Zîya tenê di dema bagerê da xuya dibe.

Di zargotina kurdan da em rastî wê yekê tên, ku li rex çavkanîyan û ber kenarên çeman "Marên keviri" hene, yên ku xwedêgiravî ji nifirên merivan bûne keviri û risas û ew yek bi destî ruhên qenc hatîye kirinê. Rêça lingên ruhên qenc warên paqij tene hesibandin, lê avên ku wan waran ra dikişin, avilheyat in.

Ji heywanên beyanî (bejî) ji gişkan zefir heywanên weşî zirar dane merivan, wek şêr, piling, hirç, gur û h.w.d., ku di çevê merivan da tîrnexur, êrîşkar in û tirs û xofa xwe li her deran belav dikin. Bi bawerîya kurdan di nav wan da ruhên neqenc hene. Bona xwe ji weşîtîyên wan biparêzin, merivan dest avêtine her firsendan, bona dijminatîya wana himberî xwe bidine kêmkirinê. Merivan bona xwe ji êrîşên weşîyan biparêzin, dua û nifir kirine, qurban dane û ebabetîyên dînî kirine.

Di nav edetên kurdan û zargotinê da nîşanên hebandina wan heywanan hene. Kurd derheqa şêran da dibêjin: "Şêr şêrê Xwedê ye", "Şêr dergevanê Xwedê ye".

Di nav kurdan da eşîra bi navê Şêranî heye û navên Şêro hene.

Êzdîyên navçeya Aparanê li ser wê bawerîyê bûn, ku eger meriv di xewnê da şêr bibîne, xêr e. Aşûrîyên ku li Ermenîstanê dijîn jî ser wê bawerîyê ne.

Di nav kurdan da hirç jî weke şêr hatiye hebandin. Gorî edetekî kurdan hirç serekê hemû heywanan e û pêşengî li wan dike.

Gorî êzdîyan hirç berê meriv bûye, paşê warguhêzî hirç bûye. Êzdîyên Îdirê ser wê bawerîyê bûn, ku hirç baxvan bûye. Gorî êzdîyên Qersê hirç sinetkarekî yûnanî bûye û jê ra "hoste" gotine, paşê ew bi merivan ra bûye dost, bona wana dîwar lêkirine, alet û hacet çêkirine û h.w.d.

Di nav bawermendîyên kurdan da rûvî cîkî berbiçav digire. Rûvî ne tenê di nav folklorê kurdan da, lê ya gelek mîletan da wek terewilekî xapxapok, anîzaz xuya dibe, ku meriv nikare piştî xwe bi wî girêde. Di mîtologîya êzdîyan da gava meriv rastî rûvîyên zer û reş tê, ecêbekê bê serê wî. Ev yek dikare bi wê yekê va bê şirovekirinê, ku bal kurdan ew reng sîmvolê xirabîyê tê hesibandin.

Di folklorê kurdan, xwesma hikyatan da gelek dîdemên bi heywanan va girêdayî hene û gelek caran em di wan da rastî rûvîyan tên, ku nîşana zirardayîne, çavqulîyê, zikreşîyê ye.

Di bawermendîyên kurdan da, herwiha êzdîyan da jî gur wek tiberk hatine hebandinê.

Di nav êzdîyan da bi guran va girêdayî çend mîtologî hebûne: ser bêşîka (landîk) zarokên sava çencikên guran darda dikirin bona ku çav li wan nekeve, bona ruhên neqenc nêzikî wan nebin. Wextê zarok giran nexweş diketin, xwîna guran li enîya wî dixistin. Di merkan da postê guran xwedî dikirin bona xurek û zexîreya xwe ji cinan biparêzin.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku di guran da hêzeke nebînayî heye, lema jî gava zarok lûrî dikirin, digotin: "Lawo, Xwedê qewata gur bide te".

¹⁶⁰ Ji zarê binecîyê gundê Elegezê Etemê Silto hatîye girtin.

Wek ku bal gelek miletan, bal kurdan jî beq hatîye hebandinê. Rast e, reng û rûyê beqê ne ciwan e, wek dibêjin di husnê dinyayê da ne tiştê e, lê bi bawerîya êzdîyan ew wek maran xwedî hêzeke nebînayî ye. Di hikyatên kurdan da beq diqure (diteqe), ji hundurê wê xort û keçên ciwan derdikevin. Gorî êzdîyan qurequra beqan xêr e.

Rex gundê Gelto li navçeya Talînê kevirekî ziyaretê heye, ku jê ra "Kevirê beqê" dibêjin û milet diçe ber wê ziyaretê û qurbanan dide.

Keç û jinên kurdan wek nîşana hebandinê xemil û xişirên bi şikilên beqê bi xwe va dikin. Ser gelek kemberên jinên êzdîyan wêneyê beqê hatîye nitirandin. Tiştên ha bal ermenîyan û gelek miletên cihanê yên mayîn jî hene.

Gorî V. Bdoyan¹⁶¹ di nav ermenîyan da beq wek totêm hatiye hebandin.

Bal êzdîyên Qersê edetekî ku dûrî aqilan bû hebû: bona qenckirina çend cûre nexweşîyan dermanê ji hêşinayê çêkirî da xûnê beqan zêde dikirin.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku beq gelek qenc û rehm in û dema yekî di xewnê da beq didît, ew nîşana bextewariyê bû. Bi bawerîya wana, gava mêrxasên cimaetê diketine rojeke teng, beq diteqîyan, ji nav wana ruhên qenc derdiketin û alî wan dikirin, ew ji qezîyayê û belayê xilaz dikirin.

Di folklorê kurdî da em gelek caran rastî wan bûyeran tên, ku çawa ruhên rehmetlêbûyan şev nivê şevê bi qilxê heywanên cuda-cuda ji goristanê derdikevin.

Êzdî wisa bawer dikirin, ku meriv ji terewil û hêşinayên cûre-cûre dixuliqin, paşê ruh ji nav wana derdikevin û dikevine mala zarokan a jinan, paşê wek meriv têne cihanê.

Kurd ser wê bawerîyê ne, ku emirê merivan bi mirinê xilaz nabe, ruhê wî berdewam dijî an jî ruhê wî dikeve nava heywanan û hêşinayê û herdem dijî.

КУЛЬТ ЗМЕИ

Езиды в змее видели воплощение доброго духа. В сказках описывается, как иногда змея лопается и из нее появляется похожая на райскую деву гури-пери красавица. По верованиям курдов-езидов змеи могут превращаться в добрых духов, которые оказывают людям всякую помощь как дома, так и вне его.

Езиды верят, и в то что змеи не всегда бывают добрыми, а наоборот, в них могут вселиться злые духи, которые заставят их укусить человека и животных.

Персы и курды называют змею МАР.

В свое время в селе Карвансара Артикского района проживало курдское племя Мройя, для которого змея некогда вероятно была тотемом. В прошлом езиды села Балул Талинского района у себя дома содержали особые виды змей, они относились к ним заботливо и с большой лаской. Этим змеем считали "охранителем очага", называя их ДОВЛАТА МАЛЕ. Никто их не трогал и не тревожил, а их убийство или неуважительное высказывание в их адрес признавались большим грехом.

В народных сказаниях змей иногда уподобляется дракону. В сказке "Шамил" (Şamil) змея-дракон ночью кольцом обвивается вокруг приглашенных на свадьбу гостей и требует привести ему в жены дочь царя, иначе грозитя удавить всех. Он освобождает пленников лишь после того как приводят царскую дочь.

Согласно курдской мифологии змеи во время грозы и бури возносятся на небо и превращаются в драконов.

Культ змеи характерен для многих народов. В мифологии армян змея изображается в образе дракона. М.Абегян пишет: "В верованиях армян змеи, вызывающие ураган,

¹⁶¹ V.H.Bdoyan. Rêçên hebandina xwelîbêcerkirinê di nav ermenîyan da. Yêrêvan, sal 1950, rûpel 7.

занимают значительное место, они называются "Вишап" /дракон/. Иногда огромных змей называют драконом".¹⁶²

Дракону, которого езиды называют ЗИА, приписывали свойства змеи, имеющего острые клыки и злобный нрав, способный в любое время навредить людям. Согласно верованиям езидов, он может летать, вызывать ураган и смерч, ударом хвоста ему под силу разрушить города и деревни, уничтожить людей и животных.

В курдских сказаниях с драконами ожесточенно бьются народные герои, которые сражаются за освобождение из неволи своих возлюбленных, за возвращение награбленных драконом яблок бессмертия, чаш для воды, драгоценных камней и других богатств.

В сказках упоминаются также БОБАЛИСКИ /ураган, смерч/, которые по представлениям езидов вихрясь уходят в небо. По мифологическим представлениям драконы подобно злым духам часто поднимают ураганы, поднимая вихри, выскакивают из земного чрева и взлетают в небо, вызывая град и молнию. По мнению езидов, они спускаются на землю вместе с градом.

Вероятно ЗИА уподобляется другому небесному злему духу грозы и града АБАБРУСКУ, исходя из чего езиды считают ЗИА и АБАБРУСКА братьями (birê hevîn).

В курдской мифологии ЗИА извечный враг людей. Он мешает людям жить на земле, уничтожает города и селения, лишает людей средств существования, обрекая их на голодную смерть.

Когда небо покрывалось свинцовыми тучами и поднимался ураганный ветер, означающие "появление дракона", езиды тотчас разбрасывали у порога своих домов куски железа, чтобы изгнать злых духов и дракона от своего жилища. Одновременно они обращались с просьбой о помощи к добрым духам и Малакетаусу со словами: "О, Малакетаус, спаси и избавь нас от Зиа" (Ya Melekêtaus, tu me ji Zîa xweyke).

По мнению езидов добрые духи по приказу Малакетауса должны были схватить дракона за голову, поднять его в небо и задушить, чтобы избавить людей от появившихся в облике дракона злых духов и пресечь их действия по разорению и разграблению населения.

Согласно курдской мифологии, Зиа, взлетая в небо, вступает в схватку с добрыми духами, но не может их одолеть, потому что злые духи уже заранее прокляты. Если Зиа причиняет людям много зла, то Малакетаус хватается за шею, душит и убивает.¹⁶³

Езиды верили, что змеи взлетают в небо только во время бурь и плохой погоды, что Зиа сам по себе невидимка и его можно обнаружить лишь во время грозы, молнии, урагана и смерча.

В курдском фольклоре говорится и об "окаменевших змеях" у истоков родников и на берегах рек, которые, якобы, окаменели в результате проклятия людей и не без помощи добрых духов. Следы ног добрых духов считались чистыми, а текущие по этой местности воды - святыми.

ОБ ОСТАЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ

Одними из страшных диких зверей считались львы, тигры, медведи, волки и прочие хищники, которые обладая огромной физической силой, наводили ужас на людей своим злобным нравом и кровожадностью. По мнению, езидов они являются воплощением зла. Чтобы уберечь себя от диких зверей и смягчить их враждебное отношение к себе люди

¹⁶² M.Abeghian. Der Armenische Volksglaube, Leipzig, 1899, p. 78.

¹⁶³ Записано со слов жителя с.Алагяз Апаранского р-на Адаме Слто.

прибегали к различным средствам: прибегали к молитвам, проклятиям, исполняли обряд жертвоприношения, совершая разные магические и ритуальные действия.

В тоже время в обычаях и материалах словесности курдов-езидов отмечаются также следы поклонения хищным зверям. Например, о львах езиды говорят: "Лев он и есть лев от бога" (Şêr sêrê xudêye), "Лев - охранитель бога" (Şêr dervanê xudêye).

У курдов есть племена, нарекшие себя названием льва -Шераниа, а также мужские имена - Шеро. Курды-езиды Апаранского район считали, что если человеку приснился лев, то это к добру и счастью. Похожие поверья существуют и у ассирийцев, проживающих в Армении.

Езиды не меньше льва почитали и медведя. Согласно одной из курдских легенд, медведь является предводителем всех диких зверей, которые исполняют все его приказы.

По представлениям езидов, медведь в прошлой жизни был человеком, который в дальнейшем видоизменился и принял облик медведя. Езиды Игдира /Турция/ считали, что медведь был садовником, а езиды Карского уезда полагали, что он раньше был греком-ремесленником (hoste), потому что у него были навыки мастерового, который подружился с людьми и стал возводить для них дома, изготавливать инструменты и т.д.

В верованиях езидов на арене появляется также лиса, образ которой окутан таинственностью. В фольклорных материалах курдов и многих народов лиса изображена плутовкой. Относительно лисы у езидов присутствуют определенные предрассудки. Встреча с черной и рыжей лисой считалась не к добру; вероятно, это связано с тем, что у езидов черный и рыжий цвета считались знаменами зла и бед. В курдском фольклоре имеется немало материалов о зверях и их видоизменении. Существует много сказок и легенд об изменении лисой своего обличия, о ее хитрости, коварстве и вероломстве.

В верованиях курдов-езидов известны пережитки культа волка, из чего следует, что этот зверь некогда в верованиях езидов являлся тотемом.

Среди езидов существовали связанные с волком следующие предрассудки: К колыбели новорожденного привязывали волчий коготь, чтобы отвести от него сглаз и изгнать злых духов. Во время исполнения обряда жертвоприношения лоб заболевшего ребенка символично обмазывали якобы "кровью" волка. В кладовке вешали волчью шкуру, чтобы запугать злых духов и не дать им украсть их съестные припасы. Волка езиды наделяли огромной силой, и когда мать качала ребенка в колыбели, то приговаривала: "О, дитя мое, дай тебе бог силу волка" (Lao, xuedê qewata gur bide te).

Как у курдов, так и у многих других народов, лягушка считалась предметом поклонения. У лягушки хоть и уродливая внешность, но в ней, как и в змее, заключена сверхъестественная сила. В курдских сказках часто говорится, что из лопнувшей лягушки появляется либо прекрасный юноша, либо девушка неземной красоты. По мнению курдов, лягушачий гвалт в ночное время - это предвестник добра. У села Гялто Талинского района лежит валун с названием ЛЯГУШАЧИЙ КАМЕНЬ (Kevirê beqî), который считается священным и является местом паломничества и исполнения обряда жертвоприношения.

Курдянки любили носить разные украшения и монисты с изображением лягушки - предмета своего почитания. На бляхах женских поясов курдянок были изображены лягушки.

У езидов Карской области был суеверный обычай, по которому для излечения определенных заболеваний, из разных трав изготавливали снадобье с добавлением лягушачьей крови.

Лягушка у езидов считалась добрым существом. Приснившаяся кому-то лягушка воспринималась добрым знаком. Езиды верили, что попавшему в беду народному герою на помощь приходят добрые духи, которые вылетают из тела лопнувших лягушек.

В курдском фольклоре ярко отражены таинственный образ лягушки и ее способность видоизменяться, указывающие на обстоятельство тотемности лягушки, исходящего из периода первобытного общества. Таким образом, "лягушка изначально почиталась как тотем. Её культ возник и оформился ещё во времена, когда людские

группы и зарождающиеся роды переживали эпоху добывания пищи в виде насекомых и корней, однако, в дальнейшем, после упадка тотемизма, люди продолжали присваивать лягушке сверхъестественные свойства, но уже наделив ее другими функциями".¹⁶⁴

В материалах курдского фольклора отражается мысль о том, что обитающие на кладбищах души усопших ночью вылезают из могил, видоизменившись, превращаются в разные одушевленные существа и неодушевленные предметы.

Курды верили, что люди происходят от разных животных и растений, что якобы их души, покидая их, проникают в матку женщин и в результате чего они вновь появляются на свет, но уже в облике человека.

Курды-езиды считали, что жизнь после смерти не прекращается, что душа человека продолжает свою жизнь в загробном мире или вновь переселяется в тела животных и растений, продолжая самостоятельное существование.

8. Hebandina teyredeyan

Di folklorê kurdî da, wek nimûne di destanên "Leyl û Mecerûm", "Memê û Zînê" û yê mayîn da teyrede (teyr û tû) bi hêza xwe ya nebînayî va cîkî berbiçav digirin. Di destana "Memê û Zînê" da kevotk bi zarê merivan bi mêrxasan ra dipeyîvin. Di destana "Leyl û Mecerûm" da kevotk derheqa mêrxasê destanê – Mecerûm da malûmatîyan digihînine Leylê. Sê kevotkên xûşk mêrxasên destana "Memê û Zînê" digihînine mirazên wan.

Di lêgêndên kurdî da em rastî pevgerîdana teyredeyan bi ezmîn, bi "ruhberên momin", bi bendeyên li erşê ezmîn, bi hal û wextê tebîyetê ra hene. Gorî lêgênda "Reşo" piştî ku taûs ji ezmîn dakete ser erdê deh roj derbaz bûn, hêşinaya li ser erdê destpê kirîye gul vedaye û şîn bûye û tu dibêjî qey temamîya tebîyetê bi hatina taûs va şa dibe.

Di lêgênda "Dewrêş" da dema ku kevotk ji ezmîn tên xwarê, steyrk û hîv dikenin, şa dibin û li ser erdê çiyayê Nemrût peyda dibe.

Di lêgênda "Şîxisin"¹⁶⁵ da avakarên cihanê bi qîlixê teyredeyan xuya dibin. Gorî wê lêgêndê berî ku dinya bixuliqe, behrekî mezin hebûye û di orta behrê da belgekî gulê hebûye. Şîxisin li ser wî belgî rûdinişt. Di behrê da dareke mezin jî hebû û ser wê darê Xwedê û melek Cîbrahîl rûdiniştin û ew jî di qîlxê teyredeyan da bûn. Xwedê pîrsekê dide Cîbrahîl:

-Ez kî me û tu kî yî?

-Ew çî pîrseke beredayî didî min? Tu ji xwe ra yî, ez jî ji xwe ra me.

Xwedê hêrsa xwe radike, dev davêje Cîbrahîl, ew gez dike. Cîbrahîl firqas dike û heft salan ser behrê ra difire. Û dema careke din ranêzîkayî li darê dike û ser rûdinê, Xwedê carek din jê dipirse:

-Ez kî me û tu kî yî?

-Tu ji bo çî dipirsî? Tu ji xwe ra heyî, ez jî ji xwe ra heme.

Xwedê dîsa hêrs dikeve, Cîbrahîl digeze û ji ser darê difire, diçe.

Cîbrahîl dibîne, ku Şîxisin li ser belgê gulê ye û dipirse ka ew di ku da firî.

Cîbrahîl jê ra şirovedike, dibêje:

-Di behrê da darek heye, li ser darê teyredeyeke mezin a sipî danîye (rûniştîye), ew timê ji min pîrs dike: "ez kî me û tu kî yî?". Ez jî bersîvê didim, dibêjim ku tu ji bo xwe heyî, ez jî ji bo xwe heme. Hêrsa wî radibe, ew dev davêje min, min gez dike.

Şîxisin jê ra dibêje:

¹⁶⁴ В.Бдоян. Следы культа земледелия среди армян, Ереван, 1950г.,стр.7 (перевод с арм. яз.)

¹⁶⁵ Şîxisin ji malbeta Şîxadî ye, ku êzdî wî wek Xwedê dihebînin.

-Ew Xwedayê me ye, gava bersîva wî didî, bêjê ku tu xuliqdar î, ez jî bi saya serê te xuliqîme.

Cibrahîl difire, diçe bal wê darê, ku teyredeya sipî li ser danîbû.

Xwedê cara sisîyan dipirse:

-Tu kî yî û ez kî me?

Cibrahîl bi temîya Şîxisin bersîvê didê:

-Tu xuliqdar î, ez jî bi destî te xuliqîme.

Gorî lêgêndê Xwedê ji vê bersîvê razî dimîne û dike gazî:

-Xwedîyê me tenê Şîxisin e, yê ku emirî li ser gulan dike û tu dikarî ji wî gelek tiştan hîn bibî.

Piştî wê yekê Xwedê, Cibrahîl û Şîxisin diçin bi hev ra dinyayê bixuliqîn¹⁶⁶.

Em di gelek berhemên folklorîk yên kurdan da rastî wê yekê tên, ku kurd çawa teyrede hebandine.

Di bawermendîyên kurdan da kevotk (kew) û taûs cîkî berbiçav digirin. Ev herdu teyrede dikarin dewsa hevdu bigirin, fûnksyonên wan eynî ne, ji ber ku gorî êzdîyan ruhê qenc him di taûs da heye, him jî di kevotkê da û ew ruh rola parastvan-piştgir diqedîne.

Li dewrana berî Sovyetê hebandina sereke ya hemû êzdîyên Pişkavkazê Melekê Taûs bû. Ew yek heta niha jî bal êzdîyên herêma Mûsilê û Şengalê wisan e.

Gotina Melekê Taûs gotineke erebî ye, ew ji gotinên melek û taûs çê bûye. Bi texmîna êzdîyan melekê ku wana ji her qeza û belayan diparêze, di qefesa teyrê Taûs da ne, lema jî kurdên êzdî ew dihebandin.

Di nav folklorîk kurdî da, wek nimûne, di berhemên "Şeva reş" û "Memlî" da gelek ciyan behsa teyredeyan tê kirinê û hukumdara wan hemû teyredeyan Taûs e. Berhemên gelêrî yên din jî hene, ku tê da behsa Melekê Taûs dikin. Ew di bawermendîyên kurdan da ne tenê teyrede – kevotk an jî taûs e – ew herwiha Xwedê ye, ku ketîye qilixê wan.

Gorî lêgêndê gava Adem çavên xwe vekirin, zendegirtî ma. Ewî ezmanê çîk û sayî, Roya rengawazî, siteyrkên bi şewq, hîva ronî, ewir û baran, birûsk û firtone, keskesora rengîn, çiyayên bedew, deştên gulvedayî, avên zelal ku dixulxulin, teyredeyên hezar rengî, behr û çemên avilheyatî û gelek xweşîyên dinyayê dît. Melekê Taûs ev her tişt bi dilekî baristan da Adem û zureta wî, ku jîyanê xweş derbaz bikin.

Adem bi daxaza Melekê Taûs hema ji roja pêşin da dest bi karê xwelîbêcerkirinê dike, ji ber ku nan ji xwelîyê derdiket. Melekê Taûs bona Adem hînî xwelîbêcerkirinê bike, bi qilixê merivan diçe bal wî, ji pêşa xwe çenge genim derdixe, berê xwe dide wî û dibêje:

-Tu van hebên zêrîn dibînî? Evana tovê merivayê ne, jîyanê didine merivan. Tuyê bi van cotên ga xwelîyê bikolî, kert-kertî bikî, van hebên zêrîn bireşînî navê. Tuyê piştî çend mehan deh qatî van heban bistînî û ewê têra te temamîya salê bike. Kesekî nenas ji wî genimî çend çeng reşande ser axê, bang kir, ga livîyan, bû çirînîya cot û erd şov kir¹⁶⁷.

Adem bi sebir li wan dinihêre. Paşê Melekê Taûs ranêzikayî li Adem dike û dibêje: "Ez van herdu ga, cot dîyarî te dikim, ezê te hînî bikaranîna cot bikim û tuyê bizanibî ku hebên sitendî çawa bi kar bînî"¹⁶⁸.

Lema jî di mîtologîya kurdan da Melekê Taûs wek Xwedayê xwelîbêcerkirinê tê hesibandinê.

Heykelê Melekê Taûs bi şikilê taûs an jî kevotkê ye. Wek wî heykelî çend heykelên din yên ji sifir hatine çêkirinê¹⁶⁹. Ev heykel li herêma Şengalê, li Lalişê ne.

Bi emirê mîrê êzdîyan qewalên ku ew heykel diparastin, carna hildidan û li warên êzdîyan da digerîyan bona di nav êzdîyan da qanûnên dînî bela bikin û mehkem bikin. Bi wê armancê

¹⁶⁶ O.L. Vîlçêvskî. Gotarên derheqa dîroka êzdîyan da, - kovara Atêîst, hejmar 51, - Moskva, 1930, rûpel 85.

¹⁶⁷ Binihêre arşîva Înstîtûta edebîyetê ya Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê, Lazo, "Melekê taûs", rûpel 9.

¹⁶⁸ Di eynî cîyî da, rûpel 10.

¹⁶⁹ Di eynî cîyî da, rûpel 23.

sala 1914an ji herêma Mûsilê qewal Hecî, Eylaz û Huseyn şandibûne Ermenîstanê. Ewana di gundê Sengerê li navçeya Aparanê û gundê Karvanserayê li navçeya Artîkê diman. Ewana li gundên êzdîyan da digerîyan û millet ji bo xatirê Melekê Taûs pir hedîya û dîyarî dida wan.

Qewal sala 1929an vegeyane welatê xwe, çiyayên Şengalê û îdî hew hatin. Ewana Taûs bi xwe ra ne birin, ew ma bal şêxekî Sengerê û ewî bi xemxurîyeke mezin ew diparast bêy heyteholê siyarkirinê derbaz bike, ji ber ku heyteholê siyarkirinê tenê ew qewal zanibûn. Destûra nûnerên dînî yên mayîn tunebû wê heyteholê bikin.

Heyteholê siyarkirina Taûs bi vî awayî dikirin: roja heyteholê, ango şayînetîyê, yek ji qewalan di hundurê odeya bi merivan va kimkimî da li rex Taûs disekinî. Ji her maleke gund merivek, pir caran malxwêyê malê, gerekê bihata wê odeyê. Xên ji êzdîyan nûnerê tu miletekî din nikaribû tevî wê şayînetîyê bibe.

Dîndar gerekê ji ber şemîka dêrî ser çokan xwe nêzîkî Taûs bikira, pêşî ew ramûsa, paşê biçûya destê qewal û gerekê bigota ka çi hedîya anîye, wek nimûne: "Min bona navê Taûs pezek da". Malxwêyekî din an jî neferê maleke din dihat û eger pez an dewarê wî tunebû, pere dida û ha berdewam dibû heta mala gund a dawî.

Piştî hedîyadayînê heyteholê dînî ya bi sitirangotinê va derbaz dibû. Yek ji qewalan li bilûrê dixist, yekî din li defê dixist, yên dinê jî sitiran digotin. Êzdîyên nexwendî ji dengê bilûrê, diholê û sitirana heyrî mabûn û her yek bi awayê xwe ew heytehol qebûl dikir.

Piştî sitiranên dînî û dîyarîdayînan dest pê dikirin Taûs radimûsan. Hemû gundî, mezin û biçûk, jin û mêr dor bi dor Taûs radimûsan, diçûne destê qewal, lê qewal di ber xwe da digot: "Taûs bi te ra be".

Bi vî awayî heyteholê siyarkirina Taûs xilaz dibû.

Qewal wan dewarên ku wek hedîya sitendibûn, difirotin, ji pereyan beşek ji mîrê êzdîyan ra dişandin, beşek jî ji xwe ra hildidan. Êzdîyên navçeyên Talînê û Aparanê di dema berî Sovyetê da gava hebên nêrî direşandin, bona ekinekî baş bistînin, navê Melekê Taûs didan, kesê nan diçinî, digot: "Ya Melekê Taûs, tu nan bidî me", "Ya Melekê Taûs, tu zevîya me şîn bikî".

Jinên ku zarok nedianîn, herdem hewara xwe li Melekê Taûs dadixistin. Di qewlên kurdî da tê gotinê: "Melekê Taûs Xwedê ye".

Dema heyteholê derbazkirina cejina Melekê Taûs niha jî êzdîyên Şengalê di destpêka baharê qurban didin, dîyarîyan didin, eyda xwe derbaz dikin.

Wek em dibînin, bal êzdîyan Melekê Taûs Xwedayê ekindarîyê û xweşbextîyê ye, Xwedayê mirinê û jîyînê ye.

Cejina Melekê Taûs di derbaharê da destpê dibe.

Di dema xebata malhebûna gundîyê, deranînê Xweda peyda dibin, yên ku bi hêza xwe, bi kirinê xwe va dişibine melekên din – padîşahan, desthilatdaran û h.w.d.

Merivên ruhanî derheqa wan hukumdaran da evsaneyên cuda-cuda ber xwe derdixin û ser wê bawerîyê ne, ku ew xwedî hêzeke mezin in û ew hêz ji ezmanan hatîye. Gotineke pêşîyan heye, dibêje: "Xwedê şûnda padîşah e".

Di nav êzdîyan da jî weke Xwedê ji hêzên ezmanî hiz kirine. Gorî wana eger li ser erdê yek heye ku serokatî li me dike, ew padîşah e û wisa jî li ezmanan yek heye, ku serokatî li cihanê, li erşê ezman, merivan û heywanan dike, ew jî Xwedê ye.

Bawermendîyên wa bal xaçparêzan, musulmanan û dînên mayîn jî hene.

Di sitiraneke kurdî ya dînî da ev fikir bi awakî zelal xuya dibe:

*"Şixadî Pêxember e
Şixisin resûl elah e
Şêxobekir ewliya ye
Me şedetîya tarîşa xwe
Melekê Taûs ra daye"*¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Bineciyê gundê Karvanserayê, navçeya Artîkê Xudoyê Qaso gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1952an ji devê wî nivîsiye.

Wek em dibînin, bendeyê tikî tenê, ku êzdî û mala hadîyan (şêx û pîr) bawermendîya xwe bi wî tînin, ew Melekê Taûs e, yê ku bendeyê herî sereke ye, bê şîrîk û bê heval e, ango Xwedê ye.

Derheqa Xwedê da di nav êzdîyan da bawerîyeke din jî heye, ku li erşê ezmîn Xwedêyekî Mezin ê ezmanî heye, lê Melekê Taûs alîkarê wî ye.

Derheqa Xwedêyê bê şîrîk û bê heval da hema bêje di hemû pirtûkên dînî da hene, wek nimûne di quranê da ew fikir wa hatiye nivîsar: "Ew (Xwedê. – E.E.) e, ku cihan ji we ra kirîye cî û nivîn û dinya şên kirîye, ji ezmanan av anîye û pê ber çê bûne bona ji we ra bibe xurek: ji ber wê jî kesî neşibînine Xwedê"¹⁷¹.

Di quranê da fikireke ha jî heye: "Ew desthilatdarê hêsîrên xwe ye".

Ev fikir em di bawermendîyên kurdan da jî dibînin, gava berê xwe didine Melekê Taûs. Di evsaneya "Erdewid" da bona hêz û zoraya wî bê ber çavan, ha tê gotinê: "Temamîya dinyayê bi serokatîya Melekê Taûs tê rêvebirinê, ew desthilatdarê hêsîrên xwe ye. Hemû hêsîr gerekê destê wan li ser dilê wan ber wî pante bidin (temene bin).

Ne dût e, ku êzdîyan çav dane Xwedayê farisên kevnare Ahûra Mazda. Wisa tê texmînkirinê, ku navê Melek Êzdî ji navê Ahûra Mazda xuliqîye.

Him bal ermenîyan, him bal kurdan Ahûra Mazda yekî mezin, xuliqdarê erd û ezman, xwelîyê û dewlemendîyê ye.

Berî ku ermenî xaçparêzî qebûl bikin, Xwedayê wan Aramazd bûye.

Bawerîya êzdîyan ya here sereke Melekê Taûs e. Di dînê êzdîyan da êlêmêntên dînên kevnare, paşê jî yên pûtperestîyê, zerdeştîyê, xaçparêzîyê û mehmedîyê hene.

Di nav beşeke êzdîyan da ew fikir heye, ku eger Ahûra Mazda Xwedayê herî mezin bûye, lê Melekê Taûs alîkarê wî bûye, dêmek dînê êzdîyan dînê îranî ye, an ji wî dînê xuliqîye. Ev yek, bi fikira me, şaş e.

Lêgerînên me em anîne ser wê fikirê, ku ne tenê tesîra dînên zerdeştîyê û mehmedîyê li ser kurdan heye, lê herwiha tesîra xaçparêzîyê jî heye. Hukumê dêra xirîstîyanîyê li ser kurdan ewqas pir bûye, ku ewana gelek caran diçûne dêran, li wir qurban didan, ebabetî dikirin.

Andranîk derheqa bawermendîyên kurdên Dêrsimê da nivîsiye: "Ewana bi dîyarî û hedîyayên wisa mezin va diçûne dêra Sûrb Karapêt ya Hanlortuyê û ew dêr ewqas ber dilê wan ezîz bû, çiqas ku ber dilê her ermenîyekî ezîz bû"¹⁷². Ewana wisa bawerîya xwe bi wî dînê dianîn, ku çi jin, çi mêr ji dût va diketine ser çokan, erd radimûsan heta digihîştine mizgeftê, lê hema digihîştin, vê carê îdî dîwarên wê radimûsan û paşê diketine hundur.

H. Şahpazyan jî derheqa hukumê dêra xaçparêzîyê li ser kurdan nivîsiye: "Kurd niha musulman in, lê ew zanin, ku ji demên buhurî da çûne dêrên ermenîyan û niha jî diçin"¹⁷³.

Di gundê kurdan Cercerîsê, navçeya Aparanê, dêra xaçparêzîyê heye, ku niha di halekî xirab da ne, ew bûye kelefe. Binecîyên wira dibêjin, ku ermenî û êzdî diçine wê dêrê û herdu millet jî ew dêr dihebînin. Li wir ermenîyan mûm vêdixistin, lê êzdîyan çirayên don vêdixistin.

Xaçparêz û musulman êzdîyan wek peyhatîyên şeytîn hesibandine. Musulman Taûs hesibandine ne ku sîmvolê qencîyê, lê ya xirabîyê.

Wek ku di dînê zerdeştîyê ya dualî da, wisa jî di bawermendîyên êzdîyan da ruhên qenc û xirab hene. Ew yek ne ji dînê zerdeştîyê tê, lê ji bîr û bawerîyên kevnare yên derebegîyê tên.

Bêy ku guh bidine ser vê rastîyê, derheqa êzdîyan da fikireke şaş saz bûye, ku ew peyhatîyên şeytîn in û Taûsê wan jî ruhê xirabîyê ye.

Zanyarê rûs A. Sêmyonov, ku haya wî ji êtnografî û zargotina kurdan tune, erf û edetên kurdan ra ne nas e, bêy ku bingeheke wî hebe, dinivîse: "di sînorên Yekîtiya Sovyet da, li Tirkîyê, Farizistanê û Mêsopotamîya Bakur eşîreke kurdan ya bi navê êzdî dijîn, ku ruhê neqenc dihebînin, ez dibêjim ku ew di wî alî da di dinyayê da yek nimûne ne"¹⁷⁴.

¹⁷¹ Quran., Varna, 1909, rûpel 5.

¹⁷² Di eynî cîyê da, rûpel 72

¹⁷³ Di eynî cîyê da, rûpel 115.

¹⁷⁴ M.Kovalêvskî. Brevok, cild 1, beş 2, rûpel 83.

Lê zargotina kurdan vê bawerîya zanyarê rûs red dike, ji ber ku di wê zargotinê da li tu cîyan ruhên xirab nayêne pesinandin, hela eksî wê, di hindava wê da kîn, eynat û nefret heye.

Melekê Taûs di bawermendîyên êzdîyan da şeytan nîne, wek hinek difikirin, lê ruhekî qenc e, ku derheqa vê yekê da me li jor behs kiribû.

Bi bawerîya êzdîyan şeytan li temamiya dinyayê digerin bona zirarê bidine merivan û heywanan. Bal êzdîyan dêw jî dibişîne şeytanan. Eger şeytan, dêw û reşên şevan dinya xîrîq nakin, ew bi saya serê Melekê Taûs e, ji ber ku ew serokatî li hemû cihanê dike, ew haj ji rastîyê û qelpîyê, hizkirinê û nefretê, ronayê û tarîyê, jidayîkbûnê û mirinê heye.

”Melekê Taûs zureta xwe xwey dike û diparêze. Ew hindava merivan da qenc e, bi her awayî dertê miqabilî xirabîyê û qelpîyê. Destûra hîç kesî tune tevî karê Melekê Taûs bibe, di erşê ezmin da yekî ser wî ra tune. Kê ku derdikeve dijî wî, ecêbên giran têne serê wan, piştî mirinê ruhê wan diçe dojehê. Ew yekî nemir e û her tişt di dest wî da ne”¹⁷⁵.

Gorî bawerîyên êzdîyan wî çaxî wê mezinayî û hêza Melekê Taûs nuxsan bibe, eger bende tiştênebûyî bin, bê fikir û bê hizkirin bijîn.

Mezinaya Melekê Taûs di wê yekê da ne, ku ew di dilê her êzdîyekî da ne, lê heykelê wî li Lalişa Nûranî da ne û li wir tê parastin û hebandin.

КУЛЬТ ПТИЦ

В материалах курдской словесности, как например в поэмах "Лайле и Маджрум", "Маме и Зине" и в других поэмах и легендах, большое место занимают птицы со своими сверхъестественными свойствами. В поэме "Маме и Зине" КАВОТКИ /голуби/ общаются с героями поэмы на человеческом языке, а в "Лайле и Маджруме" повествуется, что весть о существовании Маджрума до героини поэмы Лайле донесли опять-таки голуби, и Лайле в своими действиями руководствуется именно советами тех же голубей. В поэме "Маме и Зине" ее героев к их заветной мечте приводят три сестры-голуб

В курдской мифологии мы видим неотъемлемую связь птиц с небом, с небесными "святыми существами", космическими телами, природными явлениями и всем миром в целом. Согласно легенде "Рашо", через десять дней после того как с небес на землю спускается птица павлин, природа оживает растительность начинает пышно цвести, и кажется, что весь мир торжествует и радуется этому.

В легенде "Давреш" когда с небес спускаются голуби, луна и звезды радостно улыбаются, а на земле перед ними раздвигается гора Немрут.

В другой легенде "Шехсин" /Шейх Син/ создатели мира изображены в облике птиц. Согласно этой легенде, мир еще до его сотворения представлял собой сплошное водное пространство, в середине которого рос большой куст розы. На этом кусте восседал Шехсин - повелитель роз и растений.¹⁷⁶ Посреди этого громадного моря возвышалось одно большое дерево, на котором в облике птиц сидели Бог и архангел Джабраил.

Бог спросил Джабраила:

-Ты знаешь кто я и кто ты?

Джабраил ответил:

-Ты существуешь сам по себе, а я - сам по себе.

Бог возмутился и клюнул Джабраила в темя. Джабраил слетел с дерева и в течение семи лет парил над морем. А когда он вновь прилетел и уселся на то же самое дерево, Бог опять спросил его, мол, кто есть я и кто есть ты. Джабраил опять в ответ:

- К чему этот глупый вопрос? Ты сам по себе, а я сам по себе.

¹⁷⁵ Andranîk. Têrsim, rûpel 165.

¹⁷⁶ Шехсин - считается одним из членов Дома Шехади, который езидами обожествлен.

Бог рассвирепел и опять клюнул Джабраила, который опять улетел. Вдруг Джабраил заметил розовый куст в море, на котором сидел Шехсин, который спросил Джабраила, куда он летит. В ответ Джабраил сказал:

-Там в море растет одно большое дерево, на котором сидит одна белая большая птица и все время спрашивает меня, знаю ли я кто он и кто я. А когда я отвечал ей, что она существует сама по себе, а я сам по себе, она клевала меня.

Послушав Джабраила, Шехсин сказал: - он наш Бог, если он опять спросит тебя, то скажи, что он создатель, а ты сотворен им.

Джабраил улетел и прилетел к тому же дереву, на котором сидела та белая птица. Бог в третий раз спросил: "Кто я и кто ты?"

По совету Шехсина, Джабраил молвил: "Ты создатель, а я сотворен тобою"

Согласно легенде, Бог остался доволен ответом Джабраила и воскликнул: "Наш хранитель - Шехсин, повелитель роз, от которого можешь только мудрости познать."

После этого Бог, Джабраил и Шехсин отправились сотворять мир.¹⁷⁷

Присутствие птиц в верованиях езидов мы видим во многих курдских фольклорных произведениях.

В верованиях курдов-езидов большое место занимают облики голубя и павлина. Эти птицы в езидском вероисповедании и материалах словесности известны под названиями КАВОТК /голубок/ или КАУ /голубь/ и ТАУС /павлин/, которые иногда в равной степени заменяют один другого в качестве предмета поклонения. Их образы выполняют одну и ту же функцию, являясь, по мнению езидов, воплощением доброго духа, оказывающего им защиту и покровительство.

Основным предметом поклонения курдов-езидов Закавказья является божество Малакетаус. С таким же фанатизмом ему поклоняются в наше время и курды-езиды Мосульской области Ирака.

Малакетаус - это арабское словосочетание, состоит из двух слов-корней: Малак - ангел и Таус - павлин /Малак Таус езиды произносят слитно как Малакетаус/. По представлениям езидов дух Малак, оказывающий им защиту и покровительство, воплощен в птице Таус, за что езиды и почитают его. Его медную фигурку для исполнения религиозных ритуалов называют "Таус", то есть дух или ангел-павлин, являясь добрым духом, воплощен в павлине - в Малакетаусе.

В таких Фольклорных произведениях как "Шава раш" (Şeva reş) и "Мамли" немало говорится о птицах и о власти птицы Таус над ними. Существуют много других произведений, касающиеся главным образом Малакетауса. Например, в поэме "Малакетаус" и других мифологических произведениях с именем Малакетауса связаны вопросы возникновения земледелия, его развития и плодородия. В верованиях езидов Малакетаус изображен не только в облике птицы - голубя или павлина в чистом виде, но и как божество в их облике.

В поэме "Малакетаус" показаны могущество Малакетауса, суть его божества и то, как по его воле возникла вселенная, были сотворены земля, первые люди Адам и Ева, которые по его подсказке научились возделывать землю.

Вот отрывок из поэмы "Малакетаус" в обработке Акопа Казаряна /Лазо/:¹⁷⁸

*Он приказал – и сотворилось,
Вселенная появилась.
Мир большой он сотворил,
Воду и землю распределил,
С неба светом вокруг озарило.*

¹⁷⁷ О.Л.Вильчевский. Очерки по истории езидства,- Атеист. 51. Москва, 1930г.. стр.85

¹⁷⁸ Поэма "Малакетаус" была обработана Акопом Казаряном /Лазо/. См. рукопись

*Ростки растений из-под земли показались,
Своим несметным добром
Земля весь светлый мир одарила.
По недостижимому Творца совету
И по его грозному велению,
Обрели крылья Херувимы,
Улетев в разные концы света...
С семи сторон света
Принесли по горсточке земли,
Взяв из чистой смеси из семи элементов,
И из этой могучей смеси
Слепили предка человека.
Ангелы построились в ряд,
Собравшись вокруг него,
А холодное изваяние Адама
Выросло и встало пред ними.
Глубокая тишина
Всю Вселенную охватила.
И вот идет он;
Из-за семи гор и истоков Эдема
С чашей “животворного нектара”
Явился он, Таус, улыбаясь...
Когда губами прикоснулся
К холодной, безжизненной статуе Адама,
Тот слегка пошевелился,
И дали каплю ему животворящего
Этого нектара бессмертия,
Встрепыхнулось сердце, в артериях и венах
Образовалось кровообращение.
Адам сильно вздрогнул,
Оглянулся вокруг, - и
Увидел духов неутомимых.
(перевод дословный).*

Согласно легенде Адам, открыв глаза, пришел в восторг. Перед его взором открылись голубое небо, ярко светящее благословенное солнце, сверкающие звезды, сияющая луна, облака и дождь, гром и молния, разноцветная радуга, моря и озера, широкие долины, журчащие ручьи, птицы и животные, и многие другие красоты и блага. Все это Малакетаус милостиво и с безграничной любовью передал Адаму и его потомкам.

Адам с самого первого дня по желанию Малакетауса стал заниматься земледелием, потому как сказано, “земля дает хлеб” (Xweli nan dide).

Чтобы обучить Адама земледелию Малакетаус явился к нему в человеческом облике, достал из кармана фартука горсть зерна и сказал:

-Видишь эти мелкие золотые зернышки, они и станут основой происхождения человечества и жизни. С помощью вот этой пары волов я взрыхлю землю, брошу в нее эти зернышки, а через несколько месяцев я получу урожай сторицей и обеспечу себя пропитанием на целый год.

Незнакомец окрикнул волов - и те тронулись. Заскрипела соха, поднимая пласты земли. После этого он стал разбрасывать семена, а Адам молча смотрел ему вслед. Закончив сев, Малакетаус подошел к Адаму и сказал: "Я дарю тебе этих волов, эту соху, я

научу тебя возделывать землю, растить урожай и пользоваться им. Подойди, возмись за соху и налегай на него".¹⁷⁹

Согласно легенде прародитель человека надавил на соху и вонзил ее лемех в землю, заложив тем самым основу человеческого развития.

Исходя из вышеупомянутого и ссылаясь на курдские легенды, можно считать Малакетауса еще и богом земледелия.

Фигурка Малакетауса изготовлена в виде павлина или голубя. Несколько таких фигурок из меди хранятся в езидском святилище в Лалеше в Синджарском районе /Ирак/¹⁸⁰.

По указанию МИРА - религиозного предводителя езидов - обслуживающие святилище кавалы носили изображение Малакетауса по местам проживания езидов для исполнения соответствующих ритуалов, сбора подношений, распространения религиозных законов и предписаний. С этой целью в 1914 году в Армению из Мосульского уезда /Ирак/ были направлены кавалы Аджи, Айлаз и Хусейн. В основном они жили в селах Сангяр и Карвансара Апаранского района. Они раз в год обходили все езидские селения и собирали подношения в честь Малакетауса.

В 1929 году упомянутые кавалы навсегда покинули эти места и возвратились в горы Снджара и больше не появлялись. Фигурку с изображением Тауса они с собой не забрали, оставив ее у одного из шейхов в Сангяре, который бережно хранил её, но уже никогда ее не использовали для исполнения ритуала Сиаркерен, потому что тайны этого ритуала ведомы были только уехавшим кавалам. Кроме того, представители других религиозных каст права на исполнение этих ритуалов не имели. Езиды отмечали праздник в честь Тауса с исполнением ритуала "сиаркерен" следующим образом: В день праздника в ОДА /Ода-большая главная комната в доме/ одного из домов собирались люди. Обычно приходило очень много людей. Возле подставки с фигуркой Тауса становился один из кавалов. Оду, где происходил ритуал, в обязательном порядке должен был посетить хоть один человек из каждой езидской семьи из всех селений, и, как правило, ими были старейшины. Кроме езидов никто другой иной национальности или вероисповедания не имел права находиться там при совершении религиозного обряда.

Во время ритуала каждый паломник должен был от порога входа в ода на коленях ползти к Таусу, поцеловать его изображение и правую руку стоявшего рядом кавала и объявить, какое он делает подношение, как например: "В честь Тауса жертвую барана" (Min bona navê Taûs pezek da). Так поочередно поступали члены других семей. Если у кого-то в хозяйстве не было ни овец, ни крупного рогатого скота для пожертвования, то подношение он делал деньгами.

После окончания сбора подношений приступали к религиозным песнопениям. Кавалы начинали играть на свирели и бубне, петь религиозные гимны. Звуки свирели с бубном и громкие песнопения приводили езидов в восторг и умиление, вся эта картина приобретала некую форму таинства.

После исполнения религиозных песнопений и завершения процедуры сбора подношений начинался обряд целования фигурки Тауса. Все жители селения от мала до велика друг за другом подходили к фигурке Тауса, прикладывались к ней, потом целовали правую руку кавала и удалялись. Кавал же, благословляя паломников, бормотал: "Да пребудет с тобой Таус" (Taûs bira tera be).

Так завешалась Таусиада (Taûs sîarkirin).

¹⁷⁹ Лазо. Малакетаус. стр.9-10. архив института литературы АН Армении.

¹⁸⁰ Изображение Малакетауса изготовлено из меди, вместе с подставкой имеет высоту в 1 м. состоит из двух частей: из самой фигурки в виде павлина или голубя и подставки, к которой крепится фигурка. _Процесс крепления фигурки к подставке называется "сиаркерен" /букв."усаживать в седло"/.

Полученных в качестве подношений овец и крупный рогатый скот кавалы продавали, часть вырученных денег они посылали МИРУ, религиозному предводителю, а другую часть оставляли себе.

В досоветский период курды-езиды Галинского и Апаранского районов Армении в период посевной при разбрасывании семян в первую очередь упоминали и произносили имя Малакетауса, надеясь, что он поможет им вырастить хороший урожай. Сеятель, разбрасывая семена, произносил: "О, Малакетаус, дай нам хлеба!" (Ya, Melekêtaûs, tu nan bide me). "О, Малакетаус, сделай, чтоб поля наши заколосились" (Ya, Melekêtaûs, zevya me hêşin ke). Бесплодные женщины обращались к Малакетаусу с мольбой дать им ребенка.

В одном из езидских каулов говорится: "Малакетаус - бог" (Melekêtaûs xudêye).

Езиды Снджара и в наше время в начале весны во время праздника в честь Малакетауса продолжают исполнять ритуалы, обряды жертвоприношения и подношений.

Как видим, Малакетаус у езидов выходит на сцену в качестве бога цикла смерти и возрождения, урожайности и плодородия. Праздник Малакетауса, как и праздник Ара Прекрасного у армян, связан с пробуждением весны.

В результате развития производственных и хозяйственных отношений у езидов на арене появляются божества, которые своей властью и по поступкам похожи на правителей в реальном мире - царей, феодалов и т.д. О правителях духовенство сочиняло мифы, окутывало их образы некой таинственностью, считая их титул царствования небесной наградой. Поэтому и придумано было выражение "После бога - царь" (Peu xudê radşaye).

Таким образом, езиды тоже обожествляли сильных мира сего. Люди видели свою жизнь на земле такой же какой они представляли ее на небесах. Они считали, что если на земле есть кто-то, кто правит миром и людьми, а в данном случае это царь, то значит и на небесах существует некая сила, которая правит миром, вселенной, людьми и животными.

Похожие монистические взгляды мы видим также в христианской, мусульманской и других религиях.

В одном из религиозных гимнов езидов эта мысль красиво выражена следующим образом:

*Şêxadi pêxembere
Şêxsin resûl alaye,
Şêxûbekir ewleye,
Me şedetya tarişa xwe
Melektaûsra daye.*

*Шехади - пророк,
Шехсин - апостол,
Шехубакр - судья,
О свидетельстве нашего духовенства
Сообщили мы Малакетаусу.¹⁸¹*

Как видим, единственной субстанцией, которой езиды, в том числе и духовенство, подчиняются, является Малакетаус - верховное существо, которое, по представлению езидов, "он един, без друзей и соседей" (bê şrike, bê heval), то есть, он - Бог.

О боге среди езидов существовало еще и другое представление, согласно которому на небесах есть большой Бог, а Малакетаус является его помощником - покровителем земледелия.

Подобный взгляд о боге "Он без друзей и без соседей" (bê şrikî, bê heval) существует в писаниях почти всех религий. Например, в Коране мысль о его сверхъестественности изложена так: "Это он /т.е. бог - А.Авдал/ сотворил для вас мир мягкой периной и

¹⁸¹ Со слов жителя с. Карвансара Артикского р-на Худое Касо записал автор в 1952г.

построил мироздание, ниспослал с небес воду и взрастил плоды, дабы было вам пропитание, а потому не уподобляйте себя Творцу и не создавайте ничего по подобию его".¹⁸² Там же записано: "Он господин над слугами своими".

Эту мысль применительно к Малакетаусу мы видим и в курдских верованиях. Так, в легенде "Ардауд" о величии Малакетауса говорится: "Весь мир подчиняется Малакетаусу, он господин над слугами своими. Все слуги должны прикладывать руку к сердцу (*dest ser dil*) и поклоняться ему".

Вероятно, некогда езиды следовали древнеперсидскому богу Ахурамазде, оказавшись в некоторой степени как бы под влиянием его образа. Предполагается, что имя праотца езидов Эзди возникло именно от имени Ахурамазды. У армян до принятия ими христианства верховным божеством был Арамазд.¹⁸³

Как персы, так и курды и армяне наделяли Ахурамазду безграничным величием, видя в нем Творца неба и земли, покровителя плодородия и урожайности, плодovitости и богатства, то есть все то, что езидами приписывалось Малакетаусу.

У езидов стержнем или краеугольным камнем их вероисповедания является культ Малакетауса, который представляет собой некую целостность религиозных верований, в чем обнаруживаются элементы первобытных верований, а в дальнейшем уже и элементы языческой, зороастрийской, христианской и мусульманской религий.

Среди определенной части езидов бытует мнение, что если Ахурамазда самый великий бог, а Малакетаус является его ангелом-помощником, следовательно, езидское вероисповедание имеет персидское происхождение или заимствовано у них. По нашему мнению такое понимание является ошибочным.

Вместе с тем надо отметить, что на курдов оказали влияние не только зороастризм и ислам, но и христианская религия. Например, в прошлом влияние христианской церкви на курдов было настолько велико, что они часто ходили в церковь, молились и совершали обряд жертвоприношения.

Говоря о религиозных верованиях курдов Дерсима /Турция/, Андраник писал: "Они с щедрыми дарами и жертвенными животными совершают паломничество в монастырь святого Карапета в Ханлорту и относятся к монастырю с таким же трепетным почитанием, как и сами армяне. Они до такой степени фанатичны в почитании монастыря, что уже за 30-40 метров до него мужчины и женщины опускаются на колени, и, целуя землю, ползут к монастырю, прикладываются к стенам и только после этого входят во внутрь".¹⁸⁴

О влиянии христианской церкви на курдов пишет также Г.Шахбазян: "Курды, являясь в настоящее время в большинстве своем мусульманами, будучи в то же время приверженцами своих национальных особенностей, еще со времен раннего христианства, традиционно, уже как бы в виде обычая, продолжают совершать паломничество в армянские монастыри".¹⁸⁵

В селе Джарджарис Апарнского района стоит христианский монастырь, который в настоящее время напоминает развалины и находится в плачевном состоянии. Местные жители рассказывают, что его посещают и почитают как армяне, так и курды-езиды, что армяне ставят там свечи, а езиды зажигают масляные светильники.

Христиане и мусульмане считали езидов последователями сатаны или идолопоклонниками. В предмете поклонения езидов Таусе в облике павлина или голубя мусульмане видели воплощение не доброго, а злого духа. Вопреки этому мнению в курдском фольклоре четко обозначено ненавистное отношение езидов к злым духам. В

¹⁸² См. Коран. Варна, 1909г., стр.5

¹⁸³ М.Ковалевский. УК. соч. т.1. отд. 2. с.83

¹⁸⁴ Андраник. стр.165 в упомянут. работе.

¹⁸⁵ Г.Шахбазян. Курдско-армянская история, К.Полис. 1911г.. стр.45

сказке "Ахро" Малакетаус вступает в схватку со злым духом Ахро и побеждает его. Оба персонажа изображены богами, но езидам Малакетаус импонирует больше.

Таким образом, как в зороастрийской дуалистической религии, так и в езидских верованиях утверждается существование духов добра и зла. Их происхождение восходит корнями не к зороастризму, а к анимистическим воззрениям, исходящие из периода родовых отношений, которые существовали задолго до появления и формирования зороастризма.

Русский ученый А.Семенов, не имея под рукой никаких этнографических и фольклорных материалов, без изучения быта и обычаев курдов, безо всяких оснований пишет: "В пределах СССР, в Турции, Персии и в северной части Междуречья проживают представители очень интересной, и, по-моему, единственной в мире секты, так называемые езиды, которые поклонятся отрицательному духу и являются одним из курдских племен".¹⁸⁶

Малакетаус у езидов не дьявол, как думают некоторые, а дух добра, особенностях которого уже сказано было выше.

По представлениям езидов дьяволы обитают во всех частях света, они везде и они призваны вредить людям и животным. К дьяволу они относят и дракона. Они считают, что если дьяволы, драконы и рашешавы еще не успели полностью погубить мир, то все это только благодаря Малакетаусу, потому что миром на земле и в небе правит он, и на свете нет места, где бы не чувствовалось его присутствие. Ему ведомы истина и ложь, любовь и ненависть, рождение и смерть.

"Малакетаус спасает и сохраняет своих последователей. К людям он добр, а зло - уничтожает. Никто не вправе вмешиваться в дела Малакетауса, на небе нет никого выше его. Тех, кто противится ему, он обрекает на множество несчастий, а после их смерти отправляет их души в преисподнюю. Он бессмертен и всемогущ".¹⁸⁷

Согласно верованиям езидов, если люди и все живые существа будут пребывать в пассивном состоянии и лишены самостоятельности, то тогда творения и величие Малакетауса поблекнут и сойдут на нет, и в результате существование человека и всего живого превратятся в несуразность и бессмыслицу.

Надо отметить, что культ Малакетауса продолжает оставаться в оболочке племенного самосознания, его изображение в виде медной фигурки находится и охраняется в священном для езидов храме в Мосульской области /Ирак/.

9. Bawerîyên bi teyredeyan va girêdayî

Teyredeyên wek quling, legleg, dîk, mirîşk û baz ber dilê êzdîyan pir ezîz in.

Êzdî herdem di mehên adarê û nîsanê da li benda hatina qulingan û leglegan in, ji ber ku ew bi bawerîya êzdîyan behsên xêrê tînin.

Gava legleg situkura xwe dirêj fikir û dimeşîya, êzdî pir şa dibûn, ji ber ku digotin ew nîşana wê yekê ye, ku wê salê erd wê bereket be; eger nukulê xwe berjêr fikir, ew dihate wê maneyê, ku ecêbên giran wê bibin.

Eger jina megîran (hemle) cara pêşin quling bidîta, ew dihate wê maneyê, ku ewê kur bîne.

Gorî êzdîyan quling û legleg sîmvolên ruhên qenc in, ji ber ku ew di rojên baharê da li me dîhar dibin û bahar bi xwe ra xweşbextîyê û ber tîne.

¹⁸⁶ А.А.Семенов. Поклонение сатане у Передне Азиатских курдов-езидов, Ташкент, 1927г.. стр.1

¹⁸⁷ Со слов жителя с.Алагяз Апаранскоого р-на Адаме Слто записал автор в 1952г.

Bawermendîyên awa em bal ermenîyên Bûlanixê dibînin. Ew jî ser wê bawerîyê bûn, ku leglega pêşin, ku tê welatê wan ruhê qenc e. Gorî wana: "Gava legleg di meha adarê da têne welatê xwe, li wir çemek heye, dikevîne avê, xwe dişon, paşê tîn"¹⁸⁸.

Bawerîyên ermenîyan û êzdîyan hindava qulingê da eynî ne, ewana ser wê fikirê ne, ku kuştina leglegan, qulingan û dûvmeqeskan guneh e. Hersal hêlînên wan heta hatina wan dihatine parastinê û paqijkirinê. Ew meriv bextewar dihatine hesibandinê, ku ser mala wana hêlînên leglegan hebûn û ew berî gişkan dengê wan dibihîstin.

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Kurdên ku bi jîyana koçerîyê va dijîn, ser wê bawerîyê ne, ku ew teyrede piştevan û alîkarên millet in¹⁸⁹.

Птицы и суеверия

Из птиц предметом суеверия у езидов считаются журавль, аист, скворец, петух, курица, ласточки и другие пернатые.

Курды-езиды обычно в марте и апреле с нетерпением ждут прилета аистов и скворцов, считая их предвестниками весны. Если аист вскидывал голову вверх, и, важно вышагивая, щелкал клювом, езидов охватывал восторг, потому что, по их мнению, это означало, что год будет урожайным. А если они замечали, что у аиста клюв опущен, то предполагалось, что предстоит пережить немало бед и несчастий.

Существовало поверье, что если беременная женщина первая увидит прилетевшего аиста, то обязательно родит сына.

По мнению езидов, добрые духи появляются иногда в облике аистов или скворцов, которые никогда не бывают воплощением зла, потому, что они прилетают весной, а весна является предвестником и залогом всяких благ и изобилия.

Похожее поверье об аисте бытовало и у армян Буланиха, которые полагали, что прилетевший в их края первый аист, это, вероятно, видоизмененный дух. "Аисты, - говорят они, - в стране которых есть река, в марте месяце купаются в ней, надевают на себя крылья с перьями и полетают в наши края".¹⁹⁰

О журавлях у армян и езидов почти одинаковое представление. Убийство журавля, аиста и скворца считается большим грехом. Год за годом они свято и бережно присматривали за их гнездами, следили, чтобы до их следующего прилета эти гнезда не развалились. Дом, на крыше которого аист свил гнездо, считался счастливым. Везучим и счастливым считался и человек, кто первый услышит курлыканье журавлей.

В курдских верованиях особое место занимал петух, который каждый день на рассвете кукарекает в одно и то же время, являясь для человека в его хозяйственной деятельности живым будильником. Полезность петуха особенно была важна весной в период посевной и осенью во время сбора урожая. Каждодневный петушиный крик на заре вызывал у езидов чувство некоего таинства, им казалось, что в теле петуха поселился

¹⁸⁸ H.Şahpazyan, Kurdo-hay patmûtyûn, K. Polîs, 1911, rûpel 45.

¹⁸⁹ Bênsê. Bûlanix an jî Herêma Hark, Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê, Kitêba Z, rûpel 43.

¹⁹⁰ Бенсе, Буланих или провинция Харк. ЭЖ. кн.3. стр.43 (перевод с арм. яз.)

некий добрый дух, который заставляет его кукарекать в одно и то же время и что эта функция на него возложена свыше.

Кудахтанье курицы или ее попытки закричать по петушину езида считали недобрый знаком, потому что курица изначально не наделена способностью кукарекать как петух.

Итак, вопросы урожайности года, семейного благополучия и несчастий, процессы жизни и смерти, приход весны и прочие явления езида связывали с домашними и дикими птицами, с их поведением, видами криков и их миграцией.

По представлению езидов, живущих устоями племенных союзов, птицы считались предвестниками благополучия для племени и покровительствующими силами в их жизни и хозяйственной деятельности.

10. Hebandina êgir

Bal kurdên êzdî yên herêma Qersê, Aparanê û Talînê hebandina êgir cîkî sereke digire. Dûyê agirê ocaxa wan gerekê hertim bikişîya.

Ji demên buhurî da dema digotin ocax, fikira wan ne tenê kuçikê êgir bû, lê herwiha mal û malbet bû jî. Gelek cara sonda wan agir û ocax bû.

Dema sistêma derebegîyê hilwişîya û malbet dewsa wê girt, ew herdu fikir bûne sînonîmên hev. Niha bal ereban, ermenîyan, kurdan û gelek milletên din ocax him mal e, him eşîret e, him jî malbet e.

Derheqa êgir da gotineke pêşîyan heye: "Eger agirê ocaxê bitemire, bizanibe ocax jî wê bitemire". Ji vê gotina pêşîyan zelal xuya dibe, ku bingehe malê agir bûye.

Karê ku ew agir tim geş be, dikete ser milê kevanîya malê, an jî bûkê. Wana her roj sergînek dikirine tendûrê, kozîya êgir jê derdixistin, datanîne erdê, çend sergînen din datanîn ser û dişuxulandin. Piştî ku tendûr vêdisîya, perçeyê sergîne di bin kozîyê da geş dima. Ji wê ra "antêx" an jî "kûre" dihate gotin. Bi wî agirê antêxê her sibe tendûr vêdixistin¹⁹¹.

Gorî edetê êzdîyan tûkirina ser agir, qirêjkirina wî, çêrkirin tiştêkî guneh dihate hesabkirinê. Gorî êzdîyan, gerekê êgir qirêj nekin, ji ber ku pîrê ruhê êgir heye. Tûkirina ser êgir jî dihate wê maneyê, ku meriv tûyî li ser ruhê êgir dike û bi wê yekê va hêrsa wî ruhî radike.

Edetên vî awayî yên hindava êgir da bal gelek milletan heye, wek ermenîyan, gebran, azirîyan, osan, asûrîyan, xêvsûran û yên din. Bal ermenîyan jî îzin tune tûyî li ser êgir bikin, ew qirêj bikin, ser ra banz din¹⁹².

Êzdî bawer dikirin, ku heywanên beyanî ne bê hemdî xwe ji êgir direvin, lê ji ruhê Pîrê êgir direvin.

Bal êzdîyan nimûneyeke din jî heye derheqa hebandina wan ya êgir da: êzdî ser mezêlê merivê teze mirî sê şevan agir vêdixin bona ku heywanên kûvî nêzikî mezêl nebin, bona ruhên neqenc ji mezêl ruhê mirî nedizin, nebin û ser wê bawerîyê bûn, ku Ezrahîl wê zûtirekê bê û ruhê mirî bişîne buhuştê an jî dojhê. Fikireke din jî di agirdadanê da heye: bona ruhê mirî li vê dinê jî, li wê dinê jî bi êgir ra eleqedar bibe.

Kurd mezêlê wî merivî wek ziyaret dihebandin, yê ku di jîyana xwe da tu caran tûyî li êgir nekirîye, ew qirêj ne kirîye û çêrî êgir ne kirîye.

Mezêlekî wisa li gundekî kurdan – Manazgirê hebû

"Rex Manazgirê, ku gundekî kurdan e, kevîrê ser gorê heye, ku ermenî jê ra "mezêlê Aznaûr" dibêjin. Çend mezêlên wisa wek ocax têne hebandin"¹⁹³.

¹⁹¹ M.Abêxyan. Ev berhem li jor hatiye bibîranîn, rûpel 47.

¹⁹² A.A.Semyonov. Hebandina şeytîn bal kurdên êzdî yên Asîya Pêş, Taşkênt, 1927, rûpel 1.

¹⁹³ M.Abêxyan, rûpel 71.

Gorî êzdîyan ruhê êgir ewqasî bi hêz e, ku tu ruhekî neqenc nikare xwe nêzîkî wî bike û zirarê bidê. Ji ber wê ye, ku ruhên neqenc nikarin ranêzîkayî êgir bikin.

Bi bawerîya êzdîyan agir û komir ruhên neqenc ji xwe bi dûr dixin. Gurcên herêma Kaxêtê jî bi eynî awayî difikirîn û ewana ser wê bawerîyê bûn, ku agir û komir ruhîstînen ruhên neqenc in. Ew wisa bawer bûn, ku eger meriv şev ji mal derê, here avê bine, wê demê wê ruhên neqenc bikevine mala wî. Bona ew yek neyê ser malê, ber şêmîka wî merivî komir direşandin, ku ew ser ra derbaz bibe, paşê here avê bine¹⁹⁴.

Êzdî di cejina 8ê adarê da herdem kuçik vêdixistin, berevî dorê dibûn û berê xwe didane ruhê êgir, digotin: "Ya ruhê agir, tu me ji ya neqenc xwey bikî".

Gundê Emençayîrê li herêma Qersê edetek hebû: bona ji bextreşîyan û belayan xilaz bibin, dora tendûran hinek edetên dînî dikirin. Wek: eger zaro dereng dest pê dikir xeberde, an jî dereng rê here, ji destê zarê digirtin, dora tendûra sincirî digerlandin, sê cara fitil didan û digotin: "Pîrê agir, îzinê bide zaro xeberde". An jî: "Ya Pîrê agir, tu qewatê bidî kurê min, bila ew rê here". Xwedîyê zarokê xênji wê yekê, ku ji destê zarokê digirt, dor tendûrê digerland, di ber xwe da dikire pinte-pint, gine-gin bona ku zaro jî mîna wî xeberda û rê biçûya.

Gorî êzdîyan agir serkanîya dewlemendbûnê ye jî. Bona wî meremî merivên destteng ji malên dewlemendan agir dibirin, pê ocax û tendûrên xwe vêdixistin û ser wê bawerîyê bûn, ku ewê jî dewlemend bibin.

Kurdên êzdî ji bin beroşa şîr agir nedidan cînanan, çimkî şîrê dewarên wan wê kêmbûya.

Êzdî bawerîya xwe pir bi agirê ziyareta Laliş dianîn. Ewana ser wê bawerîyê bûn, ku dûyê ji ocaxa wira berê xwe dide cîkî batînî.

Gorî dîndarên êzdîyan agir dayîna Xwedê ye, lema jî dûyê wê ocaxê daxaza merivan dibe digihîne Melekê Taûs.

Gorî qiseya qewal Huseyn, roja cejina "Eyda êzdîyan" li Lalişê, serê sibê kevanîyên malan agirê dûyê ocaxa mala xwe ditemirandin, diçûne ziyaretê, ji wira agir hildidan, dibirin malên xwe bona bi agirê ocaxa Lalişê jîyaneke nû bidana ocaxên xwe.

Gava tendûr vêdixistin, dora wê direqisîn û sitiran digotin, wek:

*Berçev-berçev diçûme
Pêşîya te şa bûme
Ez dewlemend bûme.*

Dora kuçikê teze vêxistî dîsa direqisîn, distiran û şa dibûn.

Reqasa li dor agir an jî kuçikan bal gelek miletan heye. Ev edetê dînî ji bo wê yekê tê kirinê, ku ber dilê ruhê êgir da bên, razîbûna xwe bidin wî. Li Bêlgîyayê di demên buhurî da rojêke bi navê "Rojê agirê mezin" hebû û di dema wê cejinê da zarok 1-2 heftêyan mal bi mal digerîyan û xurek berev dikirin¹⁹⁵.

Bal êzdîyên Şengalê edetekî dinê jî hebû. Em binihêrin çika derheqa wî edetî da qewal Huseyn çî dibêje: -piştî binaxkirina kesê mirî, ser mezêlê wî agir dadidan, dora agir dua dikirin û vedigerîyane malên xwe. Piştî çend sehetan bêy ku kincên xwe bêxin, diketine nava ava çem an jî kanîyê, ku ava avilheyatî dihate hesibandin. Ev edet me tîne ser wê bawerîyê, ku hebandina avê jî hebû. Edetekî ha li Hindistanê jî heye. Li vir merivên kesê mirî berî şewitandina can û cesetê mirî berevî dora kuçikê êgir dibûn û bi kincan va diketine ava rex êgir¹⁹⁶.

Kesên pûtperest derbaharê kuçik dadidan û bi heytehol qedirê Xwedayê êgir digirtin bona ekinê salê pir be. Bal êzdîyan dewsa Xwedayê êgir Pîrê êgir heye. Ev edet derbazî nava xaçparêzan jî bûye. Ev eyda dînî herdem di roja bîranîna Îsa da tê derbazkirinê. Dêra xaçparêzîyê ne tenê ev eyd, lê gelek eydên din yê girêdayî êgir va ji gelek miletên din wergirtîye.

¹⁹⁴ G.F.Çûrsîn. Erf û edetên gurcên Kaxêtê,- Nivîsên hevalbendîya erdnîgarîyê ya Împêratorîya Rûsîyayê beşa Kavkazê. Tîflîs, 1905, rûpel 36.

¹⁹⁵ C.Frêzêr. Berevoka gotaran, cild 4, rûpel 141.

¹⁹⁶ G.Buhlers. Reich und Sitte,- Grundriss der indo-arischen philology, cild 2, Leipzig, 1910, rûpel 155.

Hebandina êgir di cejina Têrndêz da jî xuya dibe, ku ji ermenîyan derbazî nava kurdan bûye û tê maneya qebûlkirina Xweda (Tyarindarac).

Bal ermenîyên Bûlanixê edetekî wa hebû: "Pîrejî wê rojê çiraya bi agirê pîroz ya Têrndêzê vêxistî digerlandin, bi agirê wê bimbûlên mirîşkan dişewitandin, bona ew bikaribin kurk rûnên"¹⁹⁷.

Êzdî eyda Têrndêzê 17ê sibatê derbaz dikirin, bi kurdî digotin Eyda 17ê sibatê. Ewana ji kuçikê Têrndêzê xwelî hildidan û ji kulekên goman direşandin bona ruhê neqenc betavebûna û heywan ber bidana. Ji wê kozîya xwelîyê çengek dihîştin, di dema çandinîyê da tevî toxim dikirin, direşandine nava axê, bona ew sal saleke bereket be.

Jinên megîran, ku zar ne dianîn, berî ku bi mêrê xwe ra bikevine nava cîyan û serê xwe bi hev ra bikine yek, ji kozîya kuçik hinek dadiqurtandin û digotin: "Pîrê agir, de ma li te", ango dixwezîn bêjin, ku ruhê agir, îdî hêvîya me tu yî.

Ji wê kozîyê weke kevçîyekî biçûk dikirine nava avê û didane nexweş, bona ew qenc bibe.

Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku agir nexweşîyan jî qenc dike, ji ber ku "Pîrê êgir rehm e". Jina kurd, ku bi nexweşîya jinan dikeve, bêy derpê xwe li ser agir mêl dikir û berê xwe dida ruhê êgir, jê ra digot: "Pîrê agir, tu min ji vê nexweşîyê xilaz bikî".

Ocax bal êzdîyan wisa hatibû qebûlkirinê, ku gava dua dikirin, digotin: "Bira ocaxa te komekê bide me". Di duayeke din da tê gotinê: "Bira ocaxa te şên be". Vîra gerekê bidine ber çavan, ku ne tenê behsa agir an jî kuçikê dikin, lê qesta wan mal û malbet e.

Dem a nifirkirinê digotin: "Ocaxa te bitemire", ango mala te xirab bibe, mala te pîre-pîreyî bibe û h.w.d.

Bi vî awayî, agirê ku bingehê ocaxê û malê ye, dibû tiştekî wek ziyaretê û ew agir parastvanê mal û malbetê bû.

Культ огня

Культ огня у курдов-езидов Карской области /Турция/т Апаранского и Талинского районов /Армения/ занимает своеобразное место. Огонь в очаге дома, как правило, должен был поддерживаться постоянно.

В прежние времена, упоминая слово "Оджах" /очаг/, вероятно имели в виду не только печной очаг как таковой, но и подразумевали как дом и семья. Зачастую члены рода вместо клятвы огнем клялись оджахом.

После распада родов на семейства, возможно, эти понятия отождествились. И в настоящее время "оджах" в понимании курдов, армян, арабов означает дом, семейство и семью.

У курдов есть характерная поговорка об огне: "Если в доме потухнет очаг с огнем, то пагаснет и сам оджах (Eger agirê ocaxê bitemire, bizanibe ocax jî wê bitemire).

Из этой поговорки ясно видно, что основой дома являлся огонь.

Обязанность по поддержанию огня в очаге возлагалась на хозяйку (Kevanî) или невестку (bûk) дома, которая после чистки тандура¹⁹⁸ от золы и пепла брала кусок кизьяка, клала его на дно, сверху покрывала золой, затем опять поверх золы клала куски кизьяка и поджигала. После угасания огня в тандуре под пеплом оставался тлеющий уголек, который назывался "арду". С помощью этого арду утром опять разводился огонь в тандуре. Так каждый день.

По курдским обычаям осквернение огня признано грехом, нельзя плевать в огонь, ругаться в его адрес и бросать в него мусор.

¹⁹⁷ G.F.Çûrsîn, Berevok, cild 25, sal 1905, rûpel 59.

¹⁹⁸ Тандур - сооруженная и врытая в землю печь из глины.

По мнению езидов, у огня существует свой ПИР (Pîrê agir)¹⁹⁹, и все нехорошие действия в отношении огня могут разгневать его.

Похожие поверья существуют также среди армян, азербайджанцев, осетин, ассирийцев, грузин-хевсуров и других народов. Например, у армян нельзя плевать в огонь или осквернять его каким-нибудь другим способом, нельзя прыгать и перешагивать через него.²⁰⁰

Езиды считали, что Пир огня (Pîrê agir) не имеет очертаний и невидим, он обладает сверхъестественной силой и является могущественным духом.

Езиды верили, что не инстинкт самосохранения заставлял диких животных бежать прочь от огня, от его пламени и исходящих бликов, а панический страх перед Пиром огня.

Исходя из точки зрения культа огня, одним из примечательных обычаев езидов являлось разжигание костра ночью в течении трех дней на могиле умершего. Это делалось из соображений того, чтобы не дать хищным зверям приблизиться к могиле и чтобы пресечь попытки злых духов похитить нашедшую там временное пристанище душу усопшего, которую ангел Азраил в скором времени должен был переместить по своему усмотрению либо в рай, либо в преисподнюю. В этот обычай вкладывался еще и тот смысл, что душа покойного на том свете должна общаться с огнем точно так, как и на этом свете.

Могилу человека, который никогда в своей жизни не осквернял огонь - не плевал в него, не бросал мусор и не ругался в его адрес - езиды считали святым.

Могилы одного из последователей культа огня находилась в одном из курдских селений Маназкерта. М.Абегян пишет: "Возле Маназкерта есть курдское село, где стоит один большой надгробный камень, который армяне этой местности называют "Могилы Азнавура". Существуют несколько таких могил, которые почитаются равно как и оджах".²⁰¹

По мнению езидов, дух огня безгранично силен, ни один злой дух не смеет подойти к нему и навредить ему. Именно в этом и заключается причина того, что духи зла не могут приблизиться к огню.

Езиды считают, что огонь и его угли отпугивают злых духов. Похожее представление о силе огня имели также грузины Кахетии, которые были уверены, что огонь и угли прогоняют злых духов. Они верили, что в дом человека, вышедшего ночью на улицу за водой, могут проникнуть злые духи. Поэтому, чтобы не допустить этого, они у порога дома под ноги выходящего на улицу члена семьи сыпали каменный уголь.²⁰²

По свидетельству очевидцев, в день праздника АЙШТЕ АДАРЕ(heuştê adarê) езиды разводили костер, собирались вокруг него и взывали: "О, Пир огня, спаси и сохрани нас от нечистого" (Ya pîrê agir, tu me jî neprakî xweyke). В селе Яманчаир Карской области, чтобы отвести несчастья, совершали определенные магические действия вокруг тандура. В случае позднего развития у ребенка речи, или если ему с возрастом не удавалось самостоятельно ходить, как правило, разжигали тандур, брали ребенка на руки и трижды носили его вокруг тандура, приговаривая: "О Пир огня, разреши моему ребенку говорить" (Pîrê agir, îznê bide zaro xeverde) или "О, Пир огня, придай силы моему сыну, чтобы он стал ходить" (Ya pîrê agir, tu qewatê bide kurê min, bira here). В процессе этого обряда один из родных неговорящего или неходящего ребенка брал его на руки и начинал ходить кругами вокруг тандура, бормоча под носом и умоляя духа огня наделить его чадо способностью говорить или ходить.

¹⁹⁹ ПИР - представитель езидского священства. Каждый род или племя имели своего пира и шейха. В данном контексте означает как пир духа огня или просто огня.

²⁰⁰ М.Абегян, упом. работа, стр.66

²⁰¹ М.Абегян. стр.71 упом. Работы

²⁰² Г.Ф. Чурсин, Народные обычаи и верования Кахетии.-Записки Кавказского отделения Императ. географ. общества, кн.25. Тифлис, 1905г., с.36

По мнению езидов огонь мог бы стать также магическим средством для обогащения. Для этого бедняки приходили к богачам домой, брали из их очагов тлеющие угольки и с их помощью разжигали огонь в своих очагах или тандурах, надеясь, что это поможет им разбогатеть.

Однако, было и другое суеверие, когда соседу не разрешали брать тлеющие угольки из под котла, в котором кипятилось молоко, потому что считали, что после этого их животные станут меньше давать молока.

У езидов существовало также поверье относительно дыма, исходящего из дымохода святилища в Лалеше. Им казалось, что этот дым, поднимаясь из очага, уходит в неизвестность.

Верующие езиды утверждают, что огонь имеет небесное происхождение, а следовательно, дым с собой уносит молитвы и просьбы людей в небо и доводит их до Малакетауса.

По рассказу кавала Хусейна в Лалеше, в день "Праздника Эзди (Eyda êzdi) жители окрестных сел, в частности хозяйки дома, рано утром в своих тандурах тушили тлеющие арду /угольки/, шли к святилищу, брали из его очага угольки и приносили к себе домой, чтобы ими разжечь у себя огонь и вдохнуть новую жизнь в свои оджахи. Разведение нового огня сопровождалось народными песнями и танцами вокруг тандура:

*Berşev - berşev diçûme,
Pêşya te bûme,
Ez dewlemend bûme.*

*Пред взором твоим хожу,
Тебе я поклоняюсь,
Вот и стал я богатым.*

Обычай плясать вокруг костра существовал у многих народов. Магические телодвижения в танце призваны были умиловить дух огня. В Бельгии был праздник "День большого огня", дети на протяжении 1-2 недель ходили из одного поместья в другое и собирали дары в виде продуктов питания.²⁰³

Как поведал кавал Хусейн, у езидов Синджара существовал следующий обычай: После погребения покойника на его могиле разжигали костер, ходили вокруг него, произносили молитвы и возвращались домой. Через несколько часов после этого они в одежде входили в воду одного из святых рек или источников и совершали омовение. Упомянутый обычай одновременно свидетельствует и о культе воды.

Похожий обычай мы видим и в Индии, где родные умершего перед кремацией тела купаются в воде в одежде и ходят кругами вокруг сложенных для разжигания костра дров.²⁰⁴

Язычники ближе к весне разжигали костер, встречая тем самым бога огня, надеясь в текущем году получить богатый урожай. Христианская религия унаследовала и осватила этот обычай. Этот церковный праздник всегда отмечается в день памяти Христа. Христианская церковь унаследовала и узаконила не только этот, но и многие другие народные обычаи.

Глубокая вера в огонь отражена и в так называемом обычае "Терендз". К езидам он перешел от армян и буквально означает "Встречать Хозяина".

²⁰³ Дж.Фрэнгер. УК соч.. вып.4. с. 141

²⁰⁴ G.Buhlers, Reich und Sitte, - Grundriss der indo - arischen. Philologie, - h.2, Leipzig, 1910, p,155.

Терендез езиды справляли 17 февраля, но называли его "Хевде адаре" (hivdê adarê) "семнадцатое марта". Они брали немного золы из разведенного в честь Терендеза костра и через дымоходное отверстие на плоской кровле сакли, называемое колаком (kulak) бросали сверху вниз - ритуал, символизирующий изгнание злых духов и надежду на увеличение поголовья скота. Горсть золы с пеплом от того же костра хранили до посевной, затем перемешивали с семенами и разбрасывали в поле в надежде на получение богатого урожая.

Страдающие бесплодием женщины, мечтая забеременеть и родить ребенка, перед вступлением в половую связь с мужьями, брали в рот немного пепла из костра и проглатывали, при этом приговаривая: "Пир огня, теперь уповаю только на тебя" (Pîrê agir, de ma li te).

Курды-езиды огню приписывали также лечебные свойства, говоря, что "Пир огня милостив" (Pîrê agir rehme). Кудянка, страдающая женскими недугами, без исподнего нагибалась над огнем и молила его: "Пир огня, избавь меня от этой болезни (Pîrê agir, min ji vê nexweşîyê xilazke).

Чтобы исцелить недужного, в стакане с водой разводили чайную ложку пепла и давали больному выпить.

Огонь, очаг в доме, семья, род и племя у езидов сплетено в единое понятие. Согласно езидским толкованиям, если в очаге дома потух огонь, значит данную семью или род ждет беда.

Оджах для езидов настолько священен, что при благословлении кого-либо говорили: "Да поможет нам твой оджах" (Bîra osaxa te komekê bide me) или "Да расцветет твой оджах" (Bîra osaxa te şên be). Здесь имеется ввиду не только огонь в очаге, но и весь дом, семья и род в целом вместе с главой семейства /МАЛХОЕ МАЛЕ/.

Проклиная же кого-то, говорили: "Да потухнет твой оджах((Осаха te bitemire)

Итак, оджах и составляющий его стержень - огонь, езидами превращен в некий символ или памятник, который связан с почитанием семьи или праотца рода.

11. Hebandina avê

Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku di nava avê da, di çavkanîyan, çeman, behran û kanîyan da ruhên qenc û neqenc dijîn, yên ku dikarin ji avê derkevin, li dinyayê bigerin û paşê vegerine warên xwe. Heta niha jî êzdî gava şev ser çeman, kanîyan ra derbaz dibin, navê Melekê Taûs didin, bona ew wana biparêze.

Ji berê da jinên êzdîyan di cejina Newrozê da ji kanîyên ziyaretî av dibirine malên xwe.

Kanîyeke wisa li berpala çiyayê Elegezê (Aragasê) heye, ku dikeve başûrê gundê Korbilaxê navçeya Aparanê komara Ermenîstanê. Navê wê kanîyê "Kanîya bawîyan" e. Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku di wê kanîyê da ruhên qenc hene, lema jî ava wê wek ava avilheyatî dihate hesibandin.

Guneh bû, ku tûyî nav ava ziyaretî bikin, wê avê qirêj bikin.

Wisa xuya ye, ku hêza qenckirinê bi van avan ra hebûye, lema jî gel ew wek ziyaret parastîye û qîmet dayê. Nimûneyeke wê yekê ava kanîya Koroxlî ye, ku hemû cûre nexweş diketine wê avê û qenc dibûn û xên ji wê ji wê avê dibirine malên xwe, ji wê avê direşandine ser cî û nivînên xwe bona ruhên neqenc nêzîkî wan nebin. Av direşandine goman û tewleyan jî bona pez û dewar nexweş nekevin. Gihanên çelekan jî bi wê avê dişûştin bona şîr zêde bibe, av dikirine şikevan û embaran jî, bona bereket be.

Ew jinên ku şîrê bistanên wan kêmbû, ji wê avê li hingilên xwe dixistin. Ew av li çavên wan kesan dixistin, ku rind nedidîtin an jî di çavan da mehrûm bûn.

Gorî dîndaran di nav wê avê da hêzek hebû, ku tesîra xwe li ser jîyana merivan û heywîn dihêle û ew hêz dikare merivan qenc bike û nexweş bêxe.

Kurd, ermenî û tirkên Dêrsimê jî bawerî bi avên medenî û kanîyan dianîn. Ava medenî ya Sovegsê ya herêma Dêrsimê, ji alîyê hemû miletan da dihate hebandinê²⁰⁵.

Êzdîyên herêma Dîgorê li qezaya Qersê gorî edetên xwe piştî çalkirina mirîyan sê roj derbaz dibû, mirî jin bûya, an mêr bûya, roja sisîyan diçûne ser mezel, xweyê mirî ji kanîya gund ya ziyaretî av vedixwer û nanê mirîyan bela dikir.

Bal êzdîyên Dîgorê bi hebandina avê va girêdayî edetekî din jî hebûye, ku gelekî hewaskar e. Malxwêyê malê an jî mêrekî malê piştî mirina kevanîya xwe gava carek din dizewicî, av direşande ser mezelê jina xwe ya berê. Gorî êzdîyan ew bona wê yekê dihate kirinê, ku kesên ji mirina jinikê tirsîyane, tirsan wan birevîne. Bi bawerîya me li vir ya here sereke ne ku firandinrevandina tirsê bû, lê ew yek bû jî, ku li wê dinyayê jî ruhê merivan gerekê bê av, nan û xurek nemîne.

Kurdên gundê Tillik navçeya Talînê 10-20ê adarê ji Ava Reş²⁰⁶ derdanek av hildiçinîn û direşandine ser axa şovkirî bona ekin bi bereket be.

Yek ji kanîyên ziyaretî, ku binecîyên gundên dorê jê av hildiçinîn, di Vaspûrakanê da bû. Navê wê kanîyê "Arkayûtyan axbyûr" ("Kanîya avilheyatî") bû û ermenî, aşûrî û kurdên wira ew dihebandin. Li ser kanîyê kevirê ziyaretî danîbûn, ew cî bûbû mîna ziyaretê²⁰⁷.

Êzdî ku demeke dirêj bi ermenîyan ra mane, çem û kanîyên Ermenîstanê, avên avilheyatî hebandine û bona wê avê qurban dane.

Miletzan (êtnograf) X. Samvêlyan derheqa hebandina çemên Ferat û Dicleyê da ha nivîsiye: "Di nav wan bawermendîyan da hebandina çemên Ferat û Dicleyê cîyê pêşin digirin. Bona ermenî, tirk, kurd û aşûrîyên dor û berên wan çeman ava wan wek tiberk e"²⁰⁸.

Çemê Feratê xwesma ber dilê ermenîyan ezîz bû, ji ber ku gorî mîtologîyayê ew dihate hesibandinê wek hêwirgeha padîşaha ermenîyan - Astxîk xanimê²⁰⁹.

Di folklorê kurdî da bi awayekî geş pesinê çemê Mûradê û kanîyê wî – Arasanîyê tê dayînê. Di sitirana "Mûrad tem e, teme" da tê gotinê:

*"Çemê Mûradê tem e, tem e
Cinê wî rabûye, dua bikin
Pez serjêkin, Xwedê rehm e".*

Di bawermendîyên gel da heywanên wek masî, mar, zîya wek sîmvolên bereketa avê xuya dibin. Ev yek di nav bawerîyên ermenîyan da jî cîkî berbiçav girtine.

Di wan heykelên bi navên "Dêw" da, ku zêde dişibîyane masîyan, fikira avê û avdanê hebû, ji ber ku ew heykel sîmvola Xwedayekî avê bû²¹⁰.

Min heykelekî wisa li gundê kurdan – Qundexsazê, li navçeya Aparanê dît. Ew gelekî mînanî zîyayên çiyayên Gêxamayê ne.

Li Ermenîstanê çem û kanî bona xwelîbêcerkirina xwedî kemaleke pir mezin e. Lema jî di bawermendîyên ermenîyan da av pir tê hebandinê.

Gorî dîndarên êzdîyan di çeman û behran da hesp, mange, masî, teyrede û heywanên mayîn yên buhurtî dijîn, ku carna difirine ezmanan, merivan ji qezîyayê û belayê xilaz dikin û h.w.d.

Di folklorê gel da ew heywan gelek caran mêrxasan dibine dinya heq bona ji wira ava avilheyatî bînin. Fikira ava avilheyatê mînanî têlekî sor ne tenê di bawermendîyên kurdan da, lê herwiha yên gelek miletan da derbaz dibin.

²⁰⁵ Andranîk. Têrsim, di eynî cîyî da, rûpel 127.

²⁰⁶ Ava Reş çem e, ku nave wî yê esilî Çemê Axûryan e.

²⁰⁷ Yê.Lalayan. Vaspûrakan, Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê, kitêba 25an, sal 1914, rûpel 31-32.

²⁰⁸ X.Samvêlyan. Berhema bîranî, cild 1, rûpel 286.

²⁰⁹ V.H.Bdoyan. Berhema jorê kivşkirî, rûpel 59.

²¹⁰ M. Abêxyan. Heykelên bi nave "Dêw", ku sîmvola Xwedayê Astxîk/Dêrkêto ye. Yêrêvan, 1941, rûpel 10.

Mêrxasê hikyata kurdî "Îskender" diçe serê dinyayê bona ava avilheyatî peyda bike, lê bi wî ra li hev nayê, ji ber ku rastî ruhên neqenc tê û bi eskerên xwe va niqoyî nava avê dibe, dixeniqe.

Hebandina avê xwesma di romana "Sê nêçîrvan" da geş xuya dibe

Gorî edetan li berpala çiyayê Nemrûtê, rex gundê Şîrînkoyê kanîyek hebûye bi navê "Kanîya sipî". Li wî gundî sê nêçîrvanên mêrxas hebûne. Rex kanîyê hergav kerîyên pêz diçêrîyan. Hersê nêçîrvan gelek caran diçûne rex wê kanîyê, ji kerîyê pêz beşek didane ber xwe dibirin gundê xwe, serjê dikirin û goştê wan di nav gundîyan da wekehev bela dikirin. Rojekê jî dema diçine ber kanîyê, yek ji nêçîrvanan dişimite, dikeve nava avê û ji hêrsan çêrî kanîyê û ruhberên di nav da dike. Di dema çêrkirinê pez destxweda betavedibin, lê ew bi xwe nexweş dikeve û destevala vedigere mal.

Êzdî gelek caran heyteholên dînî yên bi avê va girêdayî derbaz dikirin. Cejin û rojên şayê yên dînî di deba êzdîyan da cîkî berbiçav digire. Ji bo nimûne, bona di rojên hişkî da baran bê, êzdîyan "bûka baranê" çê dikirin. Zarok ew bin dengê def û zurnê di nav gund da digêrandin, ber her malekê disekinîn, ava di derdanê da ser bûkê da dikirin û yek ji zarokan digot:

"Baran, baran bibare

Xêr û bereketê bîne bi xwe ra

Ya Mamereş²¹¹, baranê bîne bi xwe ra".

Bi avê va girêdayî heyteholên dînî yên din jî hene.

Di dema korlixîyê da, bona baran bibare, jin karê cot dikirin. Bona erd bereket be, ewana baharan, di dema çandinîyê da diçûne deştê û av ser xwe da dikirin.

Культ воды

Курды-езиды верили, что в водах родников, рек, озер и морей обитают как добрые, так и злые духи, что они для совершения добрых и соответственно злых дел способны выходить из воды и опять возвращаться в свое обиталище. И в наши дни, переходя через ручей, речку или неглубокий водоем, езиды непременно упоминают имя Малакетауса и произносят "Сымылла" /Спасибо господу/.

В прежние времена в день празднования Навроза езидки набирали в кувшины воду из святых источников и несли домой. Один из таких святых родников находится примерно в трех километрах к югу от села Корблах Апаранского района на северо-восточном склоне горы Арагац. Называется родник "Канйа бауйа". Езиды уверяли, что этот родник является обителью добрых духов и поэтому считали его святым.

По причине этих анимистических взглядов считалось большим грехом плевать в святые источники или бросать в них мусор. Возможно, родниковые воды обладали лечебными свойствами, и именно по этой причине в народных верованиях они были признаны святыми. В этом смысле славился родник в Корблахе, водой которого омывали людей, страдающих проказой. Кроме того, люди набирали воду из родника, приносили к себе домой и окропляли ею свои постельные принадлежности и помещения хлева для изгнания духов зла и отведения порчи от овец и крупного рогатого скота, а также как оберег от всяких болезней. Этой же водой поили больной скот. Для получения хороших надоев родниковой водой коровам мыли вымя и ополаскивали маслобойки.

Женщины, у которых грудного молока было недостаточно для кормления младенца, промывали соски своих грудей этой водой в надежде, что молока у них станет больше.

²¹¹ Mamereş ruhê baranê ye.

Человеку с больными глазами и слепшимися веками делали примочки с родниковой водой.

По убеждению верующих езидов, вода как естественный природный элемент одновременно наделена также естественной силой, способной распоряжаться жизнями людей и животных, а также как насыщать болезни, так и исцелять.

Курды, армяне и турки Дерсима глубоко верят в силу минеральных источников и родников. Протекающая через Дерсим речка Совагсу почитается всеми независимо от национальной принадлежности.²¹²

В старые времена в с. Яманчаир Карской области традиционно по обычаю после погребения умершего, независимо от того, мужчиной был усопший или женщиной, езиды приносили с собой родниковую воду на кладбище, где один из родственников покойного выпивал стакан этой воды и раздавал беднякам и нищим "Нане мрйа" /угощение в память усопшего/.

У езидов Тегорского района был другой связанный с водой своеобразный обычай. Хозяин дома, или кто-то из мужчин его семьи, в случае вступления в повторный брак после смерти первой жены отправлялся на кладбище и там поливал родниковой водой ее могилу. Некоторые езиды этой местности думали, что упомянутый ритуал исполнялся с целью избавления от страха тех членов семьи, кто боялся покойников. Нам кажется, что здесь имеет место не фактор "избавления" от страха перед покойниками, как считают верующие, а тот их анимистический взгляд, что души умерших и на том свете должны иметь свою долю воды и еды.

Курды-езиды села Тылык Талинского района примерно 10-20 марта набирали в посуду воду из речки "Ава раш" /Черная вода/ и окропляли вспаханные поля в надежде получить богатый урожай.

Один из святых источников, из которого жители окрестных селений часто брали воду для ритуалов, находился в Васпураканском районе, назывался он "Царский родник". Его почитали как армяне, так и курды и ассирийцы. Над родником была возведена небольшая простая часовня, служившая местом паломничества. Туда на паломничество отправлялись армяне, ассирийцы и курды, особенно в день праздника "Вознесения".²¹³

Часть курдов-езидов, живя длительное время в Армении, равно как и сами армяне, почитали реки, родники и святые источники этой страны и в честь этих вод совершали обряд жертвоприношения.

Этнограф Х.Самвелян по поводу культа рек Ефрата и Тигра пишет: "В этих верованиях главенствующее место занимает культ рек Тигра и Ефрата. Их истоки местные курды, армяне и ассирийцы считают святыми".²¹⁴

Култ Ефрата был священен особенно среди армян, по мифологии которых она считалась обителью богини Астхик.²¹⁵

Почитание Ефрата и одного из ее истоков ярко отражена в курдском фольклоре. В песне "Бурлит река Мурад" говорится:

*Çemê Mûrad teme-teme,
Cinê wê rabûye, duaê bikin,
Pez şerjêkin, xudê reme.*

*Река Мурад бурлит, шумит,
Дух ее возмущен, молитесь скорей,
Жертвейте овец, бог милостив.*

²¹² Андраник, Дерсим, Тифлис, 1910г., стр.127 107

²¹³ Е.Лалаян, Васпуракан, ЭЖ. к.25. 1914г., стр.31-32 (перевод с арм. яз.)

²¹⁴ Х.Самвелян, упом. раб., т.1. стр.286

²¹⁵ В.Бдоян, упом. раб..стр.59

В народных верованиях олицетворением обилия воды являлись также животные - рыбы, змеи, драконы. Подобная символика большей частью была распространена в армянских верованиях.

Эти так называемые "драконы" - рыбообразные скульптурные памятники - имели отношение к воде и оросительной системе, и относятся к культу одного из божеств воды.²¹⁶

Фрагмент такого памятника, похожего на известных в Гегамских горах "драконов" был обнаружен мною в с. Кондахсаз /ныне "Рйа Таза"/ Апаранского района в 1952г.

В летний период поля и долины Армении крайне нуждаются во влаге, поскольку с конца весны выпадения осадков обычно уменьшается или вовсе прекращаются, уступая место засухе. Отсюда становится понятным какое важное значение с точки зрения орошения полей имели для населения воды рек и источников.

По представлению курдов-езидов, в воде обитают мифические лошади, коровы, рыбы, птицы и другие животные, которые временами обретают крылья, летают по небу, спасают людей от бед, отводят от них несчастья и т.д. В курдском фольклоре эти животные зачастую уносят народных героев в райский мир Эдема за живой водой. Понятие о воде бессмертия красной нитью проходит не только через курдские, но и верования многих других народов.

В сказке "Двурогий Искандер" (Iskenderê dustrû) её герой со своим многочисленным войском отправляется на "край света" в поисках воды бессмертия, но найти ему не удается, потому что он сталкивается со злыми духами и вместе с войском погибает.

В предании "Три охотника" более ярко отражен культ воды. Согласно этому сказанию, на склоне горы Немрут, недалеко от села Ширинкой, находился - источник "Канйа спи" /Белый родник/. В этом селе проживали трое храбрых охотников. Каждый день к этому роднику приходили стада овец, чтобы напиться воды. Охотники часто приходили к роднику, угоняли часть этих овец к себе в село, забивали их, и мясо раздавали односельчанам. Как-то один из этих охотников возле родника поскользнулся и упал в воду. Разозлившись, он выругался в адрес родника и духов его воды. В ту же минуту овцы куда-то исчезли, а на охотника напала хворь. Так охотники возвратились домой ни с чем.

Езиды часто исполняли связанные с водой ритуалы. Следы этих древних обрядов сохранились и в наши дни. Например, в период засухи, чтобы вызвать дождь изготавливают куклу "Бука баране" /Невеста дождя/, которую дети носят по деревне под звуки барабана и зурны, и, останавливаясь у каждого дома, обливают ее водой, приговаривая:

*Baran, baran, bibare,
Xêrê – bereketê bîne xwera,
Mamareş, baranê bîne xwera.*

Лейся дождик, лейся.
Блага с собой принеси,
О, Мамараш, дождя нам пришли.

Существовали и другие обряды, касающиеся почитания воды. Во время засухи, чтобы вызвать дождь, весной в посевную женщины впрягались в соху, выходили в поле и обливались святой водой, в надежде получить богатый урожай.

²¹⁶ М.Абегян, Памятники "Дракон" как скульптуры богини Астхик, Ереван, 1941г., стр. 10. (перевод с арм. яз.)

12. Hebandina çïyan, kevïran û ŝikevtan

Di bawermendîyên kurdan da hebandina çïyan, kevïran û ŝikevtan çikî berbiçav digire, ku rehên wê yekê diçin digihîjine demên berî dewrana me.

Berê piranîya kurdên Ermenîstanê jîyana koçerîyê û nîvkoçerîyê derbaz dikirin. Ewana piranîya salê bi pez û dewarên xwe va li zozanan bûn, çïya miskenê wan bû. Bêy hêşinaya wan çïya, hewa paqij koçer emirê xwe texmîn ne dikirin. Çïya bi kanîyên xwe yên zelal emir didane merivan û heywanan. Çïyayên Elegezê, Bozutluyê, Erdewidê, Arayê ji wan çïya bûn.

Serketinên kurdan di hêla aborî da gelekî bi çïyan va girêdayî bûn. Gorî kurdan ew warên wisa bûn, ku ruh didane merivan bona ew tama keda xwe ya helal bihesin.

Yek ji çïyayên navçeya Aparanê çïyayê Ardewid e, ku êzdî wî dihebînin. Gorî ŝirovekirina binecîyê gundê Elegezê Ademê Silto, Ardewid navekî ermenkî nîne, çïyayekî wisa li herêma Entabê da jî hebûye. Gava êzdî hatine li navçeya Aparanê bi cîh bûne, hêşinaya wan deran ŝibandine hêşinaya çïyayê nêzikî Entabê, lema jî ev nav lê kirine.

Bi gotina gotîyan êzdî dema hazirîya xwe didîtin ji Entabê derkevin, bi emirê Melekê Taûs ruhên çïyayên wan deran bi xwe ra anîne bona ew ruh ji wan ra bibin pişt û berpala²¹⁷.

Êzdî salê carekê hildikişîyane serê wî çïyayî û bona xwe ji nexweşîyan xilaz bikin, qurban didan, li serê çïyê di erdê da korên biçûk dikolan û wek qurban pereyên hesinî davîtine wira û ser wê bawerîyê bûn, ku ew pere wê bigihîjine ber ruhê Ardewid. Dizîya wan pereyan tiştêkî guneh dihate hesabandin.

Êzdî çïyayê Bozutluyê li navçeya Talînê jî hebandine. Derbaharê êzdî bona ekindarîyê û hasileta pir hildikişîyane serê wî çïyayî, qurban didan, heyteholên cûrbecûr derbaz dikirin.

Hebandina çïyan him bal êzdîyan, him jî bal gelek milletên din bi heyteholan derbaz dibin, ku pevgerêdana wan bi hişyarbûna baharê va girêdayî ye, wek Newroza kurdan û farizan, ku bûyer û dîdemên wê cejinê bi baharê va girêdayîne. Wan rojan kurd diçûne çïyê bona ekinê baş bistînin, heyteholên dînî derbaz dikirin. Ji xwelîya çïyê çengek dikirine nava avê û direşandine ser serê zara nexweş, şêxê rex zarê sekinî jî dua li ruhê çïyê dikir, ku wî ji nexweşîyê biparêze.

Gateya sala teze, ku jê ra ”Kiloça serê salê” digotin, ker dikirin, di nav hatîyan da parevedikirin²¹⁸.

Êzdîyên Ermenîstanê çïyayê Ara jî hebandine, ku di navçeya Aştarakê da ne. Ziyareta Sûrb Hovhannês li tepeya wî çïyayî da ne û ew ziyaret ji alîyê ermenîyan, paşê jî êzdîyan va hatîye hebandinê. Kesên dihatine vî çïyayî, ku di nav wan da dîndarên êzdî jî hebûn, her bahar bi xwe ra pez û dewarên bona qurbanê dianîn. Goristana Varvarayê jî li wir e, di ŝikevtekê da ne, ku ji dîwarên wê herdem av diniqîtî.

Piştî ku li serê çïyê qurban didan, kesên nexweş ava ku ji dîwarên ŝikevtê dişirikî vedixwerin, li çavên nexweş dixistin, rex mezêl mûm vêdixistin, ew bi dîwarên ŝikevtê va dizeliqandin. Dîndar axa çïya radimûsan, diketine ŝikevta Varvarêyê, pere davîtine ser goristanê û di wan deman da papazek ber mezêl disekinî û dua dikir²¹⁹.

Maneyeke derbazkirina wê cejinê li berpala çïyayê Arayê ew e, ku tebîyet ji zivistana bêzar hişyar dibe û meriv û heywan jî wek wan hişyar dibin, dikevîne nava gêjgerînga kar û xebatê.

Gr. Xapansyan gava derheqa wan ermenîyan da dipeyîve, ku Ara Gêxêsîk dihebînin, dinivîse: ”Ermenî ji demên buhurî di çïyayê Ara da bahar, hişyarbûn, jîyaneke nû, xweşbextî dîtine”²²⁰.

Hebandina çïyan xwesma di folklorê kurdî da bi awayekî geş xuya dibe. Di hikyata ”Nedîne” da du dilên bengî di rûyê erf û edetên eşîretîyê da nikarin bi mirazê xwe şa bibin. Xortê

²¹⁷ Binecîyê gundê Elegezê, navçeya Aparanê Lezo gotîye, xudanê vê berhemê sala 1952an ji devê wî nivîsiye.

²¹⁸ Êzdî 21ê adarê, roja Newrozê kiloç dipetin, morîk dixistine navê, paşê ser neferên malê parevedikirin. Ew morî para kê biketa, dîwana salê di sere wî da bû, angoyê, wê sale ew kes wê bextewar bûya.

²¹⁹ Emînê Evdal sala 1946an di wê heyteholê da hazir bûye.

²²⁰ Gr. Xapansyan. Hebandina Ara Gêxêsîk, Yêrêvan, 1945, rûpel 167.

bengî – Nebo hewara xwe li ruhên çiyayê Xaltaxçiyê²²¹ dadixwe. Gava ew berbi çiyê diçe, çiya diqelêşe, ji hundurê wî keçeke kaw û nazik dertê û di ber dilê Nebo da tê, ku Nedîne wê eseyî para wî keve. Xort gava vedigere mal, dewsa holika xirabbûyî, qesireke bedew dibîne û Nedîne tê da li benda wî ye.

Derheqa hebandina çiyân da di hikyatên ermenîyan da jî derbaz dibin. Di hikyata ”Zara ku hevîr dixwe” da mêrxas ”...dibîne ku çiyayê wan qelişî, dergehkek vebû, kerîyê pêz xweber kişîya kete navê”²²².

Hebandina çiyân ji demên pûtperestiyê tê û tu eleqê wê bi xaçparêziyê, mehmediyê û dînên mayîn va tune.

Him warên êzdîyên Ermenîstanê, him jî yên navçeya Mûsilê çiyayî ne.

Hebandina kevîran, zîaran, şikevtan, ku ji dem û dewranên kevnare tî, heta niha jî bal kurdên êzdî hatine parastinê.

Êzdî bawer dikirin, ku ruhên xwe li çiya veşartine, dikarin derbazî nava kevîran, zîaran, şikevtan bibin û ji wir carek din veqerine warê xwe yê berê.

Rex gundê Cercerîsê navçeya Aparanê kevîrekî mezin hebû, ku êzdî jê ra ”Kevîrê Ardawid” digotin û ser wê baweriyê bûn, ku ew wargehê ruhê çiyê ye. Bi bawerîya êzdîyan ruhê çiyayê Ardawid gava hêrs diket, ji çiyê derdiket û dikete nava wî kevîrî.

Di navbera gundên Gelto û hêwirgeha Elegezê, ku li navçeya Talînê, komara Ermenîstanê da ne, di gêlî da çingil (koma kevîran) heye, ku rêwî wextê rex ra derbaz dibûn, her yekî kevîrek davîte wir û digotin: ”Derd û belayên me bide bêriyê (bela bike)”. Li rex wî çingilî şikevtek hebû, li wir, gorî şirovekîrîna bineciyê gundê Gelto Ayîb, xudêgiravî ruhên merivên neqenc dimînin, ku bi şev dibin gornepişîk, li ser rîya disekinin û merivan ditirsînin.

Nêzikî gundê Camûşvanê, navçeya Aparanê, ziyaretek heye, ku dîndar bona ji nexweşîyan xilaz bibin, kevîran davêjine hundurê ziyaretê.

Rêçên hebandina kevîran em di nav erf û edetên dawetê da jî dibînin. Berê, gava bûk dibirine mala zava, guhê birayê bûkê tim li ser wê bû, ku di dema jimalderxistinê, siyarkirinê û ber derê zavê peyakirinê merivên xêrnexwaz nêzikî wê nebin û xirabîyan nekin.

Karên xirabiyê hindava bûkê an jî zavê bi çend awayî dihate kirinê. Pîrên ku dijminaya mala bûkê an jî zavê dikirin, bona hêza zavê ya şeva pêşin bişkênin, ku zava nikaribe here ciyê xwe, nivîştên ”girêdanê” dikirin. Ji bo nimûne, gava bûk li hespê siyar dibû, wana bi surî kevîrekî biçûk dikirine orta zengûyan, ku ew kevîr di rê da bikeve û gazî Xwedê dikirin, ku zava jî bi kevîr ra bikeve erdê û ji mêranîyê bikeve²²³.

Gorî edetan êzdî bona qenckirina çavê nexweş, ser kincên paqij moriyên şîn an jî kevîrên ji ziyaretan anî didirûtin, tûşa çav da darda dikirin bona çav qenc bibe.

Berê hema bêje hemû êzdî zarên xwe yên nexweş nav kevîrên qulqulkî ra derbaz dikirin, an jî piştî wan dispartine kevîran û bi wê yekê va ser wê baweriyê bûn, ku zava nexweş teslîmî ruhên qenc dikin, ku ew wê biparêze.

Berpala çiyayê Araratê, nêzikî gundê Gelto kevîrekî tîk û req heye, ku jê ra ”Kevîrê beqîn” digotin. Ermenî û kurdên musulman ew kevîr hebandine. Derheqa wî kevîrî da lêgêndek heye, ku merivekî pûtperest dema rex wî kevîrî ra derbaz bûye, rastî çend dîndaran hatîye, silav daye wan û pîrsek li wan kirîye:

-Hûn di ku da diçin?

-Bal kevîrê beqîn, ziyaretê.

-Ez çûme wê ziyaretê, zanim ku zoraya wê tune.

Piştî wê gotinê ew di cî da dibe kevîr û risas, paşê ruhistî wî davêjine gêlî.

Di hikyata ”Ziyaret” da du ruhên qenc xwe di nav kevîr da vedişêrin û dema lazim bibe merivan ji belayê xilaz dikin.

²²¹ Ziyaret li navçeya Spîtakê.

²²² T. Navasardyan. Hikyatên ermenîyan yên gelêrî. Tîflîs, sal 1903, rûpel 3.

²²³ Emînê Evdal. Jina kurd di dema derebegiyê da, gorî nivîsên êtnografîyê û zargotinê. Yêrêvan 1948, rûpel 262.

Di hikyata "Dewrêş" da kevir diqelêşe, dibe du keran û horî-melekek ji navê dertê. Ew du çeng zêr dide Dewrêşê mêrxasê hikyatê û betavedibe (winda dibe). Dewrêş bi rê dikeve, tarî di ser da digire. Bona xwe ji êrîşên heywanên hov biparêze ew dikeve nava şikevtekê û xwe di qulçekî da diqincilîne, ji ber ku ji ruhên neqenc ditirse. Wê demê ji ruhên di şikevtê da dudu warguhêzî keçên kezî dibin, nêzîkî Dewrêş dibin û bi wî ra dibine nas. Li Dewrêş wisa tê, ku ew jinên rastî ne û bi dil û can dixweze bi wan ra bibe nas. Ew ruhên warguhêzî merivan bûne demeke dirêj Dewrêş mijûl dikin û Dewrêş diweste, bi xew ra diçe, radizê. Serê sibê Dewrêş bi pencên tavê yê pêşin ra hişyar dibe û li dora xwe dinihêre, ku tu kes tune û fêm dike, ku ew ruhên qenc bûn, hatin û çûn. Ew di şikevtê da mezelek dibîne, ji tirsan saw dikeve canê wî û dertê, direve, riya xwe berdewam dike.

Hebandina çiyar, keviran, zinaran, şikevtan li hemû janrên zargotinê da xuya dibin, di nav nifiran, gotinên pêşyan, dua û têderxistinokan da. Wek nimûne em çend nifiran bînin: "Bira kevir biqelêşe, tu bikevêyî", "Kevirê te biqulibe", "Kevirê Melekê Taûs li pey te be" û h.w.d.

Di wextê duakirinê digotin: "Kevirê rehmê bê hewara te".

Derheqa kevir da têderxistinokeke kurdî heye: "Ew çi ye diqelêşe, cin jê dertê?".

Hebandina keviran bal milletên Pişkavkazê jî heye, bal ermenîyan, gurcan, azirîyan û aşûrîyan.

Li Kaxête kevirên bi navê kal-kva (kevir-pîrik) hebûn û milletê pşav dora wî kevirî heyteholên dînî derbaz dikirin. Li herêma Têlavê bona zarokan ji kuxikê qenc bikin, ji kenarê çemê Alazanê kevirên biçûk yê di rengê tarî da hildidan, qul dikirin, têt têt ra dikirin û ji situyê xwe va darda dikirin²²⁴.

Gorî êtnograf Y. Lalayan nêzîkî gundê Axnaxê, navçeya Varandayê, komara Ermenîstanê kevirê terikî hebû, ku ji zinarekî qelişbû û jê der bûbû, paşê gilol bûbû, gihîştibû gund, lê zirar nedabû tu kesî. Navê wî danîbûn "Kevirê pok", ango kevirê qelişî-qetîyayî. Bona binecîyên gund ew war bûbû ziyaret, jinên ku zaro nedianîn, sê cara têt dora wî kevirî dipêçan, paşê ew têt dibirin gore çê dikirin, dikirine pê, bona zaran bînin²²⁵.

Di nav erf û edetên êzdîyên Şengalê da heyteholên dînî yê bi hebandina keviran va girêdayî pircûre ne. Dema dewatê zava kevirên biçûk li serê bûkê dixist, bona di paşdemê da jîyana wan ya teyayî aşt û bextewar derbaz bibe²²⁶.

Him êzdî, him jî ermenî, fariz, ereb û ûris ser wê bawerîyê bûn, ku pareke kevirên li ser erdê ji ezmanan ketine, ji ber wê jî ew kevirên ziyaretî ne.

Hebandina keviran di dinya musulmanîyê da jî heye. Gorî erf û edetên ereban kevirê Mekkayê yê reş jî ji ezmanan ketîye û bûye cîyê ziyaretê. Lema jî salê bi sedan hezaran kes diçine ber wê ziyaretê. Dîndar ber wî kevirî qurbanan didin, heft caran dora wî kevirî dizivirin û niçên wî dalêsin²²⁷.

Xwesma êzdîyên gundên Hesencano, Emençayîrê, Şîrînkoyê, Şatrozliyê, Eylâ Sinco û gundên mayîn (herêma Dîgorê, qezaya Qersê) pir bawerî bi keviran dianîn. Wana nexweşên xwe dibirin serê çiyayê Kolik, li wir bi keviran sengereke dorpêçayî û sûrkirî hatibû çêkirinê. Êzdî nexweşên xwe heft caran dora kevirê wî çiyayî difitilandin û digotin: "Nexweşê me xilaz bike". Pişt ra qurban didan.

Bawermendîyên hindava keviran, çiyar, şikevtan, zinaran ji demên buhurî yê kevinare têt û bi bawerîya êzdîyan ew warên ruhên pêşiyên wan bûne.

²²⁴ G.F.Çûrsîn. Erf-edet û bawermendîyên gelên kaxêti. Nivîsên Beşa Kavkazê ya hevaltîya erdnîgarîyê ya Împêratorîya Rûsîyayê, kitêb 25, Tîflîs, sal 1905, rûpel 64.

²²⁵ Y.Lalayan. Varanda, Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê, Tîflîs, 1897, rûpel 188.

²²⁶ Y.S.Karsêv. Berevoka gotaran, rûpel 260.

²²⁷ A.Krîmskî. Dinya Mehmedîyê û paşeroja wê. Vaxarşapat, sal 1906, rûpel 18.

Культ гор, пещер и камней

В курдских верованиях заметное место занимает культ гор, скал, пещер и камней корни которого исходят из периода первобытного общества.

В прошлом основная часть курдов Армении вела кочевой и полукочевой образ жизни. Главным образом большую часть года они со своими стадами проводили в горах на кочевьях. Для них эти места кочевья в горах читались МСКАНОМ.²²⁸

Курды не представляли свою жизнь без чистого воздуха, родников и пышного разнотравья. Горы со своими родниками с кристально чистой водой придавали им силы, вдыхали в них жизнь. Такими живописными горами в Армении считались Арагац, Бозутлу, Ардауд, Ара. От этих гор зависел окончательный результат хозяйственной деятельности курдов, пасших там свои стада, и поэтому, сообразно их мышлению, эти горы воспринимались ими как пристанище духов и душ.

Среди окружающих Апаранский район гор выделяется гора с названием Ардауд, которую курды-езиды почитают с благоговением. Согласно рассказу жителя с.Алагяз Апаранского района Адаме Слто, данное название горы "Ардауд" не местное, гора с таким названием находилась в Айнтабском районе /Турция/. После того как езиды бежали из Турции в Армению и поселились в горах Цахкуняц Апаранского района, то там они увидели гору, похожую на ту гору в Айнтабе с такой же природой и растительностью и прозвали ее "Ардауд".

Согласно существующему преданию, езиды во время переселения из Айнтаба, по велению Малакетауса с собой увели также духов этой горы, дабы не остаться без их покровительства.²²⁹

В прежние времена, чтобы отвести от себя болезни и невзгоды, езиды раз в год поднимались на вершину Ардауда для совершения обряда жертвоприношения. Кроме того, они выкапывали там небольшие ямки и закапывали старые и новые монеты в качестве пожертвования в честь духов горы. Кража этих монет считалась непростительным грехом.

Езиды почитали также гору Бозутлу в Талинском районе. Ранней весной поднимались на вершину этой горы для совершения обряда жертвоприношения и других ритуалов в честь духов в надежде на богатый урожай.

У езидов и других соседних народов почитание гор связано также с определенными весенними праздниками. У курдов и персов связующим праздником был Навроз. В дни праздника курды-езиды поднимались в горы, исполняли там разные обрядовые действия, надеясь, что это поможет им вырастить хороший урожай. На вершине горы они размещивали немного земли с водой и этой болтушкой окропляли больного ребенка с целью изгнать болезни из его тела. Причем, в этот момент возле ребенка стоял шейх, который, молясь, просил духов гор о том же.

Испеченный в честь Навроза /Нового года/ кулич (Кюџа серê салê) разрезали на куски и раздавали паломникам.²³⁰

Предметом почитания езидов была также гора Ара, на вершине которой находится святилище святого Оганеса. Этой горе поклонялись армяне, но в дальнейшем ее стали почитать и курды-езиды. Паломники, в том числе и верующие езиды, весной в день праздника Вознесения поднимались на вершину горы, принося с собой жертвенных

²²⁸ Мскан - собирательное название места с разнотравьем и родниками. Оно одновременно считалось и местом отдыха. Буквально означает также родину, страну, местожительство, местопребывание, обитель.

²²⁹ Со слов жителя Алагяз Апаранского района Лезо записал автор в 1952г.

²³⁰ В честь Навроза 8 марта выпекали кулич, в который заранее закладывали синюю бусинку. Потом кулич разрезали на равные части и раздавали. Считалось, что тот, кому попадет кусок с бусинкой, проживет жизнь в богатстве и счастье.

животных и птиц для исполнения обряда жертвоприношения. Здесь была пещера, скрывающая от глаз могилу святой Варвары. По стенам пещеры медленно стекала вода.

После окончания обряда жертвоприношения паломники набирали в посуду стекающую по стенам пещеры воду, которой поили страдающих разными недугами родных и протирали глаза тем, у кого они болели. Затем к стенам пещеры прикрепляли свечи. Верующие, целуя землю, поочередно входили в пещеру святой Варвары и у ее надгробия, возле которого стоял священнослужитель и молился, делали денежные пожертвования.²³¹

Восхождение армянами и езидами на гору Ара в честь Вознесения, обряд жертвоприношения и прочие ритуалы, совершаемые по поводу этого праздника, надо связывать с пробуждением природы. Весной природа просыпается от зимней спячки, взбадриваются люди и животные. Говоря о культе Ара Прекрасного среди армян Гр.Габанцян пишет: "Еще с древних времен армянин в своем Ара продолжает видеть весну, оживание природы, новую плодотворную жизнь и надежду".²³²

В курдском фольклоре культ гор отражен наиболее ярко. В сказке "Надине" двое любящих сердец из-за принадлежности к разным сословиям не могут соединить свои судьбы. Тогда влюбленный юноша по имени Набо обращается за помощью к духу горы Галтахчи.²³³ Придя к горе он вдруг увидел, как гора расколовшись, раскрылась, и из ее недр появилась добрая фея, которая успокоила взволнованного Набо и уверила его, что Надине обязательно будет принадлежать ему. Возвратившись домой, юноша на месте своей старой ветхой хижины обнаружил роскошный дворец, где его встретила красавица Надине.

Култ гор своими корнями восходит к языческому периоду и никакого отношения к христианской, мусульманской и другим религиям не имеет.

Места проживания курдов-езидов в Армении и Мосульском уезде /Ирак/ представляют собой горную каменистую местность.

Связанные с камнями, скалами и пещерами верования и их почитание у живущих в подобной среде обитания людей тянутся еще со времен первобытного общества, пережитки которых у езидов сохранились по сей день.

Езиды верили, что скрывающиеся в горах духи способны вселяться в камни, скалы, пещеры и каменные кучи. Восточнее от с. Джарджарис Апаранского района лежит огромный валун, который езиды называют "Камень Ардауда" (Kevirê Ardaûd). Они верили, что он служит для горного духа пристанищем. По утверждению езидов дух Ардауда при гневе выходит из горы и вселяется в валун.

В ущелье между селом Гялто и железнодорожной станцией Арагац Талинского района есть каменная куча, в которую каждый прохожий бросает по камушку и приговаривает: "Избавь нас от бед и печалей"(Derd û belê me belake). В том же ущелье на расстоянии нескольких шагов от упомянутой кучи из камней торчит наполовину утопленный в землю валун, в котором по словам местного старца Айби живут души плохих людей. Ночью их души превращаются в разоряющих могилы шакалов, горнапшиков, выходят на дороги и начинают пугать путников.

Недалеко севернее от села Малый Джамышлу Апаранского района находится святилище. Верующие приходили туда, подбирали с земли маленькие камушки и бросали во внутрь святилища в надежде исцелиться от болезней. Следы культа камня отслеживаются и в курдских свадебных обрядах.

В прошлом в день свадьбы при выводах невесты из отчего дома для отправки в дом жениха, ее брат внимательно следил, чтобы во время посадки его сестры на коня и высаживания уже у порога жениха никто из враждебно настроенных лиц не приблизился к

²³¹ В 1946г. сам автор, Амине Авдал, участвовал в этом паломничестве.

²³² Г.Габанцян, Култ Ала Прекрасного, Ереван. 1945г., стр.167 (на арм. яз.)

²³³ Святое место в Спитакском районе.

ней и не совершил злонамеренных действий. В отношении невесты и жениха порой совершались действия якобы для наведения порчи. К примеру, скажем, некая враждебно настроенная старуха, чтобы лишить жениха мужской силы в брачную ночь, прибегала к наведению порчи, а именно: в момент усаживания невесты на коня для отправки ее в дом жениха эта старуха брала несколько камушек и незаметно перебрасывала их через стремя и одновременно молила бога, чтобы заодно вместе с камушками на землю упала и сгнула и мужская половая сила жениха.²³⁴

По обычаю езиды с целью "исцеления" больного, страдающего глазными заболеваниями, посещали святые места, подбирали там мелкие камушки, зашивали их в лоскуты чистой ткани и привязывали к голове больного таким образом, чтобы этот мешочек с камушками прикрыл больной глаз, веря, что это приведет к исцелению.

В прежние времена почти все езиды приводили своих больных детей к большим валунам с природным отверстием, заставляли их пройти через это отверстие или прислониться спиной к камню. Этот ритуал означал, что они передают своих детей под покровительство добрых духов.

На южной стороне Арагаца в трёх километрах восточнее от с.Гялто Талинского района есть один стоящий торчком камень с названием "Кавре бакин" /Лягушачий камень/, который почитался армянами и курдами-мусульманами.

Бытует легенда об этом священном камне "Кавре бакин", в которой говорится, что как-то никудышный и беспутный человек, проходя мимо этого камня, встретил паломников, поздоровался и спросил, куда они путь держат, на что последние ответили

-Идем к священному камню "Кавре бакин".

-Я там был,-говорит он , - никакой силы в этом камне нет.

Как только он произнес слово последнее "нет", вдруг он окаменел и превратился в истукана, а духи сбросили его в пропасть.

В сказке "Зиарат" /"Святилище"/ два добрых духа прячутся в камне, которые в случае необходимости выручают попавших в беду людей.

В сказке "Давреш" повествуется о том, как скала раскалываясь, превращается в пещеру, из которой появляется гурия небесной красоты. Она одаривает героя сказки Давреша двумя горстями золота и мгновенно исчезает. По дороге Давреша настигает ночь. Чтобы спастись от диких зверей он забирается в пещеру и в уголке сворачивается калачиком, дрожа от страха, потому что помимо всего он боялся также духов. Через некоторое время, откуда ни возьмись в облике двух зрелых девушек появились духи пещеры, которые подошли к нему и познакомились. Даврешу казалось, что перед ним стоят две реально существующие девушки и потому с радостью познакомился с ними. После долгой беседы Давреша одолел сон, и он крепко заснул. Утром он проснулся с первыми лучами солнца, оглянулся вокруг, но никого не обнаружил. И только тут он понял, что вечером с ним на самом деле в облике девушек разговаривали добрые духи.

Культ гор, скал и пещер не менее ярко отражен в таких фольклорных жанрах, как пословицы и поговорки, а также в загадках, молитвах и проклятиях. Например, проклиная кого-то, езид говорит: "Пусть камень расколется и проглотит тебя" (Bira kevîr biqelişe, tu bikevî), "Да перевернется твой камень" (Kevîrê te biqulube) или "Да сразит тебя камень Малакетауса" (Kevîrê Melektaûs pey tera) и т.д.

Во время молитвы езиды упоминали также ЗИАРАТЫ (святилища), святые места, где и находились почитаемые камни. Молясь, обычно говорили: "Да поможет тебе милостивый камень" (Kevîrê rehmê ali te bike). О камне есть одна курдская загадка, которая звучит следующим образом: "Что это, она раскололась и из него вылез джинн?" (Ewa çîye diqelişe, cin jê dertê?)

²³⁴ А.Авдал. Курдская женщина в патриархальной семье. Ереван. 1948г.

Почитание камня является характерным обычаем и для народов Закавказья - армян, грузин, азербайджанцев и ассирийцев.

В Кахетии были камни КАЛ-КВА /камни-бабушки/, вокруг которых пшавы совершали определенные обряды. В провинции Телави, чтобы избавить ребенка от кашля, с берегов реки Алазани собирали мелкую гладкую гальку темного цвета, проделывали в них отверстия, нанизывали на нитки и вешали им на шею.²³⁵

По свидетельству этнографа Е.Лалаяна, у села Агнах в Варанде лежала отколовшаяся от скалы каменная глыба, которая отколовшись, полетела вниз и покатила до самого села, однако никакого вреда никому не причинила. Эту глыбу называли "Отколовшийся камень". Для жителей села это место было святым, а сама глыба являлась предметом поклонения. Бесплодные женщины приходили к этому камню, трижды обматывали его нитками, затем разматывали и уносили домой. Из этих ниток они потом вязали себе носки и надевали на ноги, надеясь, что смогут забеременеть и родить ребенка.²³⁶

Применение магических ритуальных действий, связанных с культом камня, находили красивое воплощение в обычаях курдов-езидов Снджара. Так, во время свадебного обряда жених посыпал на голову невесты мелкие камушки как залог их будущей совместной спокойной и мирной жизни.²³⁷ 120

Как езиды, так и армяне, арабы, персы и русские думали, что часть камней на земле упала с неба, и поэтому считали их священными.

Куль и освящение камня имели широкое распространение и в исламском мире. По арабским преданиям, одним из таких камней является черный камень в Мекке, поклоняться которому туда ежегодно стекается огромное число паломников. У священного камня паломники совершали обряд жертвоприношения, семь раз обходили его, и прикладывались к нему.²³⁸

Глубокая вера в силу камня существовала среди езидов сел Яманчаир, Ширинкой, Шатрозли и Айла Сындржо Тегорского района Карской области. Жители этих сел приводили своих больных на вершину горы Колык, семь раз водили больного вокруг священного камня и произносили: "Спаси нашего больного" (Nexweşê me xilazke). Вслед за этим приступали к обряду жертвоприношения.

Отсюда можно прийти к выводу, что культ гор, пещер, скал и камней, которые по представлениям езидов являлись обителью духов и душ их предков, восходит корнями к глубокой древности.

13. Hebandina Royê

Ro him bona merivan, him jî bona heywanan û hêşinayê hêza here xurt û pêwîst e.

Êzdî ji tavê ra dibêjin **Ro** an jî bi erebî **Şems**.

Bawerîya Royê di nav êzdîyan da ewqas bingeh girtîye, ku ji wan ra digotin **Miletê Şems**, ango merivên ku pey Royê diçin an jî lawên Royê.

Gorî êzdîyan, bêy Melekê Taûs Ro tune û bêy Royê Melekê Taûs tune, ji ber ku Ro çavekî Melekê Taûs e, ku li dinyayê dinihêre û emir dide wê. Lema jî êzdî dibêjin: "Çavê Melekê Taûs li te be".

²³⁵ Г.Ф. Чурсин, Народные обычаи и верования кахетинцев,- Записки Кавказского отд. Императорского русского географ. общества,-КН» 25, Тифлис, 1905г.. стр.64

²³⁶ Е Лалаян, Варанда, ЭЖ. г.Б.. Тифлис, 1897г., стр.188

²³⁷ Ю.С.Карцев, УК. соч..., стр.260

²³⁸ А.Крымский, Мусульманский мир и его будущее, Вагаршапат, 1906г.с.18 (перевод с арм. яз.)

Hebandina Royê bal ermenîyan jî belavbûyî bûye: "Ermenîyên Roperest jî hebûn... hinekan bi ermenkî digotin **Roparêz**, hinekan jî **Lawên Royê**... û Ro di kîjan alî da biçûya, berê xwe didane wî berî û dua dikirin..."²³⁹.

Di gundê Pampa Kurdan da, li navçeya Aparanê, qebîleke êzdîyan heye, ku beşeke wan li gundên din diman. Ew qebîla Şemsikan bûn, ango qebîla Roperestan, an jî Roxuliqîyan. Pêşîyên wana ji der û dorên çemê Feratê mihacirî Entabê bûbûn, lê di dema şerê Rûsîyayê-Tirkîyê yê di salên 1877-1878an da ji dest zordestîya tirkan mihacirî Ermenîstana Rohilatê bûne.

Tiştêkî bawerkirinê ye, ango nêzikî aqilan e, ku evana pêşîyên êzdîyan e û derheqa vê yekê da X.Alişan nivîsiye: "Heta niha li der û dorên Mêsopotamîyayê dînek heye, ku tê da êlêmêntên pûtperestîyê, xaçparêzîyê û îslamê hene, lê ew ji kîjan milletî ne, ne belî ye"²⁴⁰.

Di mîtologîya farizên kevin da Xwedayê Royê Mîtra bû. Di nav êzdîyan da jî rêçên hebandina Xwedayê Royê hene. Êzdî nûnerê dînî yê herî mezin ra **mîr** dibêjin. Êzdîyên Şengalê heta niha jî ji serekê dînê xwe ra **mîr** dibêjin. Bi wî navî eşîret û malbet hene. Binecîyên gundê Mîreka Biçûk li navçeya Aparanê hemû ji berekekê bûn û wana ji bereka xwe ra digotin "Mala Mîra", lê navê gund Mîrek bû. Di nav êzdîyan da navên Mîro û Mîran gelek belavbûyî ne.

Hebandina Royê bal gelek milletên cihanê heye. Hindên Amêrikayê Ro dihebandin û bona Royê qurban didan. Gorî bawerîyên wan zarên mala qiralan gerekê dîna xwe nedana Royê, ji ber ku wê navê qiralîyê li ser wan rabûya²⁴¹.

Ev bawerî bi awayên cuda-cuda di nav êzdîyan da jî hebû, bal êzdîyan jî, ji bo nimûne, dema Ro diçû ava, zarê dervedixistine der va, lê eger ew der va bûya, gerekê li Roya tarî di ser da hatî nenihêriya, ji ber ku ser wê bawerîyê bûn, ku ew zar wê di paşdemê da di şer da şehîd bibe.

Bi bawerîya êzdîyan desthilata Royê li ser Siteyrkan û Hîvê hebû û dema diçû ava, xwe di piş çiya xwe vedişart bona rê bide Hîvê.

Êzdî gava silav didine hev, dibêjin "Roja te bi xêr", gava sond dixwin, dibêjin: "Ez bi vê Royê kim", "Ez bi vî Şemsî kim" û h.w.d.

Bona bigihîjine armanca xwe, êzdî wa dua dikirin:

*"Heq Şemsê minî kerem
Tu li me bêyî rehmê
Min xilazkî ji qedê demê
Me bigihîni mirazê me"*

Berî duakirinê êzdî heyteholeke wa dikirin: berî ku Ro nedîr bide, ser çavên xwe can dikirin (dişûştin), ji malê derdiketin, berê xwe didane rohilatê, bi destê xwe yê rastê rîyê xwe tîmar dikirin û digotin: "Ya Şems, tu komekê bidî me". Kesên ku zarên wan tunebûn, hîvî ji Şems dikirin, digotin: "Ya Şems, tu ewledekî bidî me". Merivê belengaz û destteng ji Şems dixwest ku rewşa wî ya aborî xweş bibe, kesên nexweş cansaxî û qencbûn dixwestin.

Gava nifir li hev dikirin, digotin: "Şems belayekê ji te ra bîne".

Gava Ro tarî dibû, êzdîyan digotin, ku wê şer bibe.

Êzdî gava mezêl dikolan, ji rohilatê dest pê dikirin, paşê ber bi roava diçûn, ango berê kesê mirî gerekê li Royê bûya. Ew yek li Şengalê (navçeya Mûsilê) jî wisa bû²⁴².

Yek ji kesên ruhanî bal êzdîyan dihate binavkirinê "Şêxê Şemsan". Ango, şêxên bawerîya wan bi Şems hebû. Ewana her sal gund-gund digerîyan û qurbana Şems berev dikirin. Çend kesên ruhanî yê ji malbeta Şêxan, ku Şemsanî ne, niha jî li gundê Camûşvana Biçûk, li navçeya Aparanê dijîn, carna kalên dîndar ew vedixwînin û qurbanên Şems didine wan.

²³⁹ X.Alişan. Bawermendîyên ermenîyên kevnare an jî dine ermenîyan yê pûtperestîyê. Vênêtik, 1910, rûpel 85.

²⁴⁰ X.Alişan, di eynî berhemê da, sal 1910, rûpel 104.

²⁴¹ D.Frêzêr. Berevoka nivîsan, çapa 4an, rûpel 126.

²⁴² Y.S.Karsêv. Berevoka nivîsan, rûpel 27.

Hebandina Royê hema bêje bal hemû miletan hebûye. Di Yûnanistana kevin da serê sibê, nîvro, firavîne, heta li civînan, berî civînan berî gişkî dua li Xwedayê Royê – Atênas û Xwedayê Ronahîyê û Bedewîyê Apolon dikirin²⁴³.

Ro bingehê bawermendîya dîne pûtperestîyê ye. Di lêgêndên Farizistanê da, di gotinên pêşîyan da, metelokan da û janrên folklorê yên mayîn da Ro wek ruhber, wek Xweda, Xwedayê heyetîyê - Mîtra tê ber çavan, ku haya wî ji her tiştî heye, zane ku di cihanê da, di nav jîyana merivan da çî diqewime. Di gotineke pêşîyan ya îranîyan da tê gotinê: "Ro zane, ku kesê cêribandî nikarî bicêribîn". Fikireke wa di nav folklorê kurdan da jî heye.

Bal êzdîyan Ro di bawermendîyên dînî da wek tiberk tê hebandin.

Şêxê êzdîyan bona merivan jî nexweşîyan xilaz bike, bi dareke batînî va li serê kesê nexweş dixist û digot: "Ya Şemsê min, tu vî nexweşî xilaz bikî". Şêx bona merivên belengaz, destteng û kesên ku dixwezî bigihîjîne mirazê xwe dua dikirin û qurban didan.

Gorî lêgênda êzdîyan ya bi navê "Roj û Hîv" Ro keçikeke kezî û rindik bûye, lê Hîv xortekî tûre bûye. Ew xort rojekê jî nav baxçe ra derbaz dibe û dibîne, ku keçikek li ser çiqilê darê rûniştîye û digirî. Xort nêzikî wê dibe, jê dipirse:

-Tu çima digirî?

-Min bêriya te kirîye, tu çima her ro nayêyî bal min,- keçik dibêje û ji hêsan destê xwe yê rastê dixê nava herîyê, derdixê û sîlekê li sûretê xort dixê. Lema jî li ser rûyê Hîvê xet û xal hene, ew wek Royê ronayî nîne, şewqê nade.

Fikirên ha yên derheqa Royê da bal gelê gûrîyan jî heye û gorî wan Ro piştovanê merivê mirî ye.

Di qewileke êzdîyan da derheqa heyetîya Şems da ha tê gotinê:

Şemseddîne li ezmanan

Ew tunîne xan û mane

Ew digere hemû cîyane

Ew dîyar e li hemû cîyan e

Komekdara dilqê merivan e.

Wek em dibînin, di qewilan da Ro bûye Xweda, hêza wî hema bêje weke hêza Melekê Taûs e.

Ango, bal êzdîyan Şems di nav hemû Xwedayan da piştî Melekê Taûs yê herî bi hêz, bedew e, ew jî cihanê ra bextewarî, dildarî, ronahîyê tîne, ew sîmvola hebûnê, bextîyarîyê û şabûnê ye.

Di nav bawermendîyên êzdîyan yên dînî da Ro ser her tiştî ra ne. Heytehol û qurbandayînen bi Royê ra girêdayî ber ocaxa Şêxên Şemsan dihate kirinê.

Di bawermendîyên êzdîyan da Ro û Hîv carna bi dilqê merivan va xuya dibin. Gorî êzdîyên navçeya Talîne, komara Ermenîstanê, ew xûşk û bira ne. Gorî kurdên Laçîne, Ro husulcemalek e, ku bi pencên xwe va merivan dike nava heyecanekê. Hîv mêr e, mêrê Royê ye, lema jî rûyê wî wisa bi mirûz e û li ser xet û xal hene²⁴⁴. Bal ermenîyên Cavaxkê derheqa Royê û Hîvê da lêgêndeke wa heye: "Ro keç e, Hîv xort e, gava rastî hev tên, Hîv xwe winda dike û tarî di se da tê"²⁴⁵.

Di bawermendîyên êzdîyan da ne tenê meriv, lê herwiha ruhên merivên mirî jî hewcê duayên wî bûn. Di dema rasthatin û silavdayîne da gotinên ku zêde dihatine bikaranîne, ev bûn: "Rehma Şems li ruhê dê û bavê te be". Ewana wisa bawer dikirin, ku piştî mirinê jî bawerîya bi Şems gerekê di ruhê kesê mirî da bijîta.

²⁴³ Îstorîya rêlîgî (Dîroka dîn, bi rûsî). Moskva, 1909, rûpel 53.

²⁴⁴ G.F.Çûrsîn. Azêrbaydjanskîe kurdi (Kurdên Azîrbêcanê, bi rûsî) – Malûmatnameya Înstîtûta Kavkazê ya Dîrokî-arkêologîyê,- Tîflîs, 1925, cild 3, rûpel 15.

²⁴⁵ Y.Lalayan. Cavaxk. Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê. Kitêb D, Tîflîs, sal 1897.

Bawerîyeke wisa bal gûrîyan hebû. Roya ku diçe ava, demekê şewqê dide ser çiya û banîyan. Ji wê Royê ra gûrîyan digot "Roya rehmetlêbûyîyan"²⁴⁶.

Bi bawerîya êzdîyan Şems di nav erş û ezmanan da bi faytona hespan va digerîya. Bawerîyeke wisa bal gelek miletên Rohilatê heye.

Li Farizistanê hespên wan faytonan ra digotin "Hespên Royê".

Di bawermendîyên ermenîyan da Ro xwedîyê faytona bi çar hespan bû²⁴⁷.

Wek em dibînin, di nav bawermendîyên ermenî û farizên kevinare da, bal kurdan û gelek miletên mayîn Ro bûye Xwedê û ev yek di mîtologîya kurdan da cî girtîye.

Культ Солнца

Солнце для людей, животного и растительного мира является главным источником жизни на земле. Солнце курды-езиды называют РО или ШАМС по-арабски. Культ солнца настолько укоренился среди езидов, что они стали называть себя МЕЛАТЕ ШАМС /Народ солнца/, иначе говоря, солнцепоклонниками.

По мнению езидов, солнцу без Малакетауса не существовать, и наоборот, Малакетаусу без солнца не быть, потому что солнце - это око Малакетауса, которым он зрит на мир и дарует ему жизнь. Упомянув Малакетауса, езиды говорят: "Да присмотрит за тобой око Малакетауса" (Çavê Malakêtaûs li te be).

Культ солнца имел широкое распространение и в верованиях армян: "...Были армяне - солнцепоклонники... на языке Айказуни и армянском звались они солнцепоклонниками и детьми солнца... и в какую бы сторону не двигалось светило, они чтили его и поклонялись ему".²⁴⁸

В деревне Курдский Памп обосновалось одно езидское племя ШАМСИКА. т.е. "солнечные" или "зачатое солнцем поколение", представители которого проживали и в других селениях. Предки шамсиков мигрировали в Айнтаб с берегов Фарата /Ефрата/ из Месопотамии, а в период русско-турецкой войны 1877-78г.г. в результате гонений со стороны турецких властей, они в дальнейшем, благодаря русским, взявших их под свое покровительство, перебрались из Айнтаба в Апаранский район в Восточной Армении.

Вероятно, они и были предками тех езидов шамсика, о вероисповедании которых в своей книге Г. Алишан писал: "До сих пор в Междуречье некие сектанты Шамси, называемые солнечными, исповедует смешанную с языческим, христианским и мусульманским религиями веру, но о происхождении их нации ничего не ведомо. Они говорят на местном наречии, а в краях Кахзвана на территории земель армянских их называют "Ареворди" - детьми солнца."²⁴⁹

В мифологии древних персов богом солнца являлся Митра. Среди езидов тоже сохранились следы поклонения божеству солнца. Наделенного большой властью человека езиды называли МИХР или МИР /эмир/, а в Снджаре и в наши дни своего религиозного предводителя они называют МИР. Именно из этого корневого слова произошли названия племен, селений и собственных имен. Население села Малый Памп Апаранского района в основном состояло из представителей одной родословной группы,

²⁴⁶ Т.Мамаладзê. Erf-edet û bawerîyên gûrîyan. Berevoka nivîsan bona dîdemkirina war û cîyan û eşîretên Kavkazê. Çapa 17an, beş 2, Tîflîs, sal 1893, rûpel 115.

²⁴⁷ Н.Мнасакянан. Rêçên bawermendîyên Roperestîyê di Ermenîstanê da, gorî heykelên ji tûnc (bronz) çêkirî. Mûzêya Dîrokê ya Dewleta Ermenîstanê, cild 1, Yêrêvan, sal 1948, rûpel 85.

²⁴⁸ Г.Алишан. Древние верования или языческая религия армян, Венетик, 1910г. стр.85 (перевод с арм. яз.)

²⁴⁹ Г.Алишан. Древние верования или языческая религия армян, Венетик, 1910г. стр.104 (перевод с арм. яз.)

которые называли себя МАЛА МИРА /Семейство мира/. Была и деревня с названием Мирак. Из имен собственных распространены были имена Мирон и Мирали.

Культ солнца присутствует в верованиях многих народов. Американские индейцы поклонялись солнцу и в его честь приносили в жертву животных. Согласно их верованиям, дети царствующих семей не должны были наблюдать за восходом солнца, в противном случае они могли лишиться своего положения и звания.²⁵⁰

Похожий взгляд существовал и у езидов, но в иных формах. Например, во время затмения солнца не разрешалось выводить детей на улицу, а если ребенок уже находился там, то ему запрещали смотреть на померкнувшее светило, потому что верили, что глядя на солнце он обрекает себя на гибель в случае если вдруг начинается война.

По мнению езидов солнце по отношению к луне и звездам занимает главенствующее место. После заката оно прячется за горами, уступая дорогу луне.

Здороваясь, езиды произносят: "Roja te bi xêr!" /т.е. "Да пребудет с тобой солнце", однако, обычно это выражение воспринимается как "День добрый"./ Принося клятву, говорят: "Клянусь этим солнцем" (Ez bi vî goêkim). Обвиненный в чем-то человек, оправдываясь, клялся в своей невинности словами: "Клянусь Шамсом, этого я не совершал" (Ez bi vî şamskim, min nekiryê).

Езиды в молитве об исполнении заветного желания, обращались к солнцу следующими словами:

*Heq şamsê min kereme,
Tu li me bêy reme,
Me xilazke ji dardê deme
Me bighîne mirazê me.*

*Шамс, ты вездесущ,
Будь ко мне милосерден.
Избавь меня от несчастий
И приведи к заветной мечте.*

Перед утренней молитвой езиды совершали следующий ритуал: они вставали еще до восхода солнца, умывались, выходили на улицу, становились лицом к востоку, правой рукой поглаживали себе подбородок и произносили: "О, Шамс, помоги нам!" (Ya şems, tu komekê bide me). Затем приступали к самой молитве.

Те, у кого не было детей, обращались к Шамсу с просьбой: "О, Шамс, вознагради нас дитем" (Ya şems, ewledekî bide me).

Бедняк просил у Шамса богатства, а больной - здоровья и т.д.

В случае проклятия, говорили: "Да нашлет на тебя Шамс беду!" (Şems belekî tera bîne).

По представлениям езидов, солнечное затмение считалось предвестником войны.

Могилу езиды, как правило, копали в направлении с востока на запад. При погребении тело опускали в яму лицом к солнцу. Все езидские могилы расположены в означенном порядке. Так описаны и погребальные обряды езидов Снджарского района Мосульского уезда.²⁵¹

Одна из духовных каст езидов в Армении именуется "Шехе Шамса", т.е. шейх - последователи Шамса, которые ежегодно обходят езидские селения и собирают пожертвования в честь Шамса - "Курбана Шамс". И в наши дни несколько представителей духовенства из касты Шехе Шамса проживают в с. Малый Джамушлу Апаранского

²⁵⁰ Дж.Фразер. УК, Соч. вып. 4, с. 126.

²⁵¹ Ю.С. Карцев, УК., соч.. с.27

района, которых верующие старики время от времени приглашают к себе в гости, щедро угощают и делают подношения в честь Шамса.

Куль солнца присутствовал в верованиях почти всех народов мира.

В древней Греции рано утром, на заре, или в полдень во время обеденной трапезы и вечером перед ужином, в том числе перед началом общих общественных собраний люди первым делом обращались с молитвами к богу солнца Атанасу и к богу света и красоты Апполону.²⁵²

Солнце в зороастрийской религии являлось её краеугольным камнем. В персидской мифологии, преданиях, пословицах и других жанрах словесности, солнце изображено как нечто живое или некое существо в облике Митры, который вездесущ и ему ведомо все, что творится на свете, а особенно в жизни людей. Персидская пословица гласит: "Солнце знает, что уже испытанного нельзя испытать".

Пословицы аналогичного содержания есть и в курдской словесности Езидами образ солнца был обожествлен религиозными верованиями. Для лечения людей от болезней один из шейхов брал в руку магический прут и бил им по голове больного, приговаривая: "О, Шамс, избавь больного от недуга!" (Ya Şemsê min , tu vî nexweşî xilazke). Чтобы бедняки и молодые люди достигли каждой своей мечты, шейхи прибегали к обряду жертвоприношения и чтению молитв.

Согласно езидской легенде "Рож у Хив", солнце было маленькой красивой девочкой, а луна - мальчиком. Они были влюблены друг в друга. Как-то, прогуливаясь в саду, юноша увидел девочку-солнышко, которая сидела на пенечке и рыдала. Юноша подошел и спросил:

- Почему плачешь?

- Я скучала по тебе, - сердито ответила девочка, - почему ты не каждый день приходишь ко мне?!

Сказав, она сунула правую руку в грязь и ударила юношу по лицу. Езиды считают, что именно поэтому луна от грязи светит тускло, и поверхность ее изрезана бороздами.

Согласно верованиям езидов в покровительстве Шамса нуждаются не только живые люди, но и душ умерших, живущие в загробном мире. Эта мысль заключена в словах, произносимых езидами во время приветствия друг друга при встрече: "Да пребудет милость Шамса с душами твоих родителей" (Rehma şems ruhê dê û bavê terabe). Езиды верили, что по милости Шамса душа покойного будет жить и после его смерти.

Похожее представление о солнце мы видам также у гурийцев, утверждающих, что солнце является покровителем душ умерших. Последние лучи солнца на закате еще некоторое время продолжают освещать горные склоны и вершины, и уходящее солнце Гурийцы называют "солнцем покойника".²⁵³

В одном из каулов езидов о сущности Шамса говорится:

*Şemsedîn li ezmana,
Û tunene xan û mala,
Ëw digere hemû cîana,
Ëw dîyara h'e'mû cîana.
Komekdara dil û meryane.*

*Шамсадин - он на небесах,
Нет ни дома у него, ни пристанища,
Кружит он повсюду, бывает везде.
Он знает все, ему всё ведомо,*

²⁵² История религии, Москва. 1909г., стр.58.

²⁵³ Т. Мамаладзе, Народные обычаи и поверья гурийцев, сборник мат. для описания мест.и племен Кавказа, вып.17. отд 2. Тифлис. 1893г. с. 115

Он благодетель людей и их сердец.

Как видим, в каулах образ солнца обожествлен, по своей силе оно приравнено к богу - Малакетаусу. Итак, Шамс у езидов по своей значимости после Малакетауса является самым милосердным, могущественным, красивым и благосклонным к ним божеством, олицетворяя собой символ гармонии, счастья, радости и светлого прозрения.

В религиозных верованиях езидов солнце освящено. Касающиеся этого верования ритуалы и обряд жертвоприношения в основном совершались у оджахов шейхов-шамсиков.

В езидских верованиях солнце и луна иногда изображены в облике человека. По мнению езидов Талинского района, они - сестра и брат. А по представлению курдов Лачина /Азербайджан/, солнце считалось красной девицей, чьи лучи восторгают и умиляют людей. Луна - это мужчина, является мужем солнца, и именно в этом причина того, что луна светит тускло и ее лик изрезан бороздами.²⁵⁴

Среди армян Джавахка о солнце и луне бытует следующая легенда: Солнце - это девушка, а луна - юноша, когда они встречаются, то луна теряет рассудок и тускнеет".²⁵⁵

По утверждению езидов, Шамс разъезжает повсюду на колеснице с запряженными конями. Подобное поверье существует среди многих восточных народов.

Запряженных в колесницу солнца коней персы называют "Кони солнца". И по армянским верованиям тоже светило имело колесницу с четырьмя запряженными конями.²⁵⁶

Как видим в религиозных верованиях древних армян, персов, курдов и других народов солнце обожествлено, что нашло свое отражение и в курдской мифологии.

14. Bawermendîya Hîvê

Gelek mîlet, di nav wan da mîletê kurd pir bawerîya xwe bi Hîvê anîne.

Bal yûnanîyên kevinare Hîv hatîye hebandinê bi navê Artêmîs, bal ermenîyan – Anahît, bal ereban – Alîdda. Bal êzdîyan tê binavkirinê wek Melek Ferxedîn.

Di lêgêndên kurdan da Hîv û Ro xûşk û birayên hev in, him jî jin û mêrên hev in. Xûşk himberî birê, lê jin himberî mêrê xwe kinêz²⁵⁷ bû.

Em ji van bawerîyên di hindava Royê û Hîvê da têne ser wê fikirê, ku di nav kurdan da di wextê xwe da serdestîya jinê hebûye.

Rêçên desthilatdarîya jinê bi awayekî geş di lêgênda "Madî û Qaso" da xuya dibe. Di wê da mêrxasên berhemê xûşk û bira ne. Ewana hewara xwe li Melekê Taûs dadixin bona alî wan bike ji dest zordestîya serekeşîr xilaz bibin. Melekê Taûs perr û baskan dide wan, ew difirine ezmanan û rojekê jî rastî daristanekê tên, li wir dihêwirin, salekê li wir dijîn û ji wan ra kurekî bedew dib²⁵⁸.

Kurdên navçeya Talînê ser wê bawerîyê ne, ku Ro û Hîv xûşk û birayên hev bûne, lê paşê zewicîne û ji wana steyrk û erşê ezmîn çê bûne.

Kurd bi dilekî fire û çavekî ron li Ro, Hîvê û Siteyrkan dinihêrin, ew ser wê bawerîyê ne, ku Melek Ferxedîn ji Hîvê xuliqîye, lema jî ji Hîvê ra dibêjin "Maka Melek Ferxedîn".

²⁵⁴Г.Ф.Чурсин,Азербайджанские курды, - Известия кавказского историко-археологического института, Тифлис. 1925г., т.3. с.15.

²⁵⁵ Е.Лалаян, Джавахк. ЭЖ, г.Д. Тифлис. 1897г. (перевод с арм. яз.)

²⁵⁶ Г.Мнацакянян, Следы солнцепоклонства в Армении.- Труды ГИМ, т.1. Ереван, 1948г., стр.85 (перевод с арм. яз.)

²⁵⁷ Kinêz bi farizî tê maneya qîz, keça eşîrê, malê.

²⁵⁸ Xudanê vê berhemê ev gotin ji zarê binecîya gundê Camûşvana Biçûk Horî wergirtîye û nivîsîye.

Di bawerîyên êzdîyan da Melek Ferxedîn ji Xwedayê Şîxadî xuliqîye, neferekî wê malê dihate binavkirinê wek Xwedayê rehmê. Êzdî ji bo Hîvê heyteholên dînî dikin, qurbanan didin. Gava ew li Hîva çardeşevî (Hîveron) dibînin, destê xwe yê rastê li sûretê xwe dixin û dibêjin: "Ya maka Melek Ferxedîn, tu li me bêyî rehmê".

Jina kurd bona zara xwe ya nexweş qenc bike, êvarê zarê dibir ber ronahîya Hîvê, berê xwe dida wê, digot: "Ya Hîveronê, tu dayka zarê yî, ez dêmarî me, vê zarê xilazke ji vî agirî". Paşê dê bûyareke dînî dikir: ew tilîya xwe ya beranî û tilîya kodalêsê bi hev ra dikir weke hîvê, datanî ser piştê zarê û wisa dibire mal.

Dema Hîveronê êzdî ji mal dertên, destên xwe li ser sûretê xwe ra dibin û tînin, lê bal kurdên musulman melle radibû ser minareyê û bi dengê bilind dikire gazî, ku Hîveron derketîye. Dîndar bi guhdar gotinên wî dibihîstin û bi dilekî baristan û bi hêvî li Hîvê dinihêrin.

Gorî êzdîyan, Hîv dixulîqe û dimire. Ew mehê carekê dixulîqe, lema jî êzdî ji bo bûyîna wê derdikevine ser banan, derheqa hatina Hîvê da elamî binecîyan dikin û şabûna xwe dîyar dikin.

Êzdîyên qezaya Qersê di wan deman da li rûyê merivên dewlemend dinihêrin, bona ew jî dewlemend bin, jinên ku zaro ji wan ra ne dibûn, hîvî ji Melek Ferxedîn dikirin bona zarekê bide wan.

Gorî gotina qewal Huseyn, êzdîyên Şengalê bi kilam û reqasan hatina Hîveronê pîroz dikirin. Ji wê reqasê ra dibêjin "Lîstika hîvê". Reqasên wisa bal miletên papûasan, korsîkîyan, albanan û yên mayîn heye. Gorî Bênsê, "Ji çiqilê Hîvê yê pêşin ra "Nor" digotin. Gava cara pêşin Nor dibînin, berê xwe didine warê duakirinê û xwe xaç dikin (hinekan hema ber Hîvê ser xwe xaç dikirin). Wana bawer dikir, ku piştî lênihêrîna Nor, dema tişteki teze didîtin, ew tim di ber çavên wan dima, lema jî wana piştî lênihêrandina Nor demeke dirêj li pereyan dinihêrin"²⁵⁹.

Roja ku Hîveron dîyar dibe, êzdî êvarê pez û dewar ji gom û tewleyan derdixin û hîvî ji Melek Ferxedîn dikin, ku pez û dewarên wan sitewr nebin.

Hîv herwiha mecala qenckirina nexweşîyan bû. Bona zaro nexweş nekeve, an jî bona qenckirina zara nexweş, ji kalan yekî perekî ji sifir hildida û dayka ku zar hilgirtibû, nêzikî wî kalî dibû. Kalê ku berê xwe li hîvê kiribû, bi meqesê ew pere dibirî, dikire wek hîvê, paşê ew bi mix qul dikir û ji piştê va bi kincên zarê va didirût. Ew pere gerekê tim bi kincên zarê va dirûtî bûya, heta ew digihîşt. Ew dihate hesibandîne wek hêzeke ku dikaribû dewsa hîvê bigirta.

Melek Ferxedînê êzdîyan, wek ku bal gelek miletan, dihate hesibandîne wek Xwedayê Hîvê. Êzdî dema behsa Hîvê dikin, berî her tiştî navê Melek Ferxedîn didin.

Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku Melek Ferxedîn piştî Melekê Taûs di cihanê da yê herî bi hêz û xurt e. Ew ne dîyarî çavan e û pir zor e. Eger Melek Ferxedîn hêrs bikeve, dikare siteyr û erşê ezmîn serûbinî hev bike, zirarê bide merivan, heywanan û şînkayê. Lê ew ji neqencîyê zêdetir yekî qenc û dilrehm e. Hîv di nav erş û ezmanan da dijî, lê ewledê wê Melek Ferxedîn di erşê ezmîn da digere, dengê hemû merivan û heywanan dibihê, hinek ji wana hîvî û lava ji wî dikin, ew jî daxazên wan digihîne diya xwe, dayka wî jî daxazên wan înkâr nake û bi tevayî alî kesên di tengasîyê da dikin. Lê ew kes, ku qedirê hîvê nagirin, ji alîyê Melek Ferxedîn da têne cezakirinê.

Gorî êzdîyan Melek Ferxedîn dihate hewara merivên di rojên teng da, xwesma desttengan, ew li ku bûna û kê bûna, rewşa wan xweş dikir.

Derheqa hebandina Hîvê da wek têlekî sor di lêgêndên kurdan da derbaz dibe. Bawerîyên kurdan hindava hêzên xurt yên di ezmanan da gorî cûrê jîyana xwe, ango xwelîbêcerkirinê û heywanxwedîkirinê ra hev hûnandî ne.

Kurd tarîbûna Royê û Hîvê bi wê yekê va şirove dikirin, ku qezîya û belayek wê biqewime. Gorî wan, an wê şer bûbûya, an wê heywan bihatana qirê, an jî ekinê salê wê kêmbûya.

Kurd ser wê bawerîyê bûn, ku ruhên neqenc diçûne ser Hîvê û Royê, bi siya xwe alîyekî wan digirtin, lema jî tarî di ser wan da dihat. Êzdîyan bona wan ruhên neqenc ji ser Hîvê dûr bixin, di erdê da perçeyên hesin çal dikirin, hesinê xaçkirî ji şêmîka xwe dûr dixistin, hûrikên hesin bi darekê va girê didan û di erdê da diniçikandin.

Bona xeta û bela di wan rojan da ji xwe dûr bixin, êzdîyan qurban didan û dua dikirin.

²⁵⁹ Bênsê. Di eynî berhemê da, rûpel 32.

Êzdî bona wê yekê qedirê Hîvê digirtin û bona wê qurban didan, ku ber dilê wan hêzên nebînayî da bête, ku li Hîvê hene û di nav wan da Melek Ferxêdîn jî hebû.

Derheqa bawermendîyên kurdan yê bi Hîvê va girêdayî heta îro kêmtîşt hatîye nivîsarê, lema jî ji bo me zehmet e derheqa hemû cûrên bawermendîyên di demên cuda-cuda da bi awayekî zelal û parzûnkirî bînine ber çavan.

Культ Луны

У многих народов, в том числе и у курдов, луна, как и солнце являлась одним из пантеистических элементов в верованиях. У древних греков луна почиталась под именем Артемис, у армян - Анаит, у арабов - Алидда. У езидов этим божествам соответствует Малак Фархадин, который в их мифологии занимает второстепенное место.

В курдских легендах луна и солнце изображены сестрой и братом, а иногда и супругами. Сестру по отношению к брату, а жену - к мужу езиды называют КНЕЗ /Заботливая/.²⁶⁰

Исходя из подобного представления о луне и солнце, можно прийти к выводу, что среди езидов некогда существовал матриархат. Признаки матриархата ярко отражены в курдской легенде "Мади и Касо" героиней которой, Мади и Касо, являются родными сестрой и братом. Подвергаясь постоянному преследованию со стороны своего родоначальника, они взывают к Малакетаусу о помощи. Малакетаус дарует им крылья, после чего они взлетают и долго кружат в небе. Но однажды они прилетают в некие края с тропическими лесами. После целого года проживания в этом лесу у них рождается прекрасный сын²⁶¹.

Курды-езиды Талинского района считают, что солнце и луна приходились друг другу сестрой и братом, но в дальнейшем они поженились, а звезды и созвездия были зачаты ими и произошли от них.

Курды взируют на солнце, луну и звезды на небе с неким загадочно-таинственным чувством, они полагают, что Малак Фархадина родила луна и поэтому ее называют "Мака Малак Фархадин" /Мать ангела Фархадина/.

Малак Фархадин в теологии курдов-езидов - это божественное порождение Мала Шехади /Дома Шехади/, является членом этого семейства и считается божеством добра. Езиды поклоняются луне и свое отношение к ней выражают исполнением магических ритуалов и жертвоприношением. Во время новолуния езиды глядят правой рукой лицо и произносят: "О, Мать Фархадина, будь к нам милостива" (Ya Maqa Ferxêdîn, tu me bêy gema).

В новолуние курдянка выводила своего больного ребенка во двор с молитвой на устах: "О, новая луна, ребенку моему ты - мать, а я ему - Мачеха, спаси его от этого недуга!" (Ya hîva nuh, tu dayîka zarêyî, ez damarîme, Vî zarî jî vî agirî xilazke). Затем мать ребенка совершала следующий ритуал: с помощью большого и указательного пальцев руки она изображала полумесяц, прикладывала к спине ребенка и вводила его домой.

В дни новолуния езиды обычно выходили на улицу, становились лицом к луне, сопровождая это ритуальное действие жестом, символизирующим омовение лица. А у курдов-мусульман священнослужитель поднимался на минарет и громко вещал о восхождении луны.

Езиды считали, что луна имеет свое рождение и смерть. Она рождается один раз в месяц. В ознаменование ее рождения езиды в первый день обновления луны выходили из

²⁶⁰ Кнез - перс. букв. " дочь племени, рода, семейства, клана.

²⁶¹ Записано автором со слов жительницы с.Малый Джамушлу по имени Хори.

своих домов, взбирались на холмы и устремляли взгляды в небо в ожидании появления обновленной луны.

У езидов Карской области существовал обычай - в день новолуния смотреть богатым людям в глаза в надежде, что это поможет им разбогатеть, а бесплодные женщины обращались с молитвой к Малак Фархадину дать им ребенка.

По свидетельству кавала Хусейна, езиды Снджара встречали новолуние с песнями и плясками. Эти ритуальные танцы назывались "Пляски луны" (*Lîstka hîvê*). Похожие ритуальные танцы в честь новолуния существуют также у папуасов, корсиканцев, албанцев и многих других народов.

Согласно наблюдениям Бенсе, у армян "первый рог новой луны называется "Нор" /новый/. Увидев Нор, люди шли в молельню и начинали креститься /некоторые крестились, встав лицом к луне/. Они верили, что после того, как они увидели Нор, все те предметы и вещи, которые попали в поле их зрения в скором времени в течении месяца достанутся им, и именно поэтому в надежде на это люди чаще всего старались останавливать свой взгляд на деньгах.²⁶² Вечером первого дня новолуния курды-езиды выгоняли весь свой скот на улицу и с молитвой обращались к Малак Фархадину с просьбой уберечь их животных от бесплодия. Считалось также, что луна якобы способна исцелять от болезней детей. Например, чтобы избавить своего ребенка от недуга, мать брала его на руки и приносила его к старцу, который ножницами вырезал из медной или серебряной монеты серповидную фигурку в виде полумесяца, проделывал гвоздем отверстие и пришивал к одежде больного ребенка со стороны спины. Эта серповидная монета должна была оставаться пришитой к его одежде до достижения им совершеннолетия. По мнению езидов, этот амулет заменяющий луну, считался волшебной и покровительствующей силой.

Езидский Малак Фархадин соответствует лунным божествам других народов. Поклоняясь луне езиды преимущественно упоминали имя Малак Фархадина и поэтому мать-луна, Мака Малак Фархадин, отодвигалась на второй план. Езиды считали, что самым могущественным божеством на небе после Шамса является Малак Фархадин, что он огромен и незрим, обладает всевозможными свойствами. В гневе он способен переворачивать планеты и звезды, причинять непоправимый вред людям, животному и растительному миру. В то же время он может быть великодушным и добрым. Сама луна-мать находится на небе, а ее сын Малак Фархадин путешествует по вселенной и слышит все голоса людей и животных, обращающихся к нему в молитве с разными просьбами. После этого обо всех людских просьбах и молитвах он сообщает своей матери-луне, которая вместе с ним оказывает всем всяческую помощь. Кроме того, Малак Фархадин строго наказывает тех, кто проявляет неуважительное отношение к луне.

По представлениям езидов, Малак Фархадин главным образом помогал беднякам, и делал это независимо от их местонахождения. Он содействовал, чтобы неимущие преодолели бедность и разбогатели.

Среди курдов всех видов вероисповедания затмение луны, равно как и солнца, воспринималось как знамение беды. По существующему суеверию, любое затмение связывали с началом либо войны, либо падежа скота, или ожиданием плохого урожая

Подобные представления у курдов исходят из их анимистических взглядов. Они считали, что в момент затмения на поверхности луны и солнца собираются демоны, которые закрывают собой их лики, и поэтому они тускнеют. Чтобы изгнать демонов с поверхности луны, езиды закапывали в землю куски железа или выбрасывали через порог своего дома на улицу металлическую подставку из под котла, а также к длинному деревянному шесту привязывали куски железа и втыкали его в землю.

При затмении луны езиды с целью предотвращения прихода зла совершали ритуальное жертвоприношение и неистово молились.

²⁶² Бенсе, упом. раб., стр.32

Жертвоприношение в честь луны совершалось с намерением умиловать ее и ее сына Малак Фархадина.

На сегодняшний день вопрос о культах небесных тел среди езидов изучен недостаточно, об этом написано крайне мало, а, следовательно, весьма сложно говорить обо всех их признанных в разные периоды времени формах.

15. Hebandina Siteyrkan

Kurdan taybetmendî û xusûsîyetên Siteyrkan fêr nedikirin, ji ber wê jî bi awayê xwe şirovedikirin. Wana ew Siteyrk hildibijartin, ku bi bedewî, rêzbûn û xwelivandina xwe va berbiçav diketin û ew dihebandin.

Ji ber ku kurd piranî bi heywanxwedîkirinê û xwelîbêcerkirinê va mijûl dibin, lema jî dema rêvebirin û pêşvabirina malhebûna xwe, bala xwe didin wan bûyeran, ku li erşê ezmîn diqewimin.

Yek ji wan Siteyrkên bi şewq tê binavkirinê wek "Siteyrka sibê", ku geş diçûrise û ji nîveka meha tebaxê destpêkirî, serê sibê li ezmanan dîyar dibe û tê hesabandinê wek nîşana bereketê. Hema ev siteyrk derdiket, xwelîbêcerkir dest bi karê xwe dikirin, hinekan xwe li riya rêwîtiyê digirtin.

Êzdî gava nêzîkî bax û bostanên xwe dibû, bona ekinekî bol bistîne, navê Melekê Taûs û Siteyrka sibê dida. Eger ewiran dor li wê siteyrkê digirt, wisa texmîn dikirin, ku wê salê ekin wê kêr be.

Şêx û koçekên kurdan di nav mirîdan da wek nûnerên hêzên batîni pêşda dihatin, digotin, ku siteyrka her merivekî heye û gava meriv dimire, ew siteyrk ji ezmanan dikeve.

Ev bawerî di nav gelek milletên cihanê da belavbûyî ye. Derheqa wê yekê da Yê. Lalayan dinivîse: "Bi bawerîya millet, her merivek xwedî siteyrkekê ye, dema wextê mirina wî nêzîk bibe, ew siteyrk wê bikeve û meriv wê piştî 40 rojan bimire"²⁶³.

Hebandina steyrkan bi awayekî fire di zargotina kurdan da derbaz dibe. Xwesma destana "Leyl û Mecrûm" balkêş e. Di vîrsyoneke wê da du dilên bengî di rûyê evîna bextreş da hildikişîne ezmanan, dibine siteyrk û salê carekê rastî hevdu tên.

Şemêya mîrxasa hikyata "Şemê", bona xwe ji dinya musulmanîyê ya tarî û kelemçekirî xilaz bike, dua li Xwedê dike, ku bimire û bi fermana Xwedê dibe siteyrk û hildifire ezmanan.

Nivîskar û helbestvan di berhemên xwe yên edebî da folklorê kurdî bi kar anîne. Mîrxasên destana "Anûş" ya şayîrê ermenîyan yê mezin Hovhannês Tûmanyân Anûş û Saro di rûyê evîna bedbext da dibine siteyrk, hildifirine ezmanan û salê carekê hev dibînin²⁶⁴.

Ji ber ku bi bawerîya êzdîyan her merivek di ezmanan da xwedî siteyrkekê ye, lema jî di dema dewatê bûk û zava di bin siteyrkan da digerlandin û govend digirtin û di wan deman da dayîkên bûk û zavê di ber xwe da dikirine ginegin û digotin: "Bira siteyrkên we di ezmanan da timê geş bibin".

Der va, di dema govendê merivên vexwendî qilîçka bûkê digirtin (wê demê zava dikete mala bûkê), di bin dengê def û zurnê çend deqe dilistin, paşê bi deng kilamên gelêrî digotin û di wan kilaman da fikirên hewaskar hebûn, wek vexwendîyan dua li siteyrkên ezmanan dikirin bona bûk û zavê ji qeza û belayê dûr bixin.

Di sitirana "Siteyr" da tê gotinê:

*"Siteyrno, siteyrno, siteyrê geş
Me binhêrin, me vê şayê*

²⁶³ Yê.Lalayan. Cavaxk, Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê, sal 1897, rûpel 196.

²⁶⁴ Hovh. Tûmanyân. Bervoka berhemên, Yêrêvan, sal 1940, cild 2, rûpel 71 (bi ermenî).

*Rehma we li ser bûk û zavê*²⁶⁵.

Di dema reqasê pîrejin destên xwe ber bi ezmanan dikirin û hîvî ji Melekê Taûs dikirin, ku siteyrka bûk û zavê herdem geş bimîne.

Bi bawerîya êzdîyan hemû siteyrk bi wan reqasan va şa dibûn, di nav wan siteyrkan da yên bûk û zavê jî, û hema bi duayên wan siteyrkan va bûk û zava bextewar dibûn.

Êzdî xênji siteyrkan, bawerîya xwe bi wan hemû tiştan dianîn, ku di galaktîkayê da hebûn û nav li hemû siteyrkên mezin kiribûn. Yek ji wana siteyrka **Riya Kadiz** e. Di folklorê kurdî da behsa wê siteyrkê tê kirinê, ku Xwedêgiravî merivekî dewlemend ji mereka (kadîna) merivekî kesîb qesel dizîye. Merivê kesîb diçe ber derê mala wî disekine û dibêje:

-Filankes, te çima qesela min dizîye; ne axir ez merivekî kesîb im, çêlekeke min tenê heye û ewê bêy qesel û gîha gever bibe.

Merivê dewlemend bêy ku şerm bike, serê xwe dike ber xwe, bêy bersîvdayîn û uzir xwestin diçe mala xwe. Merivê kesîb ji Melekê Taûs hîvî dike, ku merivê dewlemend ceza bike. Bi daxaza Melekê Taûs ew diz ruhê xwe dide, bona meriv bizanibin kirinên ne li rê merivan digihînine çî rewşê.

Di nav gelek miletan da Galaktîka Rê di qanûnên dînî da hatine hebandinê. Ew galaktîka Xwedayê **Rê** ye, an jî ji wê ra **Riya Ruh** dibêjin û merivê mirî bi wê rê diçe dinya din û ser wê rê kuçikên agir dişuxulin²⁶⁶.

Di bawermendîyên kurdan da siteyrkeke din ku tê hebandinê, "Siteyrka avê" ye. Û eger ew siteyrk li ezmanan xuya bibe, ew tê wê maneyê, ku lêhî û lêmişt wê rabe. Bona pêşî li wê bigirin, qurbanan didin.

Di bawermendîyên êzdîyan da siteyrka "Koma Sêwîyan" jî cîkî berbiçav digire. Ew siteyrk piştovana sêfil û jaran e. Ew êvara dereng dertê, dema pez dibine kozîyê. Derheqa wê siteyrkê da bal kurdan lêgêndek heye. Gorî wê neferên maleke belengaz timê jîyana cînarê xwe yê dewlemend dibînin û ji jîyana xwe aciz dibin. Ewana hîvî ji Melekê Taûs dikin, ku wana ji wî halî xilaz bike. Melekê Taûs lava û dîlekên wan dibihê û bi fermana Melekê Taûs neferên wê malê dibine siteyrk, hildifirine ezmanan û rex hev, di cêrgekê da rêz dibin²⁶⁷.

Di bawermendîyên êzdîyan da navê cêrgeya siteyrkan ya bi navê "Karwanqir" jî derbaz dibe, ku bi şevan dîyar dibe. Ji wana siteyrkek gelek geş e û hema navê wê siteyrkê danîne ser cêrgeya siteyrkan û ew siteyrka xirabkarîyê ye. Gorî bawerîya êzdîyan ev siteyrka han mak bûye, yên din çêjikên wê bûne. Vana zirareke mezin dane merivên li ser erdê dimînin û van merivan hîvî ji Xwedê kirine ku ew wê ceza bike. Xwedê guh dide ser daxaza merivan, mak û çêjikan hildifirîne ezmanan û wana dike siteyrk. Ew çêjik xwe didine dora makê û bi wî awayî cêrgeya siteyrkan ya bi navê **Karwanqir** dixuliqe²⁶⁸.

Gorî bawerîyeke din 17 merî bona peydakirina hebê nêz didine ser rê, diçine welatekî xerîb. Piştî rêwîtiyeke dûr û dirêj li deşteke dihêwirin bona hêsa bibin. Piştî şev nivî dibe, di ezmanan da kome siteyrk xuya dibin û ji wana ya here geş ya ortê bûye. Rêwî dibêjin qey ew Siteyrka Sibê ye û ewê zûtirekê şewq vede, wê sibe ron be û bi vê bawerîyê hemû radîbin û riya xwe berdewam dikin. Du sehetan rê diçin, sibe ron nabe, hêja fêr dikin, ku ew siteyrka geş xapxapok e û ew ziyandara merivan û heywanan e. Hema wî çaxî dibe ba û bager, karwan dikeve ber bahoz û bagerîkê û wînda dibe.

Em dibînin, ku di van bawerîyan da siteyrk ne ku ruhberên li ezmanan in, lê ew ruhberên li ser erdê bûne, paşê hilfirîyane ezmanan.

²⁶⁵ Got binecîya gundê Camûşvana Biçûk li navçeya Aparanê Horî. Xudanê vê berhemê sala 1952an ji zarê wê bergirt.

²⁶⁶ Îstorîya Rêlîgî (Dîroka Dîn). Moskva, sal 1909, rûpel 19.

²⁶⁷ Binecîyê gundê Karvanserayê, navçeya Artîkê Serdar gotîye, xudanê vê berhemê sala 1949an ji zarê wî girtîye.

²⁶⁸ Xudanê vê berhemê ev gotina sala 1949an ji zarê binecîyê gundê Elegezê, navçeya Aparanê Ademê Silto girtîye û nivîsiye.

Di mîtologîya kurdan da cêrgeya siteyrkan ya bi navê "Beranî" cîkî berbiçav digire. Ew sîmvola zêdebûna serê heywanet, bereketê ye û herwiha hukumê wê siteyrkê li ser Memê Şivan heye, ku piştgirê pêz e. Bi bawerîya êzdîyan berê ruhê Memê Şivan li ser erdê bûye, paşê hilfîrîyaye ezmanan û ew pêz ji guran, dizan û xeta û belayan diparêze.

Êzdî ji boy navê vê cêrgeya siteyrkan û Memê Şivan bona pezê wan ji hev zêde bibin û bela neyê serê wan, qurbanan didin û heyteholên dînî didine derbazkirinê. Payîza dereng bona ku pez sitewr nebe, beran êvaran, dema cêrgeya siteyrkan ya bi navê Beranî derdikeve, berdidane nav kerîyê pêz. Gorî dîndarên êzdîyan, ji ber ku ruhê Memê Şivan rengên cuda-cuda hiz dike, berî ku beran berdine nava kêrî, hirîya ser piştê pêz bi rengên cuda-cuda va den (reng) dikirin.

Êvaran, dema beranberdanê, gava di ezmanan da cêrgeya siteyrkên Berên xuya dibûn, êzdî berbirî ruhan dibûn, digotin: "Ya Beranê, ya Memê Şivan, hûn pezên me zêdekin".

Bona zêdekirina jimara pêz heytholeke dînî jî dikirin: Roja beranberdanê kalek dikete nava kerîyê pêz, ji piştê pêz hirî dirûçikand, dikire baq, datanî ser piştê jina xwe û jina wî jî di cîyê xwe da hildiqoşîya û h.w.d.

Wek ku berhemên êtnografî û folklorê nîşan didin, beran di nav kurdan da ji demên buhurî wek tiberk hatîye hebandin. Heykelên li ser mezêlên kurdan vê yekê îzbat dikin. Heykelên berên ne tenê li ser mezêlan hene, lê herwiha li ser xalîçe û berrên kurdan da jî hatine nitirandinê û ew nexşeke xalîçeyên kurdan ya sereke ye.

Em dibînin, ku di paşdemê da ruhên Xwedayên pûtperestîyê ketine nav bedenên ruhberên ku li ezmanan û nava tebîyetê da ne, ketine nava bedenên Royê, Hîvê, Siteyrkan û têne hebandinê.

Di nav bawermendîyên kurdan da siteyrka bi navê "Pêwr û Mêzîn" jî tê hebandinê. Şirovekirina vê termê bi malhebûnê va girêdayî ye, ango bi xebatê û deranînê va, ji ber ku ew bi mêzînê û terezûyê ra girêdayî ye. Cêrgeya siteyrkan ya bi navê **Pêwr û Mêzîn** êvaran li ezmanan xuya dibe û dide xuyakirin, ku dema kişandin û pîvandina ekinê gîhandî hatîye.

Di nav kurdan da bawerîya cêrgeya siteyrkan ya bi navê **Hirç** heye, ji ber ku siteyrkên di nav wê cêrgeyê da dibîşine hirçan. Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku ev siteyrk bi çavekî qenc li merivan dinihêre û hazir e herdem bê hewara merivan.

Di bawermendîyên kurdan da cêrgeyên siteyrkan yên bi navê **Ga, Gamêşqiran** û yên mayîn hene û derheqa vana da berhemên êtnografî û folklorî ne pir i.

Di nav êzdîyan da merivên wisa hene, ku bi siteyrkzanebûnê va mijûl dibin, ango şirove dikin ka kîjan siteyrk nîşana kîjan Xwedayî ye, rola wê çi ye, kengê dertê û h.w.d. Ji wan ra **siteyrkzan** digotin.

Koçekên siteyrkzan "zanebûnên" xwe surî xwedî dikirin, îlan nedikirin û ew yek wisa şirovedikirin, ku Xwedêgiravî ew nêzîkî siteyrkan in, pêwendîyên wan bi ruhberên wira ra hene, yên ku derheqa qewmandineke tebîyetê da wana agahdar dikin. Bona gotinên xwe îzbat bikin, ku Xwedêgiravî ew wan ruhberan, horî û melekê li ezmanan dibînin, bi wan ra dipeyîvin, koçek heyteholên dînî derbaz dikirin. Eger merivê nexweş berê xwe dida wana bona qenc bibe, koçek ji mal derdiket bona Xwedêgiravî siteyrka wî nexweşî bibîne û dîyar bike, çomaqa xwe ya batinî dihejand, bona Xwedêgiravî siteyrkan ji hev bela bike, da ku siteyrka nexweş jê ra xuya bibe. Piştî van heyteholan koçek berê xwe dida qewim û lêzimên merivê nexweş û ji wan ra digot, ku siteyrka wî geş e, an jî temirî ye.

Koçek elamî merivan dikirin, ku eger ewana siteyrkan nehebînin, bawerîya xwe bi wan neynin û seba xatirê wana qurbanan nedin, ruhên wan dikarin hêrs bikevin û ew yek dikare bibe sebebê xelayê, birçîbûnê, nexweşîyan û bedbextîyên mayîm²⁶⁹.

Bi bawerîya gel meriv dikaribû ji cîwarbûna siteyrkan tê derxista ka wê çi bê serê merivan û heywanan, di cihanê da çi qewmandin dikarin bibin.

Gorî şirovekirina koçekan siteyrka **Pêwr û Mêzîn** himberî siteyrkên din diha xurt û bi hêz e, tesîra wê li ser merivan, tebîyetê, êkendarîyê diha pir e, ne ku ya **Siteyrka Hirç**.

²⁶⁹ Pez di mala koçek da dikirin qurban, goşt ji mala wî ra dima û hinek goşt jî nexweş bi xwe dixwar.

Êzdî bawer dikirin, ku eger zar di wê demê da ji diya bibe, gava "Siteyrka Geş" ji aliyê rohilatê va xuya bibe, ewê bibe mêrxas û wê di jîyana xwe da bextewar be, lê eger di jîyana wî da çavê wî ji siteyrkan cara pêşin li siteyrka "Riya Kadiz" bikeve, ewê bibe diz û qaçaxekî bi nav û deng. Eger di roja bûyîna zarê da ewran dor li siteyrka "Siteyrka Geş" bigirta, ewê bextreş bûya.

Êzdî bawer dikin, ku bi cîwarbûn û heja siteyrkan va meriv dikaribû tê derxista ka wê di paşdemê da di jîyana zara sava da çî bûyerên berbiçav bûna, ewê bigihîje çî armancê, axirî û aqûbeta wî wê çawa be.

Культ звёзд

Курды без каких-либо знаний о естественных особенностях звезд воспринимали их в неких мистических формах. Они выбирали определенные звезды и созвездия, которые больше остальных бросались им в глаза своей яркостью, красотой, расположением и траекторией движения, и, фетишизируя их, превращали в предмет поклонения.

Будучи земледельцами и скотоводами, курды для налаживания и развития своего хозяйства проявляли большой интерес к небесным светилам, их расположению и движению.

Одну из таких светящихся звезд курды-езиды называют "Утренней звездой" (Steyrka sbê), которая светит очень ярко и ее можно увидеть рано утром во второй половине августа месяца. Одновременно она считается символом благополучия. С появлением этой звезды крестьяне приступали к земельным работам, а путники отправлялись в дальнюю дорогу.

Курд-езид, придя на поле, ещё до начала земельных работ, обращался с молитвой к Малакетаусу и Утренней звезде в надежде получить хороший урожай и всякие другие блага (bereket).

Если случалось, что эту звезду закрывали облака, то предполагалось, что урожай будет плохой.

Относительно звезд среди курдов-езидов сложились определенные предрассудки: шейхи и кочаки²⁷⁰, играющие в курдской действительности чуть ли не роль жрецов, проповедовали среди мридов /мирян / будто у каждого человека есть своя звезда, которая, якобы, с его смертью срывается с неба и падает вниз.

Такое поверье распространено среди многих народов.

Е.Лалаян, в частности, пишет: "По народному мнению, у каждого человека есть своя звезда на небе, и когда наступает "предначертанное провидением" время его кончины, эта звезда падает, и человек через сорок дней умирает".²⁷¹

Культ звезд ярко выражен и в фольклорных материалах. Заслуживает внимания поэма "Лайле и Маджнун" в курдском изложении. В одном из вариантов повествования упомянутой поэмы говорится, как два влюбленных сердца из-за трагической любви возносятся на небо и превращаются в звезды, которым суждено встречаться друг с другом один раз в году. В сказке "Шаме" ее героиня Шаме, чтобы избавиться от религиозного мракобесия, умоляет всевышнего забрать у нее жизнь. По приказу бога она превращается в звезду и улетает в небо.

Писатели и поэты в своих произведениях часто использовали мотивы и сюжеты народной словесности, и для сохранения народного духа руководствовались представлениями о звездах в верованиях. В знаменитой поэме великого армянского поэта

²⁷⁰ Кочак -представитель духовной иерархии, прорицатель.

²⁷¹ Е.Лалаян, Джавахк, ЭВ, 1897г. , стр.196 (перевод с арм. яз.)

Оганеса Туманяна "Ануш" ее герои Саро и Ануш по причине трагической любви не могут быть вместе, они в конечном итоге превращаются в звезды и отправляются в небо, где могут встречаться только один раз в году:

*В то возвышенное мгновенье чудной ночи,
В далеких глубинах бескрайней вселенной,
Друг к другу прилетают сердца несчастных влюбленных,
Не пришедших к мечте своей заветной, но ставших звездами,
Прилетают друг к другу в тоске, целуясь смиренно,
Вдалеке от мира, в небесах лазурных.
(перевод дословный)*

Поскольку, по мнению езидов, каждый человек имеет свою звезду на небе, они во время свадьбы вечером выводили молодоженов во двор под звездное небо и вовлекали их в круговой танец "Гованд", а матери жениха и невесты, тихо бормоча себе под нос, произносили: "Дети наши, пусть ваши звёзды всегда сверкают ярко" *Ewledên me, bira steyrkê we hertim geş be*).

Во время кругового танца с участием невесты ее держали, за мизинцы /жених в это время уходил в дом/, в такт танцу играла зурна и грохотал барабан, - и все это сопровождалось хоровым пением, в которой в виде молитвы отражено обращение участников свадьбы к звездам об ограждении молодоженов от несчастий и оказании им покровительства.

В одной из таких песен "Стайрк/ /Звезда/ говорится:

*Steyrno, steyrno, steyrnê geş,
Me binherin, me vê şayê,
Rehma we li bûk û zevê.²⁷²*

*О звезды, вы звезды, ярко сверкающие,
Смотрите на нас, на наше веселье,
Да будет ваша благосклонность к жениху и невесте.*

Пока гости танцевали, женщины преклонного возраста протягивали руки к небу и зывали к Малакетаусу сделать так, чтобы путеводные звезды жениха и невесты всегда сверкали ярко.

По представлению езидов, эти танцы выражали не только их радость, но и радость звезд и созвездий, в том числе и путеводных звезд молодоженов, чьи благословления сулили бы новобрачным долгую и счастливую жизнь.

Кроме отдельных звезд езиды поклонялись и определенным созвездиям. Каждое из этих созвездий имело свое название. В курдском фольклоре есть легенда о Млечном пути (Rya kadiz)²⁷³, согласно которой один богач проник к одному бедняку в сенник и украл у него сено. Узнав об этом, бедняк отправился к богачу, встал у порога и спросил:

-Послушай, ты зачем украл у меня сено, ведь я беден, а без сена моя единственная корова подохнет!?

Богач нечего не ответил, стыдливо опустил голову, повернулся и вошел в дом, даже не извинившись. Тогда бедняк обратился с молитвой к Малакетаусу с просьбой наказать жадного до чужого добра богача. По велению Малакетауса весь проделанный похитителем сена путь от дома бедняка до дома богача запечатлелся на небе, чтобы люди видели и всегда помнили о непристойном поступке богача.

²⁷² Со слов шейха Хори из с.Малый Джамушлу записал автор в 1952г.

²⁷³ Rya kadiz /Рйа кадиз/ - букв означает "Путь сенокрада"

У многих народов Млечный путь (Rya kadiz) и другие созвездия освящены религиозными законами. Млечный путь считался "Дорогой богов", " Путем жизни" или "Тропую душ", по которой душа уходит в загробный мир, а вдоль тропы горят костры.²⁷⁴

В верованиях курдов-езидов следующим созвездием из числа небесных тел фигурирует созвездие с названием "Звезда воды" (Steyrka avê), появление которого на небосводе предполагало выход рек из берегов и наводнения. Чтобы отвести это стихийное бедствие люди прибегали к совершению ритуального жертвоприношения.

В езидских верованиях важное место занимает также созвездие "Группа сирот" (Koma sêwya), считающееся покровителем бедняков и неимущих. Это созвездие появляется на небе поздно вечером, когда овец загоняют в овчарню. Об этом созвездии курдами-езидами сложена легенда о том, что члены одной бедной семьи видели, как их богатый сосед и его семья утопают в роскоши и ведут беззаботный образ жизни, в то время как они сами влачили жалкое существование и никак не могли вырваться из лап нищеты. Не в силах больше вынести все это они с молитвой обратились к Малакетаусу с просьбой избавить их от мучений. Малакетаус проникнулся чувством сострадания и превратил их в звезды, которые улетели в небо и выстроились в ряд.²⁷⁵

В легенде недвусмысленно выражена мысль о протесте простого люда на социальную несправедливость в обществе.

В езидских верованиях упоминается также созвездие "Грабитель караванов" (Karvanbir), на небосводе оно показывается в полночь. Эта группа звезд получила свое название от одной звезды из их числа, которая больше всех выделяется своей яркостью и считается воплощением зла.

Согласно народному преданию, которое нам поведал житель с.Алагяз старец Адаме Слто, самая большая и яркая звезда в созвездии "Грабитель караванов" является злым духом, а остальные звезды - это ее детеныши. Когда-то еще на земле они причинили людям много зла, в связи с чем последние обратились к Богу с мольбой о помощи. Бог выслушал их просьбу и решил отправить злого духа с детенышами на небо, превратив их в звезды. Детеныши постоянно собирались вокруг своей матери-звезды, образовав это созвездие.

В одной из легенд говорится о том, как это созвездие приносило людям несчастья. Легенда гласит, что некие люди числом в семнадцать человек снарядили караван и отправились в дальние края на поиски семенного зерна. После долгой дороги с наступлением темноты они остановились на отдых на каком-то пустыре. Ночью на небе загорелись звезды, среди них особенно ярко сверкала одна и находилась в центре созвездия. Путникам показалось, что на небе появилась "Утренняя звезда", что скоро уже наступит рассвет и надо двигаться дальше. Они погрузили свои вещи, на вьючных животных и продолжили свой путь. Прошло несколько часов, но утро так и не наступило. И тут путники догадались, что то, была ложной звездой, обрекающая людей и животных на несчастья и гибель. Вдруг в одно мгновение поднялся сильный ветер, вызвав смерч, который с воем закружился и погубил весь караван.

Как видим, в этой легенде звезды выходят на арену не как космические тела, а в образе небесных злых духов.

В курдской мифологии особое место отводится созвездию "Баран"

(Beran) - символу плодovitости и увеличения поголовья овец. Оно, как считают курды-езиды, руководит действиями Маме Швана и является покровителем овец. По представлениям езидов, на земле представителем созвездия Баран является только дух Маме Швана, оберегающего его овец от волков, воров, падежа и других напастей.

Чтобы сберечь своих овец от болезней и увеличилось поголовье, езиды в честь этого созвездия и Маме Швана исполняли разные магические ритуалы и обряды. Поздней

²⁷⁴ История религии, Москва, 1909г.. с.19

²⁷⁵ Со слов жителя с.Карвансара Артикского р-на Сардара записал автор в 1949г.

осенью, как только вечером на небе показывалось созвездие Баран, в загон к овцам для спаривания запускали баранов, в надежде, что яловость не коснется их овец.

Верующие езиды были уверены, что Маме Швану нравятся разные цвета, и поэтому до запуска баранов к овцам им на спину краской наносили разноцветные отметины. Впуская баранов к овцам с восходом созвездия Баран, езиды обращались к духам со словами: "О, Баран, о Маме Шван, увеличьте поголовье наших овец" (Ya Beran, ya Mamê Şvan, pezê me zêdeke!). Чтобы их просьба об увеличении поголовья осуществилась, в день баранбардана /в день, когда к овцам для спаривания впускают баранов/ совершался один из магических ритуалов, символизирующий процесс спаривания: один из стариков вырывал со спины барана клочок шерсти, связывал его в пучок и взбирался на спину своей жены, которая начинала подпрыгивать на месте.

Из этнографических и фольклорных материалов следует, что баран и овца у курдов являлись тотемными животными еще со времен родоплеменного общества, о чем свидетельствуют надгробные скульптуры на курдских кладбищах в виде барана. Надгробные памятники указывают и на то, что у курдов существовали также скульптуры с изображением овцы, которым они поклонялись. Изображение овцы можно обнаружить и на курдских коврах, которое являлось для них одним из любимых орнаментов.

В дальнейшем языческие божества нашли свое воплощение в небесных и других природных телах - в солнце, луне, звездах, созвездиях и других планетах, став предметом поклонения.

Следующим почитаемым созвездием в верованиях курдов-езидов являлось "Пайрмезин" (Peurmêzin). Это название по смыслу имело значение производственно-трудового характера и обуславливало хозяйственную деятельность езидов, связанную с потребностью мерить и взвешивать. Созвездие Пайремизин появлялось на небосводе вечером, оповещая собой о наступлении времени обмера и взвешивания урожая.

В созвездии "Медведь" звезды выстроены таким образом, что изображают медведя. Езиды верили, что у этого созвездия доброе отношение к людям и оно всегда и везде готово помогать беднякам и обездоленным.

В курдских верованиях фигурируют также созвездия Быка, Буйвола и другие зодиакальные созвездия, однако этнографических и фольклорных материалов об этом очень мало.

Среди езидов были люди, которые занимались астрологией, их называли "Стайркзан" - Звездочет (Steyrkzan).

Кочаки-стайркзаны секреты своих "познаний" хранили в тайне от людей и говорили об этом невнятно и неохотно, делая вид, будто они связаны со звездами, небесными телами и, якобы, тесно контактируют с духами, которые сообщают им обо всех явлениях природы. Для наглядности, что они находятся в контакте с духами, видят их и общаются с ними, кочаки на глазах несведущих людей совершали некие магические действия. Скажем, когда кочаку для исцеления приводили страдающего недугом человека, кочак выходил на улицу якобы на поиски в небе звезды больного, где, войдя в экстаз, начинал размахивать своим так называемым магическим посохом, которым будто бы раздвигал звезды на небе, ища среди звезд ту единственную звезду больного. Успокоившись, он по секрету сообщал родным больного свое окончательное мнение о состоянии звезды заболевшего - погаснет она или будет светить дальше (Wê geş be yanê bitemire).

Кочаки убеждали людей, что если они не станут почитать небесные светила и поклоняться им, и не будут приносить в жертву животных в их честь, то их духи могут рассердиться и ниспослать на них голод, болезни и множество других несчастий.²⁷⁶

²⁷⁶ Для исцеления больного в жертву приносили барана, которого резали возле дома кочака. Все мясо оставлялось семье кочака, но больной в качестве причащения обязательно должен был съесть кусочек жертвенного мяса.

По представлениям езидов, по расположению звезд можно было предсказать о развитии разных событий, касающиеся людей и животных.

Кочаки уверяли, что у каждой звезды или созвездия своя степень могущества, и они оказывают влияние на людей в соответствии со своей сверхъестественной силой.

Согласно утверждениям кочаков, созвездие "Пайрмезин" в сравнении с другими созвездиями обладает гораздо большей силой, его влияние на людей, природу и урожайность значительно действеннее, чем, скажем, звероподобного созвездия "Медведь".

Езиды верили, что если ребенок родится в момент появления на небосводе с востока "Яркой звезды" (Steyrka geş), то он вырастет счастливым и будет героем, но в случае, если ребенок впервые в жизни увидит на небе созвездие "Путь похитителя сена" (Rya kadiz), то непременно станет знаменитым вором или разбойником. При этом была и другая примета, согласно которой если в момент рождения ребенка на свет "Яркая звезда" будет закрыта облаками, то этого малыша впереди ждала несчастная жизнь.

Езиды верили и тому, что по движению, расположению звезд и созвездий, а также по изменению их построений можно было предсказать будущее ребенка, определить его способности, склонности, особенности и прочее.

16. Hebandina Ewran, Birûskê, Keskesorê

Di bawermendîyên kurdan da qewmandinên tebîyetê – Birûsk, Firtona, Keskesor, Baran, Teyrok, Erdhej, Tendûrek, Firtone, Lêhî û Lêmişt cîyekî mezin digirin. Kurd hebûna van bûyerên tebîyetê bi ruhên qenc û xirab va şirove dikin.

Merivên berî dewrana me texmîn dikirin, ku qezîya û belayên wî awayî çî dikarin bînine serê merivayê, di pêşda hazîrîya xwe didîtin. Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku her qewmandineke tebîyetê bi ruhên qenc û xirab va girêdayî ye û nav li wan dikirin. Ji wan qewmandinan navê ya here eyan **Mamereş** e.

Wek ku di jîyana gelek miletan da, herwiha di jîyana kurdan da jî sêrbazî roleke giring lîstîye. Kurdan bi qewmandinên tebîyetê yên jorgotî ra girêdayî heytêholên sêrbazî kirine. Wek nimûne, bona baran bibare, "Bûka baranê" çê dikirin. Ji zaran yekî ew bûk digirte destê xwe, tevî komeke zaran mal-mal digerîyan û distiran:

*"Hatîye vira bûka baranê
Bidin hêka, canê-canê
Bidin penêr, canê-canê
Bidin rûn, canê-canê
Bidin êmîş, canê-canê
Mamereşê, bide baranê".*

Di malan da bi derdanan av direşandine ser bûkê û rûn, hêk û penêr û tiştên din didane hatîyan. Dawîyê zaran ew bûk davîtine çemekî.

Bona baran bibare, sêrbazîyên din jî dikirin: zarek bi kincan va dikete çêm, ji binê çêm kevîrekî biçûk derdixist, dibire goristanê, davîte ser mezê kesê kuştî û digot:

*"Baran were
Baran were
Mamereş, baranê bide".*

Di nav êzdîyan da "Tasa Mamereş" jî hebû, ku di nav da bi herfên erebî navê Mamereş û çend taybetmendîyên wî hatîye nivîsar.

Êzdîyên Ermenîstanê bona baran bê hewara xwe li wê tasê dadixistin. Di dema hişkîyê da şexekî ew tas digirte destê xwe, ser banê malê disekinî û tas di destê xwe da hîvî ji Mamereş dikir, digot:

*”Mamereşo, Mamereşo
Mamereşo, tu xeyb î
Em gune ne Mamereşo
Baranê bide, Mamereşo”²⁷⁷.*

Li Laçînê, wextê hişkîyê bona baran bibare jinên kurd cêr didane ser milên xwe, diçûne ber kanîya nêzikî gund û bi kefa destên xwe av direşandine ser hev û bi wê yekê va ji ruhê baranê – Suleyman hîvî dikirin, ku baran bibare. Ew jin herwiha di çêm da xwe li avê dixistin û ji ruhê baranê – Suleyman hîvî dikirin, ku ji ezmanan baran bibarîne²⁷⁸. Suleymanê kurdên Azirbêcanê xên ji wê yekê, ku ruhê baranê bû, herwiha ruhê xebatê bû jî.

Ev heyteholên sêrbazî yên bona baranbarandinê bi xebatên xwelîbêcerkirinê û ekindarîyê va hev dihûnandin.

Dem a gurregurra ewran jinên êzdîyan kevirek hildidan, ser serê xwe va kewkî dikirin û digotin:

*”Bira hasileta me pir be
Pîrê ewran, hasiletê bide
Mamereş, hasiletê zêde bike”²⁷⁹.*

Teyrok û lêhî qezîyayên tebiyetê yên here bi xeter bûn. Wana çandinî dêris dikir û ziyaneke mezin digîhande merivan.

Êzdî bawer dikirin, ku teyrok tenê wî çaxî dihat, gava meriv Mamereş ji bîr dikin, qurbanan nadin bona ber dilê wî da bîn, lema jî ew hêrs dikeve û bona çandinîyan xirab bike û zirarê bide merivan, ji ezmanan bi elek û bêjangan teyrokê dibarîne. Teyrok tirs û saweke mezin dikire dilê êzdîyan.

Bona sekinandina teyrokê ewana firsendên ha bi kar dianîn: ji şêmîka malê hûrikên hesin û hesinên xaçkirî kewkî der va dikirin û wisa bawer bûn, ku ruhên neqenc ji hesinan ditirsin. Dua li Mamereş dikirin, ber dilê wî da dihatin bona ew gunehê xwe li merivan bîne û teyrokê bide birînê.

Di bawermendîyên eşîreke gurcan – sivanan da jî teyrok nîşana neqencîyê ye, dêw serokatî lê dike û cîyê wî dêwî li ezmanan e. Di ruhê teyrokê da carna daxazek peyda dibe, ku peyayî li ser erdê be û li wir seyranê bike²⁸⁰.

Di bawermendîyên kurdan da ruhber **Ebabirûsk** jî derbaz dibe. Eva peyva ji du gotinan e: **Eba**, ku tê maneya ”ruh” û gotina ”birûsk”, ango Ruhê Birûskê. Gorî êzdîyan ev ruh xirabkar û ziyandar e.

Di mîtologîya kurdan da **Birûsk** bi fermana ruhê **Ebabirûsk** emel dike û ew ruh kirên here kirêt û ziyankar ji bo merivan û heywanan dike, ji ber ku di rûyê wê da meriv dimirin, heywan qir dibin, agir û alav li her deran dikeve.

Gorî mîtologîya kurdan Mamereş, Ebabirûsk û ruhên din yên neqenc ji alîyê Xwedayê xirabîyê Ehro da têne serkarîkirinê û rêvabirinê.

²⁷⁷ Xudanê vê berhemê ev gotina sala 1950î ji zarê (devê) binecîyê gundê Elegezê, navçeya Aparanê Ademê Silto girtîye û nivîsîye.

²⁷⁸ Xudanê vê berhemê ev gotina sala 1952an ji Huseyn Suleymanê ji navçeya Laçînê bihistîye û nivîsîye.

²⁷⁹ Xudanê vê berhemê ev gotina sala 1952an ji zarê binecîyê gundê Camûşvana Biçûk, navçeya Aparanê Serhing girtîye û nivîsîye.

²⁸⁰ M.Canaşvîlî. Berevoka berhemana, rûpel 147.

Ehroyê di mîtologîya kurdan da Ehrîmanê farizan e, ku ew jî Xwedayê xirabîyê û neqencîyê bû. Ehro xwedayekî celat, kirêt, wehş, zordar e û di bawermendîyên kurdan da ew wek ziyayê duserî an jî dêwê bêhûde kivş dibe û zirarê dide ruhberan û bendeyan.

Gorî bawerîyên farizan birûsk tenê bi fermana Ehrîman birq vedida, lê gurre-gurra ewran (bal êzdîyan Ebabirûsk e) dengê birûskê ye.

Gorî gotina binecîyê gundê Pampa Kurdan li navçeya Aparanê, komara Ermenîstanê Evdo êzdî dîharbûna birûskê wa şirove dikin: Gava Ehro kal dibe, nikare rê here û bilive, nikare dengan derxe, ango zar û zîmanê wî dikeve hev, dewsa wî Ebabirûsk hêrs dikeve û dangan derdixe, di dema hêrsê dike gurre-gurr û ji devê wî tîrên agirî yên sincirî derdikevin û ji wan jî birûsk çê dibe.

Gorî êzdîyan birûsk li wî merivî dixist, yê ku gelek guneh kiribûn, Melekê Taûs û ruhên qenc bi bîr ne dianî.

Eger birûsk li merivan xista, wisa bawer dikirin, ku ew cezayê gunehên wî ye. Mala ku ji birûskê agir pê ketibû, nikaribûn vêsandana (bitemirandana), ji ber ku ew cezayê Xwedê bû. Goştê pez û dewarên, ku birûskê lê dabû, nedihate xwerinê²⁸¹.

Derheqa Birûskê da bawerîyên wa em bal kurdên Azirbêcanê jî dibînin. Gorî wana di ezmanan da siyarîyek bi şivdarê agirpêketî va difire û dema siyarî bi wî şivdarî li hespê xwe dixê, birq dixuliqe û ji tîrên wan birqan birûsk çê dibe.

Bi bawerîya êzdîyan ewir, ku ji aliyê Mamereş da tê serekvanîkirinê, hulma devê Ebabirûsk e. Dema ewir reş dibin, ew tê wê maneyê, ku Mamereş û Ebabirûsk hêrs ketine û dikarin zirarê bidine merivan. Gorî êzdîyan, dema şîrê pez û dewaran kêmbûn, sebebê wê yekê birûsk e. Lema jî bona şîr kêmbûn, dema birqvedana ewiran, pez û dewar dajotine goman û tewleyan. Ev edet îro hema bêje hatîye jibîrkirin.

Hebandina Xwedayê farizên kevinare Ehrîman derbazî nava kurdan jî bûye, ji ber ku ew herdu millet jî ji kokekê ne, ango îranî ne. Kurdên êzdî Xwedayê Ehrîman ya farizan himberî Ebabirûskê xwe dikin û ser wê bawerîyê ne, ku ew eynî xweda ne.

Hebandina Keskesorê bal hemû milletên cihanê heye.

Êzdî ser wê bawerîyê ne, ku Keskesor kembera cihanê ye, ew xwedî hêzeke nebînayî ye, gelekî qenc e û ew bi dilovanîya xwe xêr û bereketê ji merivan ra tîne, lema jî meriv dikarin wê bibînin, lê eger bona qedir û hurmeta wê qurbanan nedin, ew dikare zirarê bide. Lema jî gava Keskesor dertê, nan, rûn, penêr û hasileta din belayî nava jar û sêfilan dikin. Ruhê Keskesorê di bawermendîyên kurdan da ruhekî qenc e.

Gorî êzdîyan rengê sor yê Keskesorê nîşana bereketê ye, rengê zer nîşana ekinê nê e, rengê sût (şîn) nîşana hewa sayî ye. Êzdî wisa bawer dikin, ku bi rengên Keskesorê va dikarin tê derxin ka ekinê salê wê çawa be, şer wê bibe an na û h.w.d.

Gurc heft rengên Keskesorê wa şirove dikin: rengê sor xwîn e, rengê mor şerab e, rengê zer ekinê nê e, rengê şîn şînkayî ye, rengê sût hewa sayî ye, rengê ewiran aşîti ye, lê rengê zer şer e²⁸².

Gava Keskesor betavedibû (ji ber çavan winda dibû), êzdîyan destê xwe yê rastê didane ber rûyê xwe û digotin: "Bira xêr be".

Êzdî herwiha bawer dikirin, ku kê berî hemîyan Keskesor bidîta, çi ku jê bixwesta, wê bistenda.

Di bawermendîyên êzdîyan da bûyareke tebîyetê – **Ba** jî cîyekî berbiçav girtîye.

Kurdan wek ku qewmandinên tebîyetê yên din, Ba jî bi ruhên qenc û xirab va girê dane. Bal êzdîyan navê ruhê Ba "Bareş" e. Êzdî bawer dikin, ku dema Bareş hêrs dikeve, ba û bahoz radibin, ku dibine sebebê wêrankirinan û kavilkirinan, lê dema Bareş aş e, Ba serî hîlnade, eger ba rabe jî, ji bo merivan tenê xêr û qencîyê tîne.

²⁸¹ G.F.Çûrsîn. Kurdên Azirbêcanê,- Malûmatîyên Înstîtûta Kavkazê ya Dîrokî-Arkêologîyê, cild 3. Tîflîs, sal 1925, rûpel 16.

²⁸² M.Canaşvîlî. Berevoka bîr anî, rûpel 150.

Derheqa hêz û zoraya bê da di nav bawermendîyên gelek miletan da edetên cuda-cuda hene.

Di lêgêdekê da navê Xwedayê Bagerîkê û marê ku dijî wê şer dike, derbaz dibe²⁸³.

Tofan û fizildûmana ziyankar tenê wî çaxî serî hildide, dema Bareş bi Mamereş, Ebabirûsk û ruhên din ra dikeve nava qal û cengê. Şerê wan wî çaxî betal dibe, dema meriv ji boy xatirê wan qurbanan didin.

Êzdî bawer dikin, ku Ba hulma devê Bareş e. Dema ew hêrs dikeve û dike hilkehilk, ba radibe. Eger Ba bi bîr neynin an jî nifir lê bikin, ew diha zef dike hilkehilk û ji wê ba û tofan radibe û zirareke mezin digihîje merivan, heywanan û hêşinayê.

Bona ji ba û tofanê bê zîrar derkevin, êzdîyan heyteholên dînî dikirin. Serê çiyê hirîya pêz çal dikirin an jî zarokek ji mal derdixistin bona lava û dîlekan li Bareş bike.

Культ облаков (туч), грома, молнии, радуги

В курдских верованиях большое место занимали природные явления: гром, молния, радуга, дождь, град, землетрясения, извержения вулканов, наводнения. Природные явления, а также связанные с ними последствия по представлениям езидов являлись результатом действий злых и добрых духов.

Первобытные люди, испытав на себе действие природных явлений, приносящих с собой стихийные бедствия, не могли не обратить на них внимание. Курды-езиды считали, что каждое из явлений имеет своего злого или доброго духа. Из них наиболее общеизвестным был руководитель туч и облаков Мамараш (Mamareş). В жизни многих народов, в том числе и курдов-езидов, заметную роль играла магия. По каждому из природных явлений курдами исполнялись отдельные магические обряды и ритуалы. Например, чтобы вызвать дождь, изготавливалась кукла "Бука Баране" (Невеста дождя), которую дети носили по всем домам села, напевая:

*Hatye vira bûka baranê,
Bidin hêka, canê, canê,
Bidin penêr, canê, canê,
Bidin rûn, canê, canê,
Bidin êmîş, canê, canê,
Mamareşê bide baranê.*

*Пришла сюда невеста дождя,
Дайте ей яичек, джане, джане,
Дайте сыра, джане, джане,
Дайте масла, джане, джане,
Дайте фруктов, джане, джане,
И тогда Мамараш подарит нам дождь.*

В каждом доме куклу "Бука баране" обливали водой и подносили детям дары - масло, яйца, фрукты и т.д. По окончании шествия дети несли куклу к реке и бросали ее в воду.

В период засухи, чтобы вызвать дождь, исполнялся и другой магический обряд: один из детей в одежде входил в речку, поднимал со дна небольшой камень, относил на кладбище и возлагал на могилу одного из убитых со словами:

²⁸³ L.Delaporte. Les Hittis. Paris, sal 1936, rûpel 251.

*Baran were,
Baran were,
Mamareş, baranê bide.*

*Приди дождик,
Приди дождик,
Мамараш, ниспошли нам дождь.*

Суеверные езиды считали, что дети сами по себе невинные существа, что Мамараш жальется над ними и ниспошлет дождь.

У езидов хранился так называемый "Тазик Мамараша"(Tasa Mamareş), на его внутренней стороне арабской вязью была выполнена надпись с указанием имени Мамараша и перечислением его положительных качеств. Этот "Тазик Мамараша" предназначался для исполнения ритуала по вызову дождя. В засуху один из шейхов взбирался на плоскую кровлю сакли с упомянутым тазиком в руке, становился у колака - дымохода в виде отверстия на кровле - и приступал к молитве с обращением к Мамарашу:

*Mamareşo, Mamareşo,
Mamareşo, tu xweyanbe,
Em gunene, Mamareşo,
Baranê bide, Mamareşo.²⁸⁴*

*Мамараш, Мамараш,
Появись, Мамараш,
Сжалься над нами, Мамараш,
Ниспошли нам дождь, Мамараш.*

В Лачине /Азербайджан/ в засушливое время года курдские женщины с кувшинами на плечах шли к ближайшему роднику, набирали в ладони воду и обливали друг друга, желая тем самым сообщить духу дождя Сулейману, что им очень нужен дождь.

Купаясь в речке, женщины беспрестанно молились и просили Сулеймана ниспослать живительную влагу.²⁸⁵

У курдов Азербайджана дух дождя Сулейман одновременно считался покровителем труда.

Эти магические ритуалы в своей основе были связаны с земледельческим трудом и с его конечным результатом. При раскатах грома курдянки брали камень и перебрасывали через голову назад, приговаривая:

*Bira hesletê me zefbe,
Pîrê ewra, hesletê bide,
Mamareş, hesletê zedeke.²⁸⁶*

*Да будет обилие хлеба насущного,
Дай нам припасы, О дух небесный,
О Мамараш, увеличь нам припасы.*

²⁸⁴ Со слов жителя с.Алагяз Адаме Слто записал автор в 1950г.

²⁸⁵ Со слов жителя Лачина Гусейна Сулейманова записал автор в 1952г.

²⁸⁶ Со слов жителя с.М.Джамушлу Сархинга записал автор в 1952.

Из природных явлений град и наводнение считались самыми вредоносными, которые почти одинаково губили посевы, причиняя людям непоправимый ущерб.

Езиды верили, что град сыпался только тогда, когда люди начинали забывать про Мамараша и переставали приносить в жертву животных в его честь. Тогда он свирепел и через крупное небесное сито начинал сыпать на землю град, уничтожая все посевы будущего урожая. Град езидам внушал ужас.

Чтобы остановить выпадение града, езиды через порог своего дома бросали на улицу металлические предметы или установленную в очаге подставку из-под котла, веря, что духи испугаются железа. Одновременно они молились и упрашивали Мамараша смилостивиться и остановить это стихийное бедствие. С целью умилостивить его, они заодно с молитвой совершали обряд жертвоприношения.

В верованиях сванов, одного из грузинских племен, град считается воплощением зла, которым повелевает дэв, и который на небесах имеет свое отдельное место. У духа града иногда возникает желание спускаться на землю и погулять.²⁸⁷

В курдских верованиях упоминается также Абабруск. Это сложное словосочетание происходит от слов Аба - имени духа, и Бруск - молния, - то есть дух молнии Аба. По мнению езидов, этот дух наиболее злой и опасный.

В курдской мифологии молния появляется по приказу Абабруска, совершающего самые ужасные и вредоносные действия в отношении людей, в результате чего погибают люди и животные, возникают пожары.

Согласно той же курдской мифологии, духами - Мамарашем и Абабруском - повелевает и руководит ими бог зла Ахро. Езидский мифологический Ахро - это древнеперсидский бог зла Ахриман. Ахро является грубым, деспотичным, злым божеством, которое в курдских верованиях изображен в облике трехглавого дракона или многокрылого чудовища, приносящее людям и всем живым существам горе, страдания и бедствия.

Согласно древнеперсидским верованиям, молния сверкает и ударяет только по приказу Ахримана, а раскаты грома - это его грозный рык. Езиды в свою очередь раскаты грома относят к рыку Абабруска.

У курдов-езидов существует свое понимание о происхождении молнии. Житель с. Курдский Памп Апаранского района по имени Авдо рассказывал, что когда Ахро стареет и от дряхлости уже не в силах больше двигаться и подавать голос, вместо него гневается и издает рык Абабруск, изо рта которого одновременно с громом летят искры, образуя молнию.

По мнению езидов, молния поражала и убивала только тех, кто погряз в грехах, забыл Малакетауса и добрых духов. Если молния кого-то убивала, то это считалось наказанием за его грехи. Охваченный огнем от удара молнии дом нельзя было тушить, так как считалось, что это божья кара. Нельзя было употреблять в пищу мясо погибшего от удара молнии животного.

Похожие легенды о громах и молнии встречаются и у курдов Азербайджана /исповедующие ислам/, которых в результате ассимиляции почти не осталось. По их мнению "по небу на своем коне скачет всадник с огненным кнутом в руке, от удара кнутом по крупу коня издается гром и высекаются искры, образуя молнию."²⁸⁸

По суевериям курдов-езидов, руководимые Мамарашем облака - это ничто иное как пар, выдыхаемый Абабруском. Как только облака начинали темнеть и сгущаться тучи, езиды утверждали, что Абакбруск и Мамараш разгневаны и могут причинить людям вред. Езиды твердо верили, что от действий молнии в первую очередь могли снизиться надои молока. Поэтому при первых раскатах грома во избежание снижения надоев

²⁸⁷ М. Джанашвили, ук. соч., с.147

²⁸⁸ Г.Ф. Чурсин. Азербайджанские курды, - Известия кавказского историко-археологического института, т.3. Тифлис. 1925г. с.16.

крестьяне поспешно загоняли скот в хлев. Этот суеверный обычай в наши дни почти забыт.

Культ древнеперсидского бога Ахримана перешел также к курдам, к народу, проживающему по соседству с персами. Божественные особенности Ахримана, являющегося в персидских верованиях воплощением зла, езиды перенесли на своего духа грома и молнии Абабруска, которого они считали усыновленным сыном Ахримана.

Культ Абабруска можно отнести к одному из видов пантеизма.

Культ радуги (*keskesor*) распространен среди многих народов мира.

Курды-езиды верили, что радуга - это небесный пояс, что она наделена сверхъестественной силой доброты, одаривает людей всеми благами, и только ради этого она появляется перед их взорами. Однако, в случае неисполнения обряда жертвоприношений в ее честь, она может и навредить. Поэтому и существовал обычай, когда с появлением радуги люди выносили на улицу хлеб, масло, сыр и другие продукты, раздавая их беднякам.

В курдских верованиях дух радуги зачислен в ряд добрых духов.

По мнению езидов каждый цвет радуги имел свое значение. Красный цвет считался предвестником жизненных благ и достатка, желтый - богатого урожая пшеницы, а синий цвет означал хорошую ясную погоду. Езиды полагали, что по цветам радуги можно предсказать и определить жизненно важные вопросы: каким будет урожай, будет ли война или нет и т.д.

К примеру, грузины всем семи цветам радуги придавали следующие значения: красный цвет означал кровь, фиолетовый - вино, желтый - урожай пшеницы, зеленый - растительность и изобилие, синий - ясную погоду, голубой - мир, абрикосовый - войну.²⁸⁹

В момент исчезновения радуги езиды, поглаживая лицо ладонью правой руки, говорили: "Да будет во благо" (*Bira xêrbe*).

Езиды верили, что все желания того, кто первым увидит радугу, исполняются.

В наше время мало кто из нынешнего поколения, за исключением старшего, всерьез воспринимает народные приметы о радуге и ее свойствах, считая ее вполне научно объяснимым явлением природы.

Поведение ветра курды-езиды связывали с деятельностью добрых и злых духов. Духа ветра езиды называют "Бараш" (*Bareş*). Езиды верили, что в момент гнева Бараша поднимается сильный ветер, принося с собой большие разрушения, а когда он спокоен - ветра не бывает. Легкий ветерок считался благом.

О силе и могуществе ветра упоминается также в верованиях других народов.

В одной из хеттских легенд говорится о божестве урагана, вступающего в схватку со змеем.²⁹⁰

По представлениям езидов, разрушительный ураган возникает только в момент битвы Бараша с Мамарашем, Абабруском и другими духами.

Их битва прекращается лишь с исполнением людьми обряда жертвоприношения в их честь.

Езиды верили, что ветер - это дыхание Бараша, что когда он злится и начинает учащенно дышать, поднимается ветер, а если его забывают или проклинают, то дыхание его усиливается, поднимается сильный ветер ураганной силы, причиняя людям, животному и растительному миру множество бед и разрушений.

Чтобы спастись от урагана и остаться невредимыми, езиды прибегали к исполнению различных магических ритуалов: закапывали в землю на склоне горы клочок шерсти или же выставляли на улицу невинного ребенка с просьбой уговорить Бараша остановить ветер.

²⁸⁹ М. Джанашвили, ук. соч., с.150

²⁹⁰ 147 L.Delaporte, Les Hittis, Paris, 1936, p.251

17. Qurbandayîn

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkirinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredyên malê û kûvî va girê didan.

Di deb û bawermendîyên kurdan da qurbandayînên bona xatirê Xwedayan û ruhan cîyekî mezin digirin.

Heywanê bona qurbanê bi heyteholên dînî va dihate raberkirinê. Şêxê êzdîyan serê berxa bona qurbanê bi rengên cuda-cuda va reng dikirin û hîvî ji Melekê Taûs dikirin, ku ew bibe "qurbana" eynsî.

Piranîya êzdîyan qurban di ocaxên şêxan, pîran û koçekan da didin.

Çend erf û edetên cihûyan, ku derheqa qurbandayînan da ne, bi riya Kitêba Dînî belav bûye û ketîye nava mîtologîya gelek miletan. Dîroka qurbandayînên Abraham û kurê wî bi gelek an e. Ew hema bêje bi eynî fikirê derbazî nava êzdîyan jî bûye û êzdîyan navê "Kurê Abram" lê kirine û wek lêgênd li her deran tê gilîkirinê. Tişteki femdarî ye, ku êzdîyan ew lêgênd gorî dînê xwe hinek guhartine, kirine ya xwe û gorî dîn û zanebûnên xwe şirove dikin.

Melekê Taûs piştî ku qencîyên mezin ji Abram ra kirîye, dixweze wî bicêribîne, ka ew çiqasî helal e, ber wî pêşniyar dike Îsoyê (Îsahak) kurê xwe bibe serê çiyayê Cûdî û bike qurban.

Abram bêy ku bifikire, kurê xwe hildide û berê xwe dide çiyê. Ew hildikişe serê çiyê û gorî lêgêndê li wir heta îro jî agirê heta-hetayê dişuxule. Abram nişkêva dengêkî sêr dibihê: "Kêrê hilde û kurê xwe serjê bike". Gava ew kêr nêzîkî serê kurê xwe dike, Melekê Taûs dîhar dibe, destê Abram digire û jê ra dibêje, ku ew di aminayî û helalîya wî da bawer e.

Abram kurê xwe hildide, razîbûna xwe dide Xwedê û dibêje:

"Xwedê, tu kerîm î
Melekê Taûs, tu rehîm î
Tu Xwedayê erş û hîm î
Ez razî me ji kerema te".

Lêgênda cihûyan "Abraham" û ya kurdan "Abram" bi naveroka xwe va hema bêje eynî ne, firqî tenê ew e, ku di şaxê kurdî da xulamên Abram tunene, lê şaxê cihûyan da Abraham xulamên xwe jî bi xwe ra dibe.

Di Tewretê da, di lêgênda Abraham da behsa jinê nayê kirinê, lê di şaxê kurdî da navê jina Abraham derbaz dibe û ew jin dihate hesibandinê wek keça êlê (eşîretê).

Di şaxa kurdî da em rastî çiyayê Cûdî û agirê heta-hetayê yê li serê çiyê tîn, ya ku di şaxê bi ibrî (zimanê cihûyan) da tune.

Lêgênda kurdan ya "Abram" di mîtologîya kurdan da varyanta ya cihûyan e bi hinek guhartinan va. Lê ya here sereke, ku di herdu lêgêndan da heye, ew edetê qurbandayînê ye, bona şêkirdarîya xwe di hindava Xwedayan û ruhan da dîyar bikin. Di ocaxên êzdîyan da, li çiyân, ber avan, daran, şikevtan û kevirên ziyaretî pez, dewar û teyredyên nêr yên di rengê sipî û sîs da qurban tene dayînê, piranîya wan beran û dîk in.

Edetên ha bal ermenîyan, ûrisan, cihûyan, huruman (yûnanan), gurcan û gelek miletên mayîn jî hene. Bal cihûyan û huruman qurbana pêşin gerekê nêr bûya.

Gorî Grîgor Tatêvasî: "Gerekê merivê ku heywanê bona qurbanê serjê dike nêr bûya (mêr bûya)"²⁹¹.

Bal êzdîyan jî kesê ku qurban serjê dikir gerekê mêr bûya.

Ew yek, ku heywanê qurbana pêşin gerekê nêr be, bi awayekî geş di folklorê kurdî da xuya dibe. Di destana "Memê û Zînê" da sê bira bona di karê xwe da serketî bin, qurbanan didin, ew qurban di nav jar, destteng, hewcedar û sêfilan da bela dikin²⁹².

Mêrxasê hikyata "Dewrêş" bona kurê xwe ji destê wehşên ejdaha xilaz bike, ber Erdawid berxê nêr serjê dike û dike qurban.

Eger qurban alî serketina karekî ne dikir, wê demê êzdî sê kevir davîtime warê ku ziyaret lê heye. Gorî femdarîya gel, fikira vî edetî ew e, ku zoraya ruhên neqenc bidine sistkirinê. Wisa xuya ye, ku pevgerêdana vî edetî bi hebandina keviran va heye.

Ji destpêka sedsala 20î di warên Ermenîstanê yên êzdî lê dijîn, ev ocax û ziyaret hebûn:

1. Ocaxa Şêx Hesên; di gundê Emençayîrê, navçeya Dîgorê, qezaya Qersê
2. Ocaxa Cin Teyar; li gundê Mîrekê, navçeya Aparanê.
3. Ocaxa Şêx Emo û Koçek Xudo, li gundê Karvanserayê, navçeya Artîkê.
4. Ocaxa Koçek Emo li gundê Camûşvana Biçûk, navçeya Aparanê.
5. Çiyayê Bozutlîyê; li navçeya Talînê.

Êzdî gava qurban didan, çend niqitk ji xûna qurbanê vedixwerin an jî bi tilîya kodalêsê va ji wê xwînê li enîya xwe dixistin. Di ocaxa "Cin Teyar" da beran û dîkên sipî dikirin qurban, ji wê xwînê çend niqitk li enîya nexweş dixistin û ew teslîmî ruhê Cin Teyar dikirin. Ji goştê di ocaxê da serjêkirî nexweş didane xwerinê wek tulusm.

Ev edetê ku ji xwîna heywanê qurbandayî vedixwin û li enîya xwe dixin, bal gelek miletên xaçparêz û ne xaçparêz jî heye.

Xevsûran bi xwîna qurbanê bi xaçkî li enîya nexweş dixistin²⁹³, lê osan niqitkên pêşin yên xwîna heywanê qurbandayî davîtime nava êgir²⁹⁴.

Xwerina çîtîyekî ji goştê kelandî an jî xav û ji xwîna qurbanê çend niqitk vexwerin an jî li enîya xwe xistin bal gelek miletan, herwiha bal kurdan jî, xwedî kemala pêwendîdanînê ye. Hîm û kokên vî edetî gerekê di dewrana derebegîyê da bigerin, dema di hemû dînan da ruhberê ku dihate hebandin, heywan bû. Pêwendîdayîn dihate wê maneyê, ku bi xwerina goştê qurbanê û vexwerina xwîna wê dîndaran bi Horî û Melekan va bi goşt û xwîn va dihatine girêdanê, dibûne kesên hev yên xwînî, bona di paşdemê da dua wan Melek û Horîyan li ser wan be.

Cûrekî qurbandayîna êzdîyan jî hebû: ew zirardayîna bedena xwe bû, wek di wextê çalkirina mirîyan da ser çavên xwe dirûçikandin, xwîn dikirin, porên xwe dibirîn û kurr dikirin, rojî digirtin, bi meh û salan heznî diman.

Heta niha jî rojî girtin di nav êzdîyan da maye, lê yên dinê, ku me li jorê behsa wan kir, hema bêje nemanê.

Tevaya civaka êzdîyan tevî qurbandayîna dibû. Piştî qurbanê millet berev dibû, bi hev ra nanê qurbanê dixwerin, ku ew bigihîje ruhê mirîyan. Ev yeka derbazî nava xaçparêzan û mehmedîyan da jî bûye.

Gorî qewal Hecî, xwerina nanê qurbanê bal xaçparêzan mîna wê nanxwerinê ye, ku li ber ziyareta Lalişê tê xwerinê. Eger ew nanxwerin bi amadebûna millet nîbûya, gorî êzdîyan ew wek qurban nedihate qebûlkirinê. Ev qurbandayîna tenê di ocaxên ziyaretî da dihatine dayînê – di çiyayê da, di bin darê buhurtî da û ber ziyaretan. Li goristana jî, ser mezelan qurban didan.

Qurbandayîna li ser mezelan bal yûnanîyên kevin jî hebûye. Ew yek di berhema "Îlîakan" ya Homêros da derbaz dibe. Li wir Akîlê bona ruhê Patroklê nanê xêrê dide.

²⁹¹ H.Magsûdyan. Erf û edetên ermenîyan yên di dema derebegîyê da û qurbanên bona Xwedayan. Êçmîadzîn, sala 1945an, adar-nîsan, rûpel 2.

²⁹² R.Lescot. Textes kurdes. Meme Alan, Beyrouth, sal 1942, rûpel 6.

²⁹³ A.Ya.Kamarauli. Xevsûrîya. Tîflîs, sal 1929, rûpel 80.

²⁹⁴ M.Kovalêvskî. Berevoka nivîsan, rûpel 79.

Gelek mîlet, di nav wan da kurd jî, piranî derbaharê qurban didan.

Qurbandayîn, duakirin, heyteholên dînî ji bo wê yekê baharê dikirin, ji ber ku di wê demsalê da tebîyet hişyar dibe, nan zîl dide, digihîje, kulîlk dibişkivin, hêşinayî çîl dide, bona nan pir bûya, tebîyetê heqê merivê xebatkar bida.

Жертвоприношения

Обряд жертвоприношения в жизни и верованиях курдов-езидов занимал важное место.

Жертвенное животное предварительно освящалось религиозными обрядами. Шейх езидов заранее наносил краской метку на голове жертвенного ягненка и молитвой просил Малакетауса признать данное священнодействие истинным курбаном /жертвоприношением/.

Жертвоприношение в основном отправлялось в оджахх шейхов, пиров или кочаков.

Еврейские легенды о жертвоприношении через Святую книгу получили широкое распространение в мифологии многих народов. Общеизвестна история Абраама, который был готов во имя бога принести в жертву своего отрока. Эта легенда почти с аналогичным содержанием бытует и среди курдов и называется "Сын Абрама" (Kurê Abram). Она повсюду на устах у всех. Естественно, курды-езиды подвергли эту легенду определенным изменениям, присвоили ее себе и рассказывают ее в соответствии со своим пониманием этой истории.

Малакетаус, будучи милостивым к Абраму, которому сделал много добра, решил испытать его на преданность. Он потребовал, чтобы Абрам отвел своего сына ИСО /Исаака/ на вершину горы Джуд и принес его в жертву. Абрам безропотно взял сына и поднялся на гору Джуд, где, согласно легенде, и по сей день горит вечный огонь. Вдруг на горе до Абрама донесся некий таинственный голос, повелевающий взять нож и зарезать сына. Абрам смиренно взял в руку нож и поднес к шее сына, но в этот миг перед ним в облике птицы появился Малакетаус и велел Абраму остановиться. Малакетаус сообщил Абраму, что он убедился в его преданности и верит ему.

Абрам поблагодарил бога и произнес:

*Xodê tu kerîmî,
Melektaûs, tu rehîmî,
Ez razîme ji keremê te*

*Господь наш - ты благодетель.
Малакетаус, ты милосерден,
Благодарю тебя за милость твою.*

Возблагодарив бога, Абрам взял отрока своего за руку и радостно возвратился домой.

Еврейская и курдская легенды по содержанию почти одинаковы, но разнятся тем, что в курдском варианте Абрам действует без слуг, а в еврейском Абраам отправился на гору вместе со своими слугами.

Ни в библии, ни в самой легенде "Абраам" об участии женщины ничего не сказано, в то время как в курдском варианте упоминается жена Абрама, считавшаяся дочерью рода, клана (кнез). В курдском варианте упоминается также гора Джуд (Çуауе Сûd) с вечным огнем на вершине, о чем ничего не говорится в еврейской легенде.

Легенда "Абрам" в курдской мифологии - это вариант народного пересказывания еврейской легенды, в коих объединяющей нитью является идея жертвоприношения во имя обретения благосклонности и покровительства богов и духов.

В жертву езиды приносили исключительно животных-самцов, в основном это был баран или белый петух. Жертвоприношение осуществлялось в святых оджахх или у подножья гор возле священных деревьев, пещер, родников и камней. По обычаю этот обряд совершался руками мужчины.

Подобный обычай существовал также у армян, евреев, греков, грузин и еще у многих других народов. У евреев и древних греков считалось, что первым жертвенным животным должен быть самец.

По свидетельству Григора Татеваци, "жертвенного животного должен был зарезать только мужчина, который обязательно должен был быть из мирян и человеком верующим".²⁹⁵ Мысль о принадлежности жертвенных животных к особи мужского пола просматривается и в курдском фольклоре. В знаменитой поэме "Маме и Зине" ее персонажи, трое братьев, в знак того, чтобы им сопутствовала удача, в жертву приносят барана, мясо которого раздают сиротам, беднякам и нищим.²⁹⁶

В сказке "Давреш" ее герой Давреш, чтобы найти своего сына и вырвать его из рук великанов, возле капища у горы Ардауд в жертву приносит ягненка-самца.

Если жертвоприношение не помогало успешному завершению задуманного дела, езиды приносили к святым местам три камня и оставляли их там. В народном понимании этот обычай символизировал нейтрализацию зла, и, возможно, в некоторой степени связан также с культом камня.

В начале XX века в местах компактного проживания курдов-езидов имелись следующие священные оджахи и места, где осуществлялся обряд жертвоприношения:

- 1.Оджах шейха Хасана в с.Яманчаир Тегорокого района Карской области.
- 2.Оджах Джин Тайара в с.Мирак Апаранского района.
- 3.Оджах шейха Амо и кочака Худо в с. Карвансара Артикского района.
- 4.Оджах кочака Амо в с. Малый Джамушлу Апаранского района.
5. Гора Бозутлу в Талинском районе.

Обряд жертвоприношения у езидов ознаменовывался выпиванием нескольких глотков жертвенной крови или нанесением нескольких капель на лицо с помощью указательного пальца.

В святом оджахе Джин Тайар в Апаранском районе для исцеления страдающего недугом человека в жертву приносили барана и белого петуха, кровью которых на лбу больного делали отметину и после этого передавали его под покровительство духа Джин Тайара. Мясо жертвенного животного обычно отваривали. Сам больной и его родственники, обратившиеся к святому оджаху за помощью, непременно обязаны были отведать немного жертвенного мяса в качестве ТУЛУСМЫ /т.е. в качестве причащения и священного снадобья/.

Ритуал испития жертвенной крови и смазывания ею лба существовал также среди некоторых христианских и нехристианских народов.

Хевсуры кровью жертвенного животного рисовали крест на лбу больного²⁹⁷, а осетины первые капли жертвенной крови бросали в огонь.

Поедание кусочка сырого или вареного мяса жертвенного животного, испитие крови или смазывание ею лба у курдов имели значение причащения. Корни этого обычая

²⁹⁵ Т.Максудян. Родовые обычаи Армении и жертвы богам. - Эчмиядзин. 1945г. март-апрель, стр.2 (перевод с арм. яз.)

²⁹⁶ R.Lescot, Textes kurds, Mame Alan, Beyruth, 1942, p.6

²⁹⁷ А.Я. Камараули, Хевсурия. Тифлис, 1929г., стр.80

восходят к периоду первобытного общества, когда главенствующим предметом религиозных культов являлись тотемные животные. Причащение означало стать плотью от плоти получив тем самым его надежное покровительство и опеку.

Жертвоприношение у езидов выражалось также самоистязанием своей плоти: женщины во время похорон близкого человека царапали себе лица, рвали на себе или стригли волосы, мужчины обеими руками били себя по голове и т. д.

Как пережиток прошлого и в наши дни тоже верующие езиды продолжают соблюдать пост, а обычай жертвоприношения, о чем говорилось выше, постепенно исчезает

Жертвоприношение у езидов носил характер общественного мероприятия. Это выражалось в том, что после принесения животного в жертву устраивалась большая общая трапеза с исполнением всех религиозных обрядов. Такая трапеза с людским собранием являлась клановым /родовым/ мероприятием и имела коллективный характер. У многих народов принявших христианство или ислам, эти обряды были освящены соответствующими религиозными законами.

Со слов кавала Аджи, христианские трапезы организованные обряда по случаю жертвоприношения, внешне похожи на курдские, устраиваемые у храма в Лалеше.

В случае, если трапеза была неколлективной, езиды такой обряд не признавали курбаном²⁹⁸ (qurban). Подобные мероприятия проводились, как правило, в святых местах, оджах, в горах, под священными деревьями и т. д. Подобный обряд жертвоприношения с коллективной трапезой в память об усопших исполнялся и на кладбищах.

Обычай коллективных трапез на кладбищах существовал и у древних греков, который нашел свое отражение в "Иллиаде" Гомера, когда Ахиллес во имя спокойствия души Патроклеса организовал подобную трапезу.

Многие народы, в том числе и курды-езиды, животных в жертву приносили, как правило, в начале весны.

Исполнение в весенний период обряда жертвоприношения, ритуалов и молитв связано было с пробуждением природы и всходом зерновых культур, чтобы год выдался хлебным и природа в благодарность за людской труд наградила их своими дарами.

18. Ruhanîya êzdîyan, koçek, qewal

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dîke, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinîna da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dîke bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Ruhanîya êzdîyan pareveyî li ser van kastayan dibe: Şêx²⁹⁹, Pîr³⁰⁰ û Qewal³⁰¹.

Gotina **qewal** di kurdî da tê maneya pêxember. Herwiha koçek û feqîr jî hene, ku ne endamên ruhanîyê ne, ewana têderdixin ka wê çi biqewime û herwiha heyteholên dînî dikin.

Gorî êzdîyan merivên ruhanî herwiha perwerdekar, şewirmend û pêşikêş in jî. Her eşîretek xwedî şêx û merivên xwe yên ruhanîyê ye û karê wan ne tenê ew e, ku eyd û erefatên dînî bikin, lê herwiha gerekê navê eşîretê bilind bikin, riya rast nîşanî mirîdên xwe bikin.

²⁹⁸ Курбан – жертвоприношение

²⁹⁹ Şêx gotineke erebî ye, terbiyetdar û serekê dînî ye.

³⁰⁰ Pîr gotineke fârizî ye, fikira gotina şêx tê da heye.

³⁰¹ Qewal – nûnerê ruhanîyê ye, ku ji bav û kalan derbazî zureta wan dibe.

Wek edet ruhenîyên ji kastayên ji hev cuda nikarin bibine xizm û xinamîyên hev, ango zewaca di navbera wan da qedexe ye.

Hemû ruhanîyên êzdîyan zuretî ne, ango nayêne hilbijartinê, û piranîya wan kîsî dîndaran dijîn.

Gorî edetê êzdîyan heytehol û eydên ayîna dîn bi destî ruhanîyê mêr tê kirinê, jinên wan jî ruhanî ne, lê ew nikarin karên dînî bikin, ji ber ku bi qanûna dîn jin ne paqij e.

Himberî şêxan hukumê nûnerên dîn yên din, wek pîr û qewal, kêmtir e. Li demên buhurî serekeşîr an jî Şêxê sereke gorî edetê dikaribûn mirîdekî eşîretê an jî berê bona şaşîtîyekê an jî kêmasîyeke mezin ji eşîretê bi dûr bixin, lê di destê pîr û qewalan da destûreke wisa tunebû.

Şêx, Pîr û Qewal ji kastayên ruhanîyê yên ji hev cuda ne, lema jî maf û extîyarîyên wan jî ji hev cuda ne.

Şêx erefatên dînî dikin, wek mirîdên mirî dişon³⁰², çal dikin û qewilên dînî dibêjin.

Di wextê qurbandayîne da şêx gerekê hazir bûya, karên dînî bikira, wek ji xwîna heywanê ku bona qurbanê hatîye serjêkirinê, çend niqîtî li enîya zara nexweş dixist, goştê qurbanê di nav kesîb û belengazan da bela dikir û h.w.d.

Karê şêxan yê sereke ew bû, ku hebandina Melekê Taûs, Şîxadî û Êzdî pêxember di nav êzdîyan da bidine parastinê û kûrîkirinê. Qewilên derheqa mezinaya wan da tenê şêx li ser şînan digotin.

Tenê destûra şêxan hebû di dema nîşanîya tezewicîyan da nehekê bibire û bi wê va girêdayî dua û dirozgeyên dînî bike. Di wan heyteholan da ewî ji mala zavê gelek hedîya distandin.

Piştî çalkirina mirîyan şêx gerekê berî destpêka dayîna nanê xêrê qewilek bigota. Ev yek di mehên baharê, di dema xêrdayînan jî li ser mezelan dihate kirinê.

Hemû cûre dua, dirozge û qewilxwendin ji aliyê şêxan da dihatine kirinê.

Dema yekî/e nenas dibû endamê eşîrê an jî berê, şêx gerekê ew yek bi heyteholeke dînî bikira. Ew nêzîkî wî nenasî dibû û digot:

*”Bi helalî, bi dilê safî
Kurê vê berê bî
Tê bibî, tê bibî”.*

Niha ji rûyê wê yekê da, ku pêwendîyên xwînî di nav qebîl û beran da sist bûye, ev vedet hema bêje ji holê rabûye.

Şêx xên ji ku di hêla dînî da serkêşî li mirîdan dikin, herwiha ew di jîyana dervayî dînî da jî serek in, beşek ji wan serekên eşîrê ne.

Niha jî mîrê êzdîyan yê herî mezin Şêx e, ku li herêma Şengalê dimîne û ji wira bi destî qewalan serokatî li êzdîyan dike.

Hinek şêx zordestî li mirîdên xwe dikirin, heta carna mirîd dewsa ga horîka şêx dajotin, erdê wî bêcer dikirin, şov dikirin, diçûne ber pez û dewarên wan, baharan bi wan ra diçûne zozanan, karê mala wan dikirin, lê jinên mirîdên êzdîyan belaş miqatî li pez û dewarên şêx yên şîrî dikirin û karên malê yên hûr û gir dikirin.

Berî şorişa Oktobir êzdî nexwendî bûn, di rûyê edetên kevin yên ziyankar da êzdî nedîçûne mekteban. Merivên ruhanî hewil didan di nav êzdîyan da ew fikira Şîxadî bidine rikinkirinê, ku ”xwendin ji êzdîyan ra dest nade” û lema jî kêmtir kes diçû mekteban.

Nûnerê dînê êzdîyan yê duduyan – Pîr gerekê ev karên bi dîn va girêdayî bikira: porên zarê yeksalî bibirîya, dua li Melekê Taûs bikira, bona zaro saxlem be û emirê wî dirêj be, mêrxas be û lawê eşîra xwe yê hêja be.

Destûra Pîr hebû bona nexweş ji mirinê xilaz bike, heyteholên dînî bikira, wek ku koçek dikirin, yên ku porên nexweş dibirîn û di nav xwelîya ber şêmîkê çal dikirin.

³⁰² Jinên mirî ji aliyê jinên şêxan da dihatine şûştinê.

Wextê mî berx dianî Pîr di mala mirîdê xwe da dua dikir bona berxên zayî sax bimînin, bona mî du berxan bînin. Ji wan duayan çarxetek:

*”Memê Şivan, tu hadir î
Memê Şivan tu qedir î
Me zêde ke pez û hirî
Nede me şîn û girî”³⁰³.*

Di şahîyan û dawetan da gava şêx amade nebûya, Pîr dewsa wan digirtin.

Pîr heywanê ji bo qurbanê hildibijartin, wek nîşan, guhê wan jê dikirin, hirîya wan reng dikirin, paşê dikirin qurban.

Pîr perwerdekar bûn, gotina wan bona êzdîyan gerekê bibûya wek ”şûrê birran”, ango gotina wan duta nedibû.

Tenê fûnksiyoneke qewalan hebû: ku di nav êzdîyan da hebandina Melekê Taûs bidine kûrkinê. Ewana li gundê Beedrê, herêma Lalişê, devera Şengalê dimînin û karê xwe bi serokatîya Mîrê Êzdîyan bi rêva dibin. Ewana her sal ji ziyareta Şîxadî heykelê Melekê Taûs hildidan, gund bi gund digerîyan û xêr û xêrat berev dikirin. Ew dihatine nava êzdîyên Ermenîstanê jî. Mirîd li ku jî bûna - li zozanan, gundan, an havîngehan – qewalan bi dil û can qebûl dikirin, heyteholên dînî dikirin, qedriê wan digirtin û ji wan ra hurmet dikirin.

Ew mala ku gerekê qewal lê bihêwirîyana, him mêr, him jî jin ji berê da bi hêvîyeke mezin hazirîya xwe didîtin bona heykelê Taûs bi layîqê qebûl bikin, dora wî heykelê direqisîyan, heta ew dibirine odayê. Dema ew heykel îdî wê bikirana odayê, ber şemîkê pezek li erdê dixistin, qurban didan. Piştî qurbandayîne qewalan li defê û şîbabê dixistin, lê kesên hazir direqisîyan. Di nav reqasçîyan da gerekê him mêr hebûna, him jî jin û bi reqasê va Taûs verêyî odayê dikirin³⁰⁴.

Wisa xuya ye, ku ev reqasên dînî girêdayî Taûs ra di nav êzdîyan da ji demên pûtperestîyê maye. Di wan deman jî gerekê jin û mêr wekehev tevî heyteholên dînî bibûna.

Qewal piştî ku ji warekî hediya berev dikirin, berê xwe didane warekî din û li wir jî hediya û pêşkêş berev dikirin. Di nav êzdîyan da bûbû edet, ku hediya bidine nûnerên ruhanîyê, tişteki guneh dihate hesibandin, eger wisa nekirana, kê ku hediya nedida, heta ew êzdîyekî destteng jî bûya, qewal nifir li wan dikirin û didane rûyê wî.

Qewal tevî karê nûnerên ruhanîyê yê mayîn nedibûn, destûreke wan ya wisa tunebû, ew tenê ”dergevanê Melekê Taûs” bûn, ango, qulixî (xizmetî) Melekê Taûs dikirin.

Qedexe bû, ku Şêx, Pîr an jî Qewal bi mirîdan ra bizewicin. Heta ewana bi xwe jî nikaribûn di nav hev da bizewicîyana. Ango, şêx bi şêxan ra, pîr bi pîran ra, qewal jî bi qewalan ra dizewicîn. Heta şêx, pîr û qewalên ji malên cuda jî nikaribûn bi hev ra bizewicîyana. Bi bawerîya me ew qedexe ji wê yekê dihat, ku nûnerên ruhanîyê ne dixwestin ku hukumê wan yê ku ji zuretê derbazî zuretê dibe, ji dest wan derkeve.

Êzdî wek edet destê kesê ruhanîyê yê rastê maç dîkin û dibêjin: ”Ez xulamê ocaxa te me”. Di şînan û şayan da, heta di wan deman da jî, eger mirîd di rê da rastî nûnerê ruhanîyê bihata, dîsa diçûne destê wî yê rastê. Ev edetê kurdan ber çavên zanyarê alman Lêman Haupt ra jî derbaz nebûye, ku di dema rêwîtiya xwe ya li Ermenîstanê dîtibû: ”Qadir axa hazirîyake bi gotina we dîtibû û li benda mêvanan bû. Çaya Şêx hazir bû û jê ra fêkî jî anîn. Mêvanê pêşin ber çavên hemîyan destê Şêx yê rastê radimûse, paşê kurdên din jî çav didine wî...”³⁰⁵.

Di nav kurdan da koçek jî nûnerên ruhanîyê ne. Koçek tê maneya koçkirinê, barkirinê û ew fikir tam gorî cûrê jîyana wan e. Koçek qedera merivan dîyar dîkin û xewnan şirove dîkin, warên

³⁰³ Ev dua ji devê binecîyê gundê Qundexsazê, navçeya Aparanê Ahmê Çolo hatîye girtin, xudanê vê berhemê sala 1940î ew nivîsîye.

³⁰⁴ Malxwêyê malê xurca, ku heykelê Taûs bi du kerîyan va di tê da bû, davîte ser mile xwe yê rastê, bi rêberîya qewalan dikete hundur, ji dîwêr va an jî ji sitûna kon va darda dikir.

³⁰⁵ Lehmann Haupt. Armenien einst und jetzt. Berlin, sal 1910, rûpel 232.

wan yên jîyînê heye jî, lê ew ji gundekî diçûne gundekî din, diketine mehikê³⁰⁶ û bi sêrbazî qedera merivan û qewimandinên tebiyetê dîyar dikirin û şirove dikirin.

Jimara koçekan zêde nîne û ew kar ji zuretê derbazî zuretê nabe. Di nav êzdîyan da him merivên ruhanî, him jî mirîd dikaribûn bûbûna koçek bi şertê eger ruhekî di qilixê ruhberê da bihata xewna wî û jê ra bigota:

-Tu îdî koçek î.

Kesê ku ew xewin dîtibe, hişyar dibe, berê xwe dide gel û dibêje, ku ew koçek e û destbi karê koçekîyê dike.

Piranîya koçekan dersên xwe ji jîyanê digirin, dema di warekî da merivên ruhanî tunebin, ew dikarin di çend pirsên dînî da dewsa wan bigirin.

Eger koçek şêx bûya, ji wî ra ”Şêxê koçek” dihate gotin û xên ji karê koçekîyê, hinek karên şêx û pîran jî dikaribû bikira.

Feqîr jî ji malbeta nûnerên ruhanîyê ne. Feqîrtî jî mînanî qewaltîyê ne ji zuretê derbaz dibû. Ewana jî heyteholên sêrbazîyê dikin û bi wê yekê va dixwezin bidine kivşê ku hêzeke wan ya batinî heye, ew heta dikarin çiya jî welgerînin, avê berbend bikin, pêşîya wê bibirin, kanîyan bimiçiqînin, erdhejan bixuliqînin û h.w.d.

Meriv dikare feqîran ji kincên wan nas bike, ji ber ku kincên wan ji hirîya (rîsê) sipî hatine dirûnê. Ev yek ji demên buhurî tê, dema eşîretan bawerîya xwe bi berên dianîn û hirîya berên wek tiberk dihate qebûlkirin. Kurdan bi hirîyê sond dixwerin, gelek cara sonda wan ha bû: ”Ez bi vê biska hirîyê kim”.

Karê feqîran parastina ziyareta Şîxadî ye. Bona nexweş ji nexweşîyê xilaz bikin, kevir datanîn li ser zikê xwe û dişkênandin. Ew dihate wê maneyê, ku xudêgiravî ew wî ruhê neqenc hûrxweş dike, ku ketîye canê nexweş. Feqîran ji devê xwe kevirên hûr derdixistin, direşandin, ew kevir dipişirandin û dikirine wek ar û h.w.d. Feqîr ji koçekan bi wê yekê va dihatine cudakirinê, ku xewn şirove nedikirin, wana wextê heyteholên dînî navê Melekê Taûs didan, wextê berevkirina pereyan keşkûla xwe dirêjî haziran dikirin.

Gorî gotinên feqîran, pêşîyên wana di dema Şîxadî da jîne û di bin baskê wî da bûne, ji ber ku ewana xulamên ocaxê bûne.

Gelek edetên feqîran yên ecêb hebûn, wek nimûne, tenê birayê wan an jî destebirakê wan dikaribû porê wan kurr bikira. Piştî mirina wana, destûra tu kesî tunebû nêzîkî meytê wî bibin, xên ji merivên ruhanî, tenê merivên ruhanî dikaribûn kincên wî bêxistana û kefen bikirana.

Kincên mirî bi meyt ra tevayî dibirine ser mezê, lê piştî çalkirinê, eynî ew kesê ruhanî, ku feqîr çal kiribû û ser mezê qewil gotibû, her tişt di mala rehmetlêbûyî jî, li ser kincên wî, digot û paşê ew kinc hildida ji xwe ra.

Gotina **koçek** ya êzdîyan û gotina **feqîr** ya ereban bi koka xwe va ji sûfî tîn, lê gorî sûfîzmê ewana gerekê bigihîjine hev, bi Xwedê ra pêwendîyan deynin, ji bo xatirê Xwedê qurbanan bidin, bi derblêdanan êşê bigihînine canê xwe, rojîyan bigirin, pey erzê xelkê neçin, bona dîn serê xwe bidin û h.w.d., bona li wê dinyayê herine buhuştê.

Koçek û feqîr kesên ruhanî nîbûn, lê dîsa jî di nav millet da qedirê wan wek qedirê horî û melekên bû.

Езидское духовенство, касты, прорицатели

Духовенство курдов-езидов состоит из следующих каст: шейхи³⁰⁷, пиры³⁰⁸ и кавалы³⁰⁹.

³⁰⁶ Mehik heyteholek e, ku xudêgiravî merivan nêzîkî melek û horîyan dike.

³⁰⁷ Шейх - арабск., представитель старшего поколения, воспитатель, наставник, предводитель духовенства.

³⁰⁸ Пир - персидск., имеет значение слова шейх.

³⁰⁹ Кавал - представитель низшего духовенства, исполнитель религиозных гимнов и ритуалов.

Кавал - курдское слово, означает проповедник. Существуют также кочаки и фахиры, но они к духовенству не относятся. Они считаются соответственно прорицателями и исполнителями магических ритуалов.

В духовных лицах езиды одновременно видели воспитателей, наставников и предводителей. Каждое племя в лице шейха имело свое духовенство, в обязанности которого входило не только возвышение авторитета племени в глазах других, но и воспитание его членов.

Кастовые обязанности и функции духовенства передаются по наследству. Оно большей частью живет и существует за счет и на средства верующих.

По традиции браки между представителями духовенства разных каст запрещены, и поэтому сватовских отношений между ними нет.

Согласно существующим обычаям, все религиозные обряды отправляются духовными лицами только мужского пола. Несмотря на то, что жены священнослужителей, в соответствии с законом о кастовой наследственности, тоже относятся к духовному сословию, тем не менее им запрещено исполнять религиозные ритуалы и обрядовые действия, потому что по религиозным канонам езидов женщина по своей природе не считается чистой.

В практической жизни езидского общества функции других религиозных каст - пиров и кавалов - в сравнении с функциями и правами шейхов заметно ограничены. В старину, обычно, вождь племени или один из почитаемых шейхов вправе были изгнать из племени или рода любого его члена за провинность или непристойный поступок, тогда как пиры и кавалы таким правом не обладали.

Принадлежащие к разным кастам духовенства шейхи, пиры и кавалы имели разные права, обязанности и функции.

Шейхами исполнялись все без исключения религиозные обряды: омовение тела умершего члена племени³¹⁰, исполнение во время похорон всех ритуалов с чтением каулов - религиозных гимнов

Жертвоприношения, осуществляемые по разным поводам, организовывались шейхами. Ими же и совершались все ритуальные действия, скажем как смазывание лба ребенка жертвенной кровью и раздача мяса бедным и нищим и т.д.

Главная задача шейхов заключалась в сохранении и укреплении у езидов чувства веры и почитания Малакетауса, Шехад и праотца езидов - Эзди. Везде на всех мероприятиях каулы, воспевающие эти божества, пели только шейхи.

За шейхами сохранялось также право вести переговоры между сторонами жениха и невесты во время сватовства (*nahik birîn*) и в этой связи исполнять религиозные обряды, после чего родителями новоиспеченного жениха ему преподносились дорогие подарки.

При раздаче поминального угощения (*nanê mirya*) после погребения усопшего шейх произносил каул-молитву, и лишь потом все садились за поминальный стол. В "День поминовения и раздачи поминальных угощений" (*Rojên belakirina nanê mirya*), который отмечается весной, поминальные столы с угощениями накрываются также на самом кладбище.

На праздничных торжествах всеми ритуалами и обрядами руководили шейхи.

Обряд "Усыновление" исполнялся в связи с приемом чужака в свое племя, и все это происходило под руководством шейха, который подходил к усыновляемому и произносил:

*Bi helalî, bi dilê safî,
Kure vî malî bî,
Tê bibî, bibî.*

³¹⁰ Тело умершей женщины омывала жена шейха.

*С открытым сердцем и душою чистой
Будь сыном дому этому,
Да будет так! Да будет так!*

На сегодняшний день по причине ослабления крепких в прошлом родоплеменных и кровных уз эти обычаи постепенно изживают себя.

Итак, основное право на исполнение всех религиозных обрядов и треб, в том числе и решение вопросов чисто бытового значения, предоставлено было касте шейхов, которые одновременно являлись также предводителями племени. И в наши дни предводителем всего духовенства и езидства считается Верховный шейх - МИР, который проживает в Снджарском районе Ирака и оттуда через своих кавалов управляет всеми езидами.

Своих мридов /мирян/ шейхи эксплуатировали привлечением к различным работам. Было обычным явлением, когда мриды своим собственным тягловым скотом и инвентарем вспахивали земельные угодья шейхов, пасли в горах их скот, оберегая от диких зверей, весной без какой-либо оплаты или вознаграждения поднимали в горы на стойбища весь их домашний скарб и шатры, а женщины-простолюдинки обязаны были бесплатно доить их коров и овец и выполнять мелкие работы по хозяйству.

До Октябрьской революции и в первоначальный период Советской власти среди курдов-езидов в Армении царила поголовная неграмотность. Благодаря стараниям шейхов люди продолжали пребывать во тьме. Это было самой большой трагедией в жизни курдов-езидов той поры. Духовенство своими проповедями всячески старалось закрепить среди населения учение Шехади о том, что "Ученье для езидов - большой грех", однако в действительности грехом можно было считать то, что мало кто посещал школы, организованные для ликвидации общей безграмотности.

Следующей кастой в иерархии духовенства являлись пиры, в обязанности которых входили следующие действия: стричь волосы годовалому ребенку, обращаться с молитвой к Малакетаусу с просьбой подарить ребенку здоровье, чтобы он прожил долгую жизнь, стал храбрым воином и достойным членом своего племени. Пир вправе был ради спасения больного ребенка от смерти отправлять ритуальные действия магического характера: отстричь клочок волос с головы ребенка, как это делали кочаки, и закопать у порога дома, чтобы изгнать злых духов.

В период окота овец пиры приходили к мридам домой, исполняли определенный ритуал с молитвой, чтобы овцы принесли по паре ягнят и чтобы они родились здоровыми. В одной из таких молитв говорится:

*Metê Şvan, tu herderî,
Metê Şvan, tu qedrî,
Me zêdeke pez û hirî,
Nede me şîn û girî.*

*Маме Шванн, ты повсюду с нами,
Маме Шванн, ты нам подмога,
Увеличь нам поголовье овец, чтоб шерсти много стало.
Чтоб не было у нас ни печали, ни горя.³¹¹*

В праздники или во время коллективных трапез по случаю какого-либо события при отсутствии шейха все необходимые обрядовые действия совершались пиром.

Если предполагалось совершение ритуального жертвоприношения по какому-либо поводу, то для этой цели жертву выбирал пир и обозначивал животное обрезанием его

³¹¹ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского р=на Ахме Чоло записал автор в 1940г.

уха или нанесением краской отметины на спине. Это означало, что данное животное в дальнейшем будет принесено в жертву.

Пир у езидов выступал также в качестве духовного наставника, чьи слова для каждого курда-езида считался "Шуребыр" (Şûrebir)³¹², т.е. законом.

У кавалов была только одна функция: укреплять культ Малакетауса среди единоверцев. Кавалы проживают в селе Баадр возле святилища Лалеш в Снджарском районе /Ирак/, которые к исполнению своей миссии приступают только по приказу Мира - Верховного религиозного предводителя. Они из года в год берут хранившуюся в святилище Шехадии фигурку Малакетауса в виде павлина или голубя и с нею обходят все деревни курдов-езидов, собирая подношения.

Бывали они и в селах курдов-езидов в Армении,

В любом месте - в селах, в горах или зимовьях - курды-езиды с большими почестями и уважением принимали кавалов с соблюдением всех необходимых для этого обычаев и обрядов.

Члены семьи курда-езида, в доме которого должны были останавливаться кавалы, от мала до велика с неким тайным чувством благоговения встречали кавалов с изображением Тауса в их руках, и с песнями и плясками, с ликованием сопровождали их до комнаты для гостей. Перед порогом дома, где остановились кавалы, приносили в жертву барана.

После жертвоприношения кавалы начинали играть на шебабе и бубне.

Часть присутствующих приступала к ритуальным танцам с шествием к дому, где должны были остановиться кавалы с фигуркой Тауса³¹³. Тем временем музыка продолжала играть. В этих танцах должны были участвовать как мужчины, так и женщины.

Вероятно, исполняемые танцы в честь Тауса являлись пережитками религиозного гетеризма, имевшего место и среди курдов-езидов.

По завершении сбора подношений и подарков кавалы направлялись за дарами в другие селения курдов-езидов. Подношение даров духовенству твердо вошло в быт курдов, став традицией. Воспротивление этому приравнивалось к греху.

В случае если кто-то из верующих из-за отсутствия средств или в силу определенных обстоятельств не делал подношений, то удостоивался презрению и проклятию со стороны кавалов.

Кавалы не вмешивались в дела и функции духовенства из других каст - да и права такого они не имели. Они считались "Стражами врат обители Малакетауса" (Dergevanê Melektaûs), находясь, так сказать, у него в услужении.

Шейхам, пирам и кавалам запрещалось вступать в брак с мридами. Браки запрещены были также между представителями духовенства из разных каст.

По нашему мнению, запрет на брак между кастами духовенства и мридами необходимо связывать с нежеланием духовенства лишиться своих функций и обязанностей, передающихся по наследству.

Встретив священнослужителя, езид, обычно, целовал ему правую руку и произносил: "Я - слуга твоего оджаха/очага/" (Ez xulmê osaxa teme).

В траурные дни на поминках мриды поочередно целуют правую руку служителя культа и молча удаляются.

Очевидцем целования руки шейха был немецкий ученый Лехман Хаупт во время своего путешествия по Западной Армении. Он писал: "У предводителя рода Кадыр-аги был большой прием. Чай был готов... для шейха отдельно вместе с чаем принесли фрукты.

³¹² Шуребыр - букв. означает "Режущий меч"

³¹³ Переметная сумка, в которой кавалы несли фигурку Тауса, вешалась на правое плечо хозяина дома, который в сопровождении кавалов вносил в дом и вешал на восточную стену. А если это было в горах, то сумка вешалась на опорный столб установленного шатра.

Один из гостей с уважением приложился к руке шейха, за ним последовали и остальные курды."³¹⁴

К курдскому духовному сословию частично относились также кочаки. Слово "кочак" означает "кочевать", "перемещаться",- и оно по содержанию соответствовало их образу жизни. Кочаки считались прорицателями и ясновидцами; они хоть и имели постоянное место жительства, однако оседлый образ жизни их не очень привлекал. Кочаки предпочитали бродить из селения в селение, реализуя свое предназначение. Во время своих хождений по селениям они вступали в МАХЫК³¹⁵ (Mahiq) для общения с духами и предсказаний.

Кочаков в быту мало и их функции по наследству не передаются. Кочаком мог стать любой езид - и духовное лицо, и мрид, которому, якобы, приснился сон будто к нему в образе старца явился добрый дух и сообщил: "Ты уже стал кочаком!"

Сновидец, проснувшись объявлял народу, что он стал кочаком и будет заниматься прорицательством. Кочаки в основном состоят из числа мридов. В случае отсутствия духовенства, кочаки вправе были исполнить некоторые религиозные обряды. Кочак, принадлежащий к касте шейхов, назывался "Шехе кочак", который помимо прорицательства напрямую выполнял функции и обязанности как шейха так и пира.

К духовному классу примыкают также Фахиры. Фахи по арабски означает "бедняк", "нищий". Фахиры тоже не относятся к сословию, передающемуся по наследству. Они, как и кочаки, способствуют распространению религиозного мистицизма.

Фахиры как и кочаки, обладали незаурядными способностями. Применяя магию, они внушали людям, будто они наделены могучей сверхъестественной силой, способной даже перевернуть горы, останавливать реки, осушить родники, разбить скалы, вызвать землетрясение и т.д.

Перепутать фахиров с кем-либо было невозможно, их сразу можно было определить с первого взгляда по белой одежде из грубой домотканной шерсти (в данном случае "фахир" - это человек, давший обет нищенства, дервиш).

По нашему мнению, ношение одежды из сугубо грубой шерстяной ткани - это пережиток культа, восходящего корнями к тотемному периоду человеческого развития, когда фетишизированная овечья шерсть, являясь предметом родового поклонения, считалась священной. Отсюда и клятвоприношение, во время которого курды-езиды говорили: "Клянусь этим клоком шерсти" (Ez bi vê biskêkim).

В обязанности езидских фахиров входило служение храму Шехадии. Они, как и кочаки, занимались магией. Например, для "исцеления" больного фахир прибегал к исполнению определенных магических действий. На живот фахира клали камень, который разбивали. Это означало, что они сломали хребет вселившемуся в тело больного духа зла. Затем фахир извлекал изо рта мелкие камушки и разбрасывал в разные стороны. Часть этих камешек он дробил растиранем в ладонях, превращая в песок. И так далее. В отличие от кочаков, фахиры прорицательством и толкованием снов не занимались. Во время исполнения религиозных обрядов они беспрестанно произносили имя Малакетауса и обходили людей, протягивая им свои кушкеры - сумы - для сбора пожертвований.

По рассказам фахиров, их предки жили и существовали ещё со времен Шехадии /Шейха Ади/ и в лице последнего нашли своего покровителя, став верными и почтенными слугами его оджаха.

У фахиров был своеобразный обычай. Фахиру волосы мог стричь только его брат или дастабрак /побратим/. В случае смерти фахира никто кроме духовного лица не вправе был приблизиться к его телу - только представитель духовенства, в первую очередь шейх, имел право омывать его тело и надевать одежду на покойника. Во время похорон всю

³¹⁴ Lehmann Haupt, Armeneinst jetzt, Berlin, 1910, p.232

³¹⁵ Махык - вхождение в транс для общения с духами.

одежду усопшего, которая имелась дома, приносили на кладбище, а после погребения тела отдавали тому духовному лицу, которое дома и на кладбище произносило каулы-молитвы над этой одеждой.

Курдское слово кочак и арабское фахи по смыслу суфийские, а особенности суфизма и его учения известны как достижение непосредственного общения с богом, в честь которого надо исполнять обряды жертвоприношения, обрекать себя на плотский аскетизм - соблюдать пост в тиши и уединении, быть праведным, крайне сдержанным к женскому полу, жертвовать собой во имя веры и т.д., словом лишать себя всех удовольствий в реальной жизни, чтобы уже с отпущенными грехами обрести счастье в загробном мире.

Кочаки и фахиры хоть и не относились непосредственно к сословию духовенства, тем не менее представляли собой группу святых проповедников и наставников.

19. Xidirnebî an jî Xidireylaz

Qedir û hurmeta Xidirnebî an jî Xidireylaz di nav gel da wek qedir û hurmeta Melekê Taûs e, ji ber ku ew jî di qîlxê teyrede da, carna jî di qîlxê merivan da li me dîyar dibe û hesab dibe Xwedayê ekindarîyê û bereketê.

Xidirnebî merivekî dîrokî bûye, esker bûye, bi esilê xwe va yûnanî bûye. Wek ku miletê şahidê şerê Alêksandr Makêdon, wisa jî miletê kurd, ku şahidê şerê Xidirnebî bûye, li ser wî gelek evsane derxistîye.

Gorî qisebendeke êzdîyan Xidirnebî ji Gurcistanê keçek revandîye, lema jî ew ber çavên gurcan reş e.

Gorî destana êzdîyan "Xidireylaz" ewî êzdîyan ji gelek xeta û belayan xilaz kirîye, ew bextewar kirîye û kirîye bin perr û baskên Melekê Taûs.

Di nav êzdîyan da Xidirnebî ruhekî qenc e, ew carna di qîlxê teyrê sipî da, li ser hespê xwe siyarbûyî şerê ruhên xirab dike, merivan ji qezîya û bedbextîyan xilaz dike.

Xidirnebî di folklorê kurdî da wek Xwedayê ekindarîyê û bereketê tê ber çavan. Xidirnebî gelekî mînanî Sûrb Sargîsê ermenîyan e.

Bal ermenîyan, gorî Gr. Xapansyan, Sûrb Sargîs Xwedayê mirinê û xuliqînê ye, ango ew karê Ara Gêxêsîkê berdewam dike³¹⁶.

Dîndarên êzdîyan heta niha jî Xidirnebî dihebînin, boy xatirê wî her sal ji 23 meha sibatê destpêkirî qurbanan didin, sê rojan rojîyan digirin, eyd û erefatên dînî derbaz dikin.

Di folklorê kurdî da derheqa hatina Xidirnebî da kilam derxistine û di wan da xuya dibe, ku ew ji ezmanan peyayî ser erdê bûye û bi xwe ra kulîlkên buhuştê anîye:

"Xidirnebî, were, di nav cinetê ra were
Bi pîvong, ser hêşinayê ra were
Were, were, îdî bihar e
Tu bereketê bîne bi xwe ra"³¹⁷.

Di rojîyan da teşteke tijî ar datanîn ser nivînên sitêrrê û bawer dikirin, ku îza (rêç) simên hespê Xidirnebî wê ser arê sipî bimîne. Êzdî ser wê bawerîyê bûn, ku hema rêça simên hespê wî xuya bû, ew mal wê destxwe da dewlemend û bextewar be, mal wê bi zaroyan va tije be.

Di rojîyan da êzdîyan ne dixwer, ne vedixwer, di wan rojan da razana bi jinê ra guneh dihate hesabandin.

³¹⁶ Gr. Xapansyan. Bawermendîya Ara Gêxêsîk. Yêrêvan, sal 1945, rûpel 83.

³¹⁷ Yê gotîye binecîyê gundê Elegezê, navçeya Aparanê Ahmê Çolo ye. Xudanê vê pirtûkê sala 1939an ji zarê wî girtîye.

Roja çara piştî eydana Xidirnebî kurdan bi ar dîwarên malê, sitûn û kêranên ban nexş dikirin. Qîzan, kuran û pîran xewnên xwe şirove dikirin, ka kê çawa xeyalan dike, ku wê Xidirnebî bibîne – di dema ew di ezmanan da difire, an jî îdî peyayî li ser erdê bûye, bi hêrs e, yan beşerxweş e, dema ew ji ezmanan peya bû, siteyrk şa bûn, an melûl bûn, hîv vedibeşirî an na?

Ev edet di nav ermenîyan da jî belavbûyî bû. Di Cavaxkê da: "Milet ji van rojîyan ra dibêje rojîyên Sûrb Sargîs û roja şemîyê diçine dêrê û eyda wî bimbarek dikan. Di nav van pênc rojan da merivên wisa dikarî bibînî, ku di rojê da hinek kişmiş xwerine, an jî rojî girtine"³¹⁸.

Bi bawerîya êzdîyan ruh û Melek derengê şevê ji ezmanan dadikevine erdê.

Wê rojê ji şebeqê heta êvara dereng êzdî diçine malên hev, bêy ku silav û kilav li hev bikin, pey hev dikine gazî: "Eyda te bimbarek pîroz be".

Mêvanên hatî dor bi dor diçine rûyên neferên malê, paşê rûdinên nanê eydê dixun, li hinek cîyan li def û zurneyê dixistin, direqîsîn, distiran û heta şev nivê şevê şa dibûn. Keç û xort bona bigihîjine mirazên xwe, hey li ezmanan dinihêrîn, bona Xidirnebî bibînin ka ew çawa hildifire ezmanan, lê kalemêr berê xwe didane ezmanan bona bizanibin ka wê salê ekinê çawa be.

Ew eyd herdem derbaharê dihate derbazkirinê, dema dinya hişyar dibe.

Хыдырнаби или Хыдырайлаз

Некоторые особенности культа Малакетауса обнаруживаются и в культе Хыдырнаби или Хыдырайлаза,³¹⁹ который как и Малакетаус мог появляться в облике птицы или человека.

Хыдырнаби был исторической личностью, воином, греком по национальности. Многие народы, в том числе и курды, ставшие очевидцами великих походов как Алесандра Македонского, так и Хыдырнаби, сложили о нём множество разных сказаний.

[1] Хыдырнаби - езидское божество, иногда езиды называют его Хыдырайлаз.

Согласно одному из езидских преданий, грузины ненавидели Хыдырнаби за то, что он когда-то похитил девушку из Грузии.

В езидской легенде "Хыдырайлаз" ведется повествование о том, что он не раз спасал езидов от беды, одаривал их всякими благами и всегда неукоснительно подчинялся воле Малакетауса.

Хыдырнаби славился среди езидов и тем, что обладал качествами духа добра, который на своем коне, подобно Тайре спи /белому орлу/, сражался со злыми духами, избавляя людей от несчастий и бед.

В курдском фольклоре Хыдырнаби показан как бог урожая и плодородия. Он отождествляется с армянским святым Саркисом, который у армян по утверждению академика Гр.Гапанцяна "является воплощением смерти и возрождения божества, то есть его культ - это продолжение поклонения культу Ара Прекрасного".³²⁰

Верующие курды-езиды и в наши дни поклоняются Хыдырнаби, почитают его и каждый год, начиная с 23 февраля, в его честь люди в виде жертвы держат пост, а затем устраивают праздник.

В курдском фольклоре нередко встречаются посвященные Хыдырнаби песни. В одной из таких песен говорится о пришествии Хыдырнаби, которого люди просят спуститься к ним с небес с райскими цветами в руке:

Xidirnebî, were, nav cinetêra were,

³¹⁸ Yê.Lalayan. Cavaxk. Akadêmîya Zanyarî ya Ermenîstanê, sal 1987, rûpel 274.

³¹⁹ Гр.Гапанцяна, Култ Ара Прекрасного, Ереван. 1945г.. СТР.83 (ПЕРЕВОД С АРМ. ЯЗ.)

³²⁰ Гр.Гапанцяна, Култ Ара Прекрасного, Ереван. 1945г.. СТР.83 (ПЕРЕВОД С АРМ. ЯЗ.)

*Bi pivong, ser hêşnayara were,
Were, were, bihare,
Tu bereketê bîne xwera.*

*О, Хыдырнаби, приди к нам через кущи рая,
С гиоцинтом в руке пройдишь по зеленым полям,
Приди, приди - весна наступила,
С собой принеси нам все блага.³²¹*

В дни поста езиды обычно ставили у СТЕРА³²² полное корыто с мукой, веря, что Хыдырнаби не пройдет мимо их дома его конь наступит в корыто с мукой и оставит следы. Считалось, что след копыта в тазике с мукой - это счастливое предзнаменование и сулит данной семье богатство и много детей.

В дни поста езиды ничего не ели и не пили, а вступление в половые отношения приравнивалось к греху.

По окончании трехдневного поста четвертый день считался праздничным, этот день езиды называют АЙД (Eyda). В указанный день мучной болтушкой разрисовывали стены сакли, опорные столбы и несущие потолочные балки. Девушки и юноши, старики и старухи начинали рассказывать друг другу о своих снах о том, каким им приснился Хыдырнаби, веселым или хмурым, улыбались ли звезды и луна или нет в момент его спуска с неба на землю.

Такой обычай распространен и среди армян Джавахка: "Этот пост народ называет постом святого Саркиса, праздник в его честь отмечается торжественно. Были люди, которые за все эти пять дней поста ели только немного изюма"³²³

По представлениям езидов, святые и духи спускались с небес на землю только в позднее ночное время.

В день праздника в честь Хыдырнаби езиды от рассвета до поздней ночи ходили друг к другу в гости. Не здороваясь и не приветствуя друг друга, они только произносили:

"Поздравляю с праздником" (Eyda te bimbarek be) Гости целовались со всеми членами семьи и садились за праздничный стол с угощениями. Бывало, что на праздник приглашались музыканты и под звуки зурны и грохот барабана до поздней ночи люди пели и плясали. Девушки и юноши загадывали желание, время от времени поглядывали на небо в надежде увидеть летающего в небесах на своем коне Хыдырнаби, а старики, устремив свой взор в небо, молили ниспослать им блага и богатый урожай.

Этот праздник всегда отмечается в начале весны - в дни пробуждения природы от спячки.

II. Nimûneyên folklore kurdî Образцы курдского фольклора

1. Abram

³²¹ Со слов жителя с.Алагяз Ахме Чоло записал автор в 1939г.

³²² Стер - место в комнате, где складывали постельные принадлежности /как постельный склад/. Это место у езидов считается священным .

³²³ Е. Лалаян. Джавахк. ЭВ. 1897г. стр.274 (перевод с арм. яз.)

Di wextekê da merivekî bi aqil hebûye, navê wî Abram bûye. Meriv wî wek Melek nas dikirin. Ew aqil û marîfat Melekê Taûs dabû wî.

Rojekê Melekê Taûs Abram dicêribîne. Ew emirî li se wî û xanima wî – Xetîceyê dike, ku ewana kurê xwe yê pênc salî – Îso bibine çiyayê Cûdî, ber agirê ziyaretî û wî qurbana Xwedê bikin.

Melekê Taûs bi dengekî nerm gazî wan dike û dibêje:

Abram, Xetîce, ez emir dikim, ku hûn lawê xwe bibine çiyayê Cûdî û ji boy navê min wî bikine qurban.

Dê û bavê wî lawî gava ev behs dibihên, bi xwe va diçin. Abram ji xanima xwe zûtir ser hişê xwe da tê, lê Xetîce demeke dirêj li erdê dirêjkirî dimîne. Xetîce hela ser hişê xwe da nehatibû, Abram kurê xwe – Îso hildide, dide pişta xwe û diçe serê çiyayê Cûdî, kurê xwe datîne ber êgir. Xetîce jî ser hişê xwe da tê, dibîne ku Abram û Îso ne li dora wê ne. Wê demê ew ser rûyê xwe pencerû dike, li serê xwe dixê, niqitkên xwînê ji rûyê wê dişirikin.

Em bêne ser Abram û Îso. Melekê Taûs nişkêva di qilxê teyrede da li wan dîyar dibe û dibêje:

-Abram, kêrê bigire destê xwe bona serê Îso jê bikî, wî bikî qurban.

Abram deng nake, kêrê hildide, dide ser situyê kurê belengaz, ku serê wî jê bike, lê Melekê Taûs carek din dike gazî û dibêje:

-Abram, ez ji te razî me, min tu cêribandî, tu di hindava min da helal î, ezê nehêlim tu kurê xwe serjê kî. Wî hilde û sax-silamet bibe mal, dayka wî niha danavî bû.

Abram şa dibe, zarê careke din dide pişta xwe, vedigere mal. Gava Xetîce kurê xwe sax û silamet dibîne, ji şabûna carek din dixeriqe, demek şûnda di ser hişê xwe da tê û bi zara xwe va heyr û hijmekar dimîne³²⁴.

Абрам

Когда-то на свете жил мудрый и благочестивый человек по имени Абрам. Люди считали его пророком. Умом и честью его наградила Малакетаус. Как-то Малакетаус посчитал, что настала пора испытать Абрама на преданность. Он приказал ему и его жене Хатидже отвести своего пятилетнего отрока Ису на вершину горы Джуд к священному огню и принести его в жертву в честь Господа.

Малакетаус тихо, почти шепотом приказал:

-Абрам, Хатиджа, я велю вам принести в жертву вашего отрока во имя Бога.

От этих слов родители мальчика упали в обморок и рухнули на землю. Абрам пришел в себя раньше жены и, пока она не очнулась, Абрам взвалил сына на спину, поднялся на гору и у огня опустил сына на землю. Хатиджа, придя в себя и не обнаружив мужа с сыном, все поняла. Убитая горем, она стала рвать на себе волосы и царапать лицо. Кровь с её лица стала капать на землю.

Теперь поговорим об Абраме и Исе. Тем временем в облике птицы перед ним появился Малакетаус и сказал: "Абрам, принеси сына своего в жертву, возьми нож и отрежь ему голову". Абрам не смел послушаться, он безропотно взял в руку нож и поднес к шее сына, но тут внезапно опять появился Малакетаус и произнес:

-Абрам, я ценю твою преданность, я только хотел испытать тебя. Ты честный человек и предан мне, и потому я не позволю тебе погубить твоего отрока. Возьми сына и возвращайся домой, наверное его несчастная мать уже с ума сходит.

³²⁴ Gotîye binecîyê gundê Karvanserayê Qanatê Hedir, xudanê vê berhemê sala 1935an ji zarê wî nivîsîye.

Абрам, взвалив опять сына на спину, радостно вернулся домой. Хатиджа, увидев сына целым и невредимым, вновь потеряла сознание, но на этот раз уже от радости. Спустя некоторое время она очнулась, прижала сына к груди и заплакала от счастья.³²⁵

2. Nadîne

Wextekê di gundekî da du bengî diman, Nebo û Nadîne. Ewana gelekî ji hevdu hiz dikirin. Nebo dixwest bi Nadîneyê ra bizewicîya, lê ew bi xwe ji maleke destteng bû û dê û bavên keçikê jî dewlemend bûn. Nebo nikaribû qelenê keçikê bida û Nadîne bikira kevanî û bermalîya xwe.

Çareya Nebo tê birînê, ew diçe bal çiyayê Qeltaxçiyê, dua dike, gazî ruhên qenc dike, dibêje:

-Hey ruhên qenc, werine hewara min, bona ez û Nadîne bigihîjine mirazên hev.

Hema wê lezê çiyayê Qeltaxçiyê diqelêşe, ruhekî qenc jê derdikeve û dibêje:

-Nebo, here, tuyê bigihîjî mirazê xwe, - û destxweda betavedibe (winda dibe).

Nebo vedigere mal, dinihêre, ku mala wî ya berê tam guherîye, bûye qesir û Nadîne li wir rûniştîye, bê sebir li benda wî ye. Nebo gava dikeve qesirê, dibîne Nadîne xwe xemilandîye û ew jî xwe şerm dike. Nadîne radibe ser pîyan û Nebo hemêz dike. Ewana hev radimûsin û digihîjine mirazên hev³²⁶.

Надине

Некогда в одной деревне жили двое влюбленных - Набо и Надине. Набо мечтал жениться на Надине, но он был беден, а родителей Надине славились своим богатством. Бедность не позволяла Набо заплатить выкуп за Надине, чтобы взять ее в жены.

От горя Набо не знал куда себя деть. Как-то он отправился к горе Галтахчи, стал молиться и взывать добрых духов о помощи:

-О, духи, окажите милость, помогите мне и сделайте так, чтобы я мог жениться на Надине.

И тут гора Галтахчи с грохотом раскололась и из ее чрева появился один из добрых духов, который сказал: - Набо, да исполнится твоя заветная мечта!

Сказав, дух исчез. Набо вернулся домой и обнаружил, что вокруг все изменилось. На месте его лачуги возвышался дворец, где его с нетерпением ждала Надине.

Войдя во дворец, он увидел Надине в красивом наряде. От смущения он растерялся и хотел было выбежать во двор, но Надине бросилась ему на шею и стала целовать. Они обнялись и от счастья заплакали. Так они достигли своей заветной мечты, чего и вам желаем.³²⁷

3. Êzdi

³²⁵ Со слов жителя с.Карвансара Канате Надыр записал автор в 1935г.

³²⁶ Gotîye binecîya gundê Karvanserayê Aslika Haco, xudanê vê berhemê sala 1948an ji zarê wê nivîsîye.

³²⁷ Записано автором в 1948г. со слов жителя с.Карванвара Артикского района Аслика Аджо.

Êzdî bavê hemû êzdîyan bûye. Êzdî ji **Êzdî** çê bûne. Ewî gelekî ji heqîyê hiz dikir. Ew piştgirê kesîban bûye, bi hemû zordar û zordestan ra ketîye nava qal û cengê. Êzdî derketîye himberî Îsa û Muhemmed. Ew ne ketîye bin tesîra wan. Ewana jî ji dûr va çêrî **Êzdî** kirine, lê nikaribûne zora wî bibin.

Paşê **Êzdî** hilfirîyaye ezmanan û dest pê kirîye serokatî li dinyayê kirîye, lema jî guneh e çêrî **Êzdî** bikin, bi navê wî sondên derew bixwin³²⁸.

Эзди

Эзди - праотец всех езидов. Эзди любил справедливость и всячески неустанно боролся со всеми видами насилия. Эзди противостоял Зороастру, Христосу и Мухаммеду, и никому из них так и не подчинился.

Те же ругали его на чем свет стоит, но так и не смогли одолеть. Потом Эзди вознесся на небеса и стал править миром.

Говорить о нем неуважительно и приносить ложную клятву от его имени – большой грех.³²⁹

4. Mîrze Mehmûd

Carekê kurekî 14 salî ji mal derdikeve û diçe bajarekî, bona li wir kar bike. Di rê da ew rastî xîşerekî giranbuha tê, hinekî jê dûr marekî sipî dibîne, ku marekî reşî pîs xwe lê alandîye. Marê sipî nikare xwe ji marê reş xilaz bike.

Ev kurikê biçûk demeke dirêj li van dinihêre û dibêje:

-Ez gerekê vî marê sipî ji dest marê reş derxim.

Ew nêzîkî maran dibe, şûrê xwe ji kalên derdixe, xwe dirêjî marê reş dike û ew pirtî-pirtî dike, lê devê şûr bi sivikayî li piştî marê sipî dikeve û ew birîndar dike. Piştî ku marê reş perçe-perçeyî dike, marê sipî nêzîkî xort dibe û dixweze bi wî ra bibe nas.

Ew xort difikire, ku axirîya wî wê xirab be, ji ber ku ewî marek kuştîye, lema jî biryar dike vegere mal.

Ew xort tê ber mala xwe disekine, ji nişkêva li paş xwe dinihêre, ku ew marê sipî li dû wî hatîye, ku ewî bi xwe wî aza kiribû. Xort ditirse û dibêje:

-Ew jî qencîya min, erê? Niha jî tu dixwezî min bikujî, lema te daye dû min, hatî vira?

Mar lê dixê, diçe.

Xort derheqa vê yekê da ji neferên mala xwe ra bi hûrgilî dibêje.

Niha em bêne ser marê sipî. Derdikeve ku marê sipî keça şahmarê bûye, marê reş xwestîye wê birevîne, keçikê ne xwestîye, lema jî lê qelibîye, an go xwe lê alandîye. Lê marê sipî – keça Şah winda bûbû, bavê wê lê digerîya.

Ew marên ku keçikê digerîyan, dibînin û texmîn dikin, ku ji piştî wê xwîn dikişê. Çavronayî didine Şah û keçikê dibine bal wî.

-Keça min, te dinya di serê me da reş kir, tu di ku da çûbûyî, kê rastî te hatibû, kê tu biribûyî,- Şah jê dipise.

Keçik ji bavê xwe ra şirove dike, ku çawa xortekî ew ji destê marê reş xilaz kirîye.

Şahê maran piştî ku van gotinan dibihê, difikire ka çawa bike, ku ji bin qencîya wî xortî derkeve.

³²⁸ Gotîye binecîyê gundê Elegezê Cindîyê Silo, xudanê vê berhemê sala 1950î ji zarê wî nivîsîye.

³²⁹ Co слов жителя с.Алагяз Апаранского района Джиндже Ало записал автор в 1950г.

Piştî sed rojan Şah gazî du marên serwext dike û emirî ser wan dike herine filan gundî, filan malê û elamî Mîrze Mehmûd bikin, ku Şahmar gazî wî dike. Keça Şah emirî ser wan maran dike, ku pêşî Mîrze Mehmûd bînine bal wê, paşê bibine bal bavê wê.

Ev marên efat diçine mala wî xortî û ji Mîrze Mehmûd ra dibêjin, ku Şah gazî wî dike, ew gerekê bi wan ra here.

-Hûn ji min çî dixwezin? Eger hûn hatine min bikujin, yekser bêjin, çima vedişêrin?

Ji marên mêrxas yek dibêje, ku nêta wan ya kuştinê tune, tenê hatine wî bibin, lê eger ew neyê, emir heye, ku wî bikujin. Xort dibîne, ku nikare ji dest wan xilaz bibe, radibe, dide dû wan, diçe. Hersê digihîjine ber zinarekî, mar dest pê dikin serê xwe li zinêr dixin, zinar di ortê da dibe du kerîyan û maleke mînanî koçik û serayan ber wan vedibe. Xort hêrs dikeve. Yek ji maran dibêje:

-Tu ber dêrî bisekine, yek ji me wê here hundur, bona destûrê bistîne.

Yek ji maran dikeve hundur û keçikê agahdar dike, ku Mîrze Mehmûd hatîye. Keçik gava ev behs bihîst, gelekî şa bû û çû pêşîya Mîrze Mehmûd, ew hemêz kir û gotê:

-Bîrayê min, xilazkirê min, niha bavê min gazî te kirîye, wê ji te pîrs bike ka tu ber qencîya xwe va çî dixwezî, ewê bide te. Tu malê dinê (dewlemendîyê) nexweze, bêjê ji xerzên xwe hinekî têke devê min, tiştêkî din naxwezim. Bizanibe, ku Şah qencîyên wisa ji tu kesî ra nake, lê wê bona te bike, ji ber ku te qencîyeke mezin kirîye.

Mîrze Mehmûd bi maran ra tevayî diçe bal Şah. Gava Şah çav li Mîrze Mehmûd dikeve, di pêşîya wî da diçe, ew hemêz dike û kêleka xwe dide rûniştandin. Mar diçin û xort bal Şahmar bi tenê dimîne. Rojtira dinê Şah ji xort dipirse:

-Merivê Xwedê, te keça min û namûsa min xilaz kirîye, çî ku dilê te dixweze, emir bike.

-Ez xulam, ez tiştêkî naxwezim, xên ji xerzên te, hinekî têke devê min.

Şahmar gava van gotinan dibihê, hêrs dikeve û dibêje:

-Xwezî min bizanibûya, ku kê derheqa kemala xerzan da ji te ra gotîye. Lê min îdî sond xwerîye, gerekê xweyê sozê xwe bim.

Şah ji xerzên xwe hinekî dike devê Mîrze Mehmûd, çend hediyayan didê û verê dike.

Mîrze Mehmûd dest pê dike bi zimanê hemû heywanan dipeyîve. Ew gişk ji Mîrze Mehmûd hiz dikirin³³⁰.

Мирза Махмуд

Однажды один четырнадцатилетний юноша отправился в город на поиски работы. По дороге он заметил какой-то дворец, а чуть в стороне он увидел белую змею, которую схватила и обвила вокруг ее туловища другая черная грязная змея. Белая как ни билась никак не могла освободиться.

Юноша долго наблюдал за этой сценой и наконец решил, что надо спасти белую змею. Он вытащил из ножен свой меч и разрубил черную змею на куски, однако при этом лезвие его меча слегка задело спину белой змеи и нанесло ей рану. После того как он убил черную змею, белая приползла к нему и на человеческом языке сказала, что хочет познакомиться с ним.

Юноша знал, что убийство змеи считается плохой приметой и поэтому решил поскорее возвратиться домой, пока не приключилась беда.

Подойдя к своему дому юноша обернулся и увидел ползущую за ним белую змею. Он испугался и раздраженно сказал: -И это в знак благодарности ты хочешь укусить и убить меня!? Змея молча уползла обратно.

³³⁰ Xudanê vê berhemê sala 1950î ev çîrok ji zarê binecîyê gundê Elegezê Astanê Elo nivîsiye.

О случившемся юноша рассказал членам своей семьи. Теперь поговорим о белой змее... Она оказалась дочерью царя всех змей. Черная змея хотела похитить ее, и увести ее силой. Именно эту сцену видел юноша, когда убил черную змею.

В то самое время царь змей, думая, что его дочь заблудилась, послал на поиск царевны своих подданных, которые через некоторое время ее нашли, но обнаружили на спине кровоточащую рану. Они привели принцессу к царю и поздравили его с возвращением дочери.

- Дитя мое, все эти дни стали для нас чернее ночи, - сказал царь и спросил: - А может кто-то тебя похищал?

Дочь рассказала отцу о случившемся и о том, как некий юноша спас ее от черной змеи.

Выслушав дочь, царь стал размышлять каким образом отблагодарить юношу за спасение дочери. Через несколько дней царь вызвал к себе своих самых преданных и храбрых слуг и приказал им найти и привести этого юношу.

Между тем дочь царя тайно предупредила слуг отца, чтобы они по прибытии сначала привели Мирзамахмуда к ней и только потом отвели к царю.

Эти слуги-змеи нашли Мирзамахмуда и сообщили ему, что его хочет видеть царь змей и что он должен пойти с ними. Мирзамахмуд недоверчиво спросил их:

-Что вам от меня надо? Если хотите убить меня, то к чему этот обман!?

Один из змей поклялся, что они не намерены его убивать, но если он откажется идти с ними - они его убьют. Видя, что у него нет выхода, юноша согласился пойти с ними. Втроем они подошли к какой-то скале, где змеи стали биться головами о него. Вдруг скала раскололась. Сквозь расщелину он увидел в глубине прекрасный дом, что его крайне ошеломило. Один из змей сказал:

-Ты подожди здесь, один из нас войдет во внутрь и спросит разрешения войти.

Один из змей пошел к царской дочери и сообщил ей, что они привели Мирзамахмуда. Царевна обрадовалась и поползла ему навстречу. Она приблизилась к Мирзамахмуду и сказала:

-Братец мой любимый, мой отец пригласил тебя, чтобы отблагодарить за мое спасение. Он даст тебе всё, что ты пожелаешь. Но богатства у него ты не проси, а попроси его положить тебе в рот немного из своих икринок. Знай, царь никому другому такого подарка не сделает, но тебе он не откажет. Я уже заранее подготовила его ни в чем тебе не отказывать.

Мирзамахмуд в сопровождении слуг царя предстал перед ним. Царь обнял Мирзамахмуда и усадил рядом с собой. Остальные змеи удалились, оставив царя и юношу наедине. И тут царь сказал:

- Божий человек, ты спас мою дочь и честь мою. Проси все, что захочешь - все тебе дам.

- Да будет благословенен царь, мне ничего кроме твоих икринок не надо. Положи немного икринок мне в рот.

Услышав это, царь готов был расвирепеть, но сдержался и сказал:

- Хотелось бы знать, кто тебе рассказал об икринках! Но делать нечего, я поклялся и должен сдержать слово.

Царь положил несколько икринок Мирзамахмуду в рот, наградил подарками и отправил восвояси.

И вдруг Мирзамахмуд обнаружил, что он стал понимать языки животных и говорить на них. А те в свою очередь полюбили его самого.³³¹

³³¹ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского района Астане Слто записал автор в 1950г.

5. Silo

Di wextekê da merivekî dewlemend, lê gelek tima (çikûz) hebûye. Navê wî Bedir bûye. Sê hezar pez û 15 şivanên Bedir hebûn. Bedir herdem li ser wan hêrs dikeve û li wan dixê. Di dinyayê da merivekî mînanî wî bêxwedê tunebû, ewî alî tu kesî nedikir. Bedir sal donzdeh meh ew didane xebatê. Her şivanek di salê da ji Bedir tenê 8 berx distendin. Eger gur pezên Bedir bixwerana, an jî winda bûna, Bedir ew 8 berx kêr dikir. Gelek çar şivanên belengaz destevala ser mala xwe da vedigerîyan.

Ev yek li Melekê Taûs xweş ne dihat. Ewî ruhekî di qîlxê merivan da şande mala Bedir, bona wî bicêribîne. Xortekî genc êvarê bû mêvanê mala Bedir. Bedir silav dayê û gotê:

-Selam, tu ser serê min û çavên min ra hatî!

-Tu mêvana xwey dikî? -mêvan pirsî.

-Mêvan mêvanê Xwedê ye, keremke, were odê.

Mêvan çû odê, ser kulêv rûnişt, jê ra balgî anîn bona pala xwe bidê. Bedir emirî ser xanima xwe kir:

-Zû bike, nan bîne, mêvanê me niha birçî ye.

Perîşanê (xanima Bedir) nan anî, wana nanê xwe xwer. Perîşanê textê nê paqij kir, paşê Bedir ji xort pirsî:

-Xortê delal, tu ser çavên min, ser serê min ra hatî. Gelo tu di ku da diçî?

-Ezê herim bal Şemsikan³³², lê dixwezim berî çûyîne pîrsekê li te bikim apê Bedir. Di gundê we da gelek merivên kesîb hene, gelo dewlemend alîkarîya wan dikin?

-Xwedê dewlemendan wek dewlemend anîye dinyayê, kesîban jî wek kesîb. Dewlemend ji bo çî gerekê alîkarîya kesîban bikin, her yek qîsmetê xwe dixwe.

Xort îdî deng ne kir. Cîyê wî danîn û hemû razan. Nîvê şevê ruhê di qîlxê merivan da radibe, diçe derva.

Sîbê şebeqê neferên malê hişyar dibin, dibînin ku mêvan betavebûye. Hêja ser hisehisan dikevin, ku mêvan ruh bûye.

Bedir bona pezên xwe derxe derva, diçe gomê, dibîne ku nîvê pêz ji nexweşîya ketewê qir bûye. Bedir her tişt fêr dîke³³³.

Сыло

Некогда жил на свете один очень богатый и скупой человек по имени Бадр. Он имел три тысячи голов овец и пятнадцать пастухов в услужении. Бадр часто беспричинно злился на своих батраков и жестоко избивал их. Такого безбожника, говорят, на свете не было. Никому в своей жизни он ничем не помог. Все двенадцать месяцев в году он нещадно эксплуатировал своих крестьян. В качестве платы за свой труд каждый пастух раз в год получал от него по восемь ягнят. Но если случалось, что волки загрызли овцу Бадра или она заблудилась, то Бадр тотчас забирал тех ягнят обратно. В конечном итоге несчастные пастухи возвращались к себе домой ни с чем.

Все это Малакетаусу не понравилось, и он решил послать к Бадру одного из духов в человеческом облике, чтобы испытать его. Вечером к Бадру в гости явился некий юноша и поздоровался:

- Примешь гостя? - спросил юноша.

³³² Şemsika eşîreke kurdan e û qebîl û berên wê eşîrê heta niha jî di gundê Pampa Kurdan da dijîn.

³³³ Xudanê vê berhemê sala 1940î ev qîse ji zarê binecîyê gundê Elegezê Ahmê Çolo jiber nivîsiye.

- Да будет твой приход на радость моим глазам, проходи в комнату. Ведь гость - это посланец бога,- ответил Бадр и окликнул жену.- Накрой на стол, наверное наш гость проголодался с дороги.

Жена Бадра Паришан накрыла на стол. Бадр и гость поужинали, после чего Бадр спросил юношу:

- Любезный юноша, я рад тебе и твоему приходу, но скажи, куда путь держишь?

- Я иду к шамсикам³³⁴,но хочу спросить тебя, дядюшка Бадр. У вас в деревне много бедняков, помогают ли им чем-нибудь ваши богачи или нет?

- Бог создал богатого богатым, а бедного - бедным. С какой стати богатые должны помогать бедным!? Каждый живет сам по себе.

Юноша ничего не ответил. Для него постелили постель, потому что время уже было позднее. И все разошлись спать. Ночью дух исчез,

Наутро, когда Бадр и члены его семьи проснулись, то обнаружили, что гостя нет. Тогда они поняли, что вечером в качестве гостя у них был дух.³³⁵

6. Hikyat derheqa erd û ezman da

Rojekê dewrêşên erd û ezmanan bi hev ra ketine mînaqêşeyê

-Ez ji te xurttir im,- dewrêşê ezmanan got.

-Yê xurt ez im,- dewrêşê erdê got.

Ewana li hev tîn, ku hêz û zorayên xwe bicêribîn.

-Eger ez nebim, baranê nebare,- dewrêşê ezmanan got,- wê ba tunebe, şev û roj wê bibin yek, eger wisa be, erd wê nikaribe miqatî li heywanan û hêşinayê bike.

-Dewrêşê ezmanan,- dewrêşê erdê bersîva wî da,- tu rast dibêjî, niha guh bide, ezê derheqa hêza xwe da bêjim. Eger erd tunebe, îdî baran wê ji çî ra be, hêz û zoraya bayê û tavê çî ra ne? Ew tiştê ku ez li ser erdê dikim, tu nikarî bikî. Meriv ser erdê digerin, kirîn û fîrotan jî ser piştâ merivan e, xêr û şerê merivan ser min e. Ziyaret, horî-perî û melek bi min dijîn. Gava meriv qurbanan didin, ew seba xatirê Xwedayê min e. Ew tiştê ez li ser erdê dibînim, eger tu bibînî, tuyê ber xwe nedî.

Dewrêşê ezmanan gava ev gotinên dewrêşê erdê bihîst, deng ne kir, pê ra qayîl bû.

Meriv gava dua li Xwedê dikan, pêşî şikirîya xwe li erdê tînin, paşê li ezmîn tînin, pêşî berê xwe didine erdê, paşê ezmîn³³⁶.

Сказ о Земле и Небе

Как-то земной и небесный духи поспорили. - Я важней тебя, - заявил небесный дух. - Нет, это я важней, - ответил земной дух. И стали они спорить.

- Не будь меня, - говорит небесный дух, - не будет ни дождя, ни ветра, ночь и день сойдутся воедино - все смешается, ничего на земле не будет расти, все живое и растения погибнут.

- Верно говоришь, небесный собрат, - ответил земной дух. - Теперь послушай меня, о моей силе. Кому нужны будут дождь и свет солнца, если не будет земли. Все, что делается мною на земле - тебе не под силу. Это по моей земле ходят люди, а груз их

³³⁴ Шамсики - Курдское племя, члены которого в настоящее время проживают в селе Курдский Памп

³³⁵ Со слов жителя с.Алагяз Апаранекого района Ахме Чоло записал автор в 1940г.

³³⁶ Ev qise xudanê vê berhemê sala 1926an li gundê Mîrekê, navçeya Aparanê, komara Ermenîstanê nivîsîye.

радостей и горестей лежит на моих плечах. Святилища, гури-пери и ангелы живут мною, а люди жертвы приносят во имя моего Бога. Да если ты еще и увидишь все то, что вижу я на земле и что творится на ней, то не сможешь все это вынести. Выслушав земного духа, небесный дух согласился с ним и замолчал. И поэтому, когда люди молятся богу, сначала они славят землю и уже потом обращают свои лица к небу.³³⁷

7. Ziyaret

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê dida

Di wextekê da du xûşk hebûne. Wana çi ji Xwedê xwestîye, Xwedê daye. Rojekê xûşka mezin ji ya biçûk ra dibêje:

-Kê ku miraz, aqil û dewlet dixweze, bira bê bal min, eger dilê wî paqij be, ezê tu tiştî teksîr nekim. Werin her yek ji me hilkişe serê çiyakî, em binihêrin ka ji me kê zû karê xwe dimeşîne.

Xûşka biçûk dibêje:

-Xûşkê, ne axir em ruhên nebîna ne, meriv wê ji ku bizanibin, ku em li çiya ne û hêza me çiqas e.

-Emê derheqa vê yekê da ji koçekê ra bêjin, ew jî bira ji merivan ra bêje û ewana wê bîn bal me.

Ewana wisa jî dikin, derheqa daxaza xwe da ji koçekê ra dibêjin, koçek jî derheqa wan ruhan da ji merivan ra dibêje. Gava meriv dikevîne rojên teng, hildikişîne çiyân, ji ber ku di nav gel da çiya wek ziyaret in

Xûşka mezin berê xwe dide xûşka biçûk, dibêje:

-Xûşkê, îcar te dît, gotina min derket; tê wê maneyê ku ez bi ser ketim.

-Welle, tu rast î, xûşka din bersîvê dide³³⁸.

Святое место

Были две сестры. Бог проявлял к ним благосклонность и давал им все, что они пожелают. Как-то старшая сестра говорит младшей:

- Давай, уйдем в горы и взберемся на разные вершины. Те, кто захочет достигнуть своей заветной мечты, приобрести ум и богатство - пусть придут к нам, ничего для них не пожалею.

Младшая сестра в ответ говорит:

- Сестра, мы же духи-неведимки, да и как люди смогут узнать, что мы находимся в горах и какой силой обладаем?

- Об этом мы известим одного из кочаков, а он в свою очередь расскажет об этом людям, которые и станут приходить в горы и поклоняться нам.

³³⁷ Автор записал в 1926г. в с.Большой Мирак Апаранског© района

³³⁸ Ev qise xudanê vê berhemê sala 1950î li gundê Mîrekê, navçeya Aparanê, ji zarê Ademê Silto nivîsiye.

Они так и поступили. О своем намерении сообщили одному из кочаков, а последний поведал о духах людям.

После этого, когда людям становилось тяжело и плохо, они поднимались в горы и молились духам.

И тогда старшая сестра сказала младшей:

- Убедилась, сестра, я оказалась права.

- Да. ты оказалась права, - ответила младшая.³³⁹

8. Kê dinya xuliqandine?

Dinya Melekê Taûs, Şêxîsin û sultan Êzîd xuliqandine. Ewana mînanî teyredeyan ji ezmanan hatin û dinya xuliqandin. Wana ji xwelîyê, avê, êgir û hewayê meriv çê kirin û navê wî danîn Adem. Paşê fikirîn, ku merivek tenê di dinyayê da nikare tiştê bike. Lema jî gerekê hevaleke wî hebe, bona ew bibine hevalên hev yê jîyanê û ji wana meriv çê bin, li dinyayê bela bin, em jî bi wan va şa bin. Ewana Hewayê jî dixuliqînin, di baxçê sûrkirî da ew teslîmî Adem dikin. Paşê Melekê Taûs ji xwelîyê heywan û dewar çê kirine, kerîyê pêz daye Adem. Adem û Hewa bi goştê wana ebûra xwe dikin. Melekê Taûs zureta Adem hînî xwelîbêcerkirinê, nikandina darên fêkîyan, daçikandina pincarê dike. Paşê dibe teyrede û difire. Lema jî êzdî Melekê Taûs dihebînin³⁴⁰.

Кто создал мир?

Мир создали Малакетаус, Шехсин /Шейх Син/ и Султан Эзди. Они спустились в облик птиц и сотворили мир. Из огня, земли, воды и воздуха они слепили человека и назвали его Адамом. Потом они задумались: а что будет делать одинокий человек в этом мире? Да он и рта не сможет раскрыть, ему даже не с кем будет поговорить. Даже заняться будет нечем. Надо бы слепить для него подружку и познакомить их, чтобы от них зародилось человечество и заполнило нам всем на радость этот пустой мир.

Подумав, они создали Хаве, привели ее в райский сад и вручили ее Адаму.

Затем Малакетаус создал из глины домашних животных и передал их Адаму. Адам и Хаве стали питаться хлебом и мясом. В дальнейшем Малакетаус научил потомство Адама и Хаве пахать землю, выращивать пшеницу и сажать плодовые деревья. Потом Малакетаус превратился в птицу и улетел. Именно за все это езиды и поклоняются Малакетаусу.³⁴¹

9. Simo

³³⁹ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского района Адаме Слто записал автор в 1950г.

³⁴⁰ Ev qise xudanê vê berhemê sala 1940î li gundê Elegezê, navçeya Aparañê, ji zarê Ahmê Çolo nivîsiye.

³⁴¹ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского района Ахме Чоло записал автор в 1940г.

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Di wextekê da padîşahê hebûye, keçeke wî hebûye. Keçik şevan winda dibû, kesî nizanibû ka ew di ku da diçe. Di wî bajarî da pîrejînek dima, kurekî wê hebû, navê wî Simo bû.

Simo ji diya xwe ra dibêje:

-Dayê can, ez gerekê bibime zavayê padîşah.

Dê pê ra qayîl nabe û dibêje

-Lawo, çi karê te bi keça padîşah ketîye

Simo diçe bal padîşah û dibêje:

-Padîşahê min, ez dixwezim bizanibim, ka keça te bi şevan di ku da diçe?

Padîşah dibêje:

-Gelek xortan soz dabûn keça min bibînin, lê piştî ku nikaribûn, min serê wan da jêkirinê; aqilê min nabire, ku tu bikaribî cîyê keça min bizanibî.

-Ezê keça te bibînim, bi şertê ku ez pê ra bizawicim.

Padîşah pê ra razî dibe. Xort cote solên hesinî pê dike, dikeve odeya keçikê, bona pê ra biaxive. Keçik kursîyekê tîne, bona ew rûnê. Xort rûdinê û qestbende dixeriqe û ji kursîyê dikeve. Keçik radibe, cî û nivînan jê ra datîne, kincên xort jê dêxe û dike nava nivînan bona ew razê. Keçik difikire, ku heta xort hişyar be, ewê bi lez here cîyê xwe û vegere. Ew ji kulekê derdikeve û diçe. Demekê şûn da xort radibe û dide dû wê. Keçik diçe dikeve binê behrê. Simo ser kevirê kumekê sêr dibîne. Ew kum hildide û diçe. Ew ji kum ra dibêje

-Ez heyrana te me, bilezîne, min bigihîne keça padîşah.

Kumê sêr Simo dibe binê behrê. Li wir odeyekê dibîne. Dikeve hundur, dibîne ku keçik rex xortekî ciwan rûniştîye û bi hev ra ketine nava henek û laqirdîyan. Simo xwe vedişêre. Xortê rex keçikê rûniştî gustîlkekê pêşkêşî keçikê dike û ew datîne ser sifreyê. Keç û xort dîsa dikevîna nava kêf û henekan, derheqa gustîlkê da ji bîr dikin. Simo bi surî gustîlê ji ser sifreyê hildide, dike tilîya xwe. Xortê bedew diçe derva, xortekî din dikeve odeyê, ew jî gustîlkekê wek hediya datîne ser sifreyê. Simo ew jî hildide, dike tilîya xwe. Xwerina wan ser sobeyê dikelîya, Simo kumê sêr di sêrî da nêzikî beroşa xwerinê dibe û temamiya xwerinê dixwe, lê keç û xort wî nabînin.

Keçik dibêje:

-Xêr be, ev çi qewimî, gustîlkên me dizîn, xwerina me jî tune.

Cara duduyan ser sobeyê xwerinê çê dikin û dixwin. Keçik radibe, xatirê xwe ji xort dixweze, li ser sifreya sêr rûdinê û dibêje:

-Delalê min, sibê van çaxan min bigihîne welatê min.

Sifre keçikê dibe mala bavê wê. Kumê Simo jî wî dibe. Ew berî keçikê dikeve odeyê û di nav cîyê xwe da pal dide, wisa dide xuyakirin, ku giva razaye. Sibê şebêqê xort diçe bal padîşah û dibêje:

-Padîşahê min, ji kerema xwe gazî keça xwe bike.

Xort ji padîşah destûra xeberdanê dixweze û her tişt jê ra dibêje. Ew çi ku dibêje, keçik nana nake. Simo berê xwe dide padîşah, dibêje:

-Padîşahê min, de ka keça xwe bide min, ez dixwezim pê ra bizewicim.

Erê, ez xweyê sozê xwe me, lê bi şertê ku tu çil ga bibî wî çiyayê ziyaretî biçêrînî, kok bikî, ku roja dawetê serjê bikim.

Di wî çiyayî da ruhek dijî, tu kes nikaribû biçûya wira, lema jî padîşah dixwest Simo bişanda wira, ku ji wira venegerîya, ji ber ku ne dixwest keça xwe bida wî.

Simo 40 ga dide pêşîya xwe û dajo çiyayê ziyaretî. Dibîne ku li serê çiyê merivek sekinîye û neynûkên tilîyên wî gelek dirêj in, serê wî mezin e; meriv jê sawê dikişîne.

-Xorto,- ruhê çiyê dibêje,- binihêre, ew şikeft ya min e, li wir pêlekanek heye, ji kerema xwe bîne, da ku ez peya bime erdê.

-Tu dixwezî peya bibî ku min bixwî, erê?- Simo dipirse.

-Na, ezê peya bibim û alîkarîya te bikim.

Xort diçe pêlekanê tîne û datîne bin lingên ruhê di qilxê merivan da. Ruh ji zinêr dadikeve jêr û ji xort ra dibêje:

-Vegere mal, piştî 40 rojan were gayên xwe bibe.

Xort vedigere mal, 40 rojan şûnda careke din hildikişe çiyê, hew dibîne, ku gayên wî wisa kok bûne, ku bûne wek boxeyan. Ew razîbûna xwe dide wî ruhî, gayên xwe dide ber xwe, dajo tê bajêr. Dibîne, ku padîşah keça xwe daye kurê padîşahêkî din û daweta wan e. Ew diçe bal padîşah, dibêje:

-Padîşahê min, tu xweyê sozê xwe yî, yan na?

Ruh Simo hîn kiribû, ku eger ew bêje "sût-sût", daxaza wî wê pêk bê. Nema di wê deqê da xort dibêje "sût-sût", û bûk û zava di ciyê xwe da dibine risas.

Padîşah ji tirsê dilerize û dibêje

-Seba xatirê gayê mezin me neke kevir û risas.

Xort careke din gotina xwe dubare dike, dibêje: "sût-sût". Vê carê îdî padîşah poşman dibe û keça xwe dide xort³⁴².

Семо

Некогда жил-был царь, у которого была дочь. По ночам царевна куда-то исчезала, и никто не мог понять, куда она уходит. В этом же царстве жила одна старуха, у которой был сын по имени Семо. Как-то Семо говорит матери: - Дае /матушка/, я хочу стать царю зятем. Старуха испугалась и сказала: - Лао, сынок, какое тебе дело до царской дочери! Но Семо был упрям. Он явился к царю и сказал: - Да благослави царя господь. Хочется узнать, куда каждую ночь уходит твоя дочь? Царь ответил:

- Многие юноши пытались выяснить, но не смогли, и за это я отрубил им головы. Мне самому хотелось бы узнать.

-Я выясню, но обещай, что выдашь дочь за меня замуж, - уверенно заявил юноша.

Царь не возразил. Юноша надел на ноги железные ботинки и пошел к царевне с намерением поговорить с нею. Когда он вошел к ней в комнату, она подала ему стул, чтобы он сел. Юноша сел на стул и стал осматриваться. Через некоторое время он свалился со стула, изобразив обморок. Царевна сняла с него одежду и уложила в постель. Она подумала, что пока юноша будет спать она успеет пойти к своему заветному месту и вернуться. В мгновение ока она выпрыгнула в окно и исчезла. Семо тут же вскочил на ноги, оделся и тайно последовал за царевной. Он увидел как она направилась к морю, вошла в воду и пропала в морской пучине. Вдруг Семо обнаружил лежавшую на большом камне шапку-невидимку, он взял ее в руки и обратился к ней со словами:

- Прелесть моя, приведи меня к царской дочери.

Шапка унесла его на дно моря, где Семо обнаружил дверь в какую-то комнату. Он тихо вошел и увидел, что царская дочь сидит возле одного красивого юноши - они шутили и веселились. Семо притаился. В это время он заметил, как юноша преподнес царевне в подарок кольцо, которое положил на суфру /скатерть/. Они продолжали веселиться и забавлять друг друга шутками, совсем забыв про кольцо. Семо незаметно взял кольцо и надел себе на палец. Затем тот красивый юноша ушел. После него в комнату вошел другой юноша, который тоже подарил царевне кольцо, положив его на ту же суфру. И это

³⁴² Binecîyê gundê Elegezê Bemlîyê Elo gotîye û xwedîyê vê berhemê sala 1950î ev qîse ji devê wî girtîye.

кольцо Семо стащил и надел на палец. В течении всего этого времени в очаге готовилась еда для царевны и юноши. Семо надел шапку-невидимку, подкрался к котелку и съел весь их обед. Девушка и юноша конечно же не могли его видеть.

Обнаружив пропажу колец, царевна воскликнула:

- О небо! Что за напасть-то такая, пропали и кольца, и еда!

После этого царевна встала, уселась на суфру-самолет и произнесла:

- О прекрасная суфра, доставь меня к завтрашнему дню в мои края!

Суфра взмыла в небо и доставила царевну домой. Семо же вернулся с помощью шапки-невидимки. Он раньше царевны успел войти в комнату, быстро разделся и забрался в постель, притворившись, что еще спит.

Утром следующего дня Семо явился к царю и сказал:

- Да продлятся дни царя. Пригласи свою дочь, о великий правитель!

Когда царевна явилась, царь разрешил Семо говорить, который и рассказал все как было и что он видел собственными глазами. Царевна не стала отпираться. Тогда Семо и сказал царю:

- Да будет благословен наш царь, теперь тебе придется сдержать слово и выдать дочь за меня замуж.

- Да, я хозяин своего слова, но у меня есть условие. Отгони к святой горе сорок быков, попаси их там и пусть набираются жира, чтобы я зарезал их к вашей свадьбе и угостил гостей.

По слухам в этой горе жил некий дух. Все боялись идти туда. Царь не хотел выдавать дочь за Семо и поэтому послал его туда на погибель, чтобы он никогда больше не вернулся.

Семо погнал к святой горе сорок быков. Вдруг на вершине горы он заметил человека с длинными серповидными когтями и огромной головой. Только от одного его вида человек от страха мог потерять дар речи.

- Юноша, - вдруг обратился к Семо горный дух, - вон там моя пещера, сходи туда и принеси лестницу, чтобы я спустился со скалы.

- Ты хочешь спуститься и погубить меня? - спросил Семо.

- Нет, я спущусь и помогу тебе, - ответил дух.

Семо направился к пещере, принес лестницу и приставил к скале под ноги духу. Тот слез со скалы и сказал: - Возвращайся домой, а за быками приходи через сорок дней. Юноша вернулся домой, а через сорок дней опять пошел к горе. Он глазам своим не поверил, увидев разжиревших и растолстевших быков, которые стали круглыми как орех. Он возблагодарил духа и погнал быков обратно в город. Там до него дошли слухи, что царь за это время выдал свою дочь за царя соседнего государства и что свадьба в разгаре.

Семо пошел к царю и с упреком спросил:

- Да продлятся дни твои, мой царь, но скажи мне - ты хозяин своих слов или нет?

Семо вдруг вспомнил, что горный дух сказал ему, что если он дважды признает слово "ложь", то его желания исполнятся. Он дважды произнес это слово, после чего жених и невеста тут же превратились в каменные статуи.

Царь от страха задрожал и взмолился:

- О, отец святой, не дай нам из-за быков превратиться в камень!

Семо опять дважды произнес: "Ложь! Ложь!" С этим словом жених и невеста ожили.

Царь понял свою ошибку и выдал дочь за Семо.³⁴³

10. Kê bi hêz e?

³⁴³ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского района Бамли Амо записал автор в 1950г.

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberewkirinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Carekê Mehmed pêxember bi alîgirên xwe va diçe ziyareta Kêbêyê, pesinê ziyaretê dide û pê ra jî tizbîya xwe dikişîne. Sê alîkarên Mehmed pêxember hebûne. Yek ji wana dipirse:

-Mehmed pêxember, ji kerema xwe ji me ra bêje, ocaxa me xurt e, yan ya êzdîyan

-Hilbet ya me,- Mehmed pêxember dibêje.

-Lê em çawa bizanibin ku ya me xurt e?

-Tu dibînî, ocaxa êzdîyan bê kanî ye, lê di ziyaretên me da av heye, kê ku ji ava kanîya ocaxa me vexwe, ewê dirêj bijî, wê genc bimîne, lê ya êzdîyan ava wan tune. Heger hûn bixwezî, em dikarin herine wira.

Ewana li hespên xwe siyar dibin, diçine Barê, digihîjine ocaxa Şîxadî, gundê Beedrê. Mehmed pêxember li ziyareta êzdîyan – Kêbêyê tizbîya xwe ji bîra dike. Xizmetkarên ocaxê aşûrî bûne, haya wan ji hatina Mehmed pêxember hebûye. De, aşûrî jî merivne bi aqil û marîfat in. Ewana di heyata ocaxê da xalîçeyan radixin. Gava Mehmed û xulam-xizmetkarên wî dikevîne heyatê, zendegirtî dimînin û hevsûdîyê dikin, ku çima heyata ziyareta wan jî wisa xemilandî nîne. Ewana qesira Şîxadî dibînin, lê dinihêrin ku heft pêxemberên qesira Şîxadî – Şemsedîn, Ferxedîn, Nasredîn, Şîxisin, Şêxûbekir, Sicadî û Ebûbekir ji cîyê rûniştî ji bo qedirê hatîyan radibine şipîya.

-Qesira te teng e, em li ku rûnên?- Mehmed pêxember dipirse.

-Piştî xwe bidîne dîwêr,- Şîxisin dibêje,- dîwar wê paşda herin, hûnê bi cîh bibin.

Ewana piştî xwe didîne dîwêr, dîwar paşda diçin, ewana rûdinên. Bona wana xwerinê tînin, ew dixun. Mehmed tî dibe, avê dixweze. Şêxûbekir kevezanê xwe hildide, li erdê dixê û navê Şîxadî dide. Ji binê erdê av dixulxule, ew ava kanîya ziyaretê bû. Mehmed pêxember û alîkarên wî lêva xwe digezin, avê vedixun, dû ra av dimiçiqe.

Vê carê Şîxisin tî dibe, dixweze avê vexwe, lê Mehmed dixweze tizbîyên xwe bikişîne, lê dibîne ku tizbîya wî ne berdest e. Şîxisin kevezanê hildide, careke din li erdê dixê, ji binê erdê av dertê û bi avê ra tizbîya wî jî dertê. Mehmed ev her tişt dibîne, tizbîya xwe nas dike, şaş û metel dimîne û sawek lê digire.

Mehmed pêxember ji alîkarên xwe ra dibêje:

-Rabin em herin.

Ewana radibin, xatirê xwe ji heft endamên mala Hadîyan (Adîyan) dixwezî û diçin.

-Li rastîyê keve,- Mehmed pêxember dibêje,- ocaxa êzdîyan ji ocaxa me xurttir e³⁴⁴.

Кто могущественней?

Как-то пророк Мухаммед со своими помощниками посетил святилище Кааба, где перебирая пальцами четки, стал отдавать поклоны. Его сопровождали трое его помощников. Один из них спросил:

- О, пророк Мухаммед, поведай нам, чье святилище могущественнее - наше или езидов?

- Конечно же наше, - важно и твердо ответил пророк.

³⁴⁴ Xudanê vê berhemê ev qise sala 1950î ji zarê binecîyê gundê Karvanserayê Miço nivîsîye.

- А как нам выяснить?

- Видишь ли, в святилище езидов такого как у нас источника нет. Испивший воду из нашего источника будет долго жить и останется вечно молодым. В святилище езидов даже простой воды нет. Мы можем отправиться к ним и вы на месте убедитесь в этом.

Они сели на коней и поехали в Баадр к езидскому святилищу Шехади. По дороге пророк Мухаммед с сожалением обнаружил, что забыл взять свои четки, которые остались в Каабе.

Служителями святилища Шехади были ассирийцы - люди благочестивые и добропорядочные. Узнав о прибытии пророка Мухаммеда, они застелили весь двор святилища коврами в знак большого уважения и высокой чести.

Войдя во двор святилища, Мухаммед и его помощники от неожиданности увидев такое оторопели и в их души прокралась зависть, мол, почему двор их святилища не украшен подобным образом. Они вошли в Касыр Шехади /в Храм Шехади /, где восседали семеро пророков святилища Шехади-Шамсин, Фархадин, Насреддин, Шехсин, Шехубакр, Сиджари и Алубакр, которые увидев пророка Мухаммеда с почтением поприветствовали его и в знак уважения встали на ноги.

- Касыр у вас тесный, куда нам сесть? - с некой снисходительностью спросил пророк Мухаммед.

- Прислонитесь спиной к стене, она отодвинется и все поместятся, ответил Шехсин.

Как только спины пророка Мухаммеда и его помощников коснулись стен храма Шехади, когда они уселись на ковры, стены отодвинулись назад. Стало просторно и все свободно расселись. Мухаммеду захотелось пить и он попросил воды. Шехубакр ударил своим жезлом о землю с упоминанием имени Шехади. На этом месте забил источник, вода которой была святой.

Пророк Мухаммед и его помощники от увиденного пришли в замешательство. Прикусив языки, они молча утолил жажду. Святой источник тут же исчез.

Спустя некоторое время пить захотелось Шехсину, а у Мухаммеда появилось желание перебирать четки, но он вспомнил, что оставил их в Каабе. Шехсин ударил жезлом о землю, опять появился источник, а вместе с ним из глубин источника всплыли четки Мухаммеда. Увидев свои четки, Мухаммед опешил, и в его душу прокрался необъяснимый страх.

- Вставайте, - строго сказал он своим помощникам, - нам надо идти.

Они поднялись со своих мест, попрощались с пророками святилища Шехади и удалились.

- По правде говоря, - обратился Мухаммед к своим помощникам, - святилище езидов оказалось могущественнее нашего.³⁴⁵

11. Ehro

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dîke, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinîna da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dîke bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredêyên malê û kûvî va girê didan.

Ehro serekê çar ruhan bû. Ewî bi destî ruhên xwe ji nav millet keçên kezî peyda dikirin, 9-10 rojan serê xwe bi wan ra dikir yek (ew dişuhurandin, bi wan ra radiza), paşê ew dikuştin û

³⁴⁵ Со слов жителя с.Карвансара Апаранского района записал автор в 1950г.

davîtine behrê. Rojekê jî ew emirî li ser ruhê bi navê Cin Tosin dike, ku here keça şahê Îranê bîne, bona ew pê ra bikeve nava henek û laqirdîyan. Cin Tosin diçe bal Perî xatûnê. Bavê wê ne li mal bûye. Ew cin dibe merî, dikeve odeya Perî xatûnê û dibêje:

-Selam xatûn!

-Selam xortê tûre, tu ser serê min û ser çavên min ra hatî.

Xort rex Perî xatûnê rûnişt. Ewana demeke dirêj bi hev ra qise kirin. Perî xatûn ser xort bengî dibe. Xort ji xatûnê ra dibêje, ku navê wî Elo ye. Perî xatûn ji nişkêva Elo hemêz dike.

Derheqa vê yekê da Ehro pê dihese.

Elo dibêje:

-Ezê te bibim.

Perî bersîvê dide:

-Ezê bi te ra mêr bikim.

Bi hev ra pev dikevin, ku nîvro li bereka çiyê hevdu bibînin û ji hev diqetin.

Haya Ehro ji nêta Tosin hebû û li benda hatina wî bû. Tosin kete odeya Ehro, destekî xwe danî ser destê dinê û got:

-Xwedayê min, min gotina te bi cîh anî.

Ehro got:

-Nêzîk were.

Tosin xwe nêzîkî Ehro kir, ewî Tosin kuta kir³⁴⁶, lê Ehro zanibû, ku keçik wê here ber bereka çiyê û wê li wir benda Tosin be.

Perî xatûn şebeqê diçe bereka çiyê, hinekî disekine û dengê lê tesele dibe, sawek lê digire û dibêje:

-Melekê Taûs, were hewara min,- û ber xwe xortekî dibîne, diha zef ditirse.- Ew xort Cin Ehro bû. Ew ji keçikê ra dibêje:

-Ez ruh im, hatime ku te bibim ji xwe ra.

Perî xatûn îdî nikaribû bipeyîvîya, ji tirsan zimanê wê dikeve hev. Melekê Taûs tê hewara wê, ew ber wî cinî disekine û dibêje:

-Ne bes e, ku tu keç û jinan dikujî?

-Tu Xweda yî,- Ehro got,- ez jî Xwedayekî mînanî te me. Tu çi dixwezî?

-Ez zirarê nadime merivan, ez alîkarîya wan dikim, nan didime wana, lê tu ziyankar î,- Melekê Taûs dibêje.

Melekê Taûs û Ehro şerê hev dikin, li hevdu dixin

Ji nişkêva zimanê Perîyê vedibe, ew bi Melekê Taûs ra dipeyîve û dibêje:

-Bi ruh ra nekeve nava qal û cengê, bihêle bira ew here, lê min ji dest wî xilaz bike.

Melekê Taûs destên Ehro digire, dialîne û dişkêne, wî ji bereka çiyê gilol dike, davêje, lê tişt bi wî nayê, ji ber ku ew cin bû. Ew radibe û direve, diçe.

Melekê Taûs keçikê xilaz dike û bi xwe ra dibe³⁴⁷.

Ахро

Ахро являлся повелителем злых духов. Руками подчиненных ему духов он похищал молодых красивых девушек, в течение нескольких дней забавлялся с ними, потом умерщвлял их и выбрасывал их тела в морскую пучину. Однажды он приказал своему подчиненному джинну Тосину привести ему для потех дочь царя персов. Тосин, приняв человеческий облик, явился к Фари - дочери царя. В тот момент царя не было дома. Тосин поздоровался с ней: "Я приветствую тебя, Хатун!"

³⁴⁶ Li vir gotinên **kuta kir** tê maneya **kuşt**.

³⁴⁷ Binecîyê gundê Karvanserayê Elîyê Evdal gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1950î ji zarê wî nivîsîye.

- Здравствуй юноша, да будет твой приход на радость моим глазам, - вежливо ответила царевна.

Юноша, присел возле Фари, представился, сказал, что его зовут Ало и повел с нею светскую беседу. Очарованная красотой Ало, царевна Фари влюбилась в него с первого взгляда и в душевном порыве обняла и поцеловала его. Предводителю злых духов Ахро об этом стало известно.

Ало вдруг и говорит:

- Я увезу тебя, Фари.

- Я согласна быть твоей, - ответила Фари.

Договорившись встретиться в полдень у скалы, они расстались.

Тем временем Ахро, думая, что его верный слуга обманул его и хочет увести у него царевну, решил погубить его. Тосин вошел к Ахро, скрестив руки на груди, поклонился и сказал:

- Повелитель, я исполнил твой приказ.

- Подойди ко мне, - велел ему Ахро.

Как только Тосин приблизился к Ахро, тот молниеносно убил его. Ахро уже знал о месте встречи "Ало" с царевной у скалы.

На следующий день царевна Фари отправилась к условленному, месту для встречи со своим Ало. После недолгого ожидания она вдруг услышала чей-то голос, зовущий на помощь. Она сильно испугалась и стала взывать к Малакетаусу: "О, Малакетаус, спаси и сохрани!" И тут она увидела незнакомого юношу, отчего испугалась пуще прежнего. В облике юноши был сам Ахро, который строго сказал девушке:

- Я дух и пришел, чтобы забрать тебя с собой. От страха Фари потеряла дар речи, но именно в это время к ней на помощь подоспел Малакетаус, который встал перед Ахро и гневно сказал:

- Не хватит тебе губить девушек!?

- Ты - бог, - ответил Ахро, - но и я тоже, как и ты, бог. Чего тебе надо?

- В отличие от тебя, я ничего плохого людям не делаю, а наоборот, всячески помогаю им и кормлю их хлебом. А ты - злодей!

К этому времени Фари пришла в себя и к ней вернулся дар речи. Она обратилась к Малакетаусу и сказала: " Не сражайся с духом, пусть он уходит, только спаси меня и не дай ему увести меня с собой".

Но Малакетаус вступил в схватку с Ахро. Он вывернул Ахро руки, сломал их и сбросил его в пропасть, однако Ахро не погиб, потому что он был духом. Ахро встал и убежал прочь.

Так Малакетаус спас девушку и увел ее с собой.³⁴⁸

12. Ocaxa Şîxadî bi hêz e

Eskerên tirkan êrîşî ser Şengalê dikin. Fêrîk paşa dixweze êzdîyan bike musulman, lema jî dixweze êrîşî li ser ocaxa Şîxadî bike û ew hilweşîne, yên ku dij derkevin, wana bikuje.

Di ocaxa Şîxadî da koçekekî bi navê Birîm hebûye, ew heftê carekê dikete mehikê bona bizanibûya ka li wê dinê çi heye, çi diqewime an jî wê çi bê serê êzdîyan.

Rojekê koçek Birîm carek din dikeve mehikê, di xewnê da dibîne, ku dema tirk êrîşî li ser Berrê bikin, wê çi bê serê wî warî. Ew xewna xwe ji Mîrê êzdîyan ra şirove dike. Mîr biryarê dide bi riya koçek Birîm behsekê bişîne gundê Beedrê, bona ew bêne hewara wan.

³⁴⁸ Со слов жителя с.Карвансара Апаранского района Алие Авдал записал автор в 1950г.

Koçek Birîm razî dibe ewê behsê bigihîne Beedrê, bona ew bêne komeka wan. Koçek êvarê warguhêzî teyrekî dibe û digihîje Beedrê, carek din dibe merî û diçe odeya Bişar axa. Wê demê di odeyê da tije meriv bûn, wana qise dikir û distiran. Gava koçek Birîm der da diçe, gişk wî nas dikin û radibine şipîya. Piştî silav û kilavê nan dixun, paşê sifre berev dikin.

-Koçek Birîm,- Bişar axa dibêje,- cîyê te ser serê me û ser çavên me heye, ka bêje tu çawan î, di ziyaretê da çi heye, çi tune?

Koçek di dengê melûl bersîva wî dide:

-Malavao, min di xewnê da dîtîye, ku Fêrîk axa wê êrîşî li ser ziyaretê Şîxadî bike û ew hilweşîne. Mîr ez şandime bona tu merivên çekdar bişînî, seba em bikaribin ber xwe bidin û ocaxê biparêzin.

-Tu çi dibêjî koçek?

-Axayê min, ez rast dibêjim.

-De tu here, ezê piştî 3-4 rojan bi merivên xwe va bêm û emê himberî Fêrîk paşa şer bikin, lê eger ez derengî kevim, netirsîn, şer bikin heta ez bi we ra digihîjim, ji ber ku niha çekên me hindik in, ez nikarim xortan bê çek bînim, ezê çend rojên din şûnda çek peyda bikim

-Baş e, ezê wisa ji Mîr ra bêjim,- koçek dibêje.

Bişar axa ji bona koçek hewle hazir dike, sê derdan hewle jê ra datîne.

Koçek radibe, oxirê jê ra dixweze, hemû merivên rûniştî radibine şipîya. Koçek betavedibe û dibe teyr, difire.

Wê şevê ew digihîje dîwana Mîr û hewle datîne ber wî. Mîr destê xwe dide hewlê, texmîn dike, ku germ e û ji koçek ra dibêje:

-Eferim ji te ra.

-Mîrê min,- koçek dibêje,- Bişar axa wê piştî 3-4 rojan esker bişîne, ewê bi xwe jî bi wan ra bê.

Piştî du rojan Fêrîk axa davêje ser ocaxê, ew topbaran dike, lê ocax ewqas xurt bû, ku ber xwe da û derbên dijmin li wan vedigerîyan. Ji eskerên tirkên gelek hatine qirê, melekên ocaxê berî wan dan, ew xwe li rîya revê girtin. Alîkarîya Bişar axa jî hat, lê lazimaya wê nemabû. Êzdî bi ser ketin³⁴⁹.

Святылище Шехаді непобедимо

Турецкое войско во главе с Ферик-пашой напало на Снджар, чтобы насильственно обратить езидов в мусульман. Поэтому он решил сначала напасть на святылище Шехаді в Снджаре, разрушить и разграбить его, а непокорных езидов уничтожить.

Одним из служителей храма Шехаді был кочак Шейх Брим, который один раз в неделю входил в махык, чтобы узнать будущее езидов и какая им предначертана судьба.

После очередного махыка ему привиделась какая участь постигла селение Бари после нашествия турок. О своих видениях кочак рассказал Миру езидов. Мир езидов решил послать кочака Брима в Баадр за помощью.

Кочак Брим обязался доставить эту весть в Баадр как можно быстро. Вечером он превратился в орла и полетел в Баадр. Уже в Баадре он опять принял человеческий облик и вошел в дом Бишар-аги. В ода /комната для гостей/ было полно народу, они о чем-то беседовали. Вошедшего в ода кочака Брима присутствующие там люди сразу же узнали, в знак уважения вскочили на ноги и стали его приветствовать. После вечерней трапезы Бишар-ага обратился к кочаку Бриму со словами:

- Кочак Брим, пусть твой приход будет нам всем на радость. Скажи, какие новости ты принес нам из святылища?

³⁴⁹ Binecîyê gundê Karvanserayê Miço gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1949an ji zarê wî nivîsiye.

Кочак с грустью вздохнул и ответил: - О, несчастный сын своего отца, мне привиделось как Ферик паша напал на святилище Шехад и разрушил его. Но это был только сон. Верховный наш предводитель прислал меня к тебе за помощью, чтобы ты прислал своих храбрых воинов на битву с врагом и спас святилище.

- Ты что такое говоришь, кочак!?

- Я говорю тебе правду, сын мой.

- Да будет так! - воскликнул Бишар-ага. - Ты возвращайся, кочак, а я дня через два-три буду у вас и будем биться с Ферик пашой. Если немного задержусь, не бойтесь, сражайтесь пока я не подспею. Сейчас у меня мало оружия, через несколько дней раздобуду и приду вам на помощь.

- Хорошо, я так и передам правителю.

Бишар-ага велел приготовить для кочака в дорогу три тарелки с халвой.

Кочак встал и, пожелав всем удачи, удалился. Выйдя из дома, кочак тут же исчез; он опять превратился в орла и улетел. К ночи он прилетел к святилищу, принял человеческий облик и явился к миру, положив перед ним тарелки с халвой. Мир дотронулся до халвы и обнаружил, что она еще теплая.

- Молодец, - похвалил кочака Мир, - ты быстро управился с моим поручением, даже халва не успела остыть.

- Мой Мир, Бишар-ага просил передать, что через несколько дней он со своим войском будет здесь.

Но не прошло и нескольких дней как Ферик паша напал на святилище. Турки стали палить из пушек, но ядра как мяч отскакивали от стен святилища и летели в обратном направлении, поражая самих же турков.

Почти все турецкое войско тогда пало у стен святилища, его малаки /духи/ оберегали его и спасли от разрушений и разорения. Между тем к тому времени подошло и войско Бишар-ага, но его помощь уже не понадобилась. Езиды ликовали.³⁵⁰

13. Bedir û Destegul

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinîna da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredêyên malê û kûvî va girê didan.

Hebû, tunebû darek hebû, navê darê Destegul bû. Ew dar li berpala çiyayê Meymacx bû. Ji darê hinekî wê da gundek hebû û tê da xortekî porkurîşk dima, navê wî Bedir bû.

Rojekê Bedir diçe nêçîrê û rastî kêvrûşkekê tê. Ew tîr û kevanê xwe saz dike, tîrê xwe davêje, li lingê kêvrûşk dikeve, kêvrûşk direve, lê nêçîrvan dide pey. Nêçîrvan 15-16 salî bû, ew ewqas jîr bû, ku ber çavan winda bû.

Kêvrûşk direve, dikeve kolika dara Destegul. Bedir diçe digihîje darê, îdî kêvrûşkê nabîne, dixweze bi tîrê li darê xe, bona kêvrûşk ji kolika darê derkeve. Û ji nişkêva ji darê dengêk dertê: "Kêvrûşk guneh e, guh bide min, kê ku vê kêvrûşkê bikuje, ewê bi xwe bimire".

Bedir zendegirtî dimîne, sawek pê digire, bi wî va wisa xuya bû, ku Horî dipeyîve.

³⁵⁰ Со слов жителя с.Карвансара Мычо записал автор в 1949г.

-Ezê guh bidime te,- xort dibêje û heft caran dua li darê dike. Ew tîr û kevanê xwe hildide û dixweze vegere mal, hew dibîne keçeke bedew ber wî disekine.

-Baş, xorto,- ew jê ra dibêje,- min çi ku got, te pêk anî, tu xortekî baş î, niha bêje ka tu hewcê çi yî, tu çi dixwezî, ezê alî te bikim.

-Ez şerm dikim bêjim,- xort bersîvê dike.

-Na, şerm neke.

-Eger ez bêjim, tuyê hêrs nekevî?

-Na!

-Ez ji te hiz dikim!

-Eger wisan e, ez wisa fêhm dikim, ku tu dixwezi bi min ra bizewicî.

-Belê.

-Ez razî me.Xort û keçik hev hemêz dikin.

-Navê te çi ye?- keçik dipirse.

-Bedir.

-Delalê min Bedir, navê min jî Destegul e, ez horîya vê darê me. Te guh da min û li darê nexist. Eger te lêxista, tîra te wê li min biketa, lema ez dixwezim te bistînim, lê ez nizanim dê û bavê te hene an na.

-Hene.

-Tu ji wan ra nebêje ku ez Horî-Perî me. Hema te surên min dîyar kir, ez îdî bal te namînim. Xûşkeke min heye, ew di kolika vê darê da dijî, em gerekê hertim teselîya wê bikin. Ji hemû gundîyên xwe ra bêje, ku karê wan li vê darê tune, bira zirarê nedine wê.

Xort gelek şa dibe û dibêje:

-Ser çavên min, Destegul, ez ji te hiz dikim, tu çi bêjî, ezê wek ya te bikim.

Ewana dizewicin û digihîjine mirazê xwe, hûn jî bigihîjine mirazê xwe³⁵¹.

Бадр и Дастагуг

Было это давным-давно. На склоне горы Маймачх росло одно дерево, люди называли его Дастагул. Чуть в стороне находилось село, где проживал некий юноша с кудрявыми волосами по имени Бадр.

Как-то Бадр отправился на охоту. В лесу он увидел зайца и запустил в него стрелу из лука, ранив его в лапу, однако зайцу удалось убежать. Охотник, которому было лет пятнадцать, бросился в погоню. Он был таким ловким и быстроногим, что в беге не уступал зайцу. Убежав от преследователя, заяц спрятался в дупле дерева Дастагул. Бадр подбежал к дереву и замахнулся копьем, чтобы достать зайца в дупле, но вдруг дерево закричало, застонало и молвило: "Пожалей зайца и прислушайся к моим словам. Тот, кто убьет зайца - сам погибнет". Бадр от услышанного остоленел и покрылся холодной испариной. Он отскочил от дерева, ему показалось, что с ним говорит дух.

- Я не ослушаюсь тебя, - ответил Бадр и семь раз поклонился дереву. Он опустил копье и решил возвратиться домой, но вдруг перед ним явилась прекрасная девушка. Бадр влюбился в нее с первого взгляда.

- Ты добрый и храбрый юноша, - сказала девушка, ты не ослушался и сделал так, как я тебя просила. А теперь скажи мне, в чем ты нуждаешься, я помогу тебе.

- Мне неловко говорить, - смущенно ответил Бадр.

- Говори, не стесняйся.

- А ты не разгневаешься?

- Нет.

³⁵¹ Binecîyê gundê Karvanserayê Axoyê Haco gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1949an ji zarê wî nivîsiye.

- Я полюбил тебя.
- Если это правда, то мне кажется ты хочешь жениться на мне?
- Да.
- Я согласна. После этих слов они обнялись.
- А как твое имя? - спросила девушка.
- Бадр.
- Меня же зовут Дастагул, я - дух этого дерева. Если бы ты вонзил копьё в дерево, то ранил бы меня. Ты не ослушался меня, и поэтому я согласна выйти за тебя замуж. А родители у тебя есть?
- Есть.
- Ты только им не говори, что я дух. Если ты раскроешь эту тайну, я исчезну. У меня есть сестра, которая живет в дупле дерева, мы будем всегда навещать ее. И еще я попрошу тебя сказать своим односельчанам, чтобы они не причиняли вред этому дереву и оберегали его.
- Хорошо, Дастагул, во имя своей любви я исполню все твои желания. Так они и поженились, найдя свое счастье. Дай бог и вам того же.³⁵²

14. Dar

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkininê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Mîrmih lawê Bakulî bû. Gava bavê wî mir, Mîrmih sond xwer ku here welatekî wisa, li ku mirin tunebe. Mîrmih li hespê xwe siyar bû û dest pê kir li dinyayê bigere. Zef çû, an hindik çû, rastî maleke bedew hat, ku di nav bax û baxçan da xemilî bû. Di wê malê da sê xûşkên kaw û kubar dijîtin. Mîrmih bi wan ra bû nas û bû birayê wan. Hersê xûşk di hindava birayê xwe da gelek guhdar bûn. Ewana sibê heta êvara dereng di baxçê bi ava avilheyatê va nixamtî da roja xwe derbaz dikirin û hewcedarîya wan bi tu tiştî tunebû.

Carekê hersê xûşkên Mîrmih hazirîya xwe didîtin herin seyranê. Ewana ber Mîrmih pêşnîyar dikin hilnekişîne ser dara avilheyatê, ku zirarê nedinê. Piştî çuyîna xûşkan Mîrmih hildikişe ser darê û dora xwe dinihêre, welatê wî dikeve bîrê. Gava xûşk ji seyranê vegeirîyan, Mîrmih berbirî wan bû û got:

-Xûşkên mine delal, ezê herime mala xwe, ez îdî bal we namînim, welat şîrin e.

Xûşkan got:

-Were bi a me bike, neçe, tuyê poşman bî.

Yek ji xûşkan ji darê çend sêv çinî û da Mîrmih û jê ra got eger di rê da rastî rêwîyan tê, wan sêvan nede wan.

-Bira bi gotina we be,- Mîrmih got.

Ewî nizanibû çiqas wext derbaz bûbû, ew wisa zanibû, ku ser hev du-sê sal derbaz bûne. Ewî sêv hildan, li hespê xwe siyar bû û ber bi welatê xwe çû. Çû gihîşte gundê xwe, dît ku di mala wî da merivên din dijîn, navê xwedîyê malê jî Mîrmih e û navê xwe jê ra negot.

-Ji neferên mala we tu kes winda nebûye?- xort jê pirsî.

³⁵² Со слов жителя с.Карвансара Агое Аджо записал автор в 1949г.

-Ez nizanim,- kalê got,- lê neferekî mala me ji min ra gotîye, ku yekî bi navê Mîrmih winda bûye.

Mîrmih hêja fêma kir, ku ji çûyîna wî çendik-çend sal derbaz bûne û ji mala wî tu kes sax nemaye. Ew rabû li hespê xwe siyar bû, da ser rê, ku here bal xûşkên xwe. Di rê da jineke kesîb rastî wî hat û ji keça xwe ya nexweş ra sêvek xwest û got, ku eger keça wê sêvê bibîne, wê çavên xwe veke.

Mîrmih sêvek da wê jina belengaz, lê paşê poşman bû, ji ber ku ew kaltir bû. Ne di bîra wî da bû, ku ew sêva dara rex ava avilheyatê bû û xwe şaş kiribû, lema sêv da jinikê. Mîrnihiya xwe dûmayî kir, pir çû, hindik çû, rastî keçeke feqîr hat, ku hema bêje tazî bû. Keçikê ji Mîrmih hîvî kir, gotê: "Xwedê hebînî, ji sêvên bal xwe yekê bide min, dilê min dikizire". Xort ji berîka xwe sêvek derxist, da keçikê. Keçik ji wan deran betavebû, winda bû.

Mîrmih çû gihîşte baxçê û kete hundur. Xûşk pê hesiyar ku ew vegeyîyaye, çûne balê, hema nêzîkî wî bûn, ew can da, mir³⁵³.

Дерево

Мирных был сыном Бакула. Когда умер его отец, он поклялся найти такую страну, где бы не было смерти. Он сел на коня и отправился на поиски такой страны. Никто не знает сколько дней и ночей он ехал, пока по пути не заметил окруженный садом большой красивый дом.

Мирных направил своего коня к этому дому. В этом доме жили три сестры. Он настолько понравился сестрам, что стал им названным братом - дастабраком. Сестры окружили его вниманием и лаской. Мирных ни в чем не нуждался, все свое время проводил с сестрами и гулял с ними по саду, который поливался святой водой из родника бессмертия.

Как-то во время очередной прогулки сестры предупредили Мирных не взбираться на дерево, которое росло возле родника бессмертия дабы не причинить себе вреда. Когда сестры отделились от него и ушли, Мирных вопреки предостережению залез на дерево и стал вглядываться в даль. Он вспомнил свои родные края и взгрустнул. Вернувшись с прогулки сестрам он сказал:

- Милые сестры, мне у вас очень хорошо, но я должен вернуться в свои родные места и не могу больше у вас оставаться.

- Не уходи, послушайся нас, - взмолились сестры, - иначе потом пожалеешь.

Но он бы неумолим. Тогда одна из сестер сорвала с дерева яблоки, отдала их Мирныху и строго настрого наказала, чтобы по пути он никого яблоками не угощал. - Как скажете, сестрички, - смиренно ответил Мирных.

Он не знал сколько времени прошло с того дня как он поселился у сестер. Он думал, что прошло всего два-три года. Он попрощался с сестрами, взял яблоки, сел на коня и отправился в свои края. Доехав до своей деревни, он обнаружил, что в их доме проживают другие люди и что хозяина тоже, как и его самого, зовут Мирных. Однако хозяину дома он своего имени не назвал, только спросил его: - Скажи, хозяин, никто в вашей семье не пропал? - Не знаю, - ответил старик, - но кто-то из нашего рода рассказывал, будто когда-то пропал юноша по имени Мирных.

В ответ Мирных ничего не сказал. Он понял, что с тех пор прошло много лет и никого из членов его семьи в живых уже нет. Он сел на коня и решил вернуться к

³⁵³ Binecîyê gundê Elegezê Tikoyê Miko gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1950î ji zarê wî nivîsîye.

названным сестрам. По дороге он встретил женщину, которая попросила у него яблоко для больной дочери.

Мирмых протянул женщине яблоко. Отдав яблоко, он ощутил, что немного постарел и сожалел о своем поступке, вспомнив предостережение сестер. Он поехал дальше, Спустя некоторое время он встретил девушку-нищенку в лохмотьях, которая была почти голая и взмолилась дать ей яблоко, иначе у нее сгорит душа. Мирмыху стало ее жалко, и он не устоял - протянул ей яблоко. Нищенка тут же исчезла.

Наконец Мирмых добрался до дома своих названных сестер, открыл калитку в сад и вошел. Сестры, узнав о его возвращении, побежали ему навстречу. Но как только они приблизились к нему, он умер.³⁵⁴

15. Şemê û Nemo

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dîke, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dîke bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Şemê jina Nemo bû. Nemo nexweş ket û mir. Ezrahil ruhê wî bire buhuştê. Sê derîyên buhuştê hebûn, ber her derîyekî dêwek sekinîbû. Yê pêşin sipî bû, yê dudan sor bû, yê sisîyan reş bû. Ew dêwana xên ji qasidên Xwedê, destûra tu ruhî nedidan bikevine buhuştê. Dojeh jî wisa bû, ji ber ku buhuşt û dojeh di eynî heyatê da nin.

Jina Nemo got: "Ruhê min gerekê bigihîje ruhê mêrê min". Ew çû ser mezelê mêrê xwe sekinî, agir dada, xwe avîte nava êgir û şewitî. Ew yek ne bi daxaza Ezraîl bûbû, lema jî Ezraîl li ruhê wê xwedî derneket. Ruhê Şemê zanibû ku ruhê Nemo çûye buhuştê. Ruhê Şemê çû ber derê buhuştê, dêwê sipî dît, gotê

-Destûrê bide ez herim bal ruhê mêrê xwe.

-Na, madem ku Ezraîl ne bi te ra ne, ez nahêlim,- dêwê sipî got.

-Ez rica dikim, bihêle.

-De ka bihêle ez te ramûsim, paşê ezê te bihêlim tu herî hundur,- dêw got.

Ruhê Şemê devê xwe da ber devê dêwê sipî û tû kirê. Dêw mir, ji ber ku ruhê Şemê di nav xwelîyê da bû û ji cendekê wê bîna xwelîyê dihat.

Şemê çû bal dêwên sor û reş, bi wî awayî ew jî kuştin, çû gihîşte ruhê mêrê xwe û heta îro jî ew bextewar dijîn³⁵⁵.

Шаме и Намо

Шаме была женой Намо, который заболел и умер. Азраил забрал его душу и перенес в рай. В рай можно было попасть только через трое ворот, которые охраняли три дэва. Первый дэв был белого, второй красного и третий черного цветов. Кроме гонцов бога дэвы никого в рай не впускали. Такой порядок соблюдался и у ворот ада, потому что рай и ад располагались рядом в одном дворе.

³⁵⁴ Со слов жителя с.Алагяз Апаранского района Тикое Мико записал автор в 1950г.

³⁵⁵ Binecîyê gundê Elegezê Ahmê Çolo gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1940î ji zarê wî nivîsiye.

Жена Намо поклялась, что ее душа должна находиться рядом с душой мужа. Она пошла на могилу мужа, развела большой костер на нем и бросилась в него. Но все это произошло без ведома и разрешения Азраила, который отказался оказывать покровительство ее душе. Шаме знала, что душа ее мужа переселилась в рай, и поэтому после ее смерти в огне ее душа напрямиком направилась к воротам рая. У ворот она увидела белого дэва-великана и взмолилась:

- Почтенный, разреши мне войти и присоединиться к мужу.

- Нет, не разрешу, потому что Азраил отказался от тебя, - твердо ответил дэв.

- Умоляю тебя, позволь мне войти.

- Разрешу при условии, если позволишь поцеловать тебя, - сказал дэв.

В ответ душа Шаме прильнула губами к губам дэва и плюнула ему в рот, отчего дэв позеленел и умер, потому что душа Шаме еще находилась в ее погребенном в земле теле и от нее пахло землей. После этого она пошла к красному и черному дэвам, проделав с каждым из них то же самое, убивая их своим поцелуем. Дорога в рай была свободна, она вошла в рай и там присоединилась к мужу.

По сей день они живут там счастливо.³⁵⁶

16. Bozelî

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinîna da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Wextekê padîşahê hebû, sê kurên wî hebûn. Qaçax herdem êrîşî li ser kerîyên pezên wî dikirin û ew dişêlandin. Padîşah kurê mezîna dişîne ber pêz, ew diçe. Şev nivê şevê xew ra diçe, cerdeke talankaran êrîşî ser kêrî dike û nivê pêz dibe. Ew tê bal bavê xwe, dibêje:

-Bavo, cerdê nivê pêz bir.

Vê carê padîşah kurê xwe yê orte dişîne ber pêz, cerd pezên wî jî dibe. Saltira dinê padîşah kurê xwe yê biçûk – Mîrze Mehmûd dişîne ber pêz. Cerd êrîşî ser pezên wî dike, Mîrze Mehmûd şerê wî dike, ewana xwe li riya revê digrin, diçin dikevîna gêlî.

Şebeqê li wir tu kes tunebûye, ew dibê qey dizan beşeke pezên bavê wî dizîne, gerekê paşda vegeşînin. Mîrze Mehmûd pir diçe, an hindik diçe, rastî malekê tê. Ber dêrî pîrekê agir dadabû û li dor û berên xwe dinihêrî. Mîrze Mehmûd ji hespê xwe dadikeve, û silavê dide pîrejînê. Jinika pîr xort dibe hundur, lê ew bi xwe hey diçe derva, hey tê hundur. Mîrze Mehmûd dipirse:

-Dayê, tu çima wisa zû bi zû diçî derva û têyî hundur?

-Lao, di bajarê me da axayekî zalim dijî, navê wî Bozelî ye, ew herdem kurê min dişîne talanê xelkê. Niha ez li benda lawê xwe me, ew îdî roja sisîyan e bi cerdê ra çûye.

Demek derbaz dibe, kurê pîrê tê, ber dêrî disekine, dibêje:

-Dayê, vê carê merîkî xurt rastî min hat. Wextê me dixwest pez bidizîya, ewî da dû me, ez ancax ji dest wî filitîm. Navê xortê ku dabû dû me, Mîrze Mehmûd bû, lê jê ra Bozelî jî digotin.

-Bozelî ez bi xwe me,- Mîrze Mehmûd got,- ez hatime bona heyfa xwe ji wan kesan hildim, ku pezên min dizîne. Niha tu navê wî merivî bêje, ku pezên min bal wî ne.

Pîrê xwe wisa datanî, ku xudêgiravî cîyê axa nizane.

-Here bal xûşka min ya orte, ewê cîyê axa ji te ra bêje.

³⁵⁶ Со слов жителя с.Алагяз Ахме Чоло записал автор в 1940г.

Bozelî diçe bal xûşka orte.

-Kurê min, xûşka ortê dibêje,- axa bi cerdê ra çûye dizîya pêz.

Demekê şûnda kurê wê jî tê û derheqa kirên Mîrze Mehmûd da gilî dike.

-Mîrze Mehmûd ez bi xwe me. Cîyê axa bêjin, ezê herim heyfa xwe jê hildim.

-Xûşka biçûk cîyê wî zane,- pîrê dibêje.

Mîrze Mehmûd diçe welatekî dûrî derez. Ew xûşka biçûk jî dibîne, ku ber derê xwe sekinîye. Ew diçe bal pîrê disekine, dibêje:

-Dayê, were hewara min.

Jinik dibêje:

-Tu kurê min î, ez dayka te me.

Pîrê ji bo xort nan datîne, xort nanê xwe dixwe. Dawî kurê xort jî tê malê, ew jî behsa Mîrze Mehmûd dike û jê ra dibêje:

Mîrze Mehmûd, tu bibaxşîne, dayka min derheqa te da gilî kirîye, ez zanim, ku pezên te hatine dizîn, me ew yek bi fermana axa kirîye.

-Cîyê wî ji min ra bêjin, ezê heyfa xwe jê hildim,- Mîrze Mehmûd dibêje.

Pîrê cîyê mala axa nîşanî Mîrze Mehmûd dide û dibêje:

-Ewê bikeve qîlxê qîzan, tu ji wî bawer nekî.

Bozelî diçe mala axa, silavê didê û dibêje:

-Ez hatime şerê te bikim, ji ber ku te pezên min dizîne.

-Başe,- axa bersîvê dide.

Axa wî dibe odeyeke din, gazî xulam û xizmetkarên xwe dike, bi surî dispêre wan pezekê serjê bikin, beroşekê daynine ser êgir, pêz biqejirînin, daynine ser birinc û daynine ber Mîrze Mehmûd. Eger ewî hemû goşt xwer, ewê bi serkeve, eger nikaribû, wê bide der (zora wî biçê).

Xulam û xizmetkar fermana wî bi cîh tînin. Ewana sinîyeke birinc, bi goştê pêz yê qelandî dibin datînin ber Bozelî û diçin. Tarî ketibû erdê. Gotinên xûşka mezin dikevîne bîra Mîrze Mehmûd. Ew diçe derva, li siteyrkan dinihêre. Çend deqeyan şûndatir xûşka mezin ber wî disekine, enîya wî radimûse û dest pê dike pê ra goşt dixwe.

Demekê şûnda xulam diçine bal Mîrze Mehmûd. Gava dikevîne hundur, pîrê nabînin, ji ber ku ew bi çavan nayê dîtîne, jineke sêr bûye. Xulam dibînin, ku xwerin ser xilazbûnê ye. Bozelî ji wan ra dibêje:

-Eger hûn nikarin mêvanan xwedî bikin, ji bo çi hûn xwe mêvanhiz dihesibînin?

Şebeqê axa û Mîrze Mehmûd şer dikin. Mîrze Mehmûd bi ser dikeve. Ew şûrê xwe ji kalên derdixê bona serê axa jêke, lê axa sîngê xwe vedike, herdu çîçikên wî xuya dibin. Mîrze Mehmûd bi xwe va diçe (dixeriqe). Axa radibe enîya wî miz dide. Mîrze Mehmûd dibêje:

-Şerm ji min ra, ku min ewqas wext bi jinekê ra şer kirîye.

Xanim dibêje:

-Heta îro tu kesî zora min nebiribû, lê îro te bir. Niha ne bi dilekî, lê bi hezar dilê ji te hiz dikim, were îro here nêçîrê, bona riya te vebe. Were li hespa min siyar be.

Mîrze Mehmûd diçe nêçîrê. Ew kêvrûşkekê digire, vedigere mal. Di rê da xanim dikeve bîra wî, ji nişkê va dest û pîyên wî sist dibin, kêvrûşk ji destan dertê, direve. Mîrze Mehmûd tê mal. Xanim jê dipirse:

-Mîrze Mehmûd, te çima kêvrûşk neanî?

-Di rê da tu ketî bîra min, lema jî min nikaribû kêvrûşk bigirta. Eger wêneyekî te hebe, bide min, ez di dema nêçîrê bi xwe ra bibim, bona di rê da derxim, hizreta xwe ji te hildim û paşê bi nêçîra kêvrûşkê va mijûl bim.

Xanim wêneyekî xwe dide Mîrze Mehmûd, ew diçe nêçîrê, di rê da rûdinê û li wêneyê wê dinihêre. Ba radibe, lê dixê wêne dibe, davêje nava behrê. Wêne diçe li darekê hasê dibe, paşê ba lêdixê davêje ber kenêr.

Gavanek diçe ber behrê, wî wêneyî dibîne dibe mal, dide diya xwe. Dê dibêje:

-Ev wêne wê lazimî odeya padîşah bê, baş e ez bibim, nîşanî padîşah bikim, binihêrim çika ew çi dibêje.

Wêne dibe nîşanî padîşah dike, padîşah ecêb dimîne, gazî ersewilên xwe dike, emir dike hemûyan agahdar bikin, ku kê xwedîyê wî wêneyî bibîne, ewê weke giranîya wî zêr bidê. Ersewil 3-4 rojan pey hev dikine gazî.

Pîrê dibêje:

-Ezê wî merivî bînim,- û diçe bal padîşah.

Padîşah çend zêran dide wê û dibêje:

-Eger tu xwedîyê wî wêneyî bînî, ezê weke giranîya te zêr bidim te.

Pîrê şa dibe, li mihîna xwe siyar dibe, diçe welatê xwedîyê wî wêneyî, ber derê mala Mîrze Mehmûd peya dibe. Ew silavê dide xanima ku ji mal dertê. Xanim dibêje:

-Cîyê te ser çavên min heye.

Pîrê dibêje:

-Ez bê war im.

Xanim dibêje:

-Ez nikarim te bihewînim.

Mîrze Mehmûd ji nêçîrê vedigere. Pîrê hîvî jê dike, ku wê bihewînin. Mîrze Mehmûd bi xanimê ra dipeyîve û pê ra qayîl dibe. Rojekê pîrê xanimê dixapîne, wê dibe ber kenarê behrê, bona serê wê bişo. Dema serşûştinê wisa dike, ku kefa sabûnê dikeve çavên wê, ew îdî hew tiştêkî dibîne. Pîrê xanimê datîne ser mihîna sêr û hildîfirîne ezmanan. Berî wê ew şûrê Mîrze Mehmûd davêje behrê, ji ber ku hêza Mîrze Mehmûd di şûr da bû. Pîrê xanimê dibe malê, serê wê dişo û dibêje:

-Tu çima wisa melûl î?

-Lê ez çî bikim, te ez xapandim, anî van deran. Ev çî welat e?

-Ev welatê padîşahê teyredayan e, min ru anî vira, ku bi wî ra mêr bikî.

Pîrê padîşah agahdar dike, ku xwedîya wêneyê anîye, gerekê destê kincên baş lê kin. Padîşah kincên xas dide pîrê, wan kincan li xanimê dikin û ew dibine bal padîşah.

Xanim bersîva pirsên padîşah nade, dikeve odeyeke, kêrê û jehr hildide destê xwe û dibêje:

-Kes nêzîkî min nebe.

Niha em bêne ser Mîrze Mehmûd û "diya" wî, ango derheqa xûşka mezin da. Pîra mezin siteyrkzan bû, ew dertê derva, dibîne ku siteyrka îrze Mehmûd ditemire. Ew difikire: "Ez çiqas bê ceger im; dayka Mîrze Mehmûd im, lê ew nakeve bîra min".

Ew berbange diçe bal xûşka xwe ya ortê û bi sêrbazîyan pê dihese, ku Mîrze Mehmûd ketîye nava halekî xirab. Dikevine odeya Mîrze Mehmûd, dibînin ku kes li wir tune, ji ber ku Mîrze Mehmûd kiribûne nava dolabeke mînanî tabûtê. Dibînin, ku şûrê wî ne di kalên da ne. Xûşka biçûk dikeve behrê, şûrê xwe derdixe û dike nava kalên.

Mîrze Mehmûd hişyar dibe.

-Ez ketibûme di xewa hingorê, xwezî we ez hişyar nekirama.

Xûşk dibêjin:

-Malnexirab, xanim li ku ye, ne axir şûrê te avîtibûne behrê, me derxist.

Mîrze Mehmûd li hespê xwe siyar dibe, diçe welatekî û rastî gavanekî tê.

-Ev çî bajar e?- ew dipirse.

-Ev bajarê bêxwedayan e, tenê ez û diya min em xwedênas in,- gavan dibêje.

Mîrze Mehmûd xatirê xwe ji gavan dixweze, diçe bajarê û dibe mêvanê pîrekê. Ew pîr behsa wî bajarî dike.

-Ev welatê bêxwedayan e, min ji padîşah ra jinek anîye, ew jinik nahêle kes here bal wî, gefa dixwe, ku kê nêzîkî wê bibe, ewê xwe bikuje.

Mîrze Mehmûd ji pîrê ra dibêje:

-Tu here bal wê jinikê, ew jina min e, çî ku ji te ra bêje, were ji min ra bêje. Vê gustîla min jî bibe, nîşanî wê bide.

Pîrê diçe bal xanimê, gustîlê didê û dibêje:

-Ew gustîla Mîrze Mehmûd e. Ka ji min ra bêje, ez çî jê ra bêjim?

Xanim gustîlê hildide, nas dike û dibêje:

-Here ji Mîrze Mehmûd ra bêje, bira hespa xwe bîne, ber dêrî ra derbaz be û bike gazî, ku hespa xwe difiroşe. Padîşah wê hespê bikire.

Pîrê diçe her tiştî ji Mîrze Mehmûd ra şirove dike. Mîrze Mehmûd li hespê xwe siyar dibe, diçe ber qesira padîşah ra derbaz dibe û dike gazî, ku hespê xwe difiroşe. Padîşah ji jor da hespê Mîrze Mehmûd dibîne, bi dilekî na, bi hezar dilî dihebîne. Gazî Mîrze Mehmûd dike, hespê dikire û dibe axurê, lê xulam nikaribûn nêzîkî wê bibin.

Mîrze Mehmûd kaxez û qelem hilda, dest pê kir di nav bajêr da gerîya û ji gişkan ra got, ku ew dikare nexweşan û dînan qenc bike û dikare benikan veke.

Xulaman behs ji padîşah ra şandin, ku hespê te yê ku te nû kirî, dîn e, yek hatîye dînan qenc dike, bibe bal wî, bira qenc bike. Xulam bi sipartina padîşah diçin gazî Mîrze Mehmûd dikin, ku bê bal padîşah.

Mîrze Mehmûd tê. Padîşah dibêje:

-Mîrze Mehmûd, tu gerekê çend rojan miqatîyê li hespê min bikî, ew nahêle, ku xulamên min nêzîkî wî bin.

Mîrze Mehmûd qayîl dibe. Di rê da rastî pîrekê tê û jê ra dibêje:

-Sibê ezê hespê derxime derva, ji xanimê ra bêje, ku hazir be, ezê wê bavêjime terkuya xwe û bibim.

Pîrê diçe, her tişt ji xanimê ra dibêje. Şebeqê xanim li ber dêrî li benda wî disekine. Mîrze Mehmûd jî li hespê siyar, hazir sekinîye. Ew xanimê davêje terkuya xwe û dajo, digihîje welatê xûşkên xwe, razîbûna xwe dide wana û diçe mala xwe.

Bavê Mîrze Mehmûd şa dibe û daweta wan dike³⁵⁷.

Бозалин

Некогда, в те далекие времена, жил царь и было у него три сына. На протяжении ряда лет джарды /шайка разбойников/ постоянно нападали на его стада и похищали овец. В конце концов царь решил выяснить, кто эти разбойники, и для этого послал старшего сына охранять стадо. Однако, ночью сон одолел старшего сына - и он заснул. Джарды, как всегда, без особого труда увели часть овец. Наутро старший сын пришел к отцу и поведал ему о случившемся. - Отец, - сказал он, - джарды похитили половину стада.

На этот раз царь решил послать охранять стадо среднего сына, но джарды и на этот раз угнали овец.

Наступила очередь младшего сына царя Мирзамахмуда. Джарды опять напали на стадо, но Мирзамахмуд вступил с ними в схватку и обратил разбойников в бегство.

Убежав, разбойники спрятались в ущелье.

Утром Мирзамахмуд окинул взглядом окрестность, но никого не обнаружил. Тем не менее ему показалось, что джардам все таки удалось угнать часть овец. И тогда он решил во что бы то ни стало найти овец и вернуть их обратно.

Долго ли коротко ли он шел, это только богу известно, но наконец на своем пути он увидел какой-то дом. Перед домом у костра стояла старуха и смотрела вдаль. Мирзамахмуд спрыгнул с коня, стреножил его и вежливо поздоровался со старухой. Та приветливо ответила и пригласила в дом. Мирзамахмуд заметил, что старуху что-то тревожит, и она беспрестанно то выходит на улицу, то входит в дом. И Мирзамахмуд спросил ее:

- Матушка, чем ты обеспокоена? И по какой причине ты все время ходишь туда-сюда?

³⁵⁷ Binecîyê gundê Elegezê Kamilê Elo gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1950î ji zarê wî nivîsiye.

- Лао /сынок/, в нашем городе появился один жестокий ага по имени Бозалин, который все время посылает моего сына на разбой. Вот я и жду сына, уже пошел третий день как его нет.

Спустя некоторое время вернулся сын старухи.

- Матушка, - стал он возбужденно рассказывать, - на этот раз при краже овец мы набрали на одного храбреца, который обратил нас в бегство, я еле ноги унес. Его звали Мирзамахмуд, но говорят, что его называют еще и Бозалином.

- Бозалин – не ага, а я - грозно сказал Мирзамахмуд, - я пришел чтобы отомстить вам за похищение моих овец. Назовите мне имя того человека и покажите мне его дом, где сейчас находятся мои овцы!

Старуха прикинулась, что не знает где живет ага и сказала:

- Иди к моей средней сестре, она укажет на дом аги.

"Бозалин" пошел к средней сестре старухи.

- Мой сын ушел на разбой, чтобы украсть овец для аги. Через некоторое время появился и сын средней сестры, который в свою очередь захлебываясь стал рассказывать о мужественном храбреце Мирзамахмуде.

- Я и есть тот самый Мирзамахмуд, скажите мне где прячется ага, потому что я пришел, чтобы отомстить ему.

- Об этом может тебе сообщить наша младшая сестра, - ответила старуха.

Мирзамахмуд отправился на поиски младшей сестры старух. Наконец, после долгой дороги ему удалось найти ее. Она стояла на пороге своего дома и сосредоточенно вглядывалась в даль. Мирзамахмуд подошел к ней и коротко оказал:

- Дае, матушка, помоги мне. Она ласково ответила:

- Хорошо. Считай, что ты мне сын, а я тебе мать.

Сказав эти слова, она накрыла на стол и стала угощать Мирзамахмуда разными яствами.

В скором времени пришел сын этой старухи, который стал рассказывать матери о Мирзамахмуде, но увидев его, виновато произнес:

- Мирзамахмуд, прости меня. Моя мать уже сообщила мне о тебе. Я еще раз прошу тебя простить за кражу твоих овец, мы люди подневольные, нам ага приказывал.

- Тогда скажите мне, где его найти, чтобы я смог отомстить ему, - строго ответил Мирзамахмуд.

Старуха показала ему дом аги и в напутствие сказала:

- Он может появиться в облике девушки, но ты не верь.

"Бозалин", он же Мирзамахмуд напрямик направился к указанному дому аги, вошел в дом, поздоровался и заявил:

- Ага, я должен сразиться с тобой, потому что ты вор и украл овец моего отца.

- Ладно, - ответил ага и пригласил его в другую комнату. Затем ага тайно приказал слугам зажарить целого ягненка, положить его сверху на плов из риса и в качестве угощения положить перед Мирзамахмудом. Тем самым ага решил проверить: если Мирзамахмуд одолеет и съест все это, значит он силен и сможет победить его, а если не сможет съесть, то битву проиграет.

Слуги исполнили наказ аги, положили огромный поднос с рисом и ягненком перед Мирзамахмудом и молча удалились. Дело подходило к вечеру, темнота потихонько опускалась на землю. Мирзамахмуд вышел на улицу и стал всматриваться в небо на звезды. Одновременно он почему-то вспомнил старшую из сестер-старух. И вдруг в этот миг перед ним появилась сама старуха и поцеловала ему в лоб. Она присоединилась к ужину Мирзамахмуда и вместе с ним съела все угощение, которое принесли слуги аги.

Спустя некоторое время вошли слуги аги и от удивления разинули рты, когда увидели, что от угощения ничего не осталось - все съедено. Старуху они не видели, потому что она была волшебницей - невидимкой. Заметив удивление на лицах остолбеневших слуг, "Бозалин" сказал:

- Если не можете угощать гостя как следует, то нечего братья за такое дело.

Утром следующего дня Мирзамахмуд и ага вступили в схватку. Мирзамахмуд выбил агу из седла и хотел было уже отрубить мечом ему голову, как вдруг "ага" распахнул рубашку и обнажил грудь. Груды были женские. Мирзамахмуд, увидев белые женские груди, потерял сознание и рухнул на землю. Ага уже в облике женщины поднялся с земли и стал потирать Мирзамахмуду виски. Очнувшись, Мирзамахмуд стал причитать:

- О горе мне! Какой позор! Неужели все это время я бился с женщиной!

И тут ханум (госпожа) сказала:

- До сих пор никто не мог одолеть меня, но ты победил. Я всем сердцем полюбила тебя. А теперь тебе надо отвлечься от случившегося, возьми моего коня и сходи на охоту.

Мирзамахмуд послушался ханум и отправился на охоту. Во время охоты ему удалось поймать зайца. На обратном пути вдруг перед его глазами встал образ ханум с ее красивыми чертами лица. От нахлынувшего на него чувства любви его руки и ноги обмякли, стали ватными. Заяц, которого Мирзамахмуд держал за уши, почувствовав слабость в державшей его руке, вырвался и убежал. Мирзамахмуд вернулся с охоты ни с чем. Ханум, увидев расстроенного Мирзамахмуда, спросила:

- Почему ты вернулся без добычи и не принес даже зайца?

- Во время охоты мне привиделся твой прекрасны лик - и я упустил уже пойманного зайца. Подари мне свой портрет, я буду носить его с собой, а как затоскую по тебе - посмотрю на твое изображение и мне станет легче. Тогда и охота будет удачной.

Ханум подарила ему один из своих портретов, и Мирзамахмуд ушел на охоту. По дороге он остановился, сел на землю, вытащил из кармана портрет ханум и стал разглядывать его. Вдруг подул сильный ветер, вырвал из его рук портрет ханум, унес и бросил далеко в море. Потом волны прибили его к коряге и выбросили на берег.

В это самое время по берегу шел какой-то пастух, который и нашел портрет с изображением ханум. Он принес его домой и показал своей матери, которая, посмотрев на красивую девушку на портрете, сказала:

- Этот портрет украсит палаты царя, отнесу и покажу царю, посмотрим, что на это скажет.

Она отнесла портрет во дворец и показала царю, который пришел в восторг. Он вызвал глашатаев и приказал объявить своим подданным, что тот кто найдет ханум на портрете, будет озолочен и получит золота столько, сколько весит сам. Три дня и три ночи глашатаи выкрикивали царский указ.

Тут старуха смекнула и решила, что она сама отыщет ханум, и пошла к царю, чтобы сообщить ему об этом.

Царь дал ей несколько золотых и объявил: - Если приведешь мне хозяйку портрета, я озолочу тебя.

Старуха ушла, села в свой бочонок для пахтанья и взмыла в небо, направившись в сторону дома той самой ханум. Она опустилась и приземлилась у дома ханум. Та, увидев старуху, вышла навстречу и вежливо поздоровалась:

- Приветствую тебя, почтенная!

Старуха в ответ на ее приветствие жалобно сказала:

- Разреши мне поселиться у тебя, мне негде жить.

- У меня тесно и места очень мало, - ответила ханум.

К тому времени с охоты вернулся Мирзамахмуд. Старуха стала с еще большим усердием умолять их оставить ее у себя. Мирзамахмуд увел ханум в сторонку и о чем-то стал с нею говорить, после чего ханум согласилась, чтобы старуха осталась жить у них. Спустя некоторое время старуха под предлогом искупать ханум повела ее на речку. Она намылила ханум голову и так взбила пену, что она ничего не могла видеть. Улучив момент, старуха посадила ханум в свой волшебный бочонок и поднялась в небо. А до этого она выкрала меч Мирзамахмуда и бросила его в море, потому что вся его сила была заключена в этом мече. Когда пена уже сошла с глаз ханум, она обнаружила, что они

приземлились в каком-то городе. Укутав почти голую ханум в одеяло, старуха привела ее к себе в дом, выкупала и спросила:

- Почему печалишься, ханум?

- Как же мне не печалиться, если ты обманула меня и привезла сюда. Да и какая это страна, как называется?

- Это страна царя птиц, я доставила тебя сюда, чтобы ты вышла за него замуж, - ответила старуха.

Ханум замолчала и впала в грусть.

Старуха послала весть царю о том, что она нашла изображенную на портрете красавицу, что она сейчас находится у нее и просила прислать для нее наряды. Царь обрадовался и через гонца отослал красивые наряды. Старуха надела их на ханум и повела ее к царю.

На вопрос царя, кто она и с каких она краев, ханум ничего не ответила, только молча удалилась в соседнюю комнату. Взяв в руки чашу с ядом и кинжал, она крикнула:

- Я убью себя, если кто-либо посмеет подойти ко мне!

А теперь вернемся к Мирзамахмуду и его названной матери - старшей из трех старух-сестер. Она была прорицательницей и звездочетом.

Как-то ночью она вышла во двор и взгляделась в небо, обнаружив, что звезда Мирзамахмуда светит тускло. Она призадумалась и про себя сказала: "Какая же я плохая, совсем про него забыла, а еще считаюсь ему матерью". Утром она отправилась к средней сестре и от нее узнала, что Мирзамахмуд кем-то околдован и лежит у себя в беспамятстве. С нею была и их младшая сестра. Когда они все втроем вошли в комнату Мирзамахмуда, то сначала его не обнаружили, потому что кто-то спрятал его, спящего в сундуке. Найдя его, сестры обнаружили, что ножны от меча Мирзамахмуда пусты, и поняли, что кто-то бросил его меч в море, чтобы лишить его силы. Младшая сестра опустила на дно моря и вынесла его обратно, который они вложили опять в ножны.

И тут Мирзамахмуд проснулся.

- Ах, как сладко я спал, не надо было меня будить.

- О, несчастный, куда делась ханум? - спросила старшая сестра и добавила: - Твой меч был на дне моря, мы его достали, и теперь к тебе вновь вернутся силы.

Услышав это, Мирзамахмуд почувствовал прилив сын и вскочил на ноги. Он сел на коня и поскакал на поиски ханум. Конь доставил его в некий город, где он встретил какого-то пастуха и спросил:

- Какой это город?

- Это город безбожников, ответил пастух, - во всём городе в бога верим только я и моя матушка.

На этом Мирзамахмуд попрощался с пастухом, поехал дальше и остановился у одной старушки, которая рассказала ему о городе и о том, что здесь происходит.

- Это город безбожников, - вздохнула старушка. - Для царя похитили некую девушку и против ее желания привели ее к нему, но несчастная к себе никого не подпускает - грозитя покончить собой.

Выслушав старушку, Мирзамахмуд сказал:

- Матушка, эта девушка - моя жена. Сходи к ней и для верности покажи ей вот этот перстень, а после придешь и расскажешь все, что она тебе сказала.

Старушка пробралась во дворец, пришла к девушке, показала ей перстень и сказала:

- Это перстень Мирзамахмуда. Что ему передать?

Ханум посмотрела на перстень и узнала его. Потом тихо, чтобы никто не услышал, сказала:

- Скажи Мирзамахмуду, чтобы он на коне подъехал ко дворцу, и проезжая мимо ворот стал кричать, будто продает коня. Надо сделать так, чтобы царь купил у него коня.

Возвратившись домой, старушка передала Мирзамахмуду слова ханум. Мирзамахмуд немедленно сел на коня и поехал ко дворцу, где во все горло стал кричать,

что продает своего скакуна. Царь, увидев через окно коня, который ему очень понравился, позвал Мирзамахмуда к себе и заплатил ему за скакуна. После ухода Мирзамахмуда он приказал слугам отвести коня в конюшню. Однако слуги никак не могли загнать его в конюшню, - конь дико ржал, фыркал, вставал на дыбы и брыкался, не желая никого подпускать близко.

Тем временем Мирзамахмуд вернулся к старушке домой, взял бумагу с чернильницей и опять отправился в город, выдавая себя за писаря-чернокнижника, исцеляющего больных и сумасшедших.

Слуги царя сообщили своему повелителю, что конь одержим нечистой силой, что в городе объявился целитель и надо бы коня отвести к нему, чтобы он исцелил его от бешенства. По приказу царя слуги нашли Мирзамахмуда и привели к царю. Тот узнал Мирзамахмуда и сказал:

- Мирзамахмуд, тебе придется немного побыть возле коня и успокоить его. Он не дается моим слугам, не позволяет даже приближаться к нему.

Мирзамахмуд согласился и направился в конюшню. На своем пути он встретил старушку и прошептал:

- Завтра я буду выводить коня на прогулку, передай ханум, чтобы она приготовилась к бегству, я выкраду ее.

Старушка поспешила к ханум и передала ей слова Мирзамахмуда. Утром, пока слуги спали, ханум вышла к воротам. Мирзамахмуд уже ждал ее. Он прищпорил коня, на ходу схватил ханум за талию, забросил ее на седло и поскакал в страну тех трех сестер-старух. Там он поблагодарил их за все, что они сделали для него и умчался вместе с ханум в родные края.

Отец Мирзамахмуда очень обрадовался сыну с невесткой. Вся эта история закончилась пышной свадьбой Мирзамахмуда с ханум.³⁵⁸

17. Şamil

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinîna da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Padîşahê hebûye. Ew kurê xwe dizewicîne. Roja dawetê gelek merivan dibe, ku bûkê siyar bikin, bînin û dawetê bikin. Xînamî bûkê siyar dîkin, lê wê rojê nagihîjin mal, şeva xwe li derva derbaz dîkin. Şebeqê dibînin ku marekî ziya li dor wan girtîye, ew di xelegê da mane. Yek ji merivên bi aqil ser serê ziya disekine û dibêje:

-Ez heyran, tu çi ji me dixwezî?

Ziya vedigere, dibêje:

-Kurekî padîşah heye, navê wî Şamil e. Min di xewnê da dîtîye, ku tenê ew dikare min bigihîne mirazê min. Eger hûn Şamil bînine bal min, ezê we berdim, eger we ne anî, ezê bi we va vedim û we hemûyan bikujim.

Ew merivê bi aqil ev behs digihîne padîşah (padîşah jî di wê xelegê da bû). Padîşah demeke dirêj difikire û dibêje:

-Baş e, yekî bihêlin bira ji xelegê derkeve, here Şamil bîne.

³⁵⁸ Со слов жителя с.Алагяз Камале Ало записал автор в 1950г.

Ziya bi ya padîşah dike, xeleqê hinekî vedike, yek ji mêran jê derdikeve, diçe bal Şamil û derheqa wî hal û hewalî da ji wî ra dibêje.

Şamil diçe bal ziya. Ziya xeleqê vedike û bi Şamil ra tek dibin, ango ew herdu bi tenê dimînin. Şamil xatirê xwe ji bavê xwe dixweze, bi ziya ra hinekî dûr diçin, lê vexwendî diçine dawetê. Ziya û Şamil radibine serê zinarekî.

Padîşah bi dawetvanîyan ra dikeve bajêr, lê derheqa kurê xwe da gelek difikire, ji ber ku ew lawê wî yê herî hizkirî bû.

Ziya ji Şamil ra dibêje:

-Şamil, ev zinar warê min e. Min di xewnê da dîtîye, ku tenê tu dikarî min bigihînî mirazê min. Qîza padîşahê horî-perîyan dilketîya min e, tu gerekê herî wê ji min ra bînî.

Şamil navê Melekê Taûs dide û bi rê dikeve, ser çîyan, deştan û gelîyan ra derbaz dibe. Pir diçe, hindik diçe, Xwedê zane, rojekê teyrok dibare. Şamil dibîne, ku çivîkeke ji teyrokê halketî diricife û xwe virda û wêda davêje. Şamil nêzîkî çivîkê dibe, wê hildide, dike paşila xwe û ber zinarekî disekine, heta teyrok xilaz dibe. Ew çivîkê berdide ku bifire here, aza perwaz bide. Çivîk li ser zinarekî terikî disekine û bi zarê merîyan bi Şamil ra dipeyîve:

-Ez kurê padîşahê teyredêya me, han ji te ra perek ji baskê min, kengê bikevî halekî teng, dane ser êgir, ezê bême hewara te.

Şamil riya xwe berdewam dike, diçe ber çemekî disekine û rastî mûristangan tê. Mûrî dixwestin derbazî wî berî çêm bin, lê nikaribûn, diketine avê û dixeniqîn. Şamil şûrê xwe ji kalên derdixe, datîne ser çêm, bona mûrî ser ra derbaz bibin. Mûrî pey hev ra derbaz dibin, yê dawî mabû, lê pîyê wê li devê şûr dikeve, Şamil wê yekê dibîne, kizî li dilê wî tê, dibêje:

-Sed heyf,- ew dibêje,- hemû mûrî sip-silamet derbazî wî berî çêm bûn, lê nizamim çawa bû, pîyê eva dawî li şûrê min ket û pîyê wî jê kir.

Ev mûrîyê dawî bi zarê merivan bi wî ra dikale (dipeyîve):

-Şamil, te mûrîyên min aza kir, vî pîyê min yê jêkirî hilde bal xwe, gava bikevî rojêke teng, pîyê min dane ser êgir, ezê bême hewara te.

Şamil pîyê wê dike paşila xwe û diçe. Ew di orta du bilûrên gîhê da merivekî marê ziya di dêst da dibîne. Şamil diçe bal wî û dibêje:

-Selam, xortê delal.

-Tu ser serê min û ser çavên min ra hatî,- xort bersîva wî dide.- Navê te bi xêr?

-Navê min Şamil e.

-Tu wa di ku da diçî?

-Ez diçim keça padîşahê horî-perîyan ji xwe ra bînim.

-Navê min Gurguhêz e, tu birayê min yê mezin î, ez birayê te yê biçûk im, tu di ku da herî, ezê bi te ra bêm.

Dibine destebirakên hev û diçin. Pir diçin, an hindik, Xwedê zane. Diçin, rastî merivekî bi navê Ahmed tên. Ew jî dibêje:

-Ez gerekê bi we ra bêm.

Şamil razî dibe, ewana riya xwe berdewam dikin. Hinekî jî diçin, rastî Ahmedê bilûrvan tên. Ew jî dibe destebirakê wan. Evana diçin û rastî Ahmedê têrnexwer tên, ew jî digihîje wana, dibin pênc heval. Li ser rê goristan hebûne, ji mezelan deng tene bihîstinê, ku: "Hûn tên û derbaz dibin, lê qet silavekê jî nadine me".

Şamil dibêje:

-Bibaxşînin, me nizanibû, ku li van deran mezal hene.

Ewana diçine bal mezelan û rastî merivekî bi navê Ahmed tên, ku ji mezelekê derketibû. Ew jî bi wan ra dibe heval û dibin şeş û bi rê dikevin. Pir diçin, hindik diçin, Xwedê zane, rastî Ahmedê defçî tên. Ev jî digihîje wana, dibin heft heval. Paşê rastî Ahmedê wênekêş tên, ew jî bi wan ra dibe heval. Diçine bajarekî û dibine mêvanê pîrekê.

Ji pîrê dipirsin:

-Ev çi bajar e?

-Eva bajarê padîşahê perîyan e.

Her heyst birayên destebirak difikirin, ku çawa bikin keça padîşaha perîyan bibînin. Biryar dikin wêneyê Şamil bikişînin, bibin bal keça padîşah, bona ew bibîne û eger Şamil begem bike, paşê gavên dinê bifikirin. Wêneyê Şamil dikişînin, wêne hildidin û bi def û zurnê dibine bal keçikê. Keça padîşah wana dibîne û gazî bal xwe dike. Ew wêneyê Şamil dibîne û ser bengî dibe. Ew carîyên xwe ji odeyê derdixe û dispêre ku Şamil bînin bal wê. Difikirin, ku çawa bikin, ku dema anînê kes Şamil nebîne.

Gulperî dibêje:

-Kincên jinan lê kin, eger pirs bikin, bêjin ku diçe bal xanimê, xanim wê karekî bidê.

Hevalên Şamil diçin û derheqa vê yekê da jê ra dibêjin. Şamil diçe bal Gulperîyê, ewana dikevîne nava sohbetê û ser hev bengî dibin, lê Şamil surên xwe ji keçikê ra nabêje, vedigere bal hevalan. Ew ji hevalan ra dibêje:

-Niha hûn herin li ser *Kevirê xazgînîyan* rûnên.

Du heval radibin, diçin ser kêvir rûdinên. Xulam û xizmetkarên padîşah wî dibînin û dibêjin:

-Hûn çî dixwezin?

-Em jinê dixwezin. Jinxwestin edetê dinyayê ye,- Ahmed bersîvê dide.

Xulam diçin derheqa wê yekê da ji padîşah ra dibêjin. Padîşah dibêje:

-Bihêlin bira bêne bal min, ka ez binihêrim ew kê ne.

Herdu Ahmed jî diçine bal padîşah. Padîşah xêrhatinê li wan dike, ew rûdinên. Padîşah dibêje:

-Xêr e, hûn ji bo çî hatine?

-Ez xulam, jinxwestin edetê dinyayê ye, em jî hatine bona qîza te ji bo birayê xwe bixwezin,- ji herdu Ahmedan yek dibêje.

-Hûn ji bo kîjan birayê xwe dixwezin?- padîşah dipirse,- wî merivî bînin bal min, da ku ez wî bibînim.

Bira diçin Şamil tînin. Padîşah ku Şamil dibîne, jê hiz dike û dibêje:

-Şamil, ezê qîza xwe bi wî şertî bidime te, ku tu di şevê da çewaleke tijî ceh û genim ji hev bibijêrî û ji hev cuda bikî.

Şamil qayîl dibe. Ew diçe derva, ji paşla xwe pîyê mûrîyê derdixe û datîne ser êgir. Hemû mûrî berev dibin, bi daxaza Şamil di nav şevê da ceh û genim ji hev cuda dikin û diçin.

Padîşah berbangê diçe dibîne, ku ceh û genim ji hev hatine cudakirin. Ew gazî Şamil dike û dibêje:

-Niha şertekî minî dinê heye. Li ser devê misîna kalikê min ya zêrkildayî navê wî hatîye kolan. Ew misîn avîtine behrê, tu gerekê herî misînê bînî. Xêr ku te misîn anî, ezê qîza xwe bidime te.

Şamil razî dibe. Şev hemû razabûn. Şamil diçe ber kenarê behrê, perekî baskê teyredêyê derdixe, agir dadide û datîne ser. Dibîne, ku bêhesab refên teyran hatin dora wî berev bûn. Serekê refê dibêje:

-Emir bike, ka daxaza te çî ye?

-Padîşah ji min misîna zêrî dixweze, ku ser devê wê navê kalikê wî hatîye nivîsar, ew di binê behrê da ne,- Şamil dibêje.

Serekê refê emirî ser refê teyredêyan dike, ku misînê bîne. Ref dikeve binê behrê, ji binê behrê misînê derdixe û dide Şamil. Şamil gelekî şa dibe. Ref xatirê xwe jê dixwezin û diçin.

Şamil misînê dibe dide padîşah. Padîşah zendegirtî dimîne û dibêje:

-Êvarê kerem bikin, werin nan bixun.

Şamil derheqa van yekan da ji Gulperîyê ra dibêje. Gulperî dibêje:

-Xwerina, ku wê dayne ber we, jehrdadayî ye.

Şamil vedigere, diçe bal birayan û ji wan ra dibêje:

-Padîşah gazî me dike bona me jehrdadayî bike. Wextê xwerinê li min binihêrin, ez çawa dikim, hûn jî wisa bikin.

Diçin, dikevîne mala padîşah, dora sifreyê rûdinên. Alîyekî sifreyê merivên padîşah rûniştibûn, li alîyê dinê jî bira rûniştibûn. Şamil dibêje:

-Gorî edetê mala me, berî nanxwerinê em gerekê li bilûrê xin, paşê bixun.

Ahmed bi dengekî bilind li bilûrê dixê, deng wisa bilind bû, ku guhên haziran kerr dibûn. Xênji birayan, yên din hemû serên xwe bi arxalixê digirin. Şamil radibe xwerina ku danîne ber wan, datîne ber merivên padîşah, lê xwerina wana datîne ber birayan. Piştî wê Ahmed îdî hew li bilûrê dixê.

Merivên padîşah serên xwe ji bin arxalixan derdixin û destpê dikin, dixun. Hemû qir dibin. Padîşah tê dibîne, ku merivên wî hemû qir bûne, lê tişt bi birayan ne hatîye, şaş û metel dimîne. Padîşah çarneçar qîza xwe dide wan. Bira Gulperîyê ji bajêr derdixin, xatirê xwe ji Şamil dixwezî û diçine welatê xwe.

Di rê da Şamil eşkere ji Gulperîyê ra dibêje, ku wê dibin bona marê ziya. Gulperî dibêje:

-Ez jî zanim, lê gava em bigihîjine warê marê ziya, tu li ber zinêr bi dengekî bilind bike gazî, bêje, ku min dibin bona wî.

Dema digihîjine warê ziya, Şamil ber zinêr disekine û gazî wî dike, ziya ji şabûnan xwe ji zinêr davêje û pirtî-pirtî dibe.

Şamil Gulperîyê dibe welatê xwe, di rê da rastî merivekî belengaz tê, zêrekê didê û dibêje:

-Here çavronkayî bide bavê min, ku kurê wî hatîye û min ji xwe ra qîzek anîye.

Padîşah bi wezîr-wekîlên xwe va, binecîyên bajêr tîn pêşîya Şamil û jina wî. Wana bi def û zurnê dibine malê, heft rojan, heft şevan dawetê dikin.

Ewana çûn gihîştine mirazê xwe, hûn jî bigihîjine mirazê xwe³⁵⁹.

Шамил

Жил-был царь и был у него сын. Настало время когда царь решил женить его. В день свадьбы царь со своей свитой поехал в соседнее царство за своей невесткой. Забрав невестку из отцовского дома, они пустились в обратный путь. На обратной дороге, когда на землю опустилась ночь, царь и его свита разбили лагерь, чтобы переночевать. Утром, проснувшись, они обнаружили, что находятся в плену у гигантского крылатого змея, который обвился кольцом вокруг всей царской свиты. Среди царских людей был один мудрец, который и обратился к змею:

- Любезный, что тебе от нас надо? - вежливо спросил он дракона.

Дракон повернул голову в его сторону и ответил:

- У царя есть сын по имени Шамил. Мне приснилось, что на всем свете только он может исполнить мою заветную мечту. Приведите его ко мне и тогда я вас отпущу, а если не сделаете этого, то погибнете - я убью всех вас.

Об условиях змея мудрец сообщил царю, который после недолгих раздумий обратился к дракону.

- Ладно, дракон, пусть будет по-твоему, ты только освободи кого-то, чтобы отправить его гонцом к Шамилу.

Змей разжал кольцо и освободил гонца, который примчался к Шамилу и сообщил ему о случившемся.

Шамил выполнил условие дракона и пришел к нему. Дракон не обманул - освободил пленников, а Шамил остался с ним. Он попрощался с отцом, и вместе с крылатым чудовищем они удалились.

Царь со свитой наконец добрался до своего царства, а дракон и Шамил тем временем забрались на огромную скалу.

³⁵⁹ Binecîyê gundê Elegezê Kamilê Elo gotîye, xudanê vê pirtûkê sala 1950î ji zarê wî nivîsiye.

После возвращения царь не переставал думать о сыне, потому что он был его любимым чадом.

На верхушке скалы дракон сказал Шамилу:

- Шамил, эта скала - моя обитель. Мне приснилось, что на свете есть только один человек, который может осчастливить меня и осуществить мою заветную мечту, и этим благодетелем являешься ты. Я безумно влюблен в дочь царя царства гурий-пери, ты должен отправиться за ней и привести ее мне в жены.

Шамил произнес обращенную к Малакетаусу молитву и собрался в путь-дорогу, которая пролежала через горы, долины и ущелья.

Долго ли коротко он шел, одному богу ведомо, только по дороге его настигла гроза. Пошел сильный дождь, казалось разверзлись хляби небесные, а затем стал сыпать град. Вдруг Шамил заметил птицу с подбитым крылом, которая от холода и слабости тряслась всем телом. Шамил взял ее в руки и положил себе за пазуху отогревать. Когда природа утомилась и небо прояснилось, Шамил вышел из своего укрытия под скалой и выпустил птицу. Она отлетела в сторону, уселась на камень и человеческим языком молвила:

- Я сын царя птиц, ты спас меня от гибели. Возьми вот это моё перо из моего крыла и спрячь. И если тебе понадобится моя помощь, положи его в огонь - я тут же окажусь рядом.

Птица улетела, а Шамил продолжил свой путь. У небольшого ручейка его внимание привлекли муравьи, которые метались по берегу и не знали как перейти на другой берег. Тогда Шамил положил свой меч поперек ручья, чтобы они по нему перешли на другую сторону. Муравьи сразу смекнули и цепочкой потянулись по мечу к другому берегу. Последний муравей каким-то образом поскользнулся и своей лапкой задел лезвие меча. Шамил расстроился, от жалости у него защемило в сердце.

- Жаль, - сказал Шамил вслух, - все переправилось, а этот бедолага потерял лапку.

И вдруг муравей на человеческом языке и говорит ему:

- Шамил, важно то, что ты спас моих сородичей. Возьми мою отрезанную лапку и храни при себе. В трудную минуту брось его в огонь и я приду на помощь.

Шамил спрятал лапку и пошел дальше. По дороге меж двух холмов он увидел юношу со змеей в руке. Шамил направился к нему и поздоровался:

- Здравствуй, добрый молодец!

- Приветствую тебя,- ответил юноша и спросил:- Как твое имя?

-Шамил.

-А куда путь держишь?

-Иду сватать дочь царя царства Гурий-Пери.

-А меня зовут Галапох, - сказал юноша и добавил:-Хочу стать тебе младшим братом. Возьми меня с собой.

Шамил не отказал юноше и они продолжили путь. Вскоре они встретили человека по имени Ахмад, который тоже попросился пойти с ними. Шамил согласился, Ахмада они ваяли с собой. После недолгой дороги они встретили Ахмада-блурвана /музыканта/, который также примкнул к ним. Затем они встретили Ахмада-тернахари /ненасытный/. Он тоже присоединился к ним. Так все пятеро стали друзьями. Идя мимо заброшенного кладбища, они вдруг услышали голоса: "Нехорошо не здороваться". Извиняясь, Шамил произнес:

- Простите нас, мы не знали, что здесь кладбище.

Они направились к кладбищу, чтобы поздороваться с душами умерших. Там увидели выбравшегося из могилы еще одного Ахмада, который тоже стал им другом. Дальше они пошли уже шестером. Одному богу известно, сколько они времени шли, когда встретили Ахмада-барабанщика. И он примкнул к ним - их стало семеро. И наконец они встретили Ахмада-рисовальщика, он тоже присоединился к ним. Все вместе добрались до какого-то города и остановились в гостях у одной старухи.

- Что это за город? - спросили они.

- Это город царя царства Гурий-Пери.

Выяснив это, они стали думать как им встретиться с царевной. Они решили показать царевне портрет Шамила, и если он понравится ей, тогда будут думать как сосватать ее для него. Ахмад-рисовальщик сразу же нарисовал портрет Шамила. Взяв портрет, они направились ко дворцу. Царевна заметила их и велела слугам привести их к ней. Посмотрев на портрет Шамила, царевна влюбилась в него. Она приказала своим джари /служанкам/ выйти из ее комнаты и тихо почти шепотом велела друзьям Шамила привести его к ней, но сделать это надо было так, чтобы никто об этом не узнал. Царевна, а ее завали Гулпари, сказала:

- Переоденьте Шамила в женское платье, а если охрана остановит, то скажите, что ведете к царевне новую служанку.

Вернувшись от царевны друзья Шамила рассказали ему о своей встрече с царской дочерью. Как и велела царевна, они надели на Шамила женское платье и привели его к ней. У Шамила и Гулпари забились сердца как только они встретились - они влюбились друг в друга. Возвратившись к друзьям, Шамил сказал им:

- Перед дворцом лежит большой камень, называется он "Кавре хазгини" /камень сватовства/. Вам надо пойти туда и сесть на него.

Двое из его друзей отправились к указанному месту и уселись на Кавре хазгини. Увидев сидящих на этом камне людей, царские слуги окликнули их и спросили:

- Эй вы, что вам надо?

- Сватовство - это мирской обычай, мы хотим посвататься. Слуги побежали к царю и сообщили ему об этой новости. Царь приказал привести к нему этих "сватов".

Двое из Ахмадов предстали перед царем. Царь указал им куда сесть и спросил по какому вопросу они пришли.

- Царь, да светится имя твое, дело наше мирское, мы пришли посватать царевну для нашего брата,- ответил один из Ахмадов.

- Тогда приведите его ко мне, я хочу посмотреть на него, - сказал царь.

Оба Ахмада отправились за Шамиллом. Спустя некоторое время они представили его царю.

- Шамил, - сказал царь, - я выдам за тебя свою дочь, но при условии, что ты за одну ночь сумеешь перебрать и отделить друг от друга два мешка с перемешанными зернами овса и пшеницы.

Шамил принял условие царя. Выйдя из дворца, он разжег небольшой костер, извлек из кармана завернутую в платок муравьиную лапку и бросил в огонь. Вдруг откуда ни возьмись появилась целая муравьиная армия. За считанные часы муравьи перебрали зерна и мгновенно исчезли как и появились.

Царь своим глазам не поверил, когда увидел проделанную работу, но он решил еще раз испытать юношу.

- Сейчас я поручу тебе другое задание, - сказал царь. - Некогда у нас была семейная реликвия - золотой кувшин с надписью с именем моего деда на его ручке. Когда-то он упал в море и ушел на дно. Если достанешь кувшин - я выдам дочь за тебя.

Шамил согласно кивнул головой. Ночью, когда все заснули, он пошел к морю, развел на берегу костер и бросил в него птичье перо, которое было спрятано у него за пазухой. И тут Шамил увидел подлетающую к нему стаю птиц. Вожак стаи на человеческом языке обратился к Шамилу со словами:

- Шамил, скажи какое у тебя желание, и мы исполним.

- Царь велел мне достать со дна моря золотой кувшин с надписью имени его деда на ручке, - ответил Шамил.

Вожак приказал одной из птиц достать кувшин со дна моря. Эта птица взмыла высоко в небо и камнем упала в морскую пучину. Вынырнув, она протянула Шамилу кувшин. Шамил обрадовался и поблагодарил птиц.

На следующий день Шамил явился к царю и поставил кувшин перед ним. Царь смущенно сказал:

- Вечером тебя и твоих братьев приглашаю на пир.

Шамил радостно отправился к царевне Гулпари и сообщил ей о приглашении ее отца на пир. Она выслушала его и сказала:

- Коварству моего отца нет предела! Будьте осторожны, поданное угощение будет отравлено.

Вернувшись к друзьям, Шамил собрал их и сказал:

- Братья, царь пригласил всех нас на пир и хочет отравить нас. Во время пиршества внимательно следите за мной и делайте то, что буду делать я.

Вечером они все вместе отправились во дворец, вошли в трапезную и расселись на коврах вокруг суфры. По одну сторону суфры уселись царские придворные, а по другую - Шамил со своими друзьями. Перед тем как приступить пиршеству, Шамил обратился к присутствующим со словами:

- У нас по-обычаю перед трапезой слушают музыку и игру на свирели. Сыграй нам, брат Ахмад.

Ахмад-блурван вытащил свою свирель и начал издавать всякие трели, да так громко, что в ушам стало больно. У царских людей так заложило в ушах, что они накрыли себе головы архалуками. Пока Ахмад выдавал трели, Шамил, улучив момент, переставил разложенную на суфре еду: свою еду он положил перед царскими людьми, а их кушанья - перед собой и своими друзьями. Как только все это было проделано, Ахмад-блурван перестал играть. Царские придворные тут же стащили с голов архалуки и с жадностью приступили к трапезе.

Спустя некоторое время на пиршество явился царь. Увидев своих придворных мертвыми, а Шамила с друзьями живыми и невредимыми, он оцепенел. Ему ничего не оставалось как отдать царевну замуж за Шамила.

Друзья Шамила, все Ахмады, вывели Шамила с Гулпари за ворота города, тепло попрощались, пожелав им счастья, отправились к себе восвояси.

Оставшись наедине с Гулпари, Шамил раскрыл ей тайну и честно признался, что он сватал ее не для себя, а для крылатого змея-дракона. В ответ царевна сказала:

- Когда подойдем к обиталищу дракона, спрячься за скалой и во всю силу крикни ему, что ты уже вернулся и привел меня для него.

Добравшись до логова дракона, Шамил стал громко звать дракона и кричать, что он привез царевну. Вне себя от радости дракон, сломя голову, выскочил из своего обиталища и свалился со скалы в пропасть, разбившись насмерть.

После этого Шамил с Гулпари направился в свои края. По дороге ко дворцу отца он в встретил какого-то пахаря, дал ему золотую монету и велел бежать к его отцу и сообщить ему, что вернулся его сын с красавицей женой.

Как только пахарь доставил эту весть, царь со свитой выехал навстречу сыну. Встретив сына под звуки зурны и грохот барабана, царь приказал готовиться к свадьбе, которая длилась семь дней и семь ночей.

Так Шамил и Гулпари нашли свое счастье. Дай бог и вам того же.³⁶⁰

18. Gulperî

³⁶⁰ Со слов жителя с.Алагяз Камиле Ало записал автор в 1950г.

Di bawermendîyên kurdan da dîk jî cîkî layîq digire, yê ku her ro di wextê xwe da bang dike, ew di malhebûnê da seheteke zindî bû, xwesma di dema çandinîya baharê û payîze da, di demên ekinberevkinê da. Her sibe, hema bêje di eynî wextê da bangdayîn bal êzdîyan fikireke wisa saz kiribû, ku di wê yekê da biryara yê jorîn heye, ew ser wê fikirê bûn, ku di nav bedena dîk da ruhek heye, ku wî mecbûr dike bang bide. Lê gava mirîşk bikira qirte-qirt, wê ecêbek bihata serê neferên malê. Bi vî awayî, êzdî ekindarî, xweşbextî û bextreşîya malê, jîyan û mirin, hatina baharê û bûyarên din bi teyredeyên malê û kûvî va girê didan.

Padîşahê hebûye, sê kurên wî hebûne û baxçekî wî yê sûrkirî û sengerkirî hebûye. Her payîz, gava dar ber didan, dêwek dihat berên daran dixwer û diçû. Ew wisa hîn bûbû berên daran dixwer, ku padîşah di hizreta berên wan daran da dima. Rojekê padîşah emirî ser kurê xwe dike, dibêje:

-Lao, îsal darên me rind girtine, here ber baxan, binihêre, ku kes zirarê nedê, dizîyê neke.

Kurê padîşah yê mezin diçe miqatîyê li bêx bike. Şev radizê, sibê şebeqê hişyar dibê, dibîne, ku ser daran ber nemane, te digot qey daran tew ber negirtibûn. Diçe bal bavê xwe, dibêje hal û hewal ev e.

Saltira dinê padîşah kurê xwe yê orte dişîne bona ew miqatî li bax û baxçê malê bike. Ew yek tê serê wî jî. Ew sal jî di ser wan ra dibuhure. Sala dinê kurê padîşahî biçûk – Mîrze Mehmûd ji bavê xwe ra dibêje, ku ew dixweze here ber bax û baxçê malê.

Mîrze Mehmûd şûrê xwe girê dide, tîr û kevanê xwe hildide û ber baxçe disekine. Nêzikî şebeqê xew zor lê dike. Ew tilîya xwe dibire, ku xewa wî neyê, lê şewat ketibû tilîya wî, çareya wî hatibû birînê. Demeke xurt şûnda texmîn dike, ku yek ji ezmanan mîna ewirên nîsanê hate xwarê, li baxçe peya bû. Mîrze Mehmûd dibîne, ku eva dêwê firok e. Ewî tîr û kevanê xwe hilda, tîrê xwe berda û rast li enîya dêw xist. Dêw birîndar bû û bû reqînîya wî kete erdê. Mîrze Mehmûd çû bal bavê xwe û gotê:

-Min dijminê me birîndar kir, ew dêwekî reş bû.

-Herin dêw bikujin,- bav emir dike.

Bira bi hev ra çûn, ku dêw bikujin, ewana di rê da korek (çalek) dîtîn. Dêw ketibû wê korê. Birayê mezin got:

-Min peyayî korê bikin, ezê wî bikujim.

Wî peyayî korê kirin, lê ji tirsan kire qîrîn, dest avîtinê, derxistin. Vê carê kurê orte peya kirin, heta nîvê korê çû, ew jî tirsîya, carek din hilbirandin. Mîrze Mehmûd peyayî korê kirin, ewî şûrê xwe kişand û kete korê. Di korê da av tunebû, derîyek vebû, di hundur da keçeke husulcema rûniştibû, xaliçe çê dikir, dîkê zêrîn û mirîşkek jî kêlekê bûn, ser sinîyê dilistin. Xort pirsî:

-Dêwê Qehr li ku ye?

-Ji min wê da xûşka min ya orte dijî, here bal wê, ewê ji te ra bêje.

Xort çû bal wê, dîsa ew pirs dayê, ewê jî wek xûşka xwe bersîv da û gotê:

Mîrze Mehmûd çû, silav da qîzikê û cîyê dêw pirsî. Ewî derheqa dijminatîya xwe ya di hindava dêw da ji qîzikê ra got û di ser da zêde kir, ku ew dixweze dêw bikuje.

-Dêwê Qehr birîndar bûye, razaye,- qîzikê got,- tu gava carekê lêxî, îdî derba xwe dubare neke, yan na ewê rabe û te bikuje.

Mîrze Mehmûd çû bal dêw, dît ew razaye, şûrê xwe derxist û got:

-Şemso, tu bêyî hewara min,- û li piştê dêw xist.

Dêw bû du keran û got:

-Carekê jî lêxe!

-Edetê mala me wisan e, ku em derbekê lê didin, derba dudan guneh e,- Mîrze Mehmûd bersîvê dide.

Dêw mir.

-Gulî,- Mîrze Mehmûd gote qîzikê,- were em herine welatê me, tuyê bibî bermalîya min, emê herdu xûşkên te jî bibin ji birayên xwe ra.

Gulperî qayîl bû. Wana hebûna dêw, herdu xûşkên mezin bi xwe ra hildan û ketine korê (çalê). Mîrze Mehmûd bangî birayan kir, ku wana ji korê derxin. Bira şirît daxistin, pêşî herdu

xûşk derxistin. Xûşka biçûk ber Mîrze Mehmûd pêşniyar kir, ku pêşî ew ji korê derê, lê ew qayil nebû.

-Baş e,- Gulperîyê got,- lê ezê tişteki ji te ra bêjim. Hespê dêw li gomê girêdaye, piştî ku we ez derxistim, zû here bal hespê, ji dêla wê du mûyan bikişîne û bike berîka xwe. Li kîderê ketî roja teng, dane ser êgir, hespê destxweda bê hewara te. Tişteki din jî: her rojên îniyan du beran tene ser kanîyê, ewana beranên sêr in, yek ji wana gewr e, yek sîs e (sipî ye). Ewanayê biçêrin, paşê wê bêne ser kanîyê avê vexun, paşê wê şerê hev bikin. Ewê xwê din, beranê sîs ji xûdanê wê gewr be, lê yê gewr jî wê sîs be. Li beranê gewr siyar nebe, ewê te bibe binê heft tevekên erdê.

Gulperî ji korê derdikeve. Birayên Mîrze Mehmûd wê ji korê dernaxin, bi mixenetî li wir dihêlin. Mîrze Mehmûd gotinên Gulperîyê pêk tîne, ji dêla hespê du mûyên dirêj kaş dike û datîne berîka xwe. Paşê dibîne, ku rastîyê jî du beran ji cîkî derketin, êm (gîha) xwerin, av vexwerin û dest pê kirin şer kirin. Xort bi şaşîtî xwe davêje ser beranê gewr, bi fikira ku ew beranê sîs e, wê wî derxe dinya ronik. Beranê gewr Mîrze Mehmûd dibe binê heft tevekê erdê, dinyayeke tarî.

Mîrze Mehmûd bi rê dikeve û tê bajarekî nenas, ku li wir îşiq hebûye. Di wî bajarî da ew dibe mêvanê pîrekê. Pîrê nan dide wî, nanê xwe dixwe û avê dixweze.

-Ava me tune,- pîrê dibêje,- kanîyeke me heye, lê dêwek li wê kanîyê hasê bûye, nahêle ava me bikişe. Her roj millet keçekê dibe davêje ber dêw, bona ew wê bixwe û avê berde, bikişe. Vê heftêyê dora keça padîşah e, ewê wê bixwe.

Roja îniyê pîrê û Mîrze Mehmûd diçine ber kanîyê bona avê bînin. Padîşah bi beroşeke mezin xwerin daye çêkirinê, şandîye ser kanîyê, bona dêw wê xwerinê bixwe. Keça padîşah jî bi sitûnê va girêdane, bona wê jî bixwe. Mîrze Mehmûd şûrê xwe ji kalên derdixe, dêw pirtî-pirtî dike, keçikê rizgar dike û diçine mala bavê wê. Keçik destê xwe di xwîna dêw da war dike, li piştî xort dixê û diçe mala bavê xwe. Padîşah ser keça xwe hêrs dikeve, ku tu revîyî hatî, îcar em gişkê ji tîna bibehicin û bimirin.

-Bavo,- keçik bi şabûn dibêje,- dêw kuştin.

Temamîya bajêr şa dibe, av îdî dixulxule û dişirike. Padîşah fermanê derdixe, ku hemû xortên bajêr bêne bal wî. Mîrze Mehmûd jî bi xortan ra tevayî tê bal padîşah. Keçik nêzikî wî dibe û ew nas dike. Wî dibîne bal padîşah.

-Xortê delal, padîşah dibêje,- te ji min ra qencî kirîye, te keça min ji mirinê xilaz kirîye, te av daye me, de ka bêje, tu çî dixwezî, di dinyayê da devê te li çî bigere, ezê bidime te, şerm nekî, eger keça min jî bixwezî, ezê bidim.

-Keça te xûşka min e,- Mîrze Mehmûd dibêje,- daxaza min ew e, tu min derxî dinya ronik.

-Ser hidûdê me teyrê Sînem heye, tenê ew dikare te li dinya ronik xe. Eva heft sal e dêwek çêlikên wê dixwe. Ewê daxaza te pêk bîne. Bi awayekî din em nikarin alî te bikin,- padîşah dibêje.

Mîrze Mehmûd xortekî genc bi xwe ra hildide û diçe bal hêlîna teyrê Sînem. Dibînin, ku dêwek hat xwe li wê darê aland, ku hêlîna teyr li ser bû. Mîrze Mehmûd ji cîyê ku xwe telandibû, derdikeve, tê digihîje dêw û wî pirtî-pirtî dike. Teyr tê dibîne, ku çêlikên wî sax û silamet in. Her sal wan çaxan dêw îdî hemû çêlikên teyr xweribûn. Teyrê Sînem gelekî şa dibe, silavê didê û dipirse, ka ew kî ye.

-Ez filankes im,- Mîrze Mehmûd bersîvê dide,- ez dixwezim derkevime dinya ronik, lema jî min çêlikên te rizgar kirin. Em wisa bizanibin, ku tu pêşîyên min î, ango tu bavê bavan î, min qencî ji te ra kirîye, min derxe dinya ronik.

Teyr difikire û dibêje:

-Baş e, here heft dûvên beranan, heft tulumên avê bîne, wî çaxî ezê te derxime dinya ronik.

Mîrze Mehmûd diçe bal padîşah, gotinên teyrê Sînem jê ra dibêje. Padîşah daxazên wî bi cîh tîne. Xort dûv û tuluman dibe, dide teyrê Sînem. Merivên padîşah vedigerin diçin bal teyrê Sînem û digihîjine Mîrze Mehmûd. Ew dûv û tulum datîne ser piştî teyr û bi xwe jî li ser rûdinê. Teyr xwerina deh rojan ji çêlikên xwe ra dihêle. Teyr di nava heft rojan da çêlik derdixe dinya ronik. Ewana ji hev diqetin.

Xort diçe digihîje wetenê xwe, rastî şivanekî tê, silavê dide, silavê werdigire û demeke dirêj pê ra qise dike. Mîrze Mehmûd çekên (kincên) xwe dide wî, çekên wî li xwe dike. Pezekê serjê dikin, Mîrze Mehmûd dil-hinav û pizûr hildide, di çêm da dişo, datîne ser serê xwe, dibe keçelok û diçe gundekî. Ew gundekî mezin bû. Di vî gundî da ew dibe şagirtê zêrker, hîni sinetkariyê dibe. Rojekê di wî gundê mezin da dawetekê dikin, keçelok cîkî dûr agir dadide, du mûyên bijîyên hespê dêw derdixe, datîne ser êgir, hew dibîne hesp bi çek û sîlihan, ber wî disekine. Keçelok çekên wî hildide, diçe cîyê dawetê, cirêdê direqise. Di reqasê da kes nedigihîşte wî, heta êvara dereng bi dawetvanîyan ra dilîze û hespê berdide. Hesp diçe, ew jî diçe bal zêrker û zîvkaran.

Mîrze Mehmûd mûyên hespê kihêl datîne ser êgir. Hesp tê, Mîrze Mehmûd lê siyar dibe. Keçik wî dibîne, nas dike û diçe bal bavê xwe, jê ra dibêje:

-Tu gerekê ji min ra dîk û mirîşka zêrîn bînî, bona ew li ser sinîya zêrîn bireqisin, seba ez şa bim.

Padîşah gazî zêrker dike û tembe didê:

-Zêrker, tu gerekê dîk û mirîşka zêrîn çêkî, ku ew ser sinîyê bireqisin, eger te daxaza min bi cî neanî, ezê serê te lêxim.

Zêrkerê feqîr diçe mal, derheqa daxaza padîşah da ji jîna xwe ra gilî dike. Jîna wî şaş dimîne, lê Keçelok jê ra dibêje:

-Tu ji min ra nîv pûd gûz bîne, ezê çêkim.

Zêrker diçe sûkê, tiştên tembekirî dikire, dibe dide Keçelok. Keçelok wana qestbende tîne. Şev, gava gişk radizên, Keçelok ji cî radibe, mûyên hespê birûskê li hev dixê, hespê sêr ber wî hazir disekine. Mîrze Mehmûd daxaza xwe jê ra dibêje. Hesp di nava deqekê da dîk û mirîşka zêrîn bi sinîya zêrîn va ber wî datîne.

-Ez ji te gelekî memnûn im,- zêrker dibêje,- ji vir şûnda tuyê kurê minî helal bî.

Zêrker dîk û mirîşkê dibe datîne ser maseya padîşah. Padîşah behs dişîne, Gulperîyê tînin, dîk û mirîşka zêrîn bi sinîya zêrîn va dibîne û dibêje:

-Kê ku ev anîbin, ezê wî jî bistînim.

Gazî zêrker dikin. Padîşah jê dipirse:

-Zêrker, ka were rast bêje; te evana çê kirine, yan hinekên din?

-Ez xulam, Keçelok çê kirîye.

Padîşah gazî Keçelok dike û eynî pirs didê. Xort li xwe mukur tê, ku ewî çê kirîye. Gulperî xort nas dike, ewana hev hemêz dikin. Padîşah şaş û metel li wan dinihêre û dipirse:

-Gulperî, ez padîşah im, ew çawan e, tu bi kurê min ra mêr nakî, bi vî keçelî ra mêr dikî?

-Gazî kurên xwe bike, sê kurên te hebûn, ka kurê te yê biçûk,- Gulperî dibêje.

-Dêwan kurê min yê biçûk kuştine,- padîşah dibêje.

Li vir Gulperî derheqa Mîrze Mehmûd da her tiştî dibêje. Tê dertê, ku ew xortê li wir sekinîye, Mîrze Mehmûd bi xwe ye. Keçelok hûr-pizûrê pêz ji ser serê xwe hildide û wêda davêje. Bav û kur wî nas dikin. Bav kurê xwe hemêz dike û dibêje:

-Ez gerekê herdu kurên xwe yên mezin ji mal derxim.

Mîrze Mehmûd hîvî dike wê yekê neke, rast e, wana xirabîya xwe kirîye, lê ew naxweze wek wan bike.

-Bavo, wana xirabî kirîye, ez naxwezim bikim, ewê jî bimirin, ez jî, lê bira millet hal û hewalê min û bira nizanibe.

Padîşah Mîrze Mehmûd û Gulperîyê radimûse. Herdu bira ji şerman soromoro dibin û ji mal derdikevin.

Padîşah heft roj, heft şevan dawetê dike, Mîrze Mehmûd û Gulperîyê dizewicîne.

Ewana gihîştine mirazê xwe, hûn jî bigihîjine mirazê xwe³⁶¹.

³⁶¹ Yê gotîye binecîyê gundê Elegezê Kamilê Elo ye, xudanê vê pirtûkê sala 1950î ji zarê wî nivîsiye.

Гулпари

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Было у него три сына. Вокруг огороженного крепостными стенами дворца раскинулся красивый сад с плодовыми деревьями. Каждой осенью, когда созревали плоды и ветки гнулись под их тяжестью, прилетало некое драконоподобное чудовище и поедало весь урожай. Это обстоятельство сильно удручало царя. Однажды он позвал старшего сына и сказал:

- Сынок, в этом году деревья дали хороший урожай. Сходи в сад и проследи, чтобы никто не погубил его.

Старший сын отправился охранять сад. Ночью его одолел сон и он заснул. Утром, проснувшись от глубокого сна, он обнаружил, что плодов на деревьях нет. Он побежал к отцу и рассказал ему о случившемся.

На следующий год царь на охрану сада послал среднего сына, но с ним приключилось то же самое. Прошел и этот год.

На третий год младший сын царя Мирзамахмуд сам пришел к отцу и попросил разрешить ему отправиться на охрану сада.

Взяв меч, лук и стрелы, Мирзамахмуд пришел в сад и устроился под деревом. Под утро его стало клонить ко сну. Чтобы не заснуть он порезал себе палец. Спустя некоторое время Мирзамахмуд увидел как с неба в сад спустилось некое похожее на черную тучу крылатое чудовище. Мирзамахмуд натянул тетиву лука со стрелой и выстрелил ему прямо в лоб. Чудовище рухнуло на землю и застонало. Мирзамахмуд поспешил к отцу сообщить, что он ранил вредителя их царства. Царь приказал сыновьям пойти в сад и добить дракона.

Все трое отправились добывать чудовище, но к своему удивлению его они там не обнаружили. И тут они заметили колодец и предположили, что чудовище спряталось в нем. Старший из братьев сказал:

- Опустите меня в колодец, я найду его там и убью.

Братья с помощью веревки стали медленно опускать его, но вдруг они услышали его крик и быстро вытащили наверх. Оказалось, на полпути им овладел страх. Решили спустить среднего брата, но и он на полпути испугался. Его тоже пришлось вытащить из колодца. В третий раз в колодец стал спускаться Мирзамахмуд. Во время спуска он в руке держал меч. Как выяснилось, на дне колодца воды не было, внизу простиралось некое пространство. Чуть в стороне Мирзамахмуд увидел дверь, ведущую в какую-то комнату. Он тихо вошел и увидел девушку, которая ткала ковер, а рядом с нею на столе стоял поднос с пляшущими на нем золотым петухом и курицей.

Мирзамахмуд почтительно поздоровался с девушкой. Та вежливо ответила на его приветствие.

- Где чудовище? - Спросил Мирзамахмуд.

- Чуть дальше от меня живет моя сестра, она младше меня, сходи к ней, она тебе и подскажет, - ответила девушка.

Мирзамахмуд, недолго думая, отправился к сестре этой девушки, но она тоже в свою очередь ответила ему подобно старшей:

- Чуть подальше от меня живет наша младшая сестра, сходи к ней, она скажет тебе как найти чудовище.

Мирзамахмуд явился к младшей сестре, поздоровался, рассказал ей о своей вражде к чудовищу и спросил, где он скрывается.

- Чудовище ранено и сейчас оно спит в своем логове, - ответила девушка и добавила:

- Убивая его, нанеси ему только один удар, а если нанесешь несколько ударов, то он оживет и сам тебя убьет.

Мирзамахмуд прокрался к логову чудовища, вытащил меч из ножен и воскликнул:

- О, Шамс! О, мой бог! Дай мне силы и помощи!

С этими словами он ударил чудовище мечом и разрубил его пополам.

И тут чудовище взмолилось:

- О, богатырь, не мучай меня, ударь еще раз!

- По нашим обычаям ударить врага можно только один раз, бить дважды -это уже грех, - ответил Мирзамахмуд.

И чудовище погибло. Затем Мирзамахмуд вернулся к девушке и сказал:

- Пойдем со мной, я влюбился в тебя и хочу, чтобы ты стала мне женой. Сестер твоих тоже мы возьмем с собой, они же пусть станут женами для моих братьев.

Девушку звали Гулпари. Она согласилась и вместе с сестрами и Мирзамахмудом они пришли к месту, которое являлось дном колодца. Мирзамахмуд крикнул снизу, чтобы братья сбросили веревку. Сначала они вытащили наверх двух сестер Гулпари. Тем временем какое-то тревожное чувство охватило ее и поэтому она предложила Мирзамахмуду подняться наверх первым, но он отказался. Тогда она сказала:

- Ладно, но я тебе должна кое-что сказать. Слушай меня внимательно. В конюшне дракона-чудовища привязан вороной конь. Когда я выберусь наверх, пойдти на конюшню, выдерни из конского хвоста два волоса и положи в карман. Запомни, где бы ты не находился и в какую бы беду не попал, брось волос конского хвоста в огонь - он придет тебе на выручку. И еще: каждую пятницу к роднику приходят два архара, они не простые - волшебные. Один белый, а другой черный. Они приходят туда пощипать травки и напиться воды из родника. Потом они вступают в схватку друг с другом - разбегаются и стучаются лбами. Во время схватки они от пота начинают менять свой окрас: белый становится черным и наоборот. Чтобы выбраться на белый свет ты должен запрыгнуть на спину белого архара, но если перепутаешь, то черный унесет тебя в подземелье на седьмую ступень темного царства.

Плохие предчувствия Гулпари оправдались. Как только братья Мирзамахмуда подняли ее наверх, она по их лицам поняла, что они задумали недоброе. Братья решили оставить Мирзамахмуда в колодце, не стали ждать пока он окликнет их, забрали девушек и поспешно удалились.

Поняв, что его оставили, Мирзамахмуд вспомнил о наставлениях Гулпари. Он отправился на конюшню дракона, выдернул из конского хвоста два волоса и положил в карман. Затем он увидел, как появились два архара, которые пощипав немного травы и испив воды из родника, вступили в схватку, сцепившись рогами. Время от времени они разбегались и опять сходились, ударяясь лбами. Улучив момент, Мирзамахмуд по ошибке запрыгнул на спину побелевшего от пота черного архара, думая, что скоро тот вынесет его на белый свет, но тот унес его в подземное темное царство.

Оказавшись в подземном царстве, Мирзамахмуд оглянулся по сторонам и пошел куда глаза глядят. Наконец он добрался до какого-то города, где на удивление было светло. Там он постучался в дверь одной старухи и попросился на постой. Старуха приняла его и накормила. Мирзамахмуд поблагодарил старуху за угощение и попросил воды. - Сынок, у нас нет воды, - горестно вздохнула старуха и рассказала, что в их городе всего один источник воды, но с некоторых пор его захватил злой дракон и своим громадным телом перегородил его, требуя от них за глоток воды жертву. Каждую пятницу ему на съедение надо приводить по одной девушке. На этот раз очередь дошла до царской дочери.

В очередную пятницу Мирзамахмуд вместе со старухой отправился к источнику, где собралась толпа, чтобы после жертвоприношения люди могли набрать немного воды. По велению царя к источнику принесли огромный котел с едой для дракона и его дочь, которую привязали к столбу. Дракон в мгновение ока проглотил всю еду и двинулся к столбу, чтобы съесть несчастную царевну. В момент, когда он разинул пасть, Мирзамахмуд набросился на него с мечом и разрубил его на куски. Отвязав царевну от столба, он велел ей идти домой. Царевна опустила руку в лужу с кровью дракона и в знак уважения и благодарности приложила ладонь к спине своего спасителя.

Царь же, сидя на троне во дворце, не знал куда себя деть от горя, но увидев вернувшуюся дочь, возмутился, думая, что дочь сбежала от дракона и тем самым обрекла все население города на смерть от жажды.

- Баво /отец/, дракон убит,- радостно воскликнула царица и бросилась отцу на шею.

Весь город от счастья плакал и ликовал - вода из источника потекла рекой. Чтобы отыскать героя царь приказал всем молодцам собраться у него во дворце. Мирзамахмуд, смешавшись с толпой, отправился во дворец. Царица сразу узнала его, подошла к нему, взяла его за руку и подвела к отцу.

- Ты совершил геройский поступок - спас царицу и жителей всего нашего города, - сказал царь, - я в неоплатном долгу перед тобой и ничего не пожалею для тебя. Скажи, что хочешь, я исполню все твои желания. А если захочешь, я выдам за тебя замуж царицу.

- Великий царь, пусть дочь твоя станет мне сестрой, - с благодарностью ответил Мирзамахмуд и попросил: - У меня к тебе только одна просьба - помоги мне выбраться в светлый мир.

Выслушав просьбу Мирзамахмуда, царь горестно вздохнул.

- В этом я беспомощен, - ответил царь и добавил: - На границе с нашим царством обитает птица Пава, только она в силах тебе помочь. Вот уже в течении семи лет крылатый Змей поедает ее птенцов, и если ты спасешь ее птенцов, она вынесет тебя из подземного царства в твой светлый мир. Она единственная, кто сможет это сделать.

Мирзамахмуд отправился на поиски птицы Павы и ее гнезда. Вдруг он увидел, как к дереву, в кронах которого птицей Павой устроено было гнездо, подлетел крылатый Змей и обвился вокруг ствола, готовясь полакомиться птенцами. Мирзамахмуд ринулся вперед, выхватил меч и убил злодея.

Прилетев, Пава нашла своих детенышей целыми и невредимыми. Она почтительно поздаровалась со спасителем ее птенцов и спросила его, кто он, откуда и куда путь держит.

Мирзамахмуд поведал ей свою историю и обратился к ней с просьбой.

- Я хочу вернуться в светлый мир, поэтому я пришел и спас твоих детенышей. Помоги мне.

Пава задумалась и сказала:

- Ладно, но ты должен принести семь бараньих курдюков и семь бурдюков для воды.

Мирзамахмуд вернулся к царю и сообщил ему об условии Павы. Царь тут же приказал принести все требуемое количество курдюков с бурдюками, которые его слуги вместе с Мирзамахмудом доставили Паве.

Все это Мирзамахмуд взвалил Паве на спину и сам уселся сверху. Пава, оставив птенцам еду на десять дней, взлетела и за семь дней доставила Мирзамахмуда в светлый мир. После этого они попрощались и расстались. Теперь Мирзамахмуду осталось только добраться до своих краев. Уже на землях своей страны на своем пути он встретил одного деревенского пастуха, вежливо поздоровался и вступил с ним в разговор. Во время беседы с пастухом Мирзамахмуд обратился к нему с просьбой поменяться одеждами, что они и сделали. Затем в знак дружбы пастух зарезал барана и они устроили себе пир. После трапезы Мирзамахмуд тщательно промыл в реке бараний желудок и надел себе на голову, превратившись в качалок /лысоголового/. Попрощавшись с пастухом, Мирзамахмуд направился к близлежащей деревне. Там он нанялся к местному ювелиру подмастерьем и стал учиться мастерству ювелирного дела.

Однажды до него дошел слух, что в городе в честь какой-то свадьбы будет устраиваться джрид /джигитовка/. "Качалок" завернул за угол дома ювелира, разжег костёр и бросил в него волосы конского хвоста, которые он по совету Гулпари хранил в кармане. Вдруг перед ним появился обвешанный оружием конь и как вкопанный встал перед ним. Он надел на себя доспехи и поскакал к месту свадьбы, где вместе с другими всадниками вступил в джрид. В джриде он вышел победителем, после чего он отпустил коня, который мгновенно исчез. Сам же вернулся в ювелирную мастерскую.

Однажды Мирзамахмуд, он же "качалок", находясь недалеко от царского дворца, с помощью волос из конского хвоста опять вызвал волшебного коня, чтобы заехать во дворец. Когда он садился в седло, Гулпаридедалека заметила его, и, несмотря на требуху на его голове, узнала его. Она опознала и его волшебного коня. Недолго думая, она побежала к царю и сказала:

- Я хочу, чтобы для меня изготовили золотого петушка с курочкой на подносе, которые бы радовали глаз.

По приказу царя привели ювелира, которому царь приказал: - Ты должен изготовить из золота петушка с курочкой на подносе и чтобы они плясали на нем. Если не сделаешь, я велю отрубить тебе голову.

Царь же мечтал, чтобы Гулпариде вышла замуж за одного из его сыновей.

Несчастный ювелир со слезами на глазах вернулся домой и поведал жене какую задачу перед ним поставил царь. Жена ювелира охватила руками голову и стала причитать. Качалок, видя как они горюют, стал успокаивать их и сказал:

- Не печальтесь, я сам смастерю все это. А ты, учитель, лучше сходи на базар да купи мне полпуда желудей.

Ювелир и его жена крайне удивились, но делать было нечего - он отправился на базар, купил полпуда желудей и принес качалоку. Желуди качалоку не были нужны, просто этим он хотел отвлечь ювелира от плохих мыслей.

Вечером, когда все легли спать, качалок вытащил из кармана конские волосы и потерял их друг о друга. Тут же появился волшебный конь. Качалок попросил его доставить ему золотой поднос с пляшущими на нем петушком и курочкой из золота. Конь быстро исчез и так же скоро появился с требуемыми изделиями, которые утром следующего дня он вручил ювелиру.

- Сынок, не знаю как и благодарить тебя, - растрогался ювелир, - с этого дня я буду считать тебя своим сыном.

В полдень ювелир отнес все это во дворец и положил перед царем. Царь велел слугам позвать Гулпариде. Увидев все это чудо ювелирного мастерства, она заявила:

- Я выйду замуж только за того, кто изготовил все это! Ювелира подвели к царю, который грозно спросил:

- Скажи мне правду, эти изделия творение твоих рук или кого-то другого?

- Да продлятся дни твои, великий царь, - пролепетал ювелир и добавил: - Все это дело рук качалока.

Царь послал слуг за качалком, который признался царю, что действительно все это изготовил он. Гулпариде, уже зная, что это был Мирзамахмуд, бросилась ему на шею

Царь опешил и с недоумением смотрел на разыгравшуюся сцену. Наконец, придя в себя, он обратился к Гулпариде со словами:

- Гулпариде, что же это такое получается, дочь моя, ты царским сыновьям предпочла этого лысоголового!?

- Позови своих сыновей, - сказала Гулпариде и добавила: - У тебя было три сына, где же младший?

- Моего младшего сына погубило злое чудовище, - с грустью ответил царь.

Здесь Гулпариде не стерпела и поведала царю о предательстве его старшего и среднего сыновей и о судьбе Мирзамахмуда, который после ее слов снял с головы требуху и отбросил в сторону. Напротив царя уже стоял не лысоголовый-качалок а сам Мирзамахмуд. Царь бросился к нему, обнял его и приказал:

- Этих обоих, - показывая на старшего и среднего сыновей, - повелеваю изгнать из дворца!

Но Мирзамахмуд стал умолять отца не делать этого. Он сказал, что братья хоть и предали его и поступили с ним вероломно, но он не хочет отвечать им злом. И добавил:

- Отец, они поступили подло, но я не желаю отвечать им тем же. На свете есть смерть, а мы все смертные, и когда-нибудь все умрем, пусть это останется на совести моих братьев и пусть об этом потом судят люди.

После слов Мирзамахмуда царь обнял его и Гулпари и поцеловал, а братья Мирзамахмуда, покраснев от позора, молча удалились. Свадьба Мираамахмуда и Гулпари продолжалась семь дней и семь ночей.

И познали они любовь и счастье, чего и вам желаем.³⁶²

19. Aşvan

Li bajarekî merivek hebû, aşeke wî hebû, aşvanekî belengaz ber bû û maesê wî aşvanî arê ku bi dîwaran va digirt bû.

Payîzan av diqerimî û aş kar ne dikir. Payîzekê jî aş sekinî, aşvan kilît û mifteyên êş birin dane xwedî.

Rojeke baharê aşvan û jina xwe hişyar bûn û texmîn kirin, ku di nav wan da tişteki sar dilive. Ewana rabûn, çira vexistin û dîtin, ku ew mareke bedew, di rengê sipî da ye û ji tirsan xwe dane alîyekî. Mar çû ber dêrî, li ser poça xwe sekinî û dest pê kir kêlimî (axivî).

-Dayê, bavo, hûn çima ji min direvin, merî jî ji kurê xwe bireve, ne axir ez kurê we me?!

-Tu mar î, lê em merî ne, em çawa dikarin te di nav xwe da xwedî bikin?- aşvan got.

-Bavo, dayê, min daynine orta xwe, eger hûn daneynin, ezê riya we bigirim, we bikujim.

Aşvan û jina wî dîtin ku çare tune, pal dan, mar hildan û kirine orta xwe. Ewana ji tirsan nikaribûn razana, lê deng ne dikirin. Wî awayî ew hînî mar bûn, îdî jê ne ditirsîyan, heta jê hiz dikirin jî. Rojekê mar got:

-Bavo, tu qet nabêjî ez te bizawicînim?

-Lao, tu mar î, zewac çî ji te ra ne

-Tu gerekê keça serekbajêr ji min ra bixwezî,- mar dibêje.

-Lao, em sê mehên payîzê bi arê dora dîwarên êş digre va dijîn, ez aşvanê wî me, ew ku ev behs bibihîze, wê min bikuje.

Mar got:

-Tu diçî, here, xêr ku naçî, ezê te bikujim.

Aşvanê feqîr potê xwe avîte navmîla xwe, çû ber mala xwedî û rûnişt ser Kevirê xazgînîyan. Yek ji xulamên derket, pirsî:

-Aşvan, te îdî tu cî nedît, tu hatî ser Kevirê xazgînîyan rûniştî?

Qîzxwestin edetê dinyayê ye,- aşvan got.

Xulam çû bal axa, gotê, ku aşvan hatîye, li ser Kevirê xazgînîyan rûniştîye, qîza te bona kurê xwe dixweze.

-Here gazîkê bira bê,- axa got.

Aşvan çû bal axa, ber pante da, ji tirsan zimanê wî ketibû hev. Axa got:

-Aşvan, tu qîza min ji kurê xwe ra dixwezî?

-Qîzxwestin edetê dinyayê ye,- aşvan got.

-90 pezên min hene,- axa got,- vê baharê tu gerekê wana li zozanan rind xwedî bikî, payîzê sax û silamet gişkan vegehinî. Ezê ji te 900 berxan bixwezim, eger te vê daxaza min pêk anî, ezê qîza xwe bidim, paşê ezê ji te qelen bixwezim, eger nedî, ezê serê te lêxim (jêkim).

Ewî bi aşvan ra peyman girêda, mohr kir, kire nava qutîyê, 90 pez anî û da aşvan. Xulam pez birin ber derê aşvan û vegehinîyan. Aşvan çû mal, mar gotê:

-Bavo, te çi kir?

-Lao, ne tu bî, ne jî bavê te be, axa tişteki wisa ji min ra gotîye, ku emirê me heta payîzê maye.

³⁶² Со слов жителя с.Алагяз Камле Ало записал автор в 1950г

-Bavo, tu çima hêrsa xwe ser min radikî?

-Lao, axa dixweze ku ez 90 pezên wî xwey kim, payîzê 900 berxan bidimê, şîrê mîyan û rûn û penîrê wan jî bidime wî. Eger nekim, wê serê me gişkan jêke.

-Bavo, tu çima ditirsî, şebeqê rabe, pez bajo çiyayê mezin, ezê dû te bêm.

Aşvan pez da pêşîya xwe, ajot, mar jî dû kêrî diçû. Ewana çûn gihîştine serê çiyê, mar demekê fikirî û got:

-Bavo, tu mezin bûyî, îdî nikarî, vegere mal.

Aşvanê belengaz vegeyîya mal. Mar çend çaran poça xwe li erdê xist, pez berevî ser hev kir, ajot, bire serê çiyê. Pez û mar çûn, bê ser û berate winda bûn.

Aşvan vegeyîya mal, bi fikira ku pez û mar winda bûne, ew û jina xwe dest pê kirin girîyan. Êvara dereng hazir dibûn razên, hew dîtin mar kete hundur.

-Lao, te kerîyê pêz çî kir?

-Bavo, tu ji bo çî dipirsî? Werin min germ bikin, ez dicemidim.

Aşvan û jina wî ketine nava cî, mar çû bal wan. Wana wisa heta payîzê mar xwedî kirin. Payîzê serekê bajêr gazî aşvan kir, bona ew pezên wî bi berxan va lê vegeyîne û ser qelen li hev bikin. Aşvan çû û bi dilekî şikestî vegeyîya mal. Qudûmên çokên wî şikestibûn, ricaf ketibû canê wî. Mar pirsî:

-Bavo, çî qewimîye?

-Lao, axa pezên xwe dixweze, niha ezê pezan ji ku bînim, ewê vê şevê serê me gişkan bide jêkirinê, ew merivekî bêxwedê ye.

-Werin em bikevine nava cî, min heta sibê zû germ bikin, Xwedê rehm e.

Wana mar danî navbera xwe û razan. Berbangê, hela kew neketibû sibê, mar aşvan hişyar kir. Ewana rabûn, kincên xwe li xwe kirin. Aşvan derket, dît ber dêrî 90 pez û 900 berx hene, hasileta şîr jî bêhesab pir e. Aşvan çû ji axa ra got, ku her tişt hazir e. Axa pezên xwe bir.

Mar got:

-Bavo, îdî tu kêmasî tune, rabe here bûka xwe bîne.

Aşvan çû bal axa.

-Ez xulam, ka bûka min bide.

-Ez qurban, ew pez têra herêkirina (dema qîzxwestinê, dibêjin "erê") qîza min nake, were rûnê, emê qelenê qîza xwe bibirin.

Aşvan rûnişt, odeya axa bi merivan va kimkimî bû, hatibûn bizanibin ka axa wê ji bo qîza xwe çiqasî qelen bixweze.

Axa got:

-Qelenê keça min ser deveyên sor in

Barê wan gerekê hemû zêr be

Rêvebirê wan gerekê qûlekî xurt be

Gem û hevsarên wan gerekê reş bin

Barê wan gerekê bi lodan be

Rêvebirê wan yekî porreş be

Gem û hevsarên wan gerekê sipî bin

Rêvebir jî gerekê esmer be.

Eger te anî, bûk ya te ye, eger te neanî, ezê serê te jêkim.

Aşvan bi hêvîbir vegeyîya mal. Mar pirsî:

-Bavo, tu çima wisa mirûzkirî yî, çî li te dest daye?

-Lao, tiştêkî zehmet e, - û gotinên axa hemû jê ra got.

-Bavo, rastî jî tiştêkî zehmet e, lê hûn min germ bikin, ezê çareyekê bikim, Xwedê rehm e.

Sibê şebeqê mar aşvan hişyar kir û gotê:

-Bavo, rabe here derva, binihêre çîka çî heye, çî tune.

Aşvan rabû, kincên xwe li xwe kir, çû derva û dît gelek deve sekinîne, diçêrin. Ew bi lez hate malê, serê wî li rexdêrî ket, kire qîrîn. Mar pirsî, ka çî qewimî.

-Lao, heywanên situxwar hatine, ber derê me sekinîne, ewanayê hemû binecîyên bajêr bixun.

-Qelenê bûka te çiqas e, rabe bibe bide axa, bûka xwe bîne.

Aşvan bi jîrî bi ser xwe da hat, çimkî axa çi ku xwestibû, hazir bû. Ew rabû, kete pêşîya deveyan û ajote ber derê axa. Bang li axa kir, bona qelenê qîzê bidê. Axa bi merivên xwe va derket. Aşvan got:

-Min qelenê keça te tam anîye, hazirîya xwe ya dawetê bibîne, emê dawetê bikin.

-Aşvan,- axa got,- ez ji te dixwezim, ku tu xanîyên wisa çêkî, ku ji malên min baştir bin. Di orta malên min û mala te da gerekê bax û gulistan bin û gerekê serê daran bigihîjine hev. Di baxçe da gerekê hewzeke ji mermer hebe, ji şêmîka mala te heta şêmîka mala min gerekê xalîçe bêne raxistinê. Di baxçe da gerekê bilbil bistirên, bona tu sibê bêyî û di nav wî baxçeyî da keça min bibî. Eger te sibê hazir kir, tuyê bêyî keça min bibî, eger te hazir ne kir, ezê serê te û kurê te jêkim.

Aşvan serê xwe kire ber xwe, melûl vegeirîya mal, gotinên axa ji kurê xwe ra got. Mar ji dê û bavê xwe ra got:

-Werin min germ bikin.

Berbangê mar aşvan hişyar kir. Ew rabû, dît ku dor û berên wan hemî guhêriye, mal jî, navmal jî, her tişt. Aşvan û jina wî nizanibûn ji kîjan derî ra derkevin. Derketin, dît ku ber dêrî baxçeyek heye, dengê def û zurneyê tê, fayton ber derî sekinîne, her tişt hazir e bona bûkê siyar bikin. Mar ji diya xwe ra got:

-Tu û bavê min li hespan siyar bin, herin bûkê bînin. Bîne vê odeyê, derî ser da bigire, îdî derheqa me da nefikire, tevî bavê min kêf bikin, bixun û vexun.

Aşvan û jina wî li faytonê siyar bûn û çûne mala axa. Axa ji destê bûka teze girt, ji mal derxist û li faytonê siyar kir. Aşvan bi def û zurnê bûk anî ber ocaxa xwe peya kir, derê odeyê vekir bûk bire hundur û derî ser da dada. Bûk dît, ku ji odeyê marek derket. Ew gelek tirsîya. Hinekî şûnda mar bû xortekî delal û keçikê hemêz kir³⁶³.

Мельник

В одном городе жил-был, ага, который правил городом и владел единственной в округе мельницей. На этой мельнице батрачил один бедняк, работал он мукомолом. За свой труд в качестве платы он получал только мучную пыль от помола зерна, оседавшую на жерновах. Из мучной пыли они с женой пекли лепешки и кое-как перебивались в течении осени и зимы.

Поздней осенью приводящая жернова в движение вода обычно замерзала и мельница останавливалась. В очередной раз, когда вода замерзла, мельник запер дверь на замок и отнес ключи хозяину.

Дело уже близилось к весне, когда однажды мельник с женой ночью проснулись от того, что в их постели между ними шевелилось что-то холодное. Они встали, зажгли светильник и ужаснулись - оказалось в постели между ними шевелилась белая красивая змея. От страха они отскочили в сторону и побледнели. Змея же уползла к двери, встала дыбом на хвост и молвила человеческим голосом:

- Матушка, батюшка, не бойтесь меня, ведь я сын вам, да и негоже убегать от своего дитя.

- Ты же змея, а мы - люди, как мы можем оставить тебя у себя!? - виновато вскрикнул мельник.

- А вы положите меня к себе в постель, да согрейте, я все равно дорогу вам преградил. А если не возьмете к себе - я убью вас.

³⁶³ Ev qise ji devê binecîyê gundê Elegezê Ahmê Çolo hatîye girtin. Xudanê vê berhemê sala 1939an ew nivîsîye

Мельник с женой переглянулись и расстроились, но делать было нечего. Они опять легли в постель и положили змею между собой. Однако от страха они не то, чтобы спать, даже глаз не смогли сомкнуть, только молча покорились судьбе.

Так проходили дни, они даже привыкли к змее и полюбили. Однажды змея обратилась к мельнику со словами:

- Батюшка, тебе пора подумать о моей женитьбе.

- Лао, ты же змея, да и как ты можешь жениться? - застонал мельник.

- Ты пойдешь к хозяину города аге и сосватай его дочь для меня, - сказала змея.

- Лао, я бедняк и батрачу на него. Я работаю у него мельником, живу только за счет мучной пыли, которую он мне дает. Если я посмею сказать ему об этом - он убьет меня, - взмолился мельник.

- Если не пойдешь, тогда тебя убью я, - ответила змея.

Несчастный мельник накинул на плечи ветхое латанное-перелатанное пальто, вышел из дома и с тревогой в душе направился к дому аги. Придя к его дому, он уселся на "Камень сватовства" у ворот. Слуга, заметив сидящего на камне мельника, сердито крикнул:

- Эй мельник, ты другого места себе не нашел как усесться на "Камне сватовства"!?

- Обычай свататься - дело мирское, - кротко ответил мельник. Слуга побежал к аге и сообщил, что у ворот на "Камне сватовства" сидит мельник и заявляет, что пришел сватать его дочь для сына.

- Позови его, - приказал ага. Бедный мельник с дрожью в ногах от волнения явился к аге. От страха у него онемел язык. Ага спросил:

- Говорят, ты хочешь сосватать мою дочь для своего сына?

- Обычай свататься - дело мирское, мой ага, - пролепетал мельник.

- Хорошо. - ухмыльнулся ага и добавил: - Я согласен, но только у меня есть условие. Если выполнишь - отдам дочь, а если нет, то прикажу отрубить тебе голову. У меня девяносто овец, которых ты должен погнать в горы на пастбище и ухаживать за ними. Осенью возвратишь их в целости и сохранности, причем с приплодом в девятьсот голов. И только после этого обговорим о свадьбе и выкупе за невесту.

Ага заключил на бумаге договор с мельником, скрепил печатью и спрятал его в сундуке. Затем слуги пригнали девяносто овец и передали мельнику, который перегнал их к своему дому. Увидев его, змея спросила:

- Баво /батюшка/, ты что-нибудь сделал?

- Лао, лучше бы не родиться мне на свет, ага поставил такое условие, что нам до осени не дожить.

- Не тужи, баво, и не гневайся на меня.

- Как же мне не тужить, лао, если ага требует выполнить невыполнимую задачу. Я должен перегнать его девяносто овец в горы, а осенью вернуть их с приплодом в девятьсот голов. Да в придачу еще надо сдать ему масло и сыр от полученного за все лето молока. В противном случае он обещал отрубить нам головы.

- Не печалься, баво, утро вечера мудренее, - спокойно ответила змея и добавила: - С рассветом погони стадо к Большой горе, а я поползу следом за тобой.

На заре мельник погнал стадо в стороны горы, а змея поползла следом. У подножья горы змея вдруг остановилась, немного призадумалась и сказала:

- Баво, ты стар и слаб, тебе трудно будет идти дальше, возвращайся-ка ты домой.

Мельник не стал возражать, боялся, что змея рассердится и поэтому смиренно повернул обратно.

После ухода мельника змея стала хлестать хвостом о землю, погоняя стадо к вершине горы. На вершине змея и овцы бесследно исчезли.

По возвращении домой мельника стали одолевать мысли, что змея и овцы в горах могут заблудиться и погибнуть. От таких мыслей он еще больше расстроился и заплакал в

ожидании своей трагической участи. Поздно вечером, когда мельник с женой уже собирались спать, вдруг скрипнула дверь и появилась змея.

- Лао, а куда делись овцы аги? - с тревогой в душе спросил мельник.

- Ни о чем не спрашивай и не беспокойся, - ответила змея и попросила: - Лучше возьмите меня к себе в постель и согрейте.

Мельник с женой легли в постель, а вместе с ними под одеяло заползла змея. Так до самой осени они ежедневно грели змею в своей постели. Осенью мельника вызвал ага и напомнил, что срок истек и пора бы вернуть овец с приплодом и договориться о выкупе за его дочь. Домой мельник вернулся хмурый, у него подкашивались ноги. Увидев его в таком состоянии, змея спросила:

- Баво, о чем горюешь?

- Как же мне не горевать, лао, ага требует вернуть овец с приплодом, а где я их возьму? Он безжалостный человек, отрубит нам головы.

- Бог милостив, - сказала змея, - лучше ложитесь и согрейте меня, а утром посмотрим.

- Они положили змею между собой и заснули. Рано утром змея разбудила мельника с женой и велела им выйти во двор. Наспех одевшись, мельник и его жена выбежали во двор и разинули рты - перед домом стояли девяносто овец с приплодом в девятьсот ягнят, да набитые маслом и сыром корзины.

В полдень мельник смело пришел к аге и сообщил, что условие он выполнил и что его слуги могут забрать овец. А когда мельник вернулся домой, змея сказала ему:

- Баво, ты все сделал как надо, но теперь сходи к аге и приведи сюда мою невесту.

Мельник поспешил к аге и обратился к нему со словами:

- Ага, дай бог тебе здоровья, я пришел за своей невесткой.

- Любезный, - начал ага, - овцы и приплод - это только начало для нашего разговора о сватовстве. Теперь садись и поговорим о выкупе за невестку.

Мельник сел в предложенное кресло. В гостиной собралось много людей, и всем было интересно, какой же выкуп ага назначит за свою дочь. Ага погладил усы и заговорил о выкупе нараспев полустихами:

Выкуп за дочь мою - сто красных верблюда,
Запряжены должны быть поводьями крепкими цвета черного,
Нагружены до верху златом и серебром,
Погонщиком должен быть юноша из рабского люда,
Сам белый да с черными кудрями.

Раздосадованный новым требованием аги мельник вернулся домой с печалью в глазах и молчаливый. Змея спросила:

- Баво, чем опечален? Расскажи мне, что случилось.

- Лао, случилось очень плохое, - ответил мельник и рассказал о новом требовании аги.

- Да, ага и впрямь поставил нелегкую задачу. Но бог милостив. Вы лучше согрейте меня и не дайте замерзнуть, а там посмотрим. Рано утром змея разбудила мельника и сказала:

- Баво, выгляни-ка на улицу и погляди, что за шум.

Мельник вышел во двор и увидел важно жующих жвачку верблюдов, которых он видел впервые в жизни. С перепугу он побежал обратно в дом и сильно ударился плечом о косяк двери. От боли у него в глазах потемнело.

- Лао, - испуганно залепетал мельник, - двор наш полон чудовищами с кривыми шеями и горбами на спинах. Эти страшилища съедят всех жителей нашего города.

- Это верблюды - выкуп за дочь аги. Отведи их к аге и приведи свою невестку.

Мельник успокоился, и, расхрабравшись, что требуемый агой выкуп собран, собрался на скорую руку и погнал верблюдов к дому аги.

Как только ага со своей свитой вышел из дома, мельник гордо заявил:

- Ага, я принес выкуп, теперь готовься к свадьбе.

- Не торопись, мельник, - раздраженно ответил ага и выдвинул новое условие. - Я хочу, чтобы ты построил дом лучше моего, чтобы между нашими домами раскинулся цветущий сад с поющими в нем соловьями и бассейном, а дорожка от твоего дома до моего должна быть устлана дорогами коврами. Вот тогда и приходи за невесткой. А если не выполнишь условие, то велю отрубить тебе и сыну головы.

Бедный мельник вернулся домой с опущенной головой и рассказал змее о новой прихоти и коварстве аги. Змея в ответ только сказала: - Бог милостив, согрейте меня в постели.

Рано утром змея разбудила мельника. Вдруг мельник обнаружил, что вокруг все изменилось - и дом, и вся домашняя обстановка. Мельник с женой так удивились и растерялись, что не могли понять через какую дверь надо выйти или войти. Наконец они выбрались во двор и сразу оказались в красивом саду, где стояла запряженная великолепными лошадьми карета, а рядом стояли музыканты и играли на зурне и барабане. Змея обратилась к жене мельника:

- Садись с мужем в карету и отправляйся за невесткой. Когда вернетесь с нею, то заприте ее вот в этой комнате, а сами идите пировать и веселиться.

Мельник с женой сели в карету и поехали к аге, которому уже некуда было деваться. Ага вывел свою дочь из дома, посадил в карету и благословил.

Мельник с женой привели дочь аги к себе домой и заперли ее в указанной змеей комнате. Девушка, увидев змею, ужаснулась и вскрикнула, она чуть было не потеряла сознание, но через некоторое время ее страх прошел, потому что змея на ее глазах превратилась в прекрасного юношу, который ее обнял и нежно поцеловал.³⁶⁴

Пояснительный словарь

Aba	(Аба) - мужской шерстяной кафтан
Abûbat	(Абубат) - молитва, намаз, преклонение
Azraîl	(Азраил) - ангел смерти
Eyd	(Айд) – праздник
Ardaûd	(Ардауд) - святое место в Апаранском районе Армении
Bobolîsk	(Боболиск) - смерч, вихрь, ураган
Baravya	Баравиа - название курдского племени
Bazband	(Базбанд) – браслет
Beq	(Баг) – лягушка
Bareş	(Бараш) - дух ветра
Bavo	(Баво) - обращение к отцу, букв, «отец», «батюшка»
Ber	(Бар) - родственная группа, род
Beranberdan	(Баранбардан) - день, когда к овцам запускают баранов
Bariştî	(Баришти) – примирение
Bêç'er	(Бечар) - беспомощный, безнадежный
Bir	(Быр) – режущий
Bisk	(Быск) - клочок шерсти, локон
Bukur	(Букур) - чистый, непорочный, святой
Blûrvan	(Блурван) - музыкант, играющий на свирели

³⁶⁴ Со слов жителя с.Алагяз Ахме Чоло записал автор в 1939г.

Bêr	(Бар) – море
Boz	(Боз) - серый, беловатый /о масти лошади/
Brûsk	(Бруск) – молния
Ga	(Га) – вол
Gamêşkran	(Гамешкран) - созвездие буйвола
Gavan	(Гаван) - пастух крупного рогатого скота
Geş	(Гяш) - сверкающий, яркий
Gornapşîk	(Горнапшик) - злой дух, разоритель могил
Govend	(Гованд) - круговой танец
Daê	Дае - обращение к матери, букв, «мать», «матушка»
Destebrak	Дастабрак - названный брат, побратим
Dar	Дар – дерево
Camî	Джами - религиозное собрание, религиозный центр, мечеть, храм
Cerd	Джард - шайка разбойников
Cin	Джинн – дух
Cinabirî	Дженабери - обманутый духом человек
Qebîl	Кабил - племенная община
Qalib	Калыб – короб, тело
Qenter	Кантар – караван
Qenj	Кандж - доброта, добро, добрый
Qesr	Каср - мавзолей, палаты, дворец
Qewat	Кават – сила
Qewel	Кавал - езидский священнослужитель
Qewl	Каул - религиозный гимн, молитва езидов
Kas	Кас - кубок, чаша
Keçelok	Качалок - лысоголовый, лысый
Kebîn	Кябин - свадебный обряд, приданое
Koçek	Кочак - прорицатель, сновидец, толкователь снов
Kursî	Курси - плетеный стул
Kulek	Колак - дымоходное отверстие в потолке
Lao	Лао - общее обращение к сыну, дочери, букв. чадо мое, дитя мое
Melekêtaûs	Малакетаус - езидский языческий бог в облике павлина
Malxoê male	Малхое мале - глава семьи, хозяин дома
Mahik	Махык - магические действия, вхождение в транс для общения с духам
Mamareş	Мамараш - дух дождя, повелевает грозой
Mendika	Мандыка - название курдского племени
Meşk	Машк – бурдюк
Maravya	Маравиа - название курдского племени
Mzgan	Мзган - место проживания, родина
Mîr	Мир - эмир, верховный предводитель всех езидов
Milyaket	Милиакат – дух, ангел
Mirî	Мери - умерший, усопший
Misîn	Мсин – кувшин
Mrîd	Мрид – мирянин
Nabîran	Набиран – беременность
Nazil	Назыл - загадочный, таинственный
Naqenj	Накандж - злой, плохой, нехороший
Nan	Нан – хлеб
Nanê mirya	Нане мрйа - поминальное угощение
Newroz	Навроз - курдский новый год
Nahiq	Нахык - обручальный обряд
Nivşî	Нившт - заветное письмо, магическая записка, амулет, талисма

Pîvaz	Пиваз – лук
Pîvazî	Пивази - название курдского племени
Pzمام	Пзмам - соплеменник, единокровник
Pêxember	Пехамбар – пророк
Pîfkirin	Пефкерен - дуть, вдохнуть
Pîlekan	Пилакан – лестница
Reşaşev	Рашешав - I. букв, чернота ночи, 2. Привидение
Rênjber	Ренджбар - батрак, земледелец
Sax	Сах - живой, здоровы
Say	Сау - страх, ужас
Sinî	Сини – поднос
Slamet	СлаMAT - жив-здоров
Sincar	Снджар, местность в Иракском Курдистане, населённая курдами-езидами
Spi	Спи – белый
Sûfre	Суфра – скатерть
Steyrk	Стайрк – звезда
Steyrkzan	Стайрк – звездачёт
Teyr	Тайр – орёл
Tevkol	Тавкол – могильщик
Temirî	Тамири – погасший
Feqîr	Фахир - букв, бедняк
Ferxan	Фархан - добрый дух
Fêlbaz	Фелбаз - хитрый, притворщик
Ferat	Фарат – Евфрат
Xatûn	Хатун - I. знатная дама, 2. женское имя
Xatr	Хатр – честь
Xezal	Хазал - I.Газель, 2.красивая девушка, 3. Женское имя
Xelq	Халк - I. народ, 2. человек из чужого племени, чужой
Xarcigan	Харджиган, подставка для котла в очаге, железная перекладина на тандуре
Xidireylaz	Хыдырайлаз - божество, то же самое что Хыдарнаби
Xêr	Хер - I. Добро, 2. угощение в память об усопшем
Xudê	Ходе – бог
Xulam	Холам - слуга
Xûndayîn	Хундайн - откуп за убийство
Xûşk	Хушк – сестра
Xûşkbratî	Хушкбрати - брат и сестра
Helal	Халал - справедливый, чистый, честный
Hevtnan	Хавтнан - семь хлебов
Hewê	Хаве – Ева
Xeyat	Хейат – 1) брачное таинство, 2) обрезание
Hirç	Хырч - медведь
Horî-pêrî	Хори-пери - гурия, райской красоты, райская дева
Şehîd	Шахид - мученик, принявший мученическую смерть
Şev	Шав – ночь
Şebab	Шебаб – свирель
Şiv	Шыв – прут
Şkevt	Шкавт – пещера
Şvan	Шван – пастух
Şikilçî	Шыкылчи - рисовальщик, художник
Şûr	Шур - меч

Noverok - Оглавление

Çend gotin – Вступительное слово

Rêşgotin - Предисловие

I. Bawermendîyên kurdên êzdî

1. Malûmatîyên dîrokî, êtnografî û folklorî derheqa bawermendîyên êzdîyan da - Исторические, этнографические и фольклорные данные о культах и верованиях курдов-езидов.

2. Ruhperestî - Духопоклонство

3. Hebandina pêşîyan – Культ предково

4. Hebandina ruha – Культ духов

5. Hebandina hêşînayê – Культ растений

6. Hebandina heywanên malê û yên bejî (kûvî, beyanî) - Культы домашних и диких животных

7. Hebandina maran – Культ змей

8. Hebandina teyredeyan (teyr û tûyan) – Культ птиц

9. Bawermendîyên bi teyredeyan va girêdayî - Птицы и суеверия

10. Hebandina êgir – Культ огня

11. Hebandina avê – Культ воды

12. Hebandina çîyan, kevîran û şikeftan - Культ гор, пещер и камней

13. Hebandina royê – Культ Солнца

14. Hebandina hive – Культ Луны

15. Hebandina siteyrkan – Культ звезд

16. Hebandina ewran, birûskê, keskesorê - Культ облаков (туч), грома, молнии, радуги

17. Qurbandayîn - Жертвоприношение

18. Ruhanî, kasta (mala hadîyan) û koçekên êdîyan - Езидское духовенство, касты, прорицатели

19. Xidirnebî an jî Xidî - Хыдырнаби или Хыдырайлаз

II Nimûneyên folklor a kurdî - Образцы курдского фольклора

1. Abram - Абрам

2. Nadîne - Надине

3. Êzdî - Эзди

4. Mîrze Mehmûd – Мирза Махмуд

5. Silo - Сыло

6. Nîkyat derheqa erş û ezman da – Сказ о Земле и Небе

7. Ziyaret – Святое место

8. Kê dînya xuliqandîye? – Кто создал мир?

9. Simo – Семо

10. Kê bi hêz e? – Кто могущественней?

11. Ehro - Ахро

12. Осаха Şîxadî bi hêz e – Святылище Шехади непобедимо

13. Bedir û Destegul – Бадр и Дастагул

14. Dar - Дерево

15. Şemê û Nemo - Шаме и Намо

16. Bozel - Бозалин

17. Şamil - Шамил

18. Gulperî- Гулпери

19. Aşvan – Мельник

Пояснительный словарь

www.kurdist.ru

http://www.kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=740&Itemid=1